

Андрей Платонов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Материалы к биографии

Москва
ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2000

ББК 83.3

Издание осуществлено
на средства Гранта Президента Российской Федерации
в области литературы и искусства

Ответственный редактор — Н. В. Корниенко
Рецензенты — А. М. Ушаков, Е. А. Яблоков

А. П. Платонов

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ. Материалы к биографии. Публ. М. А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисл. примечания Н. В. Корниенко. М.: «Наследие», 2000.— 424 с.

К 100-летию со дня рождения Андрея Платонова (1899—1951) вниманию читателей предлагается первое наиболее полное издание записных книжек писателя. В книгу вошли и другие уникальные материалы нас А. П. Платонова, большая часть которых ранее также не публиковалась.

На фронтисписе: А. П. Платонов. 1930-е гг. Фото (Отдел рукописных книжных фондов ИМЛИ РАН).

ISBN 5-9208-0002-X

- © М. А. Платонова, публикация всех текстов А.П.Платонова, 2000
- © Н. В. Корниенко, составление, подготовка текста, предисловие, примечания, 2000
- © ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

В веке двадцатом с его бурной, то патетически-восторженной, то кровавой «сменой веж», есть имена, которые восстанавливают и кристаллизуют само тончайшее и нежнейшее по ее древней природе понятие культура. В деле вечного строительства здания русской культуры — ее духовного космоса, самого языка русской литературы как языка мировидения «сокровенного сердца человека» — Андрею Платоновичу Платонову принадлежит одно из первых мест. Открывая его прозу на любой странице, неизбежно попадаешь под магию языка — то ли языка русской «Илиады» или «Одиссеи» XX века, то ли языка русского Леонардо да Винчи, то ли какого-то древнего духовного видения или забытого, а потому и несуществующего (для нас) предания и вешания, которыми были пронизаны идеальные и тревожные сны русской словесности — с древних времен. Атомный разряд платоновской прозы с ее беспредельно точной и напряженной событийностью, выразительной и образной стихией жизни языка русской литературы и на излете уходящего столетия кажется невозможным. Как и его художественная весть о мире — «человек в простоте земного шара» и «немом горе вселенной», «веществе существовании русской и мировой жизни XX века. Поэт, автор двух сохранившихся романов («Чевенгур», «Счастливая Москва»), девяти повестей (среди них «Взведенные практически на все европейские языки такие шедевры как «Словенный человек», «Котлован», «Джан»), сатирических рассказов («Человек», «Усомнившийся Макар»), изумительных новелл о любви («Фро», «Жака Потудань», «Афродита») и детей («Третий сын», «Июльская гроза», «Берова»), автор четырех книг о Великой Отечественной войне, написанных на фронте, и двух книг сказок, драматург, работавший в жанрах лирической комедии («Шарманка») и трагедии («14 Красных Избушек»), киносценарист, знаменитый литературный критик, создавший одну из странных и парадоксальных историй русской, западно-европейской и американской литературы (книга статей «Размышления читателя»), — это только вершины творчества Платонова. И одновременно: Андрей Платонов — рабочий-философ, крупнейший русский мелиоратор-практик со своей выстраданной философией и программой «ремонта земли», инженер-конструктор и изобретатель, философ и культуролог...

Наследие Платонова — художественное, научно-техническое, мелиоративное, философское — очевидно, одно из самых масштабных и уникальных в истории русской литературы советской эпохи. И за каждой из граней наследия — свободный художественный дар и жизнь великого труженика. В советской России Платонов был одним из самых запрещенных писателей (жестокая цензура сопровождала все этапы возвращения писателя к читателю) и одним из самых свободных в литературе. Он работал и жил вне страстей советского литературного процесса, с естественной простотой отвергая литературу и как словесную игру, и как одну из форм современных идеоло-

гий, поверяя советскую литературу — трагедией жизни народа и одиноким голосом забытого человека.

Глобальный и одновременно лирический характер созданной Платоновым поэтики проявился и в постсоветской России, где однозначно отрицательная оценка советского периода русской истории наиболее последовательное сопротивление встретила именно в художественном мире автора «Котлована». Ни десятилетия жестокой правки текстов, ни поток политологических интерпретаций «Котлована», ни настойчивые попытки ввести самые крамольные произведения писателя в поле поисков диссидентского крыла русской литературы XX века не смогли изменить автономный статус Платонова в русской литературе XX века. Горькая и трудная правда, возможно, состоит и в том, что в исследовании проблематики тоталитарного общества Платонов далеко обошел не только своих современников, но и сознание конца века, ибо рассматривал сталинскую мифологию эпохи в контекстах не только политических, а как явление глобального кризиса в русской и европейской культуре нового века. Одинокий Платонов работал с этой темой не как публицист, а как художник, тщательно отслеживая микроскопические уровни мирового сиротства человека в обезбоженном мире, путь человека-сироты к обретению «отца Сталина» и тупик этого пути...

Истолковать подобные Платонову явления оказалось очень трудно. И потому, что эстетика и философия Платонова существуют — на любом материале — по своим законам, в заново творимой системе координат и понятий, где сама новизна являет полет образа над бездной почти небытия, борьбу отрицания и воскрешения традиции большой русской литературы. И потому, что не имеет аналогов в среде советских писателей интерес Платонова к материалу, вечные поездки за ним, те «записки командированного», без которых не понять тончайшие молекулярные процессы народной жизни советского периода, к которым прикован автор «Чевенгура» и «Котлована», «Джан» и «Фро».

Записные книжки писателя — один из помощников на трудном пути познания того нового мира, что создан Платоновым в русской литературе XX века. Они, может быть, частично ответят и на вопрос: откуда и на каких путях рождается классика. А что есть для нас, как искушенных, так и неискушенных читателей, история литературы, как не те пути-дороги, по которым художник из своего времени идет в вечность, а его создания становятся вестниками, которые рассказывают о жизни и прошлом голосом культуры, не давая возможности впасть в грех забвения собственной истории.

* * *

Впервые о записной книжке Платонов обмолвился в 1926 году в статье «Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)»:

«Я сделал так (меня можно сильно поправить). Купил кожаную тетрадь (для долгой носки). Разбил ее на 7 отделов — «сюжетов» с заголовками: 1) Труд, 2) Любовь, 3) Быт, 4) Личности и характеры, 5) Разговор с самим собой, 6) Нечаянные думы и открытия и 7) Особое и остальное. Я дал самые

общие заголовки — только для собственной ориентации. В эту тетрадь я неукоснительно вношу и наклеиваю все меня заинтересовавшее, все, что может послужить полуфабрикатом для литературных работ, как то: вырезки из газет, отдельные фразы оттуда же, вырезки из много- и малочитаемых книг (которыми я особенно интересуюсь: очерки по ирригации Туркестана, колонизация Мурманского края, канатное производство, история Землянского уезда, Воронежской губ. и мн. др.— я покупаю по дешевке этот «отживший» книжный брак), переносу в тетрадь редкие живые диалоги, откуда и какие попало, записываю собственные мысли, темы и очерки,— стараюсь таким ежом кататься в жизни, чтобы к моей выпяченной наблюдательности все прилипало и прикалывалось, а потом я отдираю от себя налипшее — шлак выкидываю, а полуфабрикат — в кожаную тетрадочку.

Тетрадь полнится самым разнообразным и самым живым. Конечно, нужен острый глаз и чуткий вкус, а то насыешь в тетрадь мякину и лебеду вместо засушенного хлеба. Затем я листую вечером тетрадь, останавливаюсь на заинтересовавшей меня записи (иногда совпадающей с редакционно-общественной конъюнктурой; иногда это приходится «в такт» личному сердечно-умственному замыслу), беру ее за центр, за тему и работаю, идя по следующим записям и наклейкам <...>. Получается сочинение, где лично моего (по числу букв) 5—10%, зато все мое душевное желание, зато весь мой «монтаж». <...>

Сознаюсь, я написал таким способом только одно произведение, называется оно «Антисексус», и тетрадь я завел очень недавно¹.

«Фабрика литературы» — платоновская метафора литературного процесса и литературной жизни середины 20-х годов: приехав в 1926 году из Воронежа, он всматривается в бурную московскую литературную жизнь и подвергает пародии все и вся — рапповцев, формалистов, перевальцев, дискуссии о массовом читателе и писателе, сказе и романе, проекты создания новой литературы. В пародийное поле также включаются собственные литературные опыты и маршруты, а также записная книжка. Действительно, рассказ «Антисексус» находится в тетради, но не кожаной, а школьной, ибо Платонов, как мы теперь знаем, в первые московские месяцы 1926 года крайне бедствует в Москве и книги не покупает, а продает. Единственная записная книжка, что он привез из Воронежа, и того лучше — она сшита нитками из бланков накладных редакции Воронежского пролетарского двухнедельника «Сирена». Да и все остальные книжки также внешним изяществом не обладают — это самые дешевые книжки в бумажном или линдериновом переплете, школьные блокноты, записи в которых чаще всего делались карандашом и не за рабочим столом.

В пародийном поле статьи «Фабрика литературы» прозвучат и вполне серьезные и сокровенные идеи Платонова. Прежде всего — о той пропасти между культурой и жизнью, которую с легкостью пытается преодолеть современная литература: «...свежие губы народа редко изрекают междометия или формулируют понятия, а дают явления некоторый конкретно-словес-

¹ Цит. по первой публикации: Октябрь. 1991. № 10. С. 197—199.

ный образ <...> поскольку народ — живой человек». Именно «куски самого живого языка («украденного» в тетрадь)» и должна, по Платонову, сохранить записная книжка, разрушая самим фактом подобной работы над будущим художественным произведением ограниченность и разграниченность двух самых мощных тенденций в русской и европейской культуре XX века — самодовлеющего эстетизма с его установкой на законы литературного языка и самодовлеющей народности, обращенной к «живым языкам» народной культуры (сказкам, говорам, наречиям), в которых однако отсутствует народ как «живой человек».

К авторитету А. П. Чехова апеллировал герой рассказа Платонова «Немые тайны морских глубин» (1923) Индиан Чепцов,веряющий всю современную русскую и зарубежную литературу «похожестью» на Чехова — «единственно умного человека из русских сочинителей»². В «Фабрике литературы» имя Чехова появляется в размышлениях о значении записной книжки для писателя: «Чехов имел приемником жизни записную книжку». Отметим, приемником — не литературы, не литературной жизни, а именно — жизни. Как это ни парадоксально звучит, но имя Чехова практически отсутствует в научных контекстах изучения феномена инженера, производственника и писателя Платонова — при очевидности его родства с Чеховым, отдававшим предпочтение «скромности» и «джентельменски-покойному тону» писателей-врачей и естественников («Скучная история»). Напомним также о чеховской мете в последовательной и по-своему категоричной позиции Платонова в дискуссиях рубежа 20—30-х годов о необходимости советскому писателю иметь вторую профессию. Платоновские ответы на подобные вопросы были не просто парадоксальны, они отрицали саму логику «первой» — писательской и «второй» — временно-производственной работы писателя: «Но быть писателем во время устройства социализма, ощущая социализм лишь профессиональными чувствами, а не вживаясь в него производственно, т<ак> сказ<ать>, опытом рук, <...> быть только писателем в это время есть еще большее противоречие и даже наглость» (статья «Великая Глухая», 1931). На вопросы же чисто чеховые — отношение к литературной работе и литературным дискуссиям Платонов даст столь же чеховские ответы: «В эпоху устройства социализма «чистым» писателем быть нельзя»; «Искусство найдет себе время родиться в свободные выходные часы»; «...литературные дискуссии растрavляют иногда раны иронии» (Ответ на анкету журнала «На литературном посту», 1931 г.)³.

«Чеховская» установка 1926 года создала невообразимо сложную ситуацию с записными книжками Платонова, ставшими своеобразными «приемниками жизни» в творческой мастерской писателя — в книжках практически отсутствует тот материал, что поддается литературоведческому комментарию. Реальный комментарий к книжкам предполагает, что мы пройдем маршрутами Платонова и восстановим его собеседников, чья жизнь, чьи идеи, мысли

² Репейник. 1923. 18 марта, № 6. С. 2.

³ Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. Составл. Н. В. Корниенко и Е. Д. Шубиной. М., 1994. С. 289, 287.

и максимы составили тот материал жизни, который будет прорасти в самых невероятных сюжетах его художественных произведений. Это — изобретатели заводов Московской области и Ленинграда, председатели колхозов, гидротехники, инженеры МТС поволжских областей, зоотехники и ветеринары Ставрополя, инженеры-конструкторы Росметровеса, мелиораторы Туркмении, собеседники в поездах, мужики в деревнях Новгородской области, железнодорожники Карелии, солдаты и офицеры на дорогах Великой Отечественной войны. Эти подлинные собеседники Платонова в записных книжках не безымянны.

В записных книжках практически отсутствуют записи о том, чем живет писательская Москва, то есть тот материал, что проще опознается и комментируется. Таковы, например, записные книжки 1929—1931 годов — одного из самых тяжелых периодов в литературной биографии Платонова: крах последней попытки публикации «Чевенгура», нарастающая по восходящей волна критики автора «Усомнившегося Макара» и «Впрок», публичные «отречения» писателя. Эти события литературной биографии в записных же книжках отсутствуют, зато в них с полнотой явлен иной материал: во-первых, записи поездок Платонова осени 1929 и весны 1930 года по провинции, сначала от Наркомата земледелия, затем — от газеты «Социалистическое земледелие»; во-вторых, первые записи и наброски к очеркам и киносценариям (лишь некоторые из них введены в библиографии писателя); в-третьих, первые записи к повестям «Впрок», «Котлован», «Хлеб и чтение», «Ювенильное море». Одна из книжек 1930 года, сугубо заводская и техническая, заполненная в основном расчетами технологического процесса производства турбин, открывает ленинградскую веху в жизни Платонова. Веху, опять-таки не литературную, а производственную. Не известно, какие пути привели в 1930 году Платонова в Ленинград, книжка открывает очевидный факт, подкрепленный и другими материалами: с января по апрель 1930 года Платонов находился на Ленинградском металлическом заводе им. И. В. Сталина... Производственно-технические расчеты и записи будут использованы в киноочерке «Турбинщики» (текст находится на оборотах одной из машинописей повести «Эфирный тракт») и в киносценарии «Дирижабль» (текст пока не обнаружен). Возможно, именно заводские месяцы жизни стали одним из источников экспозиции повести «Котлован». За этой книжкой — много неизвестных страниц жизни автора «Чевенгура», которые еще предстоит восстановить. Записей, которые можно было бы отнести к литературной жизни Платонова этих лет, в книжках 1930—1931 годов практически нет. Ни слова — о буйствах неистового Леопольда Авербаха, сумевшего трижды издать осенью 1929 года статью «Об общих масштабах и частных Макарах», о поступке А. Фадеева, опубликовавшего хроника «Впрок» и написавшего об ее авторе разгромную статью, о бесчисленных резолюциях РАППа о «ренегатстве» и «мелкобуржуазной стихии» в творчестве пролетарского писателя Платонова, о письмах-отречениях, которые писатель отправил в центральные газеты, а газеты их не опубликовали, о позиции П. Павленко, председательствовавшего на отчетном вечере Платонова в феврале 1932 года... Книжки сохранили лишь телефоны и адреса этих «гениев литературы», как иронично называл Платонов своих удачливых современников. Он им ответит

«Котлованом» и народной трагедией «14 Красных Избушек», жестко противопоставив комедии советских писателей — трагедию умирающего народа. Книжки открывают нам то потаенное, сокровенное содержание жизни писателя, которое не только не вмещается в привычную логику представления литературной биографии Платонова этих лет, но во многом ее, логику, ломают, как бы смещая наш взгляд с внешних контуров литературной жизни писателя в иные сферы содержания его жизни и в иные смыслы.

За всеми произведениями Платонова эпохи «великого перелома» стоят записные книжки, в которых абсолютно нелитературные записи о состоянии земли, ходе коллективизации, состоянии урожая, животноводстве, системе оплаты труда по трудодням перемежаются с собранием «заготовок», планов, замыслов художественных произведений. Это книжки, которые Платонов вел в поездках по России. И как показывает опыт первых комментариев, предпринятый нами в данном издании, за гротескным языком «Котлована» и «Ювенильного моря» стоит хроника реальных событий, глобальных и малоизвестных фактов жизни России...

Иногда записные книжки обретают у Платонова черты самостоятельного литературного жанра с его подвижностью и полной внутренней свободой, который восходит к «Опытам» Монтеня, а в начале века активно разрабатывался в «Мимолетном» и «Опавших листьях» любимого Платоновым В. В. Розанова. Это книжки, записи в которых в основном сделаны за письменным столом, — единственная сохранившаяся воронежская книжка и московские книжки 30-х годов, когда Платонов фактически был заперт в Москве и не имел возможности покинуть «верховный руководящий город» («Впрок»). Книжки оставались для писателя одним из сокровенных его собеседников, страницам которых он доверял так драгоценные для нас размышления об искусстве, современной и мировой истории, собственной писательской судьбе, интеллигенции и революции, блистательные портретные зарисовки, афоризмы, стилевые и мировоззренческие максимы, случаи из жизни, современные анекдоты, стихи, сказки и были, наблюдения на самые высокие и низкие темы. По этим книжкам мы прикасаемся к тому языку разговора с самим собой, который Платонов реализовал и развернул как элитарную и одновременно народную концепцию искусства-жизни в XX веке: как идею литературы нового века («беседовать самому с собой — это искусство», «Чевенгур»), что есть по глубинной функциональной связи с народной, «низовой культурой» — то делание «ненужных вещей», которым заняты все любимые персонажи писателя, та «питьевая кружка с откидным дном» из рассказа «Глиняный дом в уездном саду» (1935), что так возмутила советскую критику 30-х годов. Но как уж всегда бывает, именно эти записи Платонова — «ненужные вещи», что так драгоценны как утешение и радость его героям, открывают подлинный пафос свободы русского слова и правды жизни, лирической и жестокой одновременно. Это сама русская мысль с ее подземными питательными источниками, тупиками мысли и прозрениями, безднами и новыми вершинами жизни духа.

Они очень разнятся — книжки с «материалом жизни» и эти, немногочисленные записные книжки, можно сказать, классические по форме для русской литературы. В их языке можно увидеть ту пропасть между культурой

и жизнью, которую Платонов пытался преодолеть в собственном творчестве, переместив центр литературного языка в новом веке к таким понятиям как провинция, народ, человек-сирота. Именно их судьба диктовала ту неизменную установку, которую Платонов не раз подтверждал в собственном пути: «Окончание не в литературе, а в жизни» («Против халтурных судей. Ответ В. Стрельниковой», 1929), «В народе своя политика, своя поэзия, свое утешение и свое большое горе» (статья «Пушкин и Горький», 1937).

* * *

В предисловии к известной публикации «...Живя главной жизнью», где впервые были упомянуты записные книжки писателя, вдова писателя Мария Александровна Платонова предугадала будущий жанр обнародования этого пласта платоновского наследия — «извлечения из записных книжек»⁴. Они действительно последовали в самых разных подборках⁵. В 1990 году Георгий Елин, готовивший с Марией Александровной записные книжки, выпустил подборку записей книжек отдельным изданием: «Деревянное растение. Из записных книжек». В извлечениях записные книжки входили и в самые разные издания Платонова... В такой подаче записных книжек безусловно присутствовало само наше время, его запросы и возможности.

Остановимся лишь на одном примере. Записные книжки к «Котловану» естественно не печатались в 70-е годы, как и сама повесть. Однако их публикация в 1989—1990 годах была не менее пристрастна, чем редакторская чистка текста повести: из четырех книжек были выбраны лишь записи с однозначно негативной оценкой коллективизации. Материал же этих книжек был разнонаправленным, что практически и продиктовало редакции «Котлована» и текст послесловия к повести, опущенный при ее первой публикации сначала на Западе, а затем и в России. Разнонаправленность эта сложной природы, которую не понять, если из ее состава изъять хозяйственно-производственный опыт Платонова 20-х годов, прежде всего, опыт губернского мелиоратора времени Нэпа. Этот опыт сказался в причинах жесткой оценки Платоновым последствий столыпинской реформы крестьянской жизни начала XX века. Одна из них изложена в середине 20-х годов в набросках к «Очеркам бедной области» и касается вопросов землепользования, «колонизаторского» отношения к земле — именно как на «угрожающие» состоянию почвы Платонов предложил посмотреть на итоги переселенческих программ: «Поселенцы, пришедшие в Черноземную область из районов устойчивого и достаточного и даже избыточного увлажнения, принесли с собой и земледельческую культуру своей родины»⁶. Еще более жестко, в пе-

⁴ «...Живя главной жизнью» (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Волга. 1975. № 9. С. 160.

⁵ Из записных книжек // Кубань. 1972. № 2; «Труд есть совесть»: Из записных книжек 1927—1950 // Лит. Россия. 1982. 1 января, № 1; «Мой новый путь»: Из записных книжек А. Платонова // Там же. 1983. 20 мая. № 21; «О потухшей лампе Ильича. Деревянное растение» // Огонек. 1989. № 33 и др.

риод работы над романом «Чевенгур», он определит социальные последствия столыпинской реформы: «Столыпин дал исход деревенской верхушке на хутора, а остальное крестьянство нашло себе выход в революции» («Че-Че-О», 1928). Обнаруженные лишь в последние годы материалы переписки 1922—1925 годов не писателя, а «губмелиоратора Платонова» с Москвой, Наркоматом земледелия, позволяют понять не по-книжному, почему жизнь и земля станут для писателя важнее литературы, а тем более участия в литературной жизни, а герои будущих его произведений как-то по-особому будут ходить по земле и разговаривать с нею, дотрагиваться до нее, в невыносимых условиях действительности припадая к «теплому раю земли»...

Смерть земли и умирающий человек — об этой реальности Нэпа губмелиоратор Платонов постоянно сообщал в Москву. Вот лишь некоторые картины жизни русской провинции 1925 года — по запискам и сообщениям, отправленным из Воронежской губернии:

«С ухудшением продовольственного положения, настроение масс угнетенное. <...>

Характеристика питания населения <...> суррогатные хлеба употребляются с февраля месяца; в числе суррогатов жмыхи, груши, желуди и мякина...

Население выпекает хлеб из состава — муки 50%, часть мякины и в большинстве случаев толченая березовая кора... К 11 марта в УЗУ зарегистрировано 1500 душ, выбывших в Сибирь и другие места, сдавая свои посевы и урожай почти без всяких средств...»⁷

Литературная Москва в 1925 году живет совсем другими страстями: идет борьба самых больших литературных объединений — РАППа и Перевала за гегемонию в литературе, продолжается полемика лидеров объединений критиков Л. Авербаха и А. Воронского, в ЦК партии отправляются коллективные письма и обращения писателей, обсуждается либеральное постановление партии по вопросам развития литературы «О политике партии в области художественной литературы»... А Платонов шлет в Москву письма об общественно-мелиоративных работах, просит деньги на работы по строительству прудов, колодцев, орошению земли и борьбе с оврагами, докладывает о тяжелых условиях работ по оздоровлению земли:

«С одной стороны, была обстановка недорода, переменная неквалифицированная рабочая сила, недостаток во всем и ряд самых неблагоприятных условий, с другой — неспящий, всегда на подводах, увлеченный единой идеей технический персонал и поднятое им на дыбы в борьбе за жизнь и будущую прочную судьбу передовое крестьянство».

«Борьба за жизнь», «будущая прочная судьба», «формальная логика — это вещь умная, но ум то ее дурак», «диалектика... скорее искусство, потому что обладает живым духом, а не наполнена прахом формул» — это все из доносений, записок, под которыми стоит подпись — «губмелиоратор Плато-

⁶ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 34, лл. 1—2.

⁷ Материалы переписки А. П. Платонова с Наркоматом земледелия впервые опубликованы в кн.: «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 3. М., 1999. С. 476—508.

нов». Это тот неперебиваемый язык, которым совсем скоро заговорит платоновская Россия.

Для Платонова-производственника кризис хлебозаготовительной кампании 1928 года — был следствием и итогом Новой экономической политики, которая привела к очередному социальному расслоению деревни, при этом не решив вопросов землепользования, сохранения и спасения земли от гибели. Земля никогда не была для Платонова лишь экономической категорией. Именно в государственной поддержке коллективных форм хозяйствования на земле виделся Платонову путь «спасения деревни и уничтожение того трагического положения, которое в деревне есть сейчас»: «...в деревне, кроме коллективов, нужны в первую очередь землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство» («Че-Че-О»).

Можно понять, почему в 1930 году, когда литературная общественность живет дискуссиями о творческом методе советской литературы и идет последняя схватка РАППа и Перевала, по записным книжкам Платонова мы ничего не можем узнать о событиях литературной жизни. Он — в поездках по родной ЦЧО и Поволжью, он отслеживает крупные и мельчайшие повороты макроэкономической перестройки деревни, того глобального «деспотизма теории» (выражение Ап. Григорьева) над русской жизнью, которым обернулась государственная политика коллективизации. «Бедняки за колхозы; в колхозе им пашут общие лошади и тракторы, а в кулацкой деревне — кулацкие лошади. В колхозе лошадь для бедняка обходится дешевле» — в записи двумя линейками подчеркнуто «за». Беднота деревни не может приобрести технику, не может обработать землю, а уж тем более заниматься оздоровлением земли — об этом Платонов знал по собственному хозяйственному опыту. Поэтому и в этой записи, как и в других, социальные вопросы обретают статус жизненных и общечеловеческих: «Колхозы — наша одна надежда. Что ж нам делать без них? Опять бедовать, нуждаться, жить безнадежно и видеть сало кулака, питаясь печеной рожью». Не в коллективных формах хозяйствования на земле видел Платонов больные и страшные вопросы коллективизации, а в разрушении уклада жизни русской деревни, ее повседневного обихода и традиционных ценностей крестьянской жизни. Не поэтому ли столь пророчески для конца XX века звучит в «Котловане» угроза активиста, героя и идеолога политики раскулачивания, о грядущем теоретическом эксперименте над народной жизнью: «А знаете ли вы, что такое расколхозивание? Имейте же в виду, что это вам будет не раскулачивание, когда каждый неимуший рад! Я и неимушего расколхозю: бедноты на нас хватит и без вас!»

Симптоматично, что в усеченном виде публиковались и «церковные» записи книжек. Как здесь не вспомнить, что при републикации в 80-е годы крамольной повести «Впрок» из ее текста исчез эпизод о «воинствующем безбожнике» Щекотулове, «активно отрицавшем Бога и небо». Записные книжки точно зафиксировали хронику русской религиозной жизни ноября 1929 — апреля 1930 года: развертывание «предрождественской» всесоюзной кампании по закрытию Церквей, монастырей и снятию колоколов; судебные процессы над священниками и верующими; чистки в рабочей среде, массовые открытия антирелигиозных факультетов и суды над отсталыми рабочи-

ми; культпоходы ОДН по ликвидации политической неграмотности крестьянок, «главного гробовщика коллективизации»; заявление в «Правде» от 19 февраля 1930 года митрополита Сергия об отсутствии притеснений верующих и об «отмене колокольного звона по желанию трудящихся»; весенняя соевая кампании 1930 года, идеологов которой темные крестьяне, не желавшие отказываться от хлеба, прозвали «Зоевыми чертяками»; антирелигиозные карнавалы в апрельскую пасхальную неделю 1930 года⁸. Вне этой хроники вряд ли могут быть прочитаны многие страницы «Котлована». Посмотрим на даты, что проставлены на титульном листе в одной из авторизованных машинописей «Котлована» — «ноябрь 1929 — апрель 1930»⁹ — это даты событий повести, которые были ошибочно приняты за датировку работы над повестью. Как показывает опыт примечаний к книжкам, «Котловану» предшествовали и «Усомнивший Макар», и «Впрок», и «Шарманка». Событиями весны 1930 года открывается «Впрок», «светлым днем» начала осени «бедняцкая хроника» завершается. В работе над последними главами повести Платонов использовал материал собственных очерков и мелиоративно-технических записок 1926—1928 годов, посвященных в основном планам «ремонта земли» и развитию коллективного кооперативного хозяйства в деревне. Настю в «Котловане» опускают в землю ранней холодной весной 1930 года. Настя уходит в смерть так, как уходили из жизни старые чевенгурцы и крестьяне колхоза «имени Генеральной Линии», — «кротко». Обнимая кости матери (целование мошей), Настя от языка новой социальной утопии, языка, которым она овладела с естественной доверчивостью ребенка к словесной игре, возвращается к матери. «Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли», — запишет Платонов в книжке. Смерть девочки с именем, за которым стоит воскрешение (Анастасия — воскресшая), — это остановка действия. Жизнь земли, забытой в грандиозных планах реконструкции деревни, и жизнь девочки, «социалистического элемента» настоящего и будущего, завязаны в вопрос прошлого и будущего России и адресованы автором в послесловии читателю. Воскрешение Насти — это воскрешение земли, куда ее опустили строители общепролетарского дома. Повесть, в которой запечатлелась реальная хроника событий года великого перелома, обнажала вопросы глубинные — о смысле и цене фундаментальных разрушений в русской и мировой истории XX века, о забвении земли — «праха предков, по которому мы ходим».

Статистика, детали быта, записи о счетоводах, наброски к очеркам, сюжеты о работе поволжских МТС — весь этот замес материала в книжках 1930 года, конечно, не предназначался читателю. Но ценность его несомненна как в творческой истории «Котлована», так и в наших попытках реконструировать и понять направления поиска Платонова начала 30-х годов.

Безусловно, что не только политические пристрастия определяли практику выборочной публикации записных книжек, но и реальное состояние

⁸ Подробная хроника событий дается в примечаниях ко 2-ой и 3-ей книжкам.

⁹ РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 71, л. 3.

последних: плохая бумага, скоропись, сокращения, простой карандаш. Слабая документированность всех изданий Платонова 70—90-х годов — отсутствие полной описи семейного архива и единой описи источников наследия писателя, неразработанность целых пластов наследия (киносценарии, драматургии, технические изобретения), популярный характер написанных биографий и крайняя скудость мемуаристики — все это и сегодня не позволяет говорить об академическом издании записных книжек писателя. Более того, публикация книжек сталкивается с серией неразрешенных текстологических проблем наследия писателя. Платонов не готовил записные книжки к публикации. Единственную подборку под заглавием «Из записных книжек» он сделал в 1947 году для «Литературной газеты», снабдив ее достаточно жестким и лаконичным вступлением:

«Блокноты, тетради, записные книжки — это, вероятно, лишь скромное название уже давно существующего, и все еще нового, то есть формально не узаконенного, литературного жанра. Этот жанр существует для небольших произведений, которые всего удобнее и полезнее излагать именно способом «записной книжки».

Если же блокноты и записные книжки являются складочно-заготовительными пунктами литературного сырья, то было бы странно опубликовать что-либо «из записной книжки», потому что питать читателя сырьем нельзя, это есть признак неуважения к читателю и доказательство собственного высокомерия»¹⁰.

Платонов готовил эту публикацию по материалам своих записных книжек 1942—1944 годов, доводя записанные на фронте сюжеты до той формы, когда она становится «литературным жанром» (в посмертных публикациях все печаталось вперемешку с собственно записями из фронтовых книжек и блокнотов писателя). Если внимательно вчитаться в приведенный текст Платонова, то можно сказать, что своей авторской волей он запретил нам печатать записные книжки. «Собственным высокомерием» Платонов не обладал даже в отношении написанных произведений: он уничтожал написанные произведения, создавал самые разные, порой невероятные редакции произведений и безжалостно сокращал блистательные страницы в «Чевенгуре», «Котловане», «Джан»... Как рассказывала Мария Александровна, многие рукописи она доставала из мусорного ведра, куда Платонов не раз отправлял написанные страницы... Она, «вечная Мария» писателя, сохранила и записные книжки, которые самим Платоновым оценивались «заготовительными пунктами литературного сырья». Сегодня мы понимаем, что это сырье — прообразы гениальных созданий. Это — и сырье русской жизни эпохи потрясений, летописцем которой был Платонов. Перед нами хроника и география реальной России и синодик бесчисленных собеседников писателя. Они будут спасены от забвения и обретут язык в художественной вселенной Платонова. Как и в невероятных сюжетах его прозы запечатлеется сама записная книжка с разными, порой прямо противоположными, формулами ее «авторов».

¹⁰ См. с. 279 настоящего издания.

Да, мы нарушаем — в любом случае — авторскую волю Платонова, публикуя записные книжки, и поэтому представление книжек должно прежде всего сохранять ту неизменную иерархию отношений искусства и жизни, на которой столь последовательно настаивал писатель. Наш отказ от представления лишь «извлечений» из книжек хотя бы частично компенсирует нарушение авторской воли.

Платонов не вел дневника. К сожалению, рядом с писателем также никто не вел хронику его жизни и творчества, а воспоминания современников крайне скудные по реальной информации: в них лейтмотивно присутствует одна подлинная информация о поражающей воображение вспоминающих неразговорчивости Платонова. Очевидно, подлинную летопись жизни и творчества писателя мы не сможем восстановить никогда. Записные книжки позволяют описать хотя бы некоторые реалии жизни и творчества Платонова, источники творческой истории «Котлована» и «Джан», контуры художественной мастерской писателя. Именно записные книжки открывают для нас проблему второго (после «Чевенгура»), очевидно, уничтоженного Платоновым романа, позволяют восстановить творческую историю московского романа «Счастливая Москва». По записным книжкам мы хотя бы в каких-то чертах представляем замысел романа «Путешествие из Ленинграда в Москву», над которым Платонов работал с 1937 года... Завершая издание «Указателем имен», в который включены лишь те, что были вписаны А. П. Платоновым в книжки, мы надеемся, что зияющие в нем белые пятна поведут исследователей к восстановлению реального круга и судеб собеседников писателя, к разработке и описанию совершенно новых издательских историй произведений писателя... В будущих «Указателях имен» мы должны подобно герою «Счастливой Москвы», «вспомнить всех умерших» — директора полужской МТС Андрианова, красноармейца Ахьямудинова, инженера Мухина... Без их присутствия — а они были главными героями книжек А. П. Платонова — полное научное описание вписанных на форзацах книжек писательских и издательских телефонов и адресов представляется крайним нарушением авторской воли.

И еще — последнее. Записные книжки Платонова — это своеобразный путеводитель, пусть и с не совсем известными маршрутами, по поиску произведений писателя, указанных в записной книжке, неизвестных не только читателю, но и исследователям Платонова. Мы надеемся, что наше издание не только заполнит некоторые белые пятна в биографии Платонова, но и послужит поиску новых платоновских материалов, открытию целых новых материков жизни и творчества писателя — в архивах газет «Беднота», «Труд», «Радио в деревне», «Социалистическое земледелие», «За индустриализацию», «Сельскохозяйственный рабочий», «Техника», «Гудок», «Социалистическая индустрия», в архивах Колхозцентра, Ленинградского металлического завода, Треста точной индустрии, Росметровеса, Комитета по изобретениям СССР...

Записные книжки

<1-ая книжка, 1921 г.>

«Бог умер, теперь хотим мы,— чтобы жил сверхчеловек».

Ницше¹

Т.е.: Бог приблизься ко мне, стань мною, но самым лучшим, самым высшим мною — сверхмною, сверхчеловеком.

Это просто «реализация Бога», как и все учение о сверхчеловеке.

Эволюция — всмотришь,
не [реакция] велико ли возвращение.

Не значит ли то, что человек не знает правды; что правды нет и быть не может и не нужна она: что стремление к правде великое заблуждение, что жизнь имеет базисом не истину, а свободную игру и радость.

Равномерного движения в природе нет — есть лишь ритмическое, ударное, волнообразное. Маховик машины, регулирующий ход, разбивает редкий и [силам удара] высокий ритм (нарастание и падение ускорения) на очень маленькие и частые удары, почти незаметные, чем и [улучш<ает>] делает возможной работу станков. Это происходит так потому, что движущееся тело окружено другими телами, непричастными его движению, т.е. сопротивлением внешнего мира.

Истина — тайна, всегда тайна. Очевидных истин нет.

Дурак
есть неверно,
глупо.

[Иванъ Вогуль]
Иванъ Вогуль²

Всякому телу соответствует особый, присущий только [этому] ему, электрический потенциал.

[Прово] Электропроводимость есть свойство материи смещать с себя излишек потенциала, сообщенного извне. Это смещение у раз-

личных тел различно; это зависит от молекулярной конструкции тела, т.е. от возможности данного тела превращать в зависимость от своего внутреннего строения сообщаемый <Фраза не завершена.>

Электр<ический> потенциал превращать в другие формы энергии, теплоту и пр.

Значит, электропроводимость есть свойство тела [пере] смещать с себя излишек потенциала [против] против собственного, природного; и это смещение [находит] прямо пропорционально [величине] невозможности тела превращать полученный извне ток в другие формы энергии.

Ток всегда находится на поверхности тел, т.е. на гранях, у выхода через которые тело как <бы> выливает, смещает неприсущий его природе потенциал в пространство. [Поэтому] По этой причине ток всегда гнездится по поверхностям, как можно ближе к «выходу»³.

Взять два тела с как можно различающейся проводимостью, напр., [стекло] и медь и выставить [пару] одно (медную большую пластину) наружу под бродячие токи атмосферы.

Я слишком богат, чтобы считать свои богатства.

В каждом явлении вселенной мы имеем налицо все формы энергии (в сущности, единую), но воспринимаем эти формы соответственно устройству своих органов чувств и поэтому воспринимаем явление то как звук, то как цвет, то как раздражение (ток), цвет и т.п. В сущности, каждое явление представляет собой одновременно все формы энергии (известные нам и неизвестные) и только мы воспринимаем его в пределах своих чувств, в одной или нескольких формах⁴.

Градация форм энергии:

(порядок восприятия их чувствами)

I. Видимость самого фактора ([потенциал] созерцание [фак<тора>] генератора энергии в потенции) — зрение предмета, могущего быть источником энергии.

II. Звук (движение, колебание предмета в среде и раздражение этой среды от трения об [предмет] нее колеблющегося предмета) и [разд<ражение>] реагирующее раздражение органа чувств.

III. Электр<ический> ток ([специфическ<ое>] характерное раздражение тела).

IV. Теплота.

V. Свет и др. неизвестные нам энергии за отсутствием у них воспринимающих органов чувств.

В сущности же энергия проявляется одновременно во всех своих формах. Созерцание же нами ее в одной какой-нибудь форм<е> есть ложь наших чувств.

Свобода живет только там, где человек свободен и перед самим собой, где нет стыда и жалости к самому себе. И потому всякий человек может быть свободным, и никто не может лишить его свободы, если он сам того захочет. Насилие, которое захочет человек применить как будто для удовлетворения собственной свободы, [—] на самом деле уничтожает эту свободу, ибо где сила — там нет свободы, свобода там — где совесть и отсутствие стыда перед собою за дела свои.

((Написать книжку
«Истинная свобода»))

[Мне приснился голос]

На суд Божий явились два человека: один еле живой, умирающий, другой цветущий и радостный.

— Что ты делал? — спросил Бог первого.

— Всю жизнь умирал во имя Твое, — отвечал тот.

— Для чего?

— Чтобы не умереть.

— А ты? — спросил Бог второго.

— Всю жизнь боялся смерти и заботился только о теле своем, [ибо в нем вся жизнь / чтобы не угасла в нем жизнь], источнике жизни.

— Для чего?

— Чтобы не погасла в нем жизнь.

[— Оба]

Тогда сказал Бог обоим:

— Оба вы хотели одного — жизни и ушли от нея, один — в неживой дух, [другой] ибо умертвил тело, другой — в мертвое тело, [ибо] ибо забыл все, кроме тела. И оба вы мертвы. Но вот, если бы вы постигли, что дух и плоть одно, — оба были бы вечно живы и радостны радостью Моей. Не много дорог в мире, а одна, не многие [сразу попадают] идут по ней.

— Что же теперь делать нам? — спросили согрешившие.

[— Воскреснуть]

— Понять себя и [начать] жить сначала⁵.

Закон мировой необходимости — закон мировой свободы.

Вера, Надежда и Святые
Кресты
Молитва
Надежда
Вера, ~~и~~ вера
и пламя
любви и сила
своей она светила над
градом и горами
в пустыне
огня ее болм дучама
и всех пидат
твоя на земле и море
никогда не
откуда
и в

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1921

Я и творец, и сотворенный!

Свобода — вот причина мира (космоса и гражданского состояния).

В сущности нет ни детей, ни взрослых — есть одинаковые люди. Взрослый ни дороже, ни дешевле ребенка.

Дети — все [взрослые] разумные люди. Великая ложь — смотреть на них сверху; они хитроумный удивительный и наблюдательный народ.

Электротехника должна быть самостоятельной огромной наукой, объединяющей всю практику ([эле] собственно электротехнику) и теорию электричества — электрику, электрологию.

И эта наука, хотя и кровное дитя физики, должна отщепиться от своей матери и жить отдельно, совершенствуясь.

Гений: он слабых задушит, сильным даст жизнь.

Знание это золото веры, разменянное на медяки.

Нет такого огня, который бы не погас в океане.

Вѣра, Знаніе и Сомнѣніе

(Сказка)

[Миллионы веков тому назад] Тысячу лет тому назад жила на свете царица Вера, вечная невеста Бога. И пламенем любви и силы своей она светила над людьми и давала им радость в жизни. Искры огня ее были душами [людей и] всех живых тварей на земле и счастье никогда не [опустошалось] уходило со света, никогда во все время, как жила [Ве] Царица Вера — пламенная Невеста Небесного Жениха.

И вот Вера была так богата сама собою, [любовью и силой своею] что никогда не мотала богатства своего. Она отдавала людям любовь и силу свою без счета [и так] и возврата и наконец совсем отдалась миру и перестала жить. Но зато в каждом дыхании жизни светил ея свет и вся земля наполнилась Верою [, из которой выросла] и росла к небу Любовь, как свет из пламени.

[Когда Вера сошла в мир] Но прежде чем сойти в мир, каждой душе Вера дала свет свой и [вся рассыпалась] рассеялась оттого, как Бог рассеивается ночью [в небе / мало / в бесконечности] в звездах небес.

Везде была Вера — и нигде ее не было. Это оттого, что она променяла свой могучий единый Свет на миллионы искр. Искр — душ в мире стало миллион, но это были искры, а не Солнце, как [Вера] тысячи медных копеек хоть и стоят золота, но не золото.

Вера раньше знала только одна про самое себя, теперь ее узнало все живое, ибо она разменялась ради этого Знания из-за любви своей, у великого хитреца менялы — Сомнения.

Сомнение променял все золото Веры на медяки и пустил их в оборот по миру.

[Так] Исчезла со Света [золото] Вера, ибо Она разменяла у [Менялы] Сомнения свое золото уверенности и надежды на медяки Знания, а золото оставила у менялы Сомнения.

А.К.⁶

Караси и язи
Поплелися по грязи —
Потихоньку, потихоньку
И почти что не спеша.

Об интеллекте

I) Возможно ли, и есть ли в науке теории или гипотезы [или <нрзб.> о господстве] о применимости дарвинизма [и в] к прогрессу физиологических процессов в организме животных, особенно человека.

II) Объясните и опишите мне в коротких словах [спинной и го<ловной>] спинной и головной мозг (функции их), особенно место их соединения под затылком [и подробно]. Совершенно подробно — ту часть мозга, где спинной мозг переходит в головной, особенность этого переход<а/ного> мозга сравнительно с головным и спинным и т.д.⁷

Электричество — там, где есть два вида материи с разной химической структурой — между ними пробегает ток, как стремление смешаться, уравняться в третьем общем виде.

Искусство заключается в том, чтобы посредством наипростейшего выразить наисложнейшее. Оно — высшая форма экономии.

<Записи с обратной стороны книжки>

Люби и верь — и будешь счастлив.

10 апреля

[Маша, Маша,
Мамушка мамаша,
Ты иди обедать,
А то стынет каша.]

Маша, Маша,
Масляная каша,
А Андрей-сельдерей
Жиденок воробей.⁸

[Тихое сердечко
Лежало на печке.]⁹

[Сердца пути не разгаданы,
Человек человеку далек.]

<2-ая книжка, 1929-1930 гг.>¹

20 000 га — болот
13 000 га — план
из него сделано —²

Стоим<ость> работ —

Поймы р<ек> Оскола, Валуга, Уразво, Потудани, Девицы —
т<ак> с<казать> — заболоченные страны.

Овраги сильные

Вода глубока
(грунтовая)
50—90 м

На осушке
сред<него> нас<еления> —
52%.

Взрывн<ой> способ очистки русла.

Были роскошные луга. Была здоровая река. Проклад<ывается>
ж.д. Строится полотно-плотина. Река меняет русло, заболачивается.
Капитализм, внеплановое, хищническое хозяйство. Крестьянство
нищает без травы. Санит<арные> усл<овия> болезни. Река умерла.³

Ручная работа. Она невозможна. Испробована и прекращена.

Вредительство на верфи. Местн<ые> рабочие исправ<ляют> ма-
шину.

38 осушительных тов<арищест>в.

— Ты же не знаешь слова шантаж,—
как же я тебя могу шантажировать?⁴

[Раскулачили за то, что проживает дево^й.]⁵

[Попробуй (идти в колхоз), а я подожду]
— А когда ты женился, кто пробовал первый?
Все вошли в колхоз.⁶

Орг<анизация> колхоза прямо с обсужд<ения> производст<венного> плана.

Некогда поп гулял с девушкой. Теперь дочь той девушки — поповна, и ее раскулачили.

Как же толстый арбуз может расти на тонкой жилке?⁷

Мы без церкви стали, как чертюки, дайти нам церковь и покой
(беднячка)?⁸

Одна вдовуха.

Колхозниц травят единоличницы.

Лежат все вниз лицом по суткам.⁹

[Колхоз Доброе Начало.]¹⁰

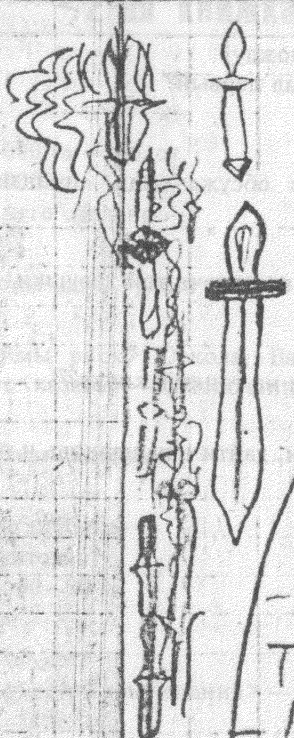
В церковь входят,
снимают шапки,
но ругаются матом,
перекрестившись и вздохнув.

Один <одним — ?> из основн<ых> н<аших> недост<атков> являются женщины.¹¹

[Призыв<ал> женщ<ин> забросить бога
и броситься в сов<етское> строит<ельст>во.]¹²

Кулак. Что же нам в колодезь прыгать? — (когда их не при-
ним<али> в колхоз).

Бедн<як>. [Прыгай!] Колодезь портить нельзя! Я тебя всухую кончу.

~~— Гр/ж
ваши) крестом?
— грам. дят.
рад. ч. сек.
рад.
Роснинам,
примам.
— Ну выходи я
Тогда дит) привацаю,
1 же (убью) правдо!
Я чую, Я дуу
тебе (ужасно) в ротик Кисет.~~

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1929—1930

Ударил. Не убил. Силы нет. Дай хлеба. Кулак дает. Бедняк берет силу и убивает кулака.¹³

Без компартии нам невозможно жить: мы бы давно погибли от кулака.

Наши дети жили и живут без ласки, без надзора,— чего хранить старое?

Не могу получить,
ни тинь-ти-лю-лю!
Тинь-ти-лю-лю!¹⁴

В колхозе все считается — и ложки не найдешь.

[Конфликт сплот<ил> колл<ектив>.]¹⁵

После общ<ественной> стол<овой> дрались дома холодн<ыми> примусами.¹⁶

Революция — пускай идет, пока не споткнется. А споткнется, мы ее подыдем и опять она пойдет.

Девчонка носит 14 №-р калош. 9 пуд<ов> вес<а> (1¹/₂ центн<ера>).¹⁷

[Смиренность —
Чиклин —
абс<олютное> недоверие к старому и наст<оящему> миру; пуля ехидны, разоблачающей капитал, мелкобурж<уазный> мир деревни.]¹⁸

[— Где ж ваши колокола? — спрашивает еврей-раб<очий> у русского раб<очего>.

— Поснимали, праличи.

— Ну приходи, я тебя буду причащать.

— Эк! Убью, пралич!

— Я умею. Я буду тебе ложечкой в ротик класть.]¹⁹

<На левых полях листа рисунки кинжалов>

И сего транскрипция
по маши
Из по звукам
домашней во
время работы,
у всех знакомых
каждому из нас;
не одной!
подойдет вестям
привести транскрипцию,
и сего с Б.М.

Острогож<ский> округ — опыт<ный> пока в дорожн<ом> отно-
ш<ении>; будет много машин.²⁰

В Копанище заканчив<ают> мелоплавильн<ый> завод.

Рыбенское —
колхоз.

Эл<ектрические> станции на р<еках> Потудани и на Стар<ом>
Осколе (Гигант, Репьевский район).

[Евдаково —
маргариновый завод.]²¹

[Ты, лошадка, иди в колхоз, будь членом, а я подожду.]²²

[Бедняки за колхозы; в колхозе им пашут общие лошади и трак-
торы, а в кулацкой деревне — кулацкие лошади. В колхозе лошадь
д<ля> бедняка обходится дешевле.]²³

Рабочий так долго рассказывал о способе повреждения, что его
самого заподозрили во вредительстве.

[радиотрансляция

<изображение радиоволн>

<изображение конских дуг>

л о ш а д и

по дугам лошадей во время пахоты;

у колхозников наушники;

на одной подводе везут приемн<ое> трансляц<ионное>

устройство БЧН.]²⁴

Борьба с перегибами бывает иногда тоже перегибом. 20-ти лет-
него рабочего арестовали за то, что он слушал пред<седателя> ком-
муны, котор<ый> оказался кулаком. Но рабочий ведь не мог ори-
ентироваться, и арест его, вместо просветит<ельской> помощи,—
перегиб.

Не говори ты им про женщин, ведь слюни текут у них.

[Мужика звали Пупсом.]²⁵

Супоев.

— Я видел оседланных собак.

— Я тоже, но я не видел людей, едущих верхом на собаках.²⁶

Колхозы — наша одна надежда. Что ж нам делать без них? Опять бедовать, нуждаться, жить безнадежно и видеть сало кулака, питаясь печеной рожью.

Хоть и не мое и общее, а все же вижу крепость жизни и свою радость прочности.

Весна стучится в ворота нашего района.

[Дело с перегрузкой генераторов.

3 агрегата.

Перенапряжение.

1 агрег<ат> выбывает из строя.

2 получает сверхнагрузку.

Персонал станции:

— М.б., пронесет!?

Стоят. Агр<ега>ты гудят. Жара. Приборы (стрелки) танцуют.

«Пронесит».]²⁷

Во сне:

«Промфинплан! Руков<одящий> промфинплан где?»²⁸

[Оч<ерк>

Борьба с неглавной опасностью (левой).]²⁹

[Д<ля> очерка

Жажда бедняков к будущему: уфиолевое солнце над районом и т.д.]³⁰

[Очерк

Солнце застить,

черное солнце в к<ол>хозе.

Застящее солнце.]

[Оч<ерк>

— Нет ли чего сверх коммун?]

[Очерк

Выпьешь бутылку—другую кваску, и побежишь погулять по леску.]³¹

[Оч<ерк>

Жители, участники империализма.]³²

[Очерк

День кустарника]³³[Догнать, перегнать и не умориться.]³⁴Тема большая. Центр<альный> ревчеловек н<ашего> времени.³⁵ОчеркиИщет должность, где бы не работать головой.

[Очерк

Идеология старой бог<атой> Коммуны — ханжество.]^{35a}

[Очерк

Солнце над колхозом]³⁶[Предисловие: не парой глаз, а глазами коллектива, против превращен<ия> действ<ительности> в одном субъекте.]³⁷

[Оч<ерк>

Социальн<ый> Форд — это колхоз. Потом пойдет в мир изделие. Это автомоб<иль>].³⁸

[Оч<ерк>

О двусмысленностиСолнце к<олхо>за —
не смешно.]³⁹Оч<ерк>С.х. машины должны быть двустороннего использования: с.х. и промышленного, т.е. мочь работать зимой в промышленности.⁴⁰

Курган
Август
Семьдесят
Собор
Курган
Как это
пошлины
Финансы
антикварная
[scribbles]

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1929—1930

Оч<ерк>

Он под одеялом думал с жадностью о кирпичах, о колхозном добре.

Оч<ерк>

При напoмин<ании> о надобности думать, все смеются!⁴¹

Оч<ерк> (Либр<етто>)

2 демоб<илизованных> кр<асноармей>ца продают свои плетни от бедности.⁴²

Оч<ерк>

Машина — счетовод звездовех.]⁴³

Академия это сады, а советская это тайга <союзная — нрзб.>.

Оч<ерк>

В глазах раздвоилось и он взял половину себе.]⁴⁴

*<Записи с обратной стороны книжки>*Котлован

Активист сам нарисовал К.Маркса как его понимал: диктатура антикулачника.

Козлов⁴⁵

70% неграмотн<ых> женщин в колхозах ЦЧО.⁴⁶

[Скот в колхозе от беспризорности сам стал сознательным: пьет воду, таскает корм, [и т.д.] организуется — и т.д.]⁴⁷

Женщ<ина> на двигателе.

[Кул<ак> женщине:

Куда вы лезете, у нас обувки на 10 лет хватит, а вы куда лезете?]⁴⁸

[Как справимся не знаем, но все берем в свои руки — других рук нет.]⁴⁹

[Наша темная тоска боится света, она жмурится и у нее — идут слезы горя от пришествия радости.]⁵⁰

Сначала был ураган.
(Хаос)

Женщина растет, как всякая полевая культура.

Специализация колхозов — вот генлиния.⁵¹

Кулаки не давали бедноте воды в колодце.⁵²

Мы пришли по свету.⁵³

3 раза ломали мачту радио.⁵⁴

<Рисунки и чертежи мачты радио.>

«Дышала ночь восторг<ом> сладострастья» (о колхозах на вечерах посевкампании).

Все мероприятия надо начинать с женщин.

В колхозах не должны чувствовать главы дворов — мужики, а все 16-ти летние.

Баба — база двора, а мужики — надстройка.

Садовника ученого бьют. За то, что он предлагал сеять помидоры. Садовник запуган и боится всех.

[Попа расстригли и сделали, по его просьбе, под фокстрот.]⁵⁵

[С ликов святых крестьяне пишат на полу мелом.]⁵⁶

Кулак подобен онанисту, он делает все единолично, в свой кулак.

Составлялись сводки, по которым видно, что обобщ<естве>-нию не подлежит только воробей.⁵⁷

[Жмут друг дружку, а деньги в кружку.]⁵⁸

[Медведь — кузнец в колхозе;
молотобоец,
раскулачивает.]⁵⁹

Ураган сорвал собрание; чтобы сохранить население для собрания, таковое было отменено.⁶⁰

Старики сидят и плачут: их все оставили, им скучно.⁶¹

Колхозы живут, возбуждаясь радиомузыкой; сломался громкоговоритель — конец.⁶²

[Рубакин
Богданов]^{62а}

Автомат — счетовод д<ля> колхозов <нрзб.>.⁶³

Он шагает, как в сберкассе.⁶⁴

[Это не животное, а прямо человек.]⁶⁶

$R=K \frac{1}{s}^{67}$ <Формула записана 9 раз.>

Анд<рей> — «полоумный».

Котл<ован >: отняв имущество, опустошили душу.⁶⁸

Чиклин — примитив<ный> свеж<ий> чел<овек>.

[Солитер разводят нарочно: для регуляции полноты.]⁶⁹

Вощев

V) Жизнь сквозь город.

V) [Любовь Вощева во время социального строительства новой жизни.]

V) Город работает сильно, но беден.

V) [Буржуазность]

[Буржуазность]

V) В городе не было любви — все уставали.

V) Все устраивается

V) или устроено,

V) а человек —

нет.⁷⁰

[Нельзя

одному

выдумать

с<мысл> ж<изни>.

Трагед<ийный> факт:

мысль — одиночество.]⁷¹

Интернационал велик — жители найдутся.

[Строя дома, че<лове>к расстраивает себя,
убывает человек.
С построен<ием> человек разрушен.]⁷²

Больше «внешности».

[Сердечная грусть.]

Сердце работает медленней, чем ум.

Чиклин — магический.

[Разговоры:
Зачем же мне жить на свете. Мне скучно.
Козлов:
фраза:]

[отдых
ночлег
«озеро»
Инженер — родственник, но не родной.]⁷³

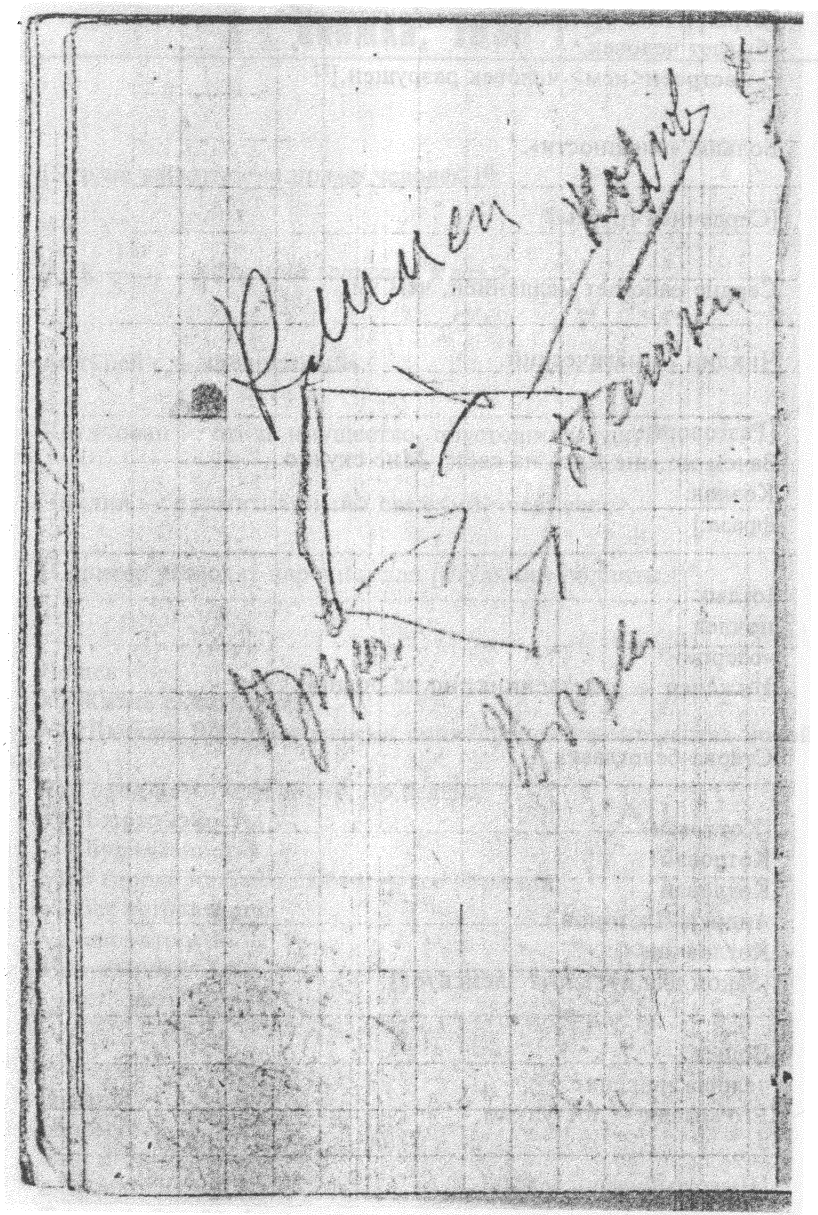
Стерва-белоглазка.

[Котлован
Котлован
Котлован
Андрей Платонов
Котлов<ан>]
[Закон для отсталых элементов]

Вощев —
человек-видение.
Его мысли = поступкам.

[Нучтотыбудешь делать]

Закон, чтоб беречь отсталые элементы.
(42 стр.)
Котлован⁷⁴

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1930

[Козлов: а любит меня хоть один чел<ове>к.]

Козлов — любитель конфликта

— болезнь, до смешного предан освобожден<ию>.

Климентов⁷⁵ — простота эксплуатируемая,

всему верил, не болел, не плакал и умер.

Смысл из пустоты.

Вощев-видение

гибнет от <нрзб.>

все чуял.

Прушевский — человек — [осени.]

У вас и в солнце классовость есть.

Пашкин — буржуй-функционер.

Сафронов — предст<авитель> всего <прошлого — нрзб.>

Начать будущ<ее> д<ля> своих детей.

Неустающее счастье <нрзб.> тела в уюте теплоты волос чужой женщины.

[Пруш<евский> любит прошедшую 12 лет назад женщину.]

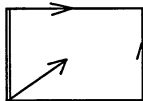
[Кафельно-изразц<овый> завод: человек <нрзб.>]

Птичка одна:

и скучна ?

и жалобно печальна.

Климен<тов>

Козлов

Пашкин

Пруш<евский>

Вощев

Сестра умирает,

Прушев<ский> остается.⁷⁶

[Дети не едят сахара, чтобы создать социализм.]⁷⁷

Ген<еральный>План

Климентов

1) Вош<ев>

Вошев	2) Чикл<ин>
Сафронов	3) Пруш<евский>
Прушевский	4) Настя
Козлов= рабъ + конфликт	5) Жач<ев>
Пашкин	6) Пашк<ин>
Девочка (что лучше, лед<окол> Красин или Кремль) ⁷⁸	7) Акт<ивист>
Урод.	

[Работа:

— Найдем момент чувства ума
(Клим<енто>в)
выдавливанье тела.]

[Красные губы жрущие мясо.]

[Приорганизовался]⁷⁹

[Пашк<ин> — дело.
Овраг. [Козлов]
Работа. Существованье себе делают.]

[«Сухарики-чупчики»]⁸⁰

Вошев — наружная душа, даже голос ее ноет вслух (?) наружи.
Вошев за экскаватором.⁸¹

Прушевский все равно не боится смерти и все принимает.

Если сравнить живых с умерш<ими>, то живые говно.

NB Взаимоотнош<ение> людей в доме хорошее, благодаря механике быта,— ссоре негде завестись.

[Нет ч<его>-ниб<удь> лучше,
выше комм<уни>зма мы все можем.]

[Смуглое тепло]

Переугожденцы,
момент забеговщины,

опереженцы,
 парт-пашкин-щина,
 чл<ен> ВСХН,^{81a}
героическая тварь.

[Загородка от буржуев]⁸²

Мертвые остаются в том **вечном возрасте**, в котором они скончались.⁸³

[Деньги за смысл жизни — идут девочке.]

[Социализм пришел серо и скучно
 (коллективизация)
 как Христос.]⁸⁴

<Чертежи деталей, цифры.>

Как выздоровлю, так [напьюсь] выпью.

[Урод
 все
 порочит.]

[Сафронов —
 во все верующий сверх разума и действит<ельности>.]

[Либо нам сиротку взять?
 Либо песни петь?
 Или радио купить?]⁸⁵

[Созн<ательная> женщ<ина> — ваша мать.]

[Чужая вша наружу выползает.]

Либо
 теряй
чувство действительности,
 либо всю действительность.

Лезь женщине в ухо — в душу попадешь!

<Несколько страниц книжки утрачено.>

[Как хороша жизнь, когда счастье недостижимо, и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в Парке культуры и отдыха.]⁸⁶

Ел<исей> ходил походкой по дну мира.

Я думал, что весь мир погибает, [не прав] а это я один.

Снесись с Москвой — м.б., это перегиб!?

[Организ<ационный> двор.]

[Любви хотят люди, не имеющие общественного значения.]

а) Активист

(народн<ые> игры; звездный скок)

в) Чиклин — Елисей.

[80 000 грив и хвостов

за

30 тракторов!]⁸⁷

Типичн<ый> человек н<ашего> времени:

это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое.

Месяц как рыцарь над миром.

Активист гибнет сам.

Чиклин тоже опустошен;

активист тоже:

социализм вышел из них.⁸⁸

[Постороннее пространство.]

[Мухи в снежной буре.
Лошадь.]

Климат — социальная функция.

<Записи с обратной стороны книжки>

[Даешь крапиву!⁸⁹

Другая тема:

двое.

парность:

«браки совершаются на земле».]

[Активист общественных работ по выполн<ению> госуд<арст-
венных> постановл<ений> и любых кампаний, проводимых на
селе.]

Отмен<ено> слово «мама».

Вощев: я потерял высоту жизни.

Вощев не заметил, как прожил без смысла жизни.

[Козл<ов>

Чтоб больше пользы приносить: на лекцию и ходить по уч-
режд<ению> сплетничать.]

- 1) Чикл<ин>
- 2) Вощ<ев>
- 3) Пр<ушевский>
- 4) Настя
- 5) Жач<ев>
- 6) Пашк<ин>
- 7) Ел<исей>
- 8) Акт<ивист>

Мертвецы в котловане — это семя будущего в отверстии земли.

Предбанник

[Для Чевенг<ура>

Во время револ<юции> по всей России день и ночь брехали-
лаяли собаки.]⁹⁰

Освобождение животных (праздник), благодаря машинам.

Настя: утильсырье.⁹¹

Семейная
историческая
смена
классов.

(Органическая история)

Деревни — колхозы.
Мастерские — кузни — заводы —
заводы — комбинаты.

[Бросают тенденцию.]

[Чиклин — Клим<ентов>]

[Юлия, угроблю!]

[Все бабы одели штаны под юбки, а раньше носили юбки на
голом месте.]

Воронеж

1) Открывает конфорки.
2) Прочтет фразу и сейчас же ее говорить — для демонстрации
умственности.

3) Она пишет любовью —
Он:

Где раньше стол был яств,
Теперь там гроб стоит.

(Державин)⁹²

4) Церковь полная.

(Мн<ого> свечей и нет молящихся. Мол<я>щиеся зажигают
свечки и сейчас же исчезают, дабы остаться дальше на службе и в
жизни).⁹³

5) Привлек ее к «ответственности».

6) Я же — ничто.]

[Она, как ее мать, первая умела целовать людей.]⁹⁴

[Она стелила постель отцу и матери.]

<Адреса и телефоны>^{94a}

Шор — Брюсовская 2, кор. А, кв. 27
Полянка, д. 50/а, 84 уч<асток>

<4-ая книжка, 1930 г.>

МТС, совхозы, колхозы.

(Ред<акция>, «Соц<алистическое> земледелие»

Москва, Петровка, 15, т. Горин)⁹⁵

Вопр<осы> Выр<овской> МТС.

Получено 2 молот<илки>.

Не получ<ено> 6.

Тракт<ора> 4 обещает <Райколхозсовхоз> в августе.

М<ожно> было бы привести в порядок местн<ые> колхозные молотилки и купить у Райколхозсовхоза, когда они там были.

Автомобиль необходим. Лучше иметь меньше одним трактором, но автомобиль обязателен. Расстояние между крайними тракторн<ыми> отряд<ами> достигает 100 верст. Без автом<обиля> нельзя обслужить тракт<ора> техпомощью, нельзя готовить кадров, и т.д. Рассказывают, что в Самар<ском> окр<уге> был случай, когда трактор «повис на дереве».⁹⁶

Ур<ожай> по МТС (яровые) выше на 25—50%.⁹⁷

Яров<ая> совка 25—30% яровых посевов.

Трактористы без спецовки. Колхозы (беднота) Правления колхозов не в силах оборудовать.

Вспашка под зябь на яровые есть хорош<ий> способ против яровой совки. Примеры: полосы, вспахан<ные> под зябь, заключенные меж неvspахан<ными>, дают 35 пуд<ов>, а неvspахан<ная> зябь меньше 15 пуд<ов>.

В колхозе Ленина — председатель Заварилин середняк-опытник. Ленин<ец> усердный, деловитый <нрзб.>.

Лучшее использование тракторов возможно лишь при автомобиле.

Успех весенней кампании в Вырах благодаря наличию (временному) автомобиля ОКРИКа^{97а}.

Отсутств<ие> автомобиля — обрыв цепи механизир<ованного> производства.

Лошади колхозов, лошади бедноты, т.е. очень истощенные, худые животные. Ст<ало> быть, они срывают тракторн<ые> работы МТС.

МТС без автомобиля — это трактор без руля.

СТАЗра (?)^{97б}

По колхозу «Красн<ый> путилов<ец>» доход на душу колхозника 42 р. <в> год (7.50 в м<еся>ц на семью); у единоличника (благодаря вовсе меньшей посевной площади) 10 р. на семью в м<еся>ц.

Трубч<атый> колодезь близ станции ж.д., которая абсолютно без воды. Часть затрат на такие комплексные, взаимного использования устройства должна пасть и на ж.д. или другие предприятия (совхозы) и т.д. Это уменьшит капиталн<ые> затраты МТС.

В колхозе 25% от населения; к осени предположено 40%.

МТС (новая) строится на земле совхоза. Земля совхоза лежит между МТС и колхозами (8 верст), так что прежде чем доехать до колхозов — нужно 8 верст гнать трактора, равно и руковод<ящий> персонал, вхолостую.

Земл<еме>ры ведут работу без всякого согласов<ания> с МТС.

«Чересполосица» колхозов приводит к недогрузке тракторов.

Усиление темпа коллективизации.

Усиление массовой работы.

Радиус (норма) 15 верст нарушен. Трактора работают дальше.

Шефы должны дать немедленно по автомобилю!

Люди в колхозе, даже при неурожае, стесняются жаловаться.

В колхозе Ленина молотят водяной мельницей (выдумал мельник-колхозник).

Изобилие кормов. Возможно сильное животноводство.

Мальчик-горбун.

Новая жизнь наступила действительно (работа коллектива на сенокосе).

— Дай кусок сахару, а то выйду из колхоза! Я и вошел в колхоз из-за сладкого! Исключительно!!⁹⁸

Сахар, обувь, мануфактура решают теперь дело коллективизации наравне с трактором.

Жеребенок отбился от матери и мечется меж двух пашущих тракторов, подбегая к ним поочередно, привыкнув, что пашет мать.

Ел стерву (падаль).

Мужик-колхозник это не прежний цепкий узким умом идиот, это уже мечтатель и фантазер (машина научила его сверхнадежде).

Идет древний старик и беспрерывно кланяется.

О кулаке

Кулак сейчас скрывается в колхозе, — и выходит из него последним, стравив на выход других.⁹⁹

Блат на тракторы.

Вагончики полевые Киев<ского> пар<овозо>ваг<оно>рем<онтного> завода конструктивно никуда не годны. Все ломаются и их не починишь.

[Не загон кормит, а кулига, т.е. часть (меньшая) площади. Идиотское соображение.]¹⁰⁰

Когда у кого рождаются дети: у вальщиков в сентябре и т.д.¹⁰¹

Мужик делает не потому, что понимает, а потому иногда, что уважает человека, а потом сознается, что я ведь, дескать, не верил вначале.

О распределении урожая.

Колхоз им. Красного путиловца ждет «директив» района.

Гаражи капитальн<ые> не нужны. Тракторы приходят на ст<анцию> д<ля> капитальн<ого> ремонта.

Чердаклы

Д<ля> индивид<уальник>ов отпускаются лобогрейки по 40 к. с *гектара.

% коллективизации ~ 20; есть села с 15%-ной кол<лективи>зацией.

Помощь индивидуальн<ому> сектору (бедноте) оказывается лишь при условии соседства земли. И локальные договора.

Распределение урожая: учет труда ни к черту.¹⁰²

Молотилок (сложных) нет.

С запасными частями положение катастрофическое.

Условия д<ля> работы МТС чрезвычайно трудны: <нрзб.> реакц<ионное> население.

Трактористы, уже опытные, «меняются» на рабочих. Мы вам трактористов, вы нам рабочих. Компенсация.

«Рулевой» — термин неподходящий. Нужно, чтоб рулевой отвечал и за прицепки, а он за ними не смотрит.

Производ<ственные> совещания: закрепить определенные трактора за определ<енными> колхозами.

Колхоз «Путь Ленина» дает ~ 50% товарности, 65 тысяч пуд<ов>,

33% от села = 410 двор<ам>.

Все село сдало 20 тысяч пуд<ов> (в прошл<ом> году).

Земельн<ая> перегруженность всюду.
Работают в Чердаклах даже дети.
Единоличники недогружены.
Село реакционное.
Вопросы распределения дохода неясны.

Чердакл<инский> «Путь Ленина» объявил себя ударным (работа 17 час.), ввиду того что людей не хватает: нужно 800 ч<еловек> имеется ~ 300.

<Стрелкой данная запись соединяется с предыдущей «... работают даже дети».>

- а) Автомат — потравитель (формалином),
- б) счетчик (упрощенный) эффективности трактора (с переднего колеса),
- в) покрытия из прессованной соломы (разборные).

Усов Ник<олай> Алекс<еевич>, Чердакл<инская> МТС,
25-тысячник, Институт приклад<ной> минералогии;
Лаборатория горной механики —
механик.

10 чел<овек> умерло детей.
2 старика 68 лет.

В колхозных парикмахерских висят портреты Ленина, Силыча и др.

Соревнование между Якушкой и Чердаклами.

Прицепные устройства (цепы) Загорского к сеялкам и др. конструкции Загорского никуда не годятся.

Чердаклин<ская> рем<онтная> мастер<ская> на 3 ст<анции>:
Выры, Чердаклы, Мелекесс.

Катастрофа: нет рабсилы. Д<олжно> б<ыть> в течение ближай<шей> недели: 100 ч<еловек>, плотн<иков> и каменщ<иков> достаточно.

Групповой склад Чердакл<инской> МТС не нужен. Направлять матер<иалы> непосредственно на МТС.

Окртрактор выработал специальные выдуман<ные> свои функции и т.д.¹⁰³

Инструктор (технический) Окртрактора никуда не годен (т. Мороз).

Из-за отсутствия добавочн<ого> ремня, из-за тряпок, из-за плохого снабжения [рвется] стоят машины (снабж<енческие> органы и агенты не работают).

Мелекесс

Собакаево (шесть наций дружно работают)

Ендурев — чуваш

русск<ие>

Белов — <25> тысяч<ник>

чувашаи

татары

и еще нации будд<ий>цы

Майна (русские и чувашаи)

через мост не соединены.

Ситников

Лебяжье — 300 с небольшим <дворов>.

% коллективизации 45%.¹⁰⁴

Автобус — через Нов<ые> Майны.

Из нацменов нет ни одного стар<шего> тракториста.

Село Мулловка 3 раза горело.

В Ильин день горело:

контузило 1 человека;

в Лебяжьем — 2 дома,

в Майне 1 <дом> с<горели> от молнии.

Кулак стал религиозником.¹⁰⁵

Исключительно почти новая форма работы. Собеседования. Но иногда прорывается: во время пожара в Лебяжьем зажиточные пытались бросить в огонь предсельсовета.

60 чел<овек>. Льнопрядильн<ая> ткацкая ман<уфакту>ра (шефы над Майной) дают для помощи. Пренагруженность земель.

Более 100 тыс. пудов выбросил ЦРК^{105а} на рынок (???)

? Очереди (попы, кулаки запаслись хлебом).

Вооружили спекулянтов.

Сбита цена была до 3 р. за пуд. После закрытия опять цена поднялась до 9 р.

Автол М никуда не годен.

В Мелекесе мастерская не нужна. Отказываются от Чердаклинской базовой мастерской.

Нельзя ли соответственно уменьшить строит<ельст>во оборуд<ования> Чердаклинской мастерской?

Из-за отсутствия запасных частей скоро трактора начнут останавливаться.

Запасные части должны слаться на МТС без посредничества Окртрактора — эта инстанция вызывает простой тракторов.

Необходимо усиление темпа коллективизации — для создания массивности земель, для повышения рентабельности МТС.

Из-за отсутствия Форда — где машина должна стоять 2 часа, стоит она 2 дня.¹⁰⁶

Механик Мелекесский — самонадеянный и ...

Для экономии горючего нужно снабдить МТС 10—12 <нрзб.>. Неясно.

Нно, царя возила!!

Райорганизации требуют сдачи всех излишков, а МТС за работу пусть берет как хочет, сверх излишков. Тут есть и государственная мудрость.

Бюллетень ТРУ должен быть отпечатан в типографии и разослан во все МТС.

Каверин Дмитрий Иванович — старший бухгалтер МТС — постоянный корреспондент.

Он может организовать и группу корреспондентов из трактористов.

Популяризация самого Трактороцентра среди всех органов власти и общественности.

Поселок Идея.

Женщина-средняк.

Нельзя ли создать Урочное положение для колхозов?

Каждый колхоз сам вырабатывает свои нормы. Это влечет большой труд, ошибки, споры и всякую чепуху.

М.б., уже есть такое Урочное положение?¹⁰⁷

Весенний сев проходил в 100 местах, вот что такое энергоцентр!!

Тракторист Комратов в колхозе Калинина:

— Прежде, чем проводить соцсоревнование, дайте мне все: еду, сапоги, голова болит о голодной семье.

Тракторист Балухин:

— У нас нет агрономов, мы сегодня работаем, а завтра не знаем что делать.

— А масса земельных агрономов (ученых и др.) ничего фактически не делает.

Якушка

(директор Андрианов, бывший слесарь) —

% коллективизации около 25%.

По локальным договорам отдельные трактора забрасывают до 70 верст.

Село Старая Тесовка: для бедноты сеяли, жнем. Бедноте всюду идет помощь, с ней идет плохая разъяснительная работа.

Район преимущественно мордовский и татарский; в меньшей степени — русские и чувашаи.

Татарские колхозы «Батрак» — б<ывшие> наемные батраки, забитые муллами и кулаками, и село Средний Сентемир — колх<оз> «Путь Ленина» — восстания. Классический пример сочетания правого и левого уклонов. Перегибщики обобществляли кур, а муллы говорили, что и жен обобществят. Процесс перегибного обобществления все увеличивался, чем доказывал в глазах даже бедноты «справедливость» мулл. На основе кур муллы подняли массы.

Восстания в 2-х селах. Это дало дрожь по всему району. Было это в марте. Сев. Население против МТС, против колхоза, против сов<етской> власти. Ходят толпами. Все враз вышли из колхоза. Осталась лишь номинальная группа бедняков и комсомольцев. МТС не сдалась: она послала тракторные отряды под охраной в эти бушующие села. В трактористов начали бросать топоры. Одного поранили. Директора избили. Трактора все же вспахали. Настроение изменилось: пахота отличная. Куриный вопрос разрешился машиной. Курица не сумела склевать трактора. МТС не испугалась наступления кулачества и мулл, а мужественно работала.

Ликвидация кулачества началась еще с хлебозаготовок. К этой физической ликвидации кулачества прибавилась и экономическая: эффект работы МТС; вместе с исправлением перегибов. Это дало огромные результаты.

Муллы и уцелевшие кулаки несколько утихли под давлением фактов работы МТС и небольших хотя бы колхозов.

Работа МТС для единоличников: вдвое-втрое пониженный расценки (против кулацкого) за отпуск машин.

Устройство земель бедноты рядом с колхозной — для пахоты; организация ТОЗов¹⁰⁸ из групп бедноты и частью середняков. Эти<м> налаживался легчайший переход (присоединение) к колхозам.

Женщины-нацменки, за исключ<ением> немногих, забиты и темны, не говорят по-русски.

Узкое место, база, на которой сейчас может разыгаться классовая борьба,— суть распределение урожая в колхозах.

Андрианов (директор) провел через райком мобилизацию всех счетоводов местных органов. В результате — в каждом колхозе квалифицированный счетовод. Счетовод, как орудие, новый инструмент на данном этапе в классовой борьбе пролетариата. Счетовод на колхозном урожае, как герой дня.

В нацрайонах (Якушка) надо обязательно комплектовать персонал станции вплоть до директора из нацменов. Русский штат как таковой играет отрицательную национальную роль.¹⁰⁹

Кулак играет на временных затруднениях, ищет их. Где кулак — там наши недостатки, зачастую вызываемые лишь быстрым ростом.

Окр- и Крайтрактор не чувствуются.

Человек-гигант, больной в избушке (у ктр. я молоко пил).

К весне коллективизировать не меньше 50% (предположительно).

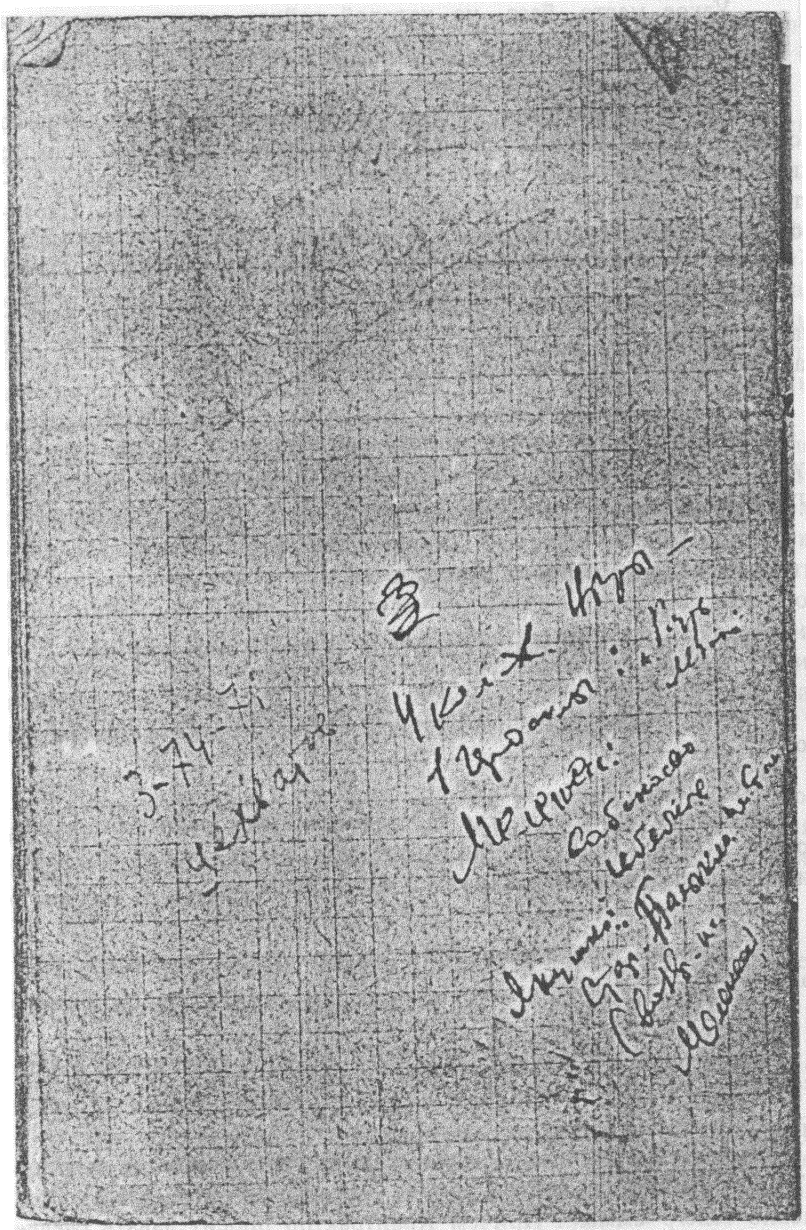
Совместных колхозов, где бы работали несколько национальностей, в МТС нет. Все нации имеют отдельные колхозы. Татарки медленно поднимаются (колхоз «Путь Ленина»).

Район чисто пшеничный. МТС вводит просо, картофель, подсолнух и др.

Им. Сталина (Старые Балыклы) по направлению к Мелекесу.

14 лошадей и 14 человек ежедневно должны мчаться в контору МТС, чтобы дать сведения о уборке, молотье и сдаче, давать ежедневно телеграммы. Причем Крайтрактор просит давать сведения по каждой культуре, а Трактороцентр не подразделялся на культуры.

И эта гонка лошадей и людей во время уборки.

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1930

Татары, мордвины — настолько забиты, настолько сильна еще рабская психология (развитая муллами и кулаками), что, напр., старший тракторист боится, не смеет, не чувствует, что он командир, и его не слушают.

Не пьянствовать, не спать, а высоко нести знамя соцсоревнования.

Молотилок нет.

Земля, поприще почвы —
еще основа народа бедняков.

Красный Партизан.

Искал землю.

Как раз потому, что социализм устраивается зачастую огнем и оружием обеспечивает мир, тишину и будущее.

4 колх<оза>. Выры — 1 Чердаклы: «Путь Ленина».

Мелекесс: Сабакаево / Лебяжье.

Якушка: Стар<ые> Балыклы: им. Сталина (возвр<ащение> на Мелекесс).

<Адреса и телефоны>¹¹⁰

Шехватов — 3-74-71

<5-ая книжка, 1930 г.>¹

Турбина

1) Технологич<еский> процесс

(От и до)

а) сырье, полуфабрикат (связь с кооперир<ованными> заводами)

(Последние ступени производства)

2) Роль парт-проф-кома

Организ<ация> в процессе производства (удар<ничество>, соц<иалистическое> сор<евнование>, <нрзб.> бриг<ады>, новые оригинальные формы соц<иалистического> производства), встречн<ый> промфинплан, перенос внимания на качественные стороны.

Все ударники

1 258 чел<овек>

3) Шефство над совх<озами>, колх<озами> <нрзб.> учреждени-ем <нрзб.>

клубн<ое> стр<оительство>

огороднич<ество>

жил<ищное> строит<ельство>

общ<ественное> питание

4) Подготовка кадров

фаб<ричные> уч<илища> и бриг<ады> уч<еников>

5) Завод — ВТУЗ

6) Нов<ые> формы орган<изации> труда и массов<ой> работы

(Это возникнет в долготе времени постановки картины)²

Особый упор на подготовке кадров: завод делает два предмета: турбины и людей — квалифицированных и классово высокосоциальных.³

[150 учеников]

Острodefицит<ные> станки законтрактованные; <нрзб.>

Вредительство: отсутствие планировки, задержка выпуска больш<их> мощностей; слесаря стояли.⁴

Прогулы делают новые рабочие. Качественный рост людей.

- 1) Турбинное бюро
(проектировка)
раб<очие> чертежи
- 2) Спецификация на материалы в отд<еле> снабж<ения>.
- 3) Дет<альная> опись с чертежами поступ<ает> в произ<водственный> отд<ел>.
- 4) Произв<одственный> отд<ел> распред<еляет> заказы по отд<елам> и сроки.
- 5) Из произв<одственного> отд<ела> — в цех.
- 6) Из пр<оизводственного> отд<ела> — в [план<ово>-распр<еделительный>] технологич<еский> отд<ел> (разбивка на операции и циклы).
- 7) Из техн<ологической> группы — в пл<аново>-распред<елительное> бюро: [разбивает] распред<еление> по планировщикам.
- 8) Планировщики заведуют отдельными деталями.
- 8а) ТНП
- 9) Распределен<ие> после планиров<ки> — по станкам (завед<ование> отдельн<ыми> операци<ями>).
- 10) Мастер — инструктор.
- 11) После изготовления деталей.
- 12) Деталь идет в конт<рольно>-исп<ытательный> отдел — приемщики по станкам — токарн<ые>, фрезерн<ые> и т.д. Проверяется деталь.
- 13) Мелк<ие> детали — в кладовую, крупные — на сборку.
- 14) Сборка: пригонка, разборка и доставка на склад.
- 15) Испытание — Стенд
↓
опять сборка
- 17) После стенда идет в КПО.
- 18) КПО — указ<ывает> дефекты.
- 19) Исправление дефекта.
- 20) Новое испыт<ание>.
- 21) КПО сдает заказчику.

1929—30

200 тыс. кВт

IV квартал

24 тыс. кВт

} 82 тыс. кВт

и более мелкие

50 кВт

1931—[32]

24 тыс.

50 тыс. кВт } 700 тыс. кВт

1932

80 тыс.—

начатые в 1931

[ВТУЗ]^{4а}

Через месяц-два на 3-х сменную работу.

На узких местах в 4 смены в ближайшую смену.

НВ. Эконом<ия> от осуществл<ения> рабоч<их> предложений — 2 млн. руб. за 1930 г.⁵

Мастер Тимофеев изобрел аппарат д<ля> испыт<ания> автоматич<еских> регуляторов, ктр. устан<авливаются> на паров<ую> турб<ину> д<ля> безопас<ости>. Раньше испыт<ывался> регулятор уже на турбине, что стоило 275 р., теперь — регул<ятор> исп<ытывается> отдельно.⁶

50 тыс. кВт — это мощн<ость> в ряду великих мощностей мира.

80 тыс. кВт — уже обгон капитализма.

«Дедушка русского флота»,— это турб<ина> № 1, 1924 г., в 75 л.с.— «фитюлька», бабушка совет<ских> вод<яных> турбин.^{6а}

«Запоротость» — общий термин.

Д<ля> Закавказья в 1928 г. было изготовлено 4 негодн<ые> турбины, вследствие неправильно<го> чтения чертежей модельщика-ми: кадры!!! Они неправильно прочли немецк<ие> чертежи.

Вместо 400 л.с. т<огда> дали 80.

При выявлении ошибки — зав. турб<инным> отд<елом> Андреев (инж<енер>) заявил, что «мы все-все виноваты», т.е., дескать, никто не виноват,— всех не накажете!

Чистый оппортунизм против испр<авления> ошибки.⁷

2 турбины по 80 тыс. л.с. д<ля> Днепра будет строить зав<од> им. Сталина.

80 тыс. кВт

В 29 г. ни одна установка турбины не проходила без неполадок, без дефектов и разл<ичных> неурядиц.

Главэлектро 1 турбину д<ля> Свири сдал [за границу] заводу, а 3 отдал за границу.

ВТУЗ — паротурбинщики,
гидро — и котельщики.

В феврале 1930 г. в турбин<ном> высок<ие> прогулы.

— Какой токарь из девчонки?! —

Пускай ткнут штаны!

Шишку только точить!

Он готовит Нового типа человек.

кадры: Мастер Тимофеев — б<ывший> слесарь
герой? сточный

бригада Хинейко (по сборке моторов)

~ 50 л<ет>

не уходила с работы неск<олько> суток во время изготoвл<ения> первой 22 тыс. турбины.

? Бень, Умников, Шестакович, Калинин ? — инженеры, дежу-
рили в цеху по ночам во время сборки.

Кравченко-инж<енер>⁸

?

Анис (англичанин) —
мастер иностранец.⁹

Из церковн<ых> колоколов делаются части турбин.¹⁰

Первая турбина выпущена в 1927 г., мощность ее 100 кВт.

Родина электростанций.

Завод — школа

а) школа ФЗУ;

б) первая ступень зав<ода> — школы, 1000 ч<еловек>, 2 г<ода> обуч<ения>, производ<ство> квалиф<ицированных> раб<очих>;

в) техникум на тыс<ячу> человек, 2 г<ода> обуч<ения>, готовят техн<иков>-мастеров;

г) ВТУЗ — 500 ч<еловек>, 2 г<ода> 3 м<есяца> обуч<ения> — инженеры.¹¹

Перенесение заграничного опыта, путем командировок за границу своих мастеровых.¹²

[Комсомолец] Старосельцев — бригадир; Корсаков.¹³

Инициатор конкурса между предприятиями на вып<олнение> и перевып<олнение> зад<ания> [3] квартала.

Днепрострою: все 10.

За границу —

«Партработник» 16—17

36 часов безвыходно не выходя из мастерской.

При испытании бывали случаи вредительства: в корпусах гайки, лезвие ножа и пр.

Одновременно с ликв<идацией> прорыва.¹⁴

Комсомольск<ая> бригада перед сдачей турбины 24 тыс. кВт. Обнаружено лезвие конец на стенде. Аварию избегли, благодаря предусмотрительности рабочих стенда.

Бригада Ульянова

Есть подстрекатели и сейчас; хотели «итальянку»; отсталые рабочие из деревень, подкулачники; летуны.

Трагедия производства в условиях — классово враждебного окружения.

Шилин: — рубахи нет! и т.д.

Отсталый крайне.

Цех в работе с вредительством: на ответственных операциях должны работать только коммунисты.

Все коммунисты и комсомольцы должны стать планировщиками, тогда промфинплан будет доведен до станка и не будет простоев.

Бригада контроля и темпов; она занимается и планировочной работой; проверка производства станков и пр.

[Рабочий ответил англичанину Анису:

— Нам ждать некогда: мы — большевики.

Анис сомневался в сроках.]¹⁵

Комсомолец Забалуев работал 72 часа подряд на ногах, бригада Трифонова работала [22] 34 часа подряд.

Слесарь-ударник Маслов, член партии, стаж — 30 лет.

Старые рабочие, вступившие в партию: Тугорев, Ковалев, Лу-хинберг, Сахорусов.¹⁶

Передвижение чернорабочего до инженера —
6 лет.

Встречный промфинплан ВТУЗа.

Турбинщики работали на котловане чугунно-литейного завода, от ктр. зависит подача литья, когда не хватало землекопов.

Цех рационализации вместо БРИЗов.

Узкоколейка в 27 мм вместо 35 мм, за отсутствием рельса.

Ликвидационно-прорывочная артель.

Реконструкция
Пап-машина

в сквере
вокзал<а>
стоит.

Капит<альные> затраты на установку не окупятся. Нет общ<их> капит<альных> затрат.

Хранится <сельская — нрзб.> целлюлоза на дворе безобразно.

Манометр на пап-машине (Помстрой) не у места. Машинист его не видит — было предельное дав<ление>, больше 300, а норм<альный> пред<ел> 200, могло бы разорвать.

При установках новых машин много неполадок — от частой смены главн<ых> механиков технич<еская> дезорганизация производства.

Лаборатория.
Плохо работает.

Проектбюро
Иванов

Штаты безобразно раздуты и раздуваются.

(План<ово>-орг<анизационно>-руковод<ящий> персонал).

У частника было 2 инж<енера> на всей фабрике, а теперь около... 40! Себестоимость сжирается.

Трубопровод,
др. массзаводы.

Представ<итель> Всембумпрома посоветовал деревян<ные> трубы.

Крепк<ую> рабоч<ую> бригаду д<ля> проверки всего дела реконструкции Всембумпрома и т.д.¹⁷

Корректировать план реконструкции рабочими предложениями. Рабочие предложения — в основу плана реконструкции.

Вопрос поставить на широкие ноги.

Как мне охота художественно писать, ясно, чувственно, классово верно!

Вы считаетесь культурной вещью!

Нам нужно не количественное хождение людей, а качественное!

<Записи с обратной стороны книжки>

Кадры:¹⁸

У

Восход солнца (оно бежит, его свет над стеклянной крышей цеха).

У

Общая идея:

пот, ум, машина,— т.е. переход от муск<ульного> напр<яжения>, собственно ударничества, к рационализации-изобретательству и за-крепление его в машинах.

Так из мускулов рождается культура.

Происхождение новой культуры из ударничества.¹⁹

Новая молодежь и старики.

ВТУЗ — завод:

мастера

техники

инженеры

Быстрота рождения турбины из отливки и перерождение черно-рабочего в инженера, в классово сознательного, цивилизованного человека.

Реконстр<у>кция>

- 1) Устр<оить> дробилки для каолина.
- 2) Устр<оить> ящики с каолином по линии <нрзб.> (по линии движения транспорта).
- 3) Кладовая для готовых издел<ий> и зап<асных> материалов.

Раб<очее> изобретательство

Всех предл<ожений> ~ 800 за год.

Самотек — 200.

В мес<яц> потерь — 338 предл<ожений>.

По встреч<ному> промфинплану — 245 (коллект<ивных>).

Паросил

бункер д<ля> подачи угля наверх — запас у топок

2 недели даст экон<омии> 14 тыс. руб.

Технич<еское> оформлен<ие> раб<очих> предлож<ений>.

Отстает организ<ация>. Сквозная технич<еская> бригада из техн<ического> обслужив<ания>; положит<ельность> этого факта чрезвычайна. Группы проектировщиков по отдельн<ым> группам вопросов.

Дре<весный> Московский зав<од> — нет запаса обмоток на электромотор на случай аварии. Рельсы есть 27 мм, нужны 35 мм; можно верхнее полотно перестроить — участить шпалы и костыльное крепление.

[Котов — в сущности идеалист; потом — стервец.]²⁰

20 р.
150 р. } из ВССП

Маше { 20 р. }
 { 11 р. } квартира

Пени { 11 р.
 { 10 р. } папиросы

Лично { 10 р. } Город ²¹

[Череватов несколько раз умирал, но оживал.]²²

<Адреса и телефоны>^{22a}

Петя — 4-22-61, вызвать Котова
Кр<асная> Площ<адь>, д. № 1, кв. 3
др. Личкус — 1-65-45, <Ленинград>, Кирочная, 17, кв. 40
веч<ер>, 5-6 ч., завтра, 22/Х
Д.Хаит — В 3-00-34
8/Х11 — 12 ч. дня
3 Кинофабрика,
68-22
Савостьянов
375 руб.

Зиновьев<ская>
писчебум<ажная> фабрика
Цесарский — 2-17-44
Наши достижения — 3-70-54
Тришин — 62-27
1-я Ситценабивная ф-ка
б. Циндель
Дербеневская наб., 7/9
в 7 1/2 ч.
К тов. Пулькину
Песковскому
24/XI
Тришин — 3-20-05
т. Рябушкин —
бюро турбин,
отд<ел> рацион<ализации>
Кравченко —
нач<альник> <цеха> турбин,
мастер 1 отд.
инж<енер>, чл<ен> парт<кома>
Тимофеев —
изобр<етатель>
тов. Ильин —
изобр<етатель>

<6-ая книжка, 1931 г.>

Череватов.

Люднов.

Тюрьма.

Люднов.²³

Одни и те же рисунки
до утра рисует он.

Кирпичи без следа.

Человек —
сознательник,
все оправдывающий
непременным разумом.

О любви звенит струна
Струна дает <нрзб.>,
а не любовь...

И т.д.

Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм [исходит из] получил в наследство мещанство, сволочь («люди с высшим образованием — счетоводы» и т.д.). Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться в провинции.

Череватов не помнил женщин, но воображал своих детей, и шел по пыли дороги, глядя, как чужие женщины утирают задницы неизвестным детям.

Без родни, без людей время Череватова делалось бесконечным томлением в природе...

Человек в Якушке²⁴ — отрастающие руки, нос, ноги от утом<ления> велич<айшим> подвигом.

Он, человек, впоследствии ослепнет. Ему пришлет письмо давний друг, такой же слепой, ослепший.

Делает все, паровозные колеса и пр., но ничего не имеет, не видит следов жизни ~ переход к обществу, к встрече всюду родных, т.е. сделанных предметов своей рукою.

Один в Якушке, в избушке в степи.

Сознание, оно не предмет искусства; сознательный человек поддается только иронической форме произведения. Похоже на к<онтр>рев<олюционный> лозунг. Да, потому что революция это в главном чувство, организм, элемент, музыка. Сознание, не закрепленное в чувстве, это действительно к<онтр>революция, т.е. непрочное слишком состояние.²⁵

Возвращение в избушку

1. После войны.
2. Сон.
3. Пробуждение от глухой песни в пространствах.
4. Исход.
5. Встреча.
 - Дружба.
 - Сознательные.
 - Столовая.
 - Город.
 - Юность.
 - [Напряжение.]
 - Возбуждение.²⁶

Как же труд?

Доктор: Вы д<олжны> б<ыть> больными!

— Мне хорошо, я расту в теле.

Сквозь череду горя, труда и бедствия — к молодости, к вере и радости.

Будущий действует через весь роман молчаливым, без единой фразы.²⁷

Важно:

определить систему сопротивлений.

Что эти кости делали, когда на них тело было!

Убили нечаянно женщину: чёрт с ней, она же мещанка была!

Несколько раз сходил с ума.

Меня в Парке к<ультуры> и отд<ыха> никуда не тянет — только в 5-ое отд<еление> милиции!

[Ложка за сапогом]²⁸

[Человек
знакомый
с тысячами
лично.]

[Он бросился в республику.]

Жов<ов> — критическое существо, рабочее критическое.

[От нее пахло жизненными отходами.]

[Жизнь похожа на меня!]

От голода сжаты рты, полные слюной.

Череватов есть на свете! Он — всюду, он — масса!

Беспощадная к себе забота.

Я болею за «Россию», я но́чей не сплю,— а ты что? Я с завода не [хожу] выхожу, а ты что?

В Л<енин>граде статуи, палка с ангелами, громадные кирпичи, убранные для ребенка-буржуазии,— все это чушь и не серьезно,— воображать себя серьезным гигантом, одаренным однако радостью к истинно радостному, серьезному и естественному, похожему [на свежее серое небо над головой.]

Христианство, вегетарианство и т.д. в детстве, в юношестве подготавливают стервцов в мужестве <Кузява — нрзб.>.

Страна темна, а человек в ней светится.

Чувствуется земной шар в Л<енин>граде.

Напряжение нежности.

Человек, гибнущий от скандала, затеянного им по поводу сдачи у газетчика; человек, одержимый энергией скандалов, спорщик, крайне впечатлительный, активный на любой непорядок, дерзкий, вызывающий на бой всю прорву мира и т.д. Великий новый тип! «Буржуй в социализме».

И новые силы, новые кадры могут погибнуть, не дождавшись еще, не построив социализма, но их «кусочки», их горе, их поток чувства войдут в мир будущего. Прелестные молодые лица большевиков,— вы еще не победите; победят ваши младенцы. Революция раскатится далее вас! Привет верующим и умирающим в перенапряжении.²⁹ <Запись сделана чернилами.>

Революция, как ветер, твердый, всемирный, сильный, как неживой, нечеловечный (берег Балтийского моря в октябре).

Работница фабрики Зиновьева, преданность революции, вечная движущаяся жизнь, вовсе иной мир, чем тот, который я имел.

Я с тобой сошелся не этиничать!

Революция, как любовь к женщине, к лучшему товарищу, исполняющему тревогу жизни, ее поток в даль, поток, похожий на волнение любви,— но революция и отбор, т.е. она — влюбленность только в действительного, и ненависть к обратному.

В глуши, в пустоте земли, в овраге собралось четверо бедняков,— [это и] им стало лучше,— это и было началом нового времени.

Старуха 82 лет, ведьма, спит от голода, пьет от голода воду, увидя ребят, детей — вся сияет!

Прекрасная, милая жизнь! Возраста нет!

А ребята от нее бегут.

Котов! В юности идеалист; в 30 лет — стервец и бабник. В 40? Наверно — либерал!^{29a}

Мыслят «свободно» тогда, когда ничего, никакой цели не остается.

Череватов несколько раз умирал, но оживал.

[У скобарей нет фамилий, только отчества.]³⁰

[Мы — товарищи: вместе в уборной сидели и слышали внутреннейности и запах.]

Не отставая от Ленина ни на шаг! — (Сказано искренне и хорошо).

[Режимство (для буржуазии).]

[— Чего ж ты кричишь?

— Да я такой крепкий!

— Ведь тебе умирать пора!

— Кому? Я только начинаю!]

48 часов непрерывной работы на ремонте: рабочие падают во сне и усталости, но их отливают водой, они встают и смеются.³¹

Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства.

«Все вышеуказанное будущее!»

Лук — имя девочки.

В столовой двойшки-девочки служат подавалками.

Усердное сердце.

Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец — вот сущий тип нашего времени, и действующий «положительно», но он будет в конце концов разоблачен.³²

Иван-дурак, это утешение барина-буржуя.

Для Череватова всюду враги! — враги по природе и классу.

[Человек продал свой скелет. Купивший скелет приставил к человеку сторожа, чтобы во время смерти его скелет не испортили собаки.]

Разоблачение радости.

Рассказ в вагоне, за Ташкентом:

«Один хватился убить всех одной мыслью, если даже он подумает ее внутри себя только, но мысли не имел, отучен был».

Я роблю!

[Да здравствует Иван Кузява]³³

Фонарь горит над топливом (керосином) на оглобле. Ландшафт!

Инженер, умерший в к<онце> концов от сознания ненужности, неспособности (молодые лучше) и т.д., давший объявление о своей смерти.³⁴

Папа, рассмеши меня!

Папа, рассмеши меня!

Папа, рассмеши меня!

«Всенародная инсценировка»

Наказание не действует.

Мечта об интервенции, вероятно, долго будет жить, даже при коммунизме, пока не обратится в смерть негодяев-интервентов.

[Мотив бедной машины на берегу речки, в тишине природы.]

У турбины Череватов:

— Ты — приличный человек,— сказал [Евсейч] Кузява.

При смерти люди чувствуют сухость и им хочется чего-то влажного.

Кузява действует свободно и нетерпеливо, как в бесконечности.

Написать, как я воображаю со слезами человека всюду: на паровозе, на аэроплане и т.д.

Жовов.

Жовов.

Жовов

Жовов

Жовов

Жовов

[Мученье вещества]

Социализм вызывает «электромагнитные» силы из масс; [вместе] раньше, и «правые» «верят» в «пар».

Череватов — неприятный, вопреки «приятной» традиции.

Жовов.

Пока пить не захотел, не м.б. чтоб ты наелся.

Ешь до наедчивости!

Эй, барин, жопа сзади бздит! (говорит кулак барину).

Рамзин только на 25% меньше Пушкина!

(Слова отсталого рабочего)³⁵

Два года или около был Череватов глупым ото всего.

[Жизни кругом масса, хорошо бы всю прожить, да, пожалуй, не успеешь.]

Собаки в бою за мостом. Ничья.

Череватов — «машина», в смысле реализма (не забыть, что Толстой и его Фадеевы — идеалисты).³⁶

«Человек лишь властелин машины» — какой человек? Какой глупый луначарский либерализм!³⁷

Какой человек? Человек прошлого? Сволочь? Что он, для чего ему командовать над машиной?

Нужен «Череватов» всему миру, всему коммунизму!

[— Что у нас — соц<иализм> или капит<ализм>?

— Тюрят!]

Кузява

Кузява — бесконечн<ый> человек.

Череватов — большевик.

Инсценировщик — исполнитель радостный всех директив, ра-
достный и уверенный.

Сначала ему было неловко и смешно, потом привык и стало «внешнее» внутренним.

Дурак — неподвижен.

Поеду напрягать население.

Дом обвала и лабиринта на Садовой.

Ворон<еж>.

(Мой сон)

Узкие щели проходов.

[Я вас уважаю в удивительных формах.]³⁸

«Он слышал емкий звук работающих цилиндров».

[Кишки обжирились.]

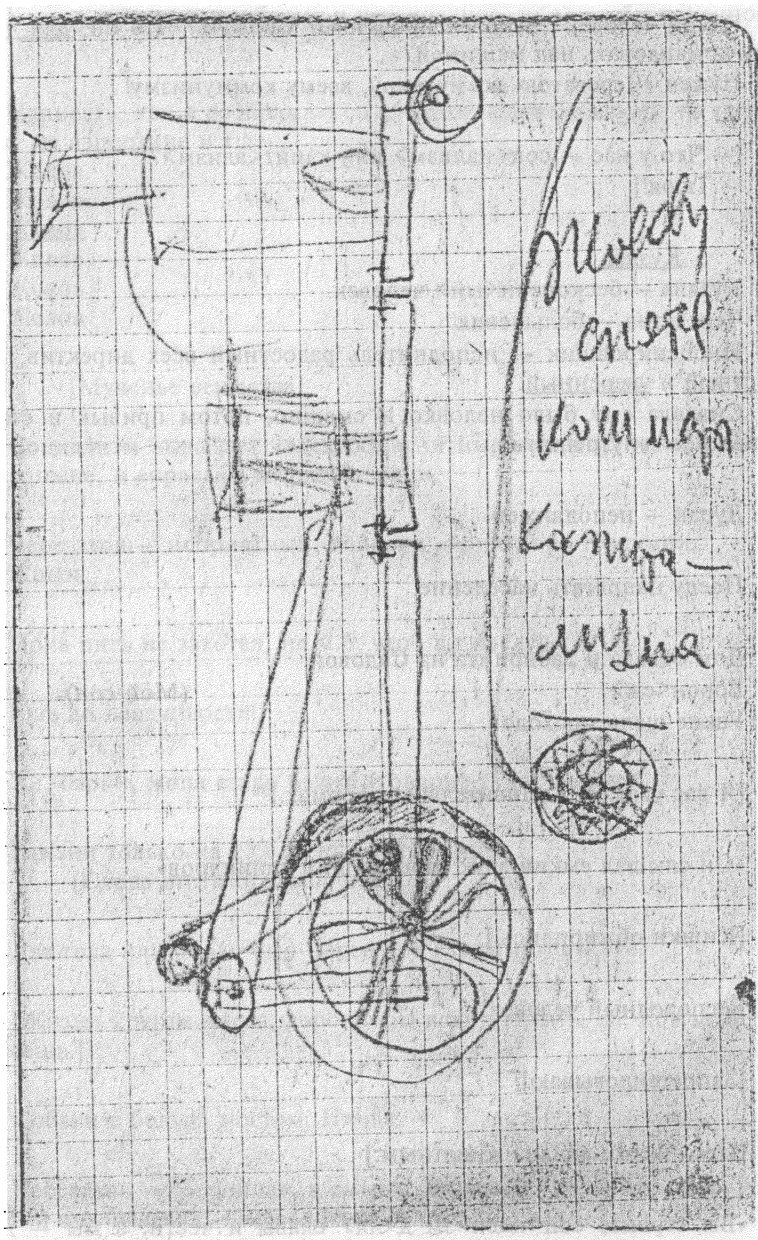
Беспородный человек.

[Запретендовываю]

[Произвести анализ животным.]

«Вы строите соц<иали>зм д<ля> славы и чести, а мы — для жизни, для необходимости».

Как хороша жизнь от глупости!

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1930

Жовов не имеет покоя и счастья — никогда! Он — движение, а не достижение мещанина и подлеца и предателя истории и детей наших.

Жовов.

Межеумок отборный.

Вшивое дерево.

Жовову снятся кошмары капитализма.

<Технический рисунок Платонова.>

Чего ты боишься смерти, так ты уже был мертв: мы до рождения были все мертвы.

Кузява своими страстями исследует человечество.

Перед смертью бывают злые.

Кузява ум себе выдумал: у него не было ума.

Люди сидели в тюрьме, лишённые женщин и вина.

Борисевкин понимал, приучен был к пониманию лишь сложных вещей, а не простых.

Как непохожа жизнь на литературу (мальчик в Мелекесе³⁹): скука, отчаяние. А в литературе — «благородство», легкость чувства и т.д. Большая ложь — слабость литературы. Даже у Пушкина и Толстого и Достоевского — мучительное лишь «очаровательно».

Ты услышишь скоро мою горячую речь на заседании, и поймешь, что у меня есть неопределенная сила в мозгу!

У Кузявы маленькая боль тела становилась страданием души, а у Жовова боль могла быть, но не могло быть мучения души (терзания, переживания) и т.д. Ж<овов> не имел страха, хотя мог иметь боль.

Жовов и умереть-то не мог.

Пахло чем-то желудочным.

Кузява

Всюду герои — читал Кузява,— а среди тысяч знакомых людей таковых не нашел ни одного.

«Если вы, товарищи, чувствуете голод, то это неверно, товарищи».
(ст<анция> Лиски)⁴⁰

Среди его сердца жила забота.

Нам только дай привыкнуть (к соц<иализ>му),— и тогда нас не остановишь. <Запись сделана чернилами.>

Волоса жен<щин> для Кузявы — великий инвентарь мира.

Пойти — поиндивидуальничать. (Кузява)

Жовов был на фронте, много работал (избушка в Якушке) — оттого <утрач.>

Люди давно выдумали все мысли, все думы наши старые, только чувства всегда новые.

Сознание себя Иваном-дураком, это самосознание народа (класса). — Самое такое самосознание показывает, что мы имеем дело с народом-хитрецом, с умницей, ктр. жалеет мучиться, что он живет в дурацком положении⁴¹. <Запись сделана чернилами.>

Диалог двух контр.

- Ты за Парт<ию> или за Советы?
- А еще никого нету?
- Нету. Выбериай.
- Можно я буду третьим?
(в трамвае)

Рыбы дышат ветром, [остановившимся] останавливающимся в воде.

Жовов:

борьба с миллионом страданий, с тьмой зверей делает из него чудовище; чудовище в противоречии с действительным новым человеком, который (новый человек) в нем же самом был сокрыт и погребен «чудовищем». Великое противоречие внутри: чудовище сокровище.

Базар — как капитализм; как <дух / дом — нрзб.> родины,
торф — — — как коммунизм.

«Ты же на фундаменте социализма живешь, гадина! Вот и дует в тебя круговой ветер».

<Записи с обратной стороны книжки>

ТУРБИНА

Оборотов,
Тяжелов,
Номер.

С отсталыми надо говорить именно [отрицательным] официальным языком: мероприятия и т.д.— иначе они поймут, но не поверят, а тут, не поняв, поверят.

[Материализм] Вульгарное мировоззрение предполагает жизнь как комбинацию биологических процессов: т.е. «человек» в собственном смысле, есть как бы результат отношения, взаимодействия этих сил,— человек есть отношение. Правильно наполовину. На вторую половину человек есть и само вещество, «материализм», входящие в биокombинации. Отсюда, и только отсюда, что человек — само вещество, а не только отношение, и можно вывести великое, генеральное следствие, что для человека еще открыта дверь в последний тайник природы. Если же человек только «отношение», «комбинация» и т.д.— та дверь закрыта навсегда.

Гос-рубка.

Модель республики.

Модель завода (блокированная с действительностью; автоблокировка).

Цель: планирование на основе действующей модели.

«Средне-бедняцкая» артель — колхоз.

Гвозди Жовов взял в рот (по плотн<ицкой> привычке), мороз 35°; гвозди примерзли ко рту; Жовов вырвал часть рта, но с работы не ушел [(ударник).]

[Уйду по старинной дороге,
Там дед мой ходил.
.....
Заросли старинные дороги.]

Над домом родным пролетела
Старинная птица одна,
И голосом грустным запела

По небу над [родной]
[бедной] землю
[Старинные птицы летят,
И громко, и трубно,
и грустно
Оттуда]

По небу над низкой землю
Старинные птицы летят,
И с грустной и бедной душою
Оттуда слова говорят.

Старинная птица пропела
Над бедной моей головой.
Ах жизнь, ты вполне пролетела,
[И ветер]
[Лишь ветер летит над землей.]⁴²

<7-ая книжка, 1931 г.>

Принципы конструир<ования>

I. Если $\max h = 1\text{mtr}$,
то ход раб<оты> поршня нагнетателя $h/2=(1/2)\text{mtr}$.

II. Мощность сжатия воздуха.⁴³

Электр<ификация> и механизация с.х.

Некото<рые> фамилии действ<ующих> лиц по их [просьбе] желанию и по соображ<ениям> автора изменены.⁴⁴

Начать с доклада об электрификации в Клубе журналистов.^{44а}

VIII Съезд Совет<ов> 1920

Жел<езный> Путь⁴⁵

[Есиков из ж.д. мастерских; к<а>к журналист (с сомнением: нужно ли брать рабочего с пр<оизводст>ва?)]

Писать не талантом, а человечеством, сущностью своею.

Лаптево МК ж.д.,
не доезжая Тулы
10 000 км.

Агрокомбинат (заводы, колхозы и т.д.).⁴⁶

Петровско-Разум<овское>.

Вневойсковик из страха перед жизнью, из одиночества, из боязни наказания, из ужаса... стал работать усердно склонясь. Его случайно поставил н<ачальни>к в образец, вокруг вневойсковика создали кампанию,— объявили ударником, так пошло.⁴⁷

Орский совхоз —
до Оренбурга,

оттуда до ст<анции> Ново-Орск — дальше
до Орска.⁴⁸

Ставропольский мясосовхоз —
реорган<изация> совхоза, совхозы и техн<ика>.
[Емелевский]^{48a}

[Умрищев из невыясн<енных>
Случайно:]⁴⁹

Человек
великого
времени.
«Дирижабль»⁵⁰

Человек велик<ого> времени.

Военный переучет.

«Квит<анцию> об уплате квартплаты иметь на руках».

«Обход Осоавиахима».

Убрать снег в 8 утра.

Налог.

Повтор<ение> пройденного.

х) Чтобы утомить себя, перестать сознавать горе,— чел<овеку>
в<еликого> вр<емени> — спускать ежедневно плоть в жену, и с
плотью уходила, ослаблялась душа — становилось легче.

хх) Горе человека вел<икого> вр<емени> в том, что пролетариат
завоевал власть (частично, смешанно, но едко, отравленно) для
оригинальной, удивит<ельной> формации буржуазно-аппаратной
демократии. Он увидел в революции чистый свет мира, превращен-
ный в бред. И человек — в бреду.⁵¹

х) Дети человека вел<икого> вр<емени>.

х) Женщина — жена человека из Рэсефесера.

Добрая дочь мастера или лучше — дочь мастера лесопильн<ого>
завода — Зоя, что в Л<енин>граде.

х) [И вот стоит он худой, прислонившись к сырой стене темного
сырого коридора, с книжкой учета в руке.]⁵²

х) Вывеска: «Квас и пирожки.

Знамена и значки».

х) Он стоит [прислонившись], худой и бедный, прислонившись к стене, в [желтом доме] коридоре желтого дома воен<ного> комиссариата и держит военную учетную книжку в руках.

Его ждет Зоя дома, полная и добрая женщина, девятнадцати лет от роду.

Люблянд

Полубляндия

Полубляндия <Сверху по всей предшествующей записи>

Полубляндия

х) [Удивительно, что люди жались к жакту, конторе, к справкам, хотя в городе были мировые театры и в мире вечные вопросы мучения.]⁵³

Страд<ание> души от неизвестности: кто является членами ВСНХ, помимо чл<енов> Президиума; есть ли вообще чл<ены> Совета НХ?

Содрогание, мука...

Сущность мира м.б. открыта лишь благодаря ошибке.

Полуметро⁵⁴

<Фрагменты чертежа и рисунки>

Писать не талантом, а человечно...

Моск<овский> мясокомбинат

Кадомский —

на сегод<няшнее> чис<ло> — 1 027 голов <скота>.

2 совхоза — Маяк,

Спасо-Клепиковский

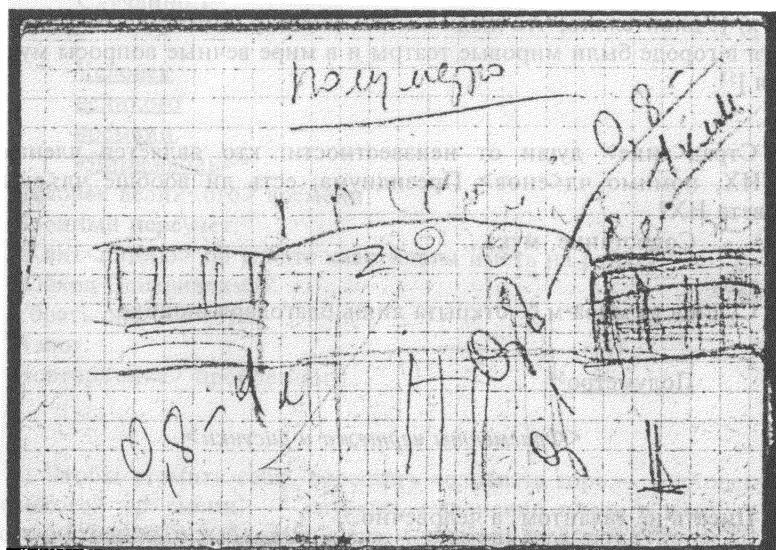
переданы в Молокообъединение.⁵⁵

Целесообразно ли выращивать здесь скот, в Москве, или гнать скот из других областей — неизвестно — Моск<овский> совет за то, чтобы выращивать скот в пределах Моск<овской> области.

Темкин^{55а}

Через К<адомский> совхоз и далее через откармливающие пункты послы<ать> 20 тыс. голов нельзя (в пределах Моск<овской> области).

Мнение специалиста

Вследств<ие> реорганиз<ации> и т.д.

<Записи с обратной стороны книжки>

ОДР ЦС (?)⁵⁶

Нет питания,
молчат 85% установок.

Краев<ой> орг<анизации> не дали денег на уборочн<ые> хле-
бозаготов<ки>.

О подготовке допризыв<ников>.

Задание ЦС —

150 ч<еловек> (встречн<ый> план 250 ч<еловек>).

Комсомол подвел.

Явились 5—6 чел<овек> на курсы.

Значение ОДР никем не оценивается или крайне низко оцени-
вается.

РОКК, ОСО, ОДР⁵⁷. Тех<нические> мас<совые> общества дол-
жны иметь общий совет: работа во многих частях совпадает — кур-
сы и др., а между тем все отдельно, это ест лишние средства, силы
и т.д.

Нужно соглас<овать> центр.

Нет платн<ых> раб<отников> в районе. Нужен район<ный>
секретарь, иначе нельзя.

Инстр<укторов> масс<овой> раб<оты> — 4,
районов — 66 + Мордов<ская> область.

В Мордов<ской> области работа слаба; есть отдел<ьные> тен-
денции.

[2 года не было ни съездов, ни конфер<енций>, ни пленумов, в
крае с 1929 года ничего не было, были район<ные> конф<ерен-
ции> в прошл<ом> году — в редких районах.]

По краю в ячейках — 24 500 чел<овек>.

а всех <нрзб.> в 2 раза больше.

По Самаре — 5 000 чел<овек>, а в обществе — 400 чел<овек>.

[ЦС ничего не отвечал на самые болезненные вопросы крайорганизации. Безобразие! Отвечать нужно, безответственность деморализует организацию.

Никакой поддержки со стор<оны> партии.

Теперь лишь немного лучше.]

Ульян<овск>, Мелекесс,

Кузнецк, Ставропольск.

Радиоузлы в совхозах, МТС возникают самостоятельно и работают без всякой помощи ОДР, п<отому> ч<то> ОДР не в силах их обслужить.

Отнош<ение> к ОДР, к<а>к к забаве.

[Самар<ский> горсовет отказался вступать в члены ОДР, написав:

Постановлено отказать.]

[Из 23 членов Крайсовета ОДР, избр<анных> в 1928, сейчас осталось 3.]

Хорош<ие> кадры в руководстве ОДР: сейчас плохие.

Отношение (изменить).

Челов<ек> велик<ого> времени

Он боялся куда-либо выехать даже на 5 дней — из боязни, что появится новое объявлен<ие> военкомата.^{57a}

Мол<очно>-овощ<ные> совхозы

Совхоз XVI партсъезда

«Братцево — Химки»

ст<анция> Трикотажная МББ ж.д.

Спасо-Якимовский — ст<анция> Подсолнечная

МББ ж.д.

«Бодрое детство» — Черкизово, тр. 33

«Госмелиокультура»

ст. Савелово

3 версты

Пастухи плохи:
лет<ом> 500 л в сутки,
сейчас 400 л,
средн<ий> удой 6,5 л.
Зим<ние> месяцы 3 литра.⁵⁸

Теплично-парк<овое> хозяйство интенсив<ное> —
40 га.

Животновод<ство> можно увеличить.
Обеспечение ~ 40% на зиму,
на сегодняшний день
сдано: 20 тонн,
план — 60 тонн,
грубые корма только до 30%.

«Бодрое детство»

Средн<ая> ст<оимость> литра = 39 копеек,
прод<ажная> цена — 30 к.,
сред<ний> удой 6,8 л,
лет<ний> — 7,2 л,
зим<ний> — 5,4 л,
осен<ний> — 5,8 л.

Свиновод

160 голов,
стоим<ость> кормов (помои фабр<ичной> стол<овой>)
90 р. в год,
2 к. в сутки.

Сейчас (62 г<оловы> не рентабельны).
При 100 г<оловах> Холмог<орской> породы —
рентабельно.

Доставка груб<ых> кормов по ж.д.
не страшна;
страшен гуж.

Силос используется одинаково и для свиней.

Свиноводческо-овощн<ое> хозяйство
вместо молочн<ого>.

Мальцев Леонид Николаевич, животновод — спецкор.
250 га,
много кустарн<ика>.

- 1) О введении электр<ичес>ва в животноводство;
- 2) Постановка изобр<етательст>ва в совхозах: сейчас нет никаких ячеек в совхозах, никаких способов и систем поощрения и т.д.;
- 3) О рационализаторских ячейках в совхозах;
- 4) Постановление ЦК о мясной промышленности: что делать совхозам животноводства.

Конетрест Моск<овской> об<асти>

- 1) 5 кон<е>совхоз, ст<анция> Старожилово МК ж.д.
ст<анция> Старожилово

ЦЧО

№ 10 — б. Хреновое

<станция> Хреновая ЮВ ж.д.

№ 11 — б. «Культура», ст<анция> Бобров ЮВ ж.д.

Хакассия

№ 42 конесовх<оз>

Подседал — лош<адиный> сифилис.

Ветврач Нестеров работает над новым своим методом диагностики подседала, обещающим дать в наши руки то, чего как раз не хватает — точной диагностики, т.к. реакция Вассермана часто грешит и дает противоречивые показания. Его, Нестерова, метод прост и очень эффективен — он его сейчас уточняет. Точно так же он изыскивает методы дешевой терапии случной болезни, т.к. лечение нагонолем очень дорого (валюта). Пусть поработает.

Нестеров — втайне «глупо»-самолюбив.

Расценка в к/с

Коневод получает 70 к/д <копеек в день>, а работн<ик> на сноповязалке — 90 к.

Леса нет, <нрзб.>

Спецодежды мало: особенно нуждаются табунщики и транспортеры.

Союзсельстрой не строит: не дает материалов.

Заготовка маток самим к/с не ведется, несмотря на все распор<яжения>.

К/с не выполнил распор<яжения> Тр<еста> и НКЗ (декрет СНК) об изъятии из совхозов систем кондиц<ионных> маток и молодняка.

Жеребцы к/с имеют травматич<еские> поврежд<ения> и истощение. А между тем в к/с были небольшие средства на покупку овса, созрел свой овес и были отруби. Тело племсостава и особенно жеребцов можно поправить. Дирекция же экономит на жеребцах, жеребцы истощаются.

Ветсанит<ария> к/сов<хозов> является катастрофическ<ой> (стригучий лишай, гангренозный мокрец, инфлюэнца, подседал).

Канада сумела оздоровиться от случной болезни подседала.

Стоимость питания раб<очих> в кооп<еративной> стол<овой> 70 к. в день, что состав<ляет> свыше 60% дн<евного> заработка. Это не годится. Рабочие советуют завести свою, хозяйств<енную> столовую. Раньше так было, и было лучше, дешевле.

Соцсор<евнование> и ударнич<ество> плохо и мало поставлено, т.к. треугольник говорит: наши рабочие инертны (!).

Сдельщины нет, только среди старших табунщиков она есть.

В тоже время больш<ой> результат дала сдельщина и соцсоревнов<ание> во время сеноуборочной: при соревнован<ии> 2-х участков вместо 40—50 п<удов> в день на человека (норма) выполнялось по 146 пуд<ов>.

Есть обезличка: уход за тягловой силовой и племсоставом обезличен.

Бригад нет: есть группы в 2—3 чел<овека>.

Ветфельдшеро́в — немедленно, иначе к/с будут заражены подседалом, погибнет консостав и полностью прекратится деятельность к/сов<хозов>.

Союзсельстрой работает преступно.

Конезавод<ческие> и ветеринарн<ые> постр<ойки> выпол-
н<ены> на 21%.

Люб<ой> внутр<енний> ресурс и сниж<ение> себестоим<ости>
выражается в том, что директор<ом> Тр<еста> проекты Союзсель-
строя приним<аются> не критически, не удешевляются, меры для
рационал<изации> не использ<уются> рационально на с.х. рабо-
тах, нет группов<ого> содерж<ания> лошадей.

Нет уд<арных> темпов, отсутствует самокритика.

Д<ля> улучш<ения> снабж<ения> создать крепкий кооператив.

Постр<оить> медпункт.

Реакция РСК на случную болезнь (оздоров<ление> Канады).

Произвести почвенно-ботанич<еские> и водные обследования
к/совх<озов>.

5 кон/совхоз
10 кон/совхоз
Хреновая

«В соответствии с произведенным мною обследованием».

«Побелить теперь же потолок в конюшне».

«Ножи жаток смазывать, а то будут ржаветь».

«Еще решительней производить мобилизацию внутренних ре-
сурсов».

«Улучшить жилищные условия рабочих».

«Произвести 100% вспашку под зябь».

«Немедленно перевернуть скошенное просо, а то нижняя сторо-
на прееет — портится».

«Сорвать былинку на пешеходной тропинке, а то бьет по ногам,
мешает сосредоточиться».

«Теперь же прибить гвозди в полу клуба».

«Усилить труд-дисциплину».

«Немедленно переключаться».

«Немедленно переключаться на 100% выполнения задания».

«Всех кашляющих овец отделить от здоровых, а безнадежно
больных уничтожить».

«Печь более вкусный хлеб».

«Серьезно продумать все формы и все недостатки». ⁵⁹

Хутора кон/совхозов на хозрасчет — это не приказано, не про-
работано.

«Дело в том, что и один — выбранный для мысли — не может
думать... Никто не думает».

Речь в месткоме

К/трест —
75 совхоз<ов>,
будет
85 сов<хозов>;
сейчас 52 тыс. голов,
будет 134 тыс. голов с приплодом.

Специальная организация Союзконь —
через нее <нрзб.> комплект
обсеменений негрубой породы.
Новый способ обсеменения —
около 60 млн. в будущем году,
в этом году — 24 млн.

Капиталовложения.

Посев<ных> площадей будет: [30] 200 тыс. га,
из них яровых: 170 тыс. га,
овес, ячмень, просо, пшеница
сейчас — 120 тыс. га.

Верблюдовод<ство> и муловодство —
сейчас не запланировано в Ср<едней> Аз<ии>.
5 тыс. маток — вербл<юдоводство>,
5 тыс. маток — муловод<ство>,
в буд<ущем> году.

Поставка в РККА ^{59a}

Искусств<енное> осеменение до 30 тыс.
колхозных маток безгубчатое,
жеребцами до 20 тыс. маток.

Стр<оительст>во общее,

в эт<ом> г<оду> — 5 млн.,
в буд<ущем> — 14 млн.

Строительство штат<ным> раб<очим>
усадебных жилплощад<ей> <выполнено>
сейчас на 86%,
в буд<ущем> году — на — на 92%.

[Подготовка кадров:]

Водосн<абжение> —
375 шахт<ных>,
24 артез<ианских> <колодцев>.

Бесперывное жалование для поднят<ия> настроения прохож<их> жителей. <Запись чернилами поверх последних десяти записей.>

Верблюдо<водство> и муловод<ством> сейчас не занимаются в совхозе.

5 тыс. маток — вербл<юводство>,
5 тыс. маток — муловод<ство> —
в буд<ущем> году.

Поставка в РККА.

Искусств<енное> осеменение до 30 тыс. колхозн<ых> маток.

Для рассказа

выбранный
выбранный

Человек — адм<инистратор>, украшающий, изобретающий город: женщина-милиционер, в красн<ых> перчатках, лампы с син<ими> абажурами на улицах; пульверизатор благоуханий, ... девушки прекрасные, граждане <нрзб.>.

Уравнители борются против крупно-пролетарской, государственной собственности в защиту мелкой, даровой, кулацкой.

Сейчас 2 200 тыс. голов,
в будущем — 3 500 тыс. голов.

<Адреса и телефоны>⁶⁰

- Лосев Серг. Серг.* — Бол. Дорогомиловская, дом 15а, кв. 2
Тов. Попов — начальник Горнорудного сектора ВСНХ РСФСР, комн. 485, 4 эт., 5 подъезд. К 12 ч. 31.Х.
Митрий Вержбловский — Арбат 1-01-72
Г.З. Литвин-Молотов — АТС: Арбат 3-94-29
Бюро карточек — Оружейный переулок, 43
Александров (МХТ-2) — 3-92-75
Касимов — Московская обл.
Павленко — 3-08-58
Соловьев (ГИХЛ) — 3-44-09. К 2 ч. 14/VI
Збруев — 70-22
Тальников (Театр) — 3-12-73
Буданцев — 1-34-32
Свержевский — 1-70-28
Издательство — Невский, 13
Большаков — 4-21-19
Тальников — 4-42-49
Н. Тришин — 3-82-57
Рубановский — Главлит, 4 эт., 406 ком., 5-36-72
«Новый мир» — Мал. Дмитровская, д. 1
Ал-др Мелентьевич Кожебаткин (О пьесе) — Новинский бульвар, Прямой пер. д. 12, кв. 5 — 25-30/1
Канатчиков — 5-23-76
Пасьянский — 5-32-51
М.А. Рудман — 3-39-85

<8-ая книжка, 1931–1932 гг.>

О войне —

о чувстве моих состояний на выездах, в глуши, без матери, в поле (на торфу, за глухими посадками, вдалеке, молча много суток, хождение между тремя домами много лет, лишнее время в детстве, в экономии, Латное, китайцы с войны из окопов, на станции, белые известняки, жара, сердце, пустые вокзалы, горе), <нрзб.> задумчивость — задумчивость, т.е. терпение мое.⁶¹

Май 1931 г.

Д<ля> Жовова

Д<ля> Полпашк<ина>

и Борисевкина⁶²

Главное — непримиримость ко всему, т.е. к себе. Враг рода чел<овеческого> — в высшем смысле спасителя его. Последние, несуществующие еще, идеи.

Что даже массы захотали!

Человек один, сам с собой.

... Постройка социализма в веках... ВЦСПС... Деникин... Лето...

Опасность интервенции.

Великая жара мира.

Сердце с перебоями.⁶³

Борисевкин путал себя со всем пролетариатом; не знал, где он находится, а где — вся масса.

У меня личный пессимизм, а оптимизм — весь социальный.

Тоска жизни, продолжающаяся без надежды.

Баба, которая такая по характеру, что сама себе делает аборты.

Тайна проституции: единение тела предполагает единство душ, но в пр<оститу>ции настолько нет единения душ, настолько это

явно и страшно, что нет любви, что от удивления, от гибели, от страха — «единение душ» начинает происходить. Т<аким> о<бра-
зом>, все, что доводится до ужаса, превозмогает ужас «со дна», и
любовь происходит, гибель ликвидируется. Проституция м.б. проч-
ней любви и культуры.

Втайне Борисевкин слюнявил башмаки, раз обосрался на [трех]
двухсуточном заседании, желая показать выдержку, хотя другие вы-
ходили оправляться по многу раз. У Борисевкина говно полезло
даже из-за галстука.

Кот, топающий ногами.

Факты действия:

Жовов: «Я еще не старый, какие мои годы». Выражение надеж-
ды на исполнение оптимизма — не радости, а движения в утверж-
дающем смысле.

Отчего стал Жовов такой?

Что верил!

Старичишко, прозванный «фашистом». Он дрочится, физкуль-
турник, оптимист, танцор, престижитатор, атлет, едок, пловец
etc... а дома, в одиночку, падает в обморок от измождения. Соци-
ально же он хочет быть юным героем.

Старичок радостен,— ударник, разделяет эпоху, ликует.

[Как летняя муха жужжит в провинции: ее голос и жара не из-
меняется, [ни в какой] как в детстве ты слышишь ее голос, как
будто сам не рос, не жил. Лето, детство, плетень, солнце — и это
останется на все будущее.]⁶⁴

Жовов, даже болея, во всех несчастьях, чувствовал себя каким-
то свежим, здоровым и спокойным. Его, еще, ничто не могло испу-
гать, даже когда страх приближался к нему смертью,— Жовов си-
лился испугаться, и не мог.

Шофер на шоссе Кавказа — тоже «Жовов».

Кузява зачастую путал себя с пролетариатом,— свое мнение
считал классовым классическим.

Кузяве настолько хотелось есть, что он не срал, чтобы получше использовать прошлую еду. Говно тоже есть тело человека, кроме того, — зачем его быстро тратить.

Жовова били кирпичами по голове, топтались на нем, оборачивали вверх лицом и вновь били, а Жовов лежал, мучился, но чувствовал себя здоровым и сознательным.

(Детское видение в переулке, в дождь, в 7 лет жизни, 25 лет назад, 1/4 века.) <Запись в скобках дописана позже.>

— Души нету, — говорил Жовов.

«... Зачем душа, если есть такой человек как Жовов».

Душу выдумал злой человек, чтобы сказать, что у него есть нечто хорошее тайное, а только наружи он скверный... Душа есть жульничество буржуя.

Трагедия, мука Жовова, что он хозяин, устр<оитель>, рабочий мира, но что-то мешает ему еще («Что-то» — Кузява).

Один из [основных] многих типов лже-ударника — Панченко.

Дело чести!

Сочи: гордый, несколько самовлюбленный, элегантный...

Я ночевал и жил с ним в одной комнате.

Другой с Горловки: стесняющийся, но гордый — дело славы — эпоха лозунга: другой, чем Панченко <нрзб.>

Искусство должно умереть, — в том смысле, что его должно заменить нечто обыкновенно человеческое; человек может хорошо петь и без голоса, если в нем есть особый, суший энтузиазм жизни.

«Чем наше будущее социально связано с прошлым теперь?»

Эта связь все же должна быть, как бы ни было далеко, высоко наше будущее. В чем же? В чем некий «компромисс», без которого невозможен относительный синтез (смотри у Ленина). Противоречия ведь решаются «подобные», а не абсолютные. По-моему — в бюрократии».

(Речь в пригород<ном> поезде) <Запись в скобках сделана позже — другим карандашом.>

Я и Прохожий: я на действит<ельных> соц<иалистических> чувств<ах>, но еще будущих, не реальных сегодня. Он на реальных

полукапиталистических, задорно-ударных, но реальных. Фридман, Паровой... аппетит, танцы, ударничество, оптимизм. Но это все неизбежно, так и нужно на первой поре социализма, когда еще есть остатки капитализма, ерничества.

Стиль:

«ГЛАВНОЕ теперь Организационно подойти к проблеме некторого УЛУЧШЕНИЯ».

(Смысл весь в шрифте)

Писать надо не талантом, а «человечностью» — прямым чувством жизни.

Жовов обратился в «великого», что слишком «жив»: например, мальчик 8 лет говорит отцу про мать:

«Пойди скажи своей невесте...» Вот насколько жива действительность и мертв наш мозг. Так же и с революцией. Мы думаем, там действует прошлое, а там — будущее.

Днем — рабочий, вечером артист Трама⁶⁵, в беседе — культурный человек, ясный, блестящий, ночью эмоциональный любовник; и все же — это нисколько не социалист, вернее — не коммунист, это жизнерадостный жирунчик.

<Утрачена часть страницы, осталось:

Дмитлаг 2-11 Филимонов>

Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т.д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы.

Отчего это? — предыдущее?

Оттого, что человек интересен лишь с «говном» (?)

Ударничество, с одной стороны, «рабочее» вредительство, с другой, — вот форма классовой борьбы на [советских] нынешних заводах.

Ударничесво — реальная новая производ<ительная> сила (Серегин и др.— Электрод).⁶⁶

Надо организовать хлебозаготовки,— сказал рабочий с тем чувством, с каким дается [другое] самое высокое понятие.

<На обороте перевернутая запись красными чернилами, сделанная не рукой Платонова: «Тарасовка Сев. ж.д., поселок Бор (на той же стороне, где останавл<ивается> поезд из Москвы, вернуться — по направлению к Москве на 6 домов), дача Панфилова». Здесь же карандашная помета Платонова: «Игорь Сац выход за 5-10-15 <минут — нрзб.>».»^{66а}

Надо так до чего-нибудь доорганизоваться, чтоб жизнь вырабатывалась сама — без участия людей, а просто в силу взаимоотношения.

Тогда Жовов, не имея жилья, взял бабу, выбе ее в номерах, и номера ликвидировали, а Жовов получил комнату.

Из нового мира рождается новейший. Всякое существо несколько раз сбрасывает кожу, спускает сукровицу и т.д.— прежде чем получить постоянство.

О — Жовове: относительность все<х> физиологических функций: сна, еды, счастья, любви и т.д. Все можно претворить, все это лишь условности револ<юции>, класс<овое> творчество измен<ит> все. Здесь — главное. (Чувство на дворе).

Полпашкин (б<ывший> Борисевкин) при несчастьи, настоящем несчастьи, жаловался — всем жаловался с глубоким чувством — и от сочувствия людей, сочувствия, которое превозмогало, превышало его несчастье,— полнел. Горе приносило ему телесную толщину⁶⁷.

Дело Жовова — «обнажить» как бы людей, но вместе с тем это обнажение открытие нового существа — движение.

Сущности лица, неподвижной сущности, не дано, нет: в процессе открываются новые возможности.

[Кухарка вышла вечером рассекать воздух (гуляние).]

В конце романа Кузява во сне видит капитализм и убивает Жовова для добычи из него скелета.

Кузява воспринимал и действовал диалектически: наоборот. Он понял по-своему диалектику.

Образец фразы:

«Действительно не знаешь — кто в данном букете: б/хозяйств<енности>, б/призорности, обезличивщины etc., etc. (много), является преобладающим цветком».

Красота есть обратное понятие. Кто некрасив, тот более намучен социальным неустройством. Кто красив, те избежал<и> неустройства. Но через некрасоту можно достигнуть высшей красоты. А некрасота, это преходящее состояние человека, когда он в мучительности.

Самара, вокзал,
29/VIII/31 г.⁶⁸

Как народ смотрит на коллектив<изацию>?

— Ничего: косо. (Кулак)

«Революция, как доплатное письмо (когда денег нет)».
(сплетник)

Вот человек:

Такая спешка, такие темпы, такое движение строительства, радости, что человек мчится по коридору своей жизни, ничего не созная, живя в п о л п а м я т и, трогая работу, не свершая ее, отмахиваясь от людей, от ума — и мчится, мчится, мчится, пропадая где-то пропадом, бесполезный, счастливый, удивительный.

Он Кузява все знал, точно жил на свете вторично.

Надо быть живым даже для того, чтобы чувствовать смерть, горе, — мертвые ничего не могут чувствовать.

Для смерти нужны живые. <Фраза дописана чернилами, очевидно, вписана позже.>

Кошка грызет мышонка. Мышонок — особый. Люди разные. Автор — одно, герои — другое. Разный характер, разный язык. Непохоже на меня.

||| Очень важно.
Главнейшее.

Заблуждение (мое личное) от превратного, обывательского действия основной идеи.

Изменить весь роман. Переделать Жовова. Выбросить много страниц из начала. Переучиться к черту. Взять основн<ую> идею в соответ<ствии> с моим главным. <Вся запись сделана чернилами.>

Пусть меня из партии выгонят, но я с т. Пер<сиц> не расстанусь.
— т. Персиц дороже партии, оказывается.

Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т.д.

Мое молодое, серьезное (смешное по форме) — останется главным по содержанию навсегда, надолго.

Серьезность Жовова, величие его, анти-юрродство, страшн<ая> опасность жизни, ответственность за класс.

|||
Очень
важно!

Сущностью, сухой струею, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь.

|||
Очень важно!
Существо!!!

Вы думаете, что я страдаю полигамией,— у меня его не было... Точно также никакого обскурантизма своей жизни я не встречал.

Я люблю вас без всякого трюизма...

Остаюсь с плеоназмом и аннотацией —
Курдюмов.

Каждый человек с детства вырабатывает себе социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство: все люди на самом деле замаскированы. Что если б человек был без маски! Как хорошо!⁶⁹

По утрам, по поздним ночам зажигается лампа электрич<еская>, и птица, думая, что уже наступило утро, начинает петь; но свет гаснет от выключателя — еще не утро.

Упомянем еще не упомянутых.

— Упомянем!

Паразиты могут паразитировать и на положит<ельном> ходе революции. «Некоторые микробы смерти живут не только в болотах, но и в водопадах». Полпашкин, например.

Сон (или лучше явь-воспоминание) Полпашкина: как он получал деньги и пакеты за кулисами почты: интересны сведения от капиталистических рваческих, жадных организаций и авантюристов. Раз он получил 45 тыс. руб. за неизвестную сделку.

Кости скелетов приобретаются для учета минерализации, омертвления земли, для того, чтобы капитализм погибал вместе со всей «биологией».

Очень важно!

Высшая конкретность: небольшое сравнительно строгое; борьба [Жовова] Стратилата с Полпашкиным и его саранчой. Меньше философом.

Преодолеть, простить недостатки друг друга нельзя, не имея чувства родственности.

Лучше бей меня в морду, в душу, в сердце, но не подбивай под руку.

У меня волос мягкий, как мое сердце: попробуй!

Особо Полпашкин любил средне-прекрасных женщин.

Жизнь по черному,
как в избе без трубы.

Половой на вокзале стоящим людям,
просящим поскорее дать блюдо
или питье:
— В стоячку не даю.

— Шурубуба^{69a} —
последний
результат человека

Старику, торопившему с подачей чая:

«Умираю — пить хочу».

— Умирай скорей!

Очень важно!!

Все искусство заключено в том, чтобы выйти за пределы собственной головы, наполненной жалким, жидким, усталым веществом.

Субъективная жизнь — в объекте, в другом человеке. В этом вся тайна.

Разговор в бане:

«Человек, как хуй — он сбрасывает нечистоты и производит будущее.

Хуй — самое яркое выражение жизни».

Полпашкин — связан со всем коммерч<еским> миром посредством «до востребования» конспектов, каталогов и прейскурантов.

Машины воспитывают людей; экскаватор воспитал меня, двигатель и др.⁷⁰

Как хорошо было бы изобразить, создать человека, который ходит на все демонстрации — на Вандервельте кричит «фашист», ненавидит папу римского, никогда не отдыхает, верит всему, истеричный, мучительный, замученный, рвется в будущее, но сам — [непереносимый] скучный (внутри себя), пустой, мертвое орудие благодетельной истории. Как хорошо! Подумай, Генри Чув!

Может быть в Жовова — во враги ему!? <Запись сделана чернилами.>

Человек, отклоняющий от себя все опасности и погибающий, ищущий средостения среди ада и огня борьбы.

Химический человек, начиненный всеми веществами науки.⁷¹

Очень важно

Самое лучшее — перейти в другого человека, в нового человека — ударника, большевика, в противоположность «кантианцу», «полубуржую», «пошляку себялюбия» и пр.—

в ночного мыша (вспомни — другое, совсем другое, чем ты).

Для романа моего

История учреждения —

Великое бедствие,— предприятие, завод, превращенное тоже в учреждение,— бред залов, наполненных людьми, секторами, перестройкой на ходу...

Отдел перестройки на ходу.

Диалектика устройства природы — это не вечное состояние. Нынешнее состояние: электрон, совпадающий с минимумом пространства, долго пребывая в таком состоянии, «в конце концов» «проест» свое отношение к пространству и вступит в синтез, в [другую] качественно другую диалектику. Это и будет «конец света», физической эпохи.⁷²

Как Полпашкин победил в одиночку солнце — в смысле того, что солнце работало, и рожь росла, а толку не было — люди ели мало и т.д.

Прокомбинировать дело.

Победитель солнца в одиночку.

При социализме не будет злобы и отчаяния, но глубокое страдание останется; не будет презрения, но ненависть будет...

Предприятия, заводы — так быстро уходили, приходили в объединение, в жидкое время (расплавленное время), что для слежения за текущими заводами была учреждена штат<ная> единица, которая (единица) составляла ежедневный график наличия предприятий по объединению: приход и расход заводов.

Жовов творит все не из напряжения, не из геройства, а из необходимости,— [в] лишь с интеллигент<ской> точки зрения дело Жовова это пафос, героизм и т.д.,— а Жовов нет.

Секрет Полпашкина:

он однажды напугал зависимых немного от него людей. А дальше — он их лишь попугивал и они все больше пугались его, и удивлялись: откуда это сила у Полпашкина. А сила его из ихнего страха.

Полпашкин сам уходил со службы на службы, но таким образом, что это противоречило приказам, и после ухода за Полпашкина еще страшно доставалось его бывшему начальству и настоящему начальству,— Полпашкин становился страдальцем дня, делая все по своему желанию.

Чтоб истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить воен<ную> промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы

продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника.

Организационно-мощные контрталанты Полпашкина.

И он, мужик, вошел к ней в темноту плоти и обмер. Это было много раз, но не бывало повторенья.

Взять целое учреждение и превратить его в тип одного человека.

Контрр<эволюционер>:

— «Сов<етская> вл<асть> опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все».

Лозунг:

«100%-ное участие работников в торжествах!» —
в час с закуской пришли 12¹/₂%.

Тогда объявили «бедствие» — пришли 12¹/₂%.

Единый % «действующих».

Что это такое?

Как организовали трест («пожарный»), не дали ему ни одного завода; трест побушевал, побушевал и кончился с криком отчаяния (устроил все Полпашкин).

Человек, лишенный любви, начинает жить страстями службы,— он спорит, страдает и любит в вопросах положения о «райсекторе», о «правах и обязанностях»,— и в этом исходит струя его жизни.

Человек удовлетворяется комнатой службы, наполненной людьми (Борисевкин),— он томится, любит, удовлетворяется диаграммами, уставами, чем попало, ничтожеством, скудостью, гибелью,— великий человек!

Полпашкин ходил гордо по учреждению, подняв голову,— он один узнал, что такое хозрасчет, и всем указывал на их жалкую ничтожность в важнейшем вопросе.

Настанет время, когда за элементарную ныне порядочность, за простейшую, грошовую доброту,— люди будут объявляться величайшими сердцами, гениями и т.п., настолько можно пробюрократить,

закомбинировать, жазульничать, замучить обыденную жизнь, — это отход, отброс от великого стр<оительст>ва, Жовова.

Смерть включена в жизнь и борьбу Жовова: он несколько раз умирал, обмирал от ударов труда и классовых врагов.

Помнишь моск<овское> туман<ное> утро: осодмильские^{72а} походы, разгул...

Жовов, сделав социализм, изменился так, что оставил социализм для Полпашкина.

Чрезв<ычайно> важно...

Чр<езвычайно> важно

Жовов получается в результате — необходимости обороны страны от внешних буржуев, ликв<идации> кулаков и мелкой сочащейся, гнойной буржуазии своей (Полпашкин); в результате сопротивлений, необходимости — он не чахнет, как бывает всегда, а возрождается от напора на него смертных сил.

Надо чтоб «ебущество» Полпашкина «превратилось» в силу Жовова с другим «знаком».

«Бросовые, низкие» силы решают дело в конечном счете.

Как испуг, тронутый преступлением в одном месте, идет кругами, захватывает покаянием всех и мир погружается в трепет души и понос желудка. Стихия.

Полпашкин развертывал всякое строительство безо всего — без средств, без машин, без места, с тем, чтобы бузовать на темпах, делать политику счастья, отвлеченную, как [мистическое] мистическое небо.

Мальчик на станции Торжок: голодный, безработный (лет 8), мать его отправила из дома, в доме — ведро картошек. Ему некуда, но он весел, предприимчив, ГПУ его гонит с вокзала, он оптимистичен, жизнь — выйдет.

Оч<ень> важно

Пролетар<ский> человек — тов<арищ> Ж<овова>, которому везде радостно, он всюду наполнен впечатлениями будущего; везде,

где чуть будущего,— он рад, терпелив, счастлив. Великий товарищ! Заботчик бесконечный о социализме.

[Гигант.] Большое размышление

«Живущие люди» — они живут исключительно «ложн<ыми>» идеями, питают себя интимно по-другому, чем кажется.

Ж<овов> к чугуну относился, как к собственной плоти, лучше чем к своему телу.

N(Борисевкин) был рад, когда входил контролер и проверял билеты. Он предъявлял билет контролеру с наслаждением, с покоем радости своей жизни, что все у него в порядке, все благоустроенно,— другие мерзавцы живут хаотично, без денег, без билетов, без выполнения директив.

В чем секрет? В том, что учрежд<ения> «ничего не делают», сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежки, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетется мелочью, трется и тихо выходит дело. Т<ак> ч<то> учреждения полезны, но не работой, а суетой, а эта суета приводит <организационно — нрзб.> действительно работающие предприятия.

Как заплакала революция, Я и Тотик. Полпашкин травил-травил, думал — бесконечная сила перед ним, а сила заплакала, п<о-тому> ч<то> она живая и растущая, а не монументально-мертвая. Даже Полпашкин был стронут в своем сердце печалью и дозой сочувствия к революции.

«Надо принимать меры» — выйдет что или не выйдет: это вопрос неважный. Важно — лишь принять меры, учредить суету, за которую отвечать не нужно и не будешь отвечать, если даже меры не дадут никаких результатов.

Человек, не проявляющий чувств никаких, и тем заслуживающий себе великий грозный авторитет. Он молчалив и знает, что чувства губят репутацию, человеческие явления суть [диалектичны] противоречат авторитету, нечеловеческие помогают ему.

Человек, который то радовался, то ужасался,— даже одновременно,— он глядел то на домну, то на ... и трепетал в противоречивом настроении.

Новый тип:

беспартийный, за культурную жизнь, за чистоту, за маски Осоавиахима, за здоровую советскую общественность и т.д. и т.п., — в сущности единственно возможная буржуазная форма человека в наших условиях (инж<енеры> Антонов, Бондарчук). Сугубая беспартийность! Чистоплотность!

Идеологическая аккуратность!

Преданность!

Лишь переводя силу — жадность, гнусность, эгоизм — Полпашикина в коммунизм, можно построить коммунизм, сохранив плоть страстей в высшей форме, иначе «дух», «идея», голый «энтузиазм», чепуха. Энтузиазм истинный имеет в основе трансформацию сущей страсти жизни в будущую жизнь.

Совершенствуется не только техника производства материальн<ой> жизни, но и техника управления людьми. Не настанет ли в последнем кризиса репродуцирования, кризиса исторической безвыходности.

Психоз тружеников: что на каждого обращено непрерывное внимание всего человечества (напр., на «передаче», в воронежской к<онто>ре, где был <нрзб.>).

Ударник есть Жовов, и ударник есть «наведенный», «индуктивный», который не по состоянию ударник, не по организму, а по социальной индукции, по «ажютажу», — объективно он ценный, субъективно — ничто.

Это чепуха уже!

Величайшая страсть заключается в стремлении к покою и вечности, к стабильности — у победившего класса. Посмотри провинцию.

И в «новом» обществе Стратилат живет несколько времени.

Человек, забывший себя и ориентировку от горя, от беды и нечистоты.

«Разрешите провести с вами несколько мгновений.

Проведите пожалуйста!

Сколько?

Да мгновения 4!»

Не то любить, не то подрематься пойти? —
Подрематься!

Все одно и то же: прошел за шестидневку 300 км, снял виды и т.д. и т.п.— все кроме существенной любви, глубины и т.д.

Мы должны всей своей тяжестью повернуться к рабочему.

Борисевкин закликает в одиночестве: мы уже совершили, уже вступили, уже закончили в основном и т.д.

40 голодных орущих истеричек — служащих в столовой.
«Черная» и «белая» залы столовой.

Человек, возможно Борисевкин (нет — лучше другой), говорящий документально, фразами протоколов, живущий так же четко, ясно, счастливо, удивительно.

Им нравилась мучительная суета, неурядица, неустройство, пустошь и ничтожность их учреждения. Именно это их связывало — несчастье, грустная доля.

Человек то верит в социализм, то нет. Он в доме отдыха: он верит, он в восторге, он пишет манифест радости; в поезде сломалась рессора, пассажиры набздели,— он не верит, он ожесточается, и т.д.— и так живет.

«Государство, держащееся на чтении книг, газет» (<нрзб.> сплетня).

В Мак<едонского> офицера⁷³

Человек существо двойное — вот основа его психологии, двойное в смысле не двурушника, а, м.б., скорее англ<ела>-хранителя.

«Китайская слава»⁷⁴:

Китайцам (народу) не нравилось и было непонятно вначале искусство (литер<атура>, муз<ыка>, театр), но оно, искусство, страшно льстило высшему кругу и высш<ий> круг содержал это искусство, запретив остальное действит<ельное> искусство. Прошло время. Народ примирился, привык с таким искусством — и стал считать его, несмотря на непонятность, единственным искусством, единственным принципом истин<ного> чувства. Другое, народное, запрещенное искусство не могло прорваться, а прорываясь, иногда

уже было непонятно и непривычно народу,— он привык к другой форме, неясной, чуждой, но «необходимой», как скажем, вера в бога.

Благонамеренный единоведец.

Стратилат не только физически изменил себя, он сознание изменил и чувство,— вот сущность.

Провинц<иальная> газета пишет лозунгом-шапкой: «Условия т. Сталина выполнены только на 18%».

Стратилат похож на горы, на морщины и натяжения земли: не красота, а дикое напряжение, необходимость, результат борьбы.

Для «Вневойсковика»

Он-то и был занят всю жизнь истощающей действительной классовой борьбой: коридор на Псковском и др. предп<очтения>. Моя мать, «сух<ая> таранка», Ямская и др.⁷⁵

Важнейшее!

Стратилат живет и действует одиноко в историческом смысле. Он рационален, работает без удачи, без чуда, природа трудно подчиняется ему и ломает его. Мир у Стратилата вырывался из рук. Он в мире простых, необходимых величин — в этом его сердце. Он рад, когда у товарища даже намек на энтузиазм.

Стратилат — «неудачник» в истин<ном> смысле.

г. Фрунзе, гост<иница> «Центральная» на площади, где Дом правительства, комн<ата> 6, н<ачальни>к изыск<аний> по Чу Бондарев Конст<антин> Александрович.⁷⁶

Человек, не верящий ни во что, никак, пустой,— исполняющий поэтому наилучшим образом любое высшее предназначение: такой тип только и нужен. (В поезде)

2 чел<овека>, один интел<лигент>,
друг<ой> — «чуйка».

Стрела прошла зигзагом и спиралью внутри моего тела и ударила в рану (в момент операции и усыпления).

Тема романа.

Стратилат делал коммунизм, а сделал другой мир,— ничто в обычно-пошлом, нашем злободневном смысле, а другой мир истории, другую категорию, которая могла объективно выйти, выйти из развороченных форм прошлого и субъективно-классовой воли Стратилата — не мир Келлера⁷⁷ или мой коммунизм, но нечто исторически-прекраснее, неожиданнее, неизвестнее и действительно необходимое и простое.

Вот — основное и высшее противоречие судьбы Стратилата, романа и нашей истории.

История будет не та, что ожидают и что делают.

Это и есть коммунизм.

Солнце на пять минут потухло среди лета и полдня. На небе — мрак, потом желтый свет, потом обычное солнце. Жанр в смысле действия, изменения, катастроф, а не ненарушимости природы.

«Весоизмеритель — мерило труда!!»

К. Тарасов⁷⁸

Вглядеться в технолог<ический> процесс — страсть.

Стратилат от удара почувствовал хрящ (кусок мяса) во рту и от голода проглотил его — это было его личное, собственное мясо.

Человек устроен по настроению, как волна морская.

По утрам, при всяком пробуждении у него были приливы бешенства, он скрежетал во сне зубами, любил молоко,— он болел глистами просто. Человечество можно сделать счастливым медицинским средством: одного вылечить от глистов, другого от ..., третьего от ... и т.д.

В одном месте Стратилат, изменившись туловищем, проехал без билета в поезде принятый за скотину.

АИК и ИНАК (Агро-инд<устриальный> Комб<инат>, Инд<устриально>-агр<арный> Комбинат). Спор. Практика. Что ставить в центре: крупорушку или домну?

Человек не перестает жить потому, что у него нет пищи, одежды, жилища.

Дайте ему! — он перестанет.

Кацаф!^{78а} Сначала разрушает свою же организацию, а потом требует, чтобы была проведена реорганизация выгодная ему, поскольку старая (подведомственная ему же) организация не состоялась. Новый вид организационной спекуляции: финансовой спекуляции.

Изобретатель — делал электрическое учреждение, доделал же до того, что кипятил чай в электрической катушке,— и тем дело кончилось.

[Как дам,— дак ты из [башмаков] сапогов выскочишь!]

«В Задонск!»⁷⁹ —

лозунг отца, крестьянский остаток души: на родину, в поле, из мастерских, где 40 лет у масла и машин прошла жизнь.

Рыли котлован под фонд<амент> клуба, нашли ветхий гроб без покойника и в нем четверть водки. Выпили. Водка была нормальная.

Мы не шкурщики.

Для вневойсковика:

Он (вн<евоискови>к) не знал, что говорить с людьми, и только, одержимый [страстью] привычкой человечности, сочувствия и тоски, тихо спрашивал: «Ну как поживаете?» и т.д.

«Открыта подписка на Распоряжения НКМата».

Если он остался жить и не сошел с ума, то это — роскошь.

Мы знаем вместе столько, сколько каждый в отдельности, если нас разделить.

Полпашкин, работая в учреждении, действовал так, что занимался своим<и> делами, а когда кто подходил, то начинал тыкать пальцем в чертежи, говорить безумные слова и пр., а потом сразу переходил на свое дело — получался бред жизни.

[Деревянное растение]

А ты прояви максимум инициативы, соединенной с соответствующей гибкостью-то!

Он пользовался местным авторитетом.

Психанул!

«Я умерла!»,—

мать <Верушке — нрзб.>

согласуй <нрзб.>

О стране, насел<енной> одн<им> человеком.

Для вневойсковика: Тарасову — бледные глаза, морщины слабости, надругательства и пр.

Вопросы надо решать на основе внеш<него> принципа «неясности».

Кацаф: «Мы, б<ольшевы>ки, должны заниматься агитацией д<ля> своих целей всеми средствами».

Х.: Пора делом заняться, а не агитацией.

Кацаф: «Да, пора, т<овари>щи, заняться делом, а не агитацией».

Об обязательности аномалий в истории: Христос; беспорочное зачатие Марии (физическое), к<а>к [факт] рудимент однополого растения (?)

NB. Есть такая версия:

Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренно думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане оживленного «плаката»,— но он локален, этот мир, он местный, как географическая страна наряду с другими странами, другими мирами. Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет, и быть им не может.

Но живые люди, составляющие этот новый, принципиально новый и серьезный мир, уже есть и надо работать среди них и для них.

В учреждениях уже жили кошки, все было освоено житейски, навеки.

В начале класса — чиновничий героизм; смерть на далеких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий.

Тема Комедии (14 Кр<асных> Изб<ушек> — м.б.)

I. Химический человек.

II. Схематик по природе.

III. Весоизмеритель находящ<ийся> в обращении.

IV. Сердцев, ч<елове>к отрицающий все, чтобы не учиться ничему.

V. Прекрасная полячка, котор<ая> ест картошку, мерзнет и не сдается смерти и печали.

VI. [Тарасов]⁸⁰

Тема собств<енности>.

Реорганизация учреждения,
борьба двух систем весоизмерительной промышленности.

Чем живет человек: он что-нибудь думает, т.е. имеет тайную идею, иногда несогласную ни с чем официальным.

«В революцию выигрывает «боковая сила», т.к. главные уничтожают друг друга, а боковая остается при здоровье и забывает все».

Сообщение мыслящего мещанина.

Для основ<ного> романа:

1) Человек, восторгающийся при входе в каждое новое место и клянувший его навсегда при покидании через три дня (как П<етя> из леса после грибов).

2) Человек, отдавший за стол 10 р. вперед за сутки и затем, не имея копейки, требующий рюмку водки, пачку папирос, спичек и 50 к. деньгами — взамен того, что не будет ужинать: сложный расчет, — хозрасчет бедной и гордой личности.

«Темная личность с горящим факелом»⁸¹

О мире, забронированном от действительности своим восторгом, своим самодовольством, своим превосходством, — навсегда;

только действительность, приобретшая скорость *n*, способна войти в тот блаженный мир. Мир соц<иализма> — уединенный мир!

[Разум противоположен истине: он не усидит на ней, он съерзнет:⁸²

вот в чем Хоз — Суенита загадка.]

Суенита заплакала от Хоза.

«Вся армия ОТК всего Союза пойдет за мной и завоюет мир» — Борисевкин — (новая всемирная сила).

Игра в тресте: один человек (секр<етарь> яч<ейки>), другой Коган, третьи — МЫ и т.д.^{82а}

В нем (Сердцеве) присутствовал здравый смысл, как случайность: факт необъяснимый им самому себе: весь мир перевернулся от удара здр<авого> смысла.

Не есть ли «Божинский»⁸³ —
новый вид животного?
(Ист<ория> с учр<еждением>)

Д<ля> «вневойсковика»

Именно довольство мелочью, нуждой, чепуховыми целями есть смысл жизни великого человека. А «абсолютная истина» — обжорство буржуа...

Вопрос замнем.
(Труднейший)

Человек, теребящий ногти, книжки, бумажки, спички и т.д., влезаящий благодаря этому в страшные для себя события, — псих нового времени.

Сам делал преступления, сам на себя доносил, ибо все равно узнали бы: пусть уж знают от него. Арифметика: что он преступник — плохо, что занимается самосообщением, хорошо, и простят.

Законы есть, но их надо выполнять не враз, а постепенно!
(Гарасов)

Преступник н<ового> времени: его сила не в преступлении, не в покаянии, — он самопрокурор, он обвиняет себя энергичней про-

курора и т.д. Величайший тип! Превращение жив<ой> жизни в высшее благо...

В тресте, в центре мира, были все очень худые, хотели есть по 2 обеда, но нельзя было.

Время идет, зреют, накапливаются юбилеи, 100-летия со дня рождения и пр.

Полпашкин собрал чл<енские> взносы в МОПР⁸³ и т.д. сразу за 5 лет вперед, дабы уже все были членами, иначе нельзя.

Для «Центра Мира»

Тарасов — родоначальник треста. Курьерша родила ребенка — сын треста — он лежал на столе курьера, на разносных книжках, и плакал. Ребенок — внук Тарасова.

Изучение параллелей земного шара, влияющих на изменение силы тяжести.

Сношения с Парижской Академией наук на предмет гравитации.

«Что ты его зовешь: ВИ, ВИ?! —

Что он, буфетчик что ли? Какой он тебе ВИ? Зови его — Ленин, как на мавзолее у него написано: просто!»

(Речь на митинге)

Для долговечности нужно поставить себя в положение «накануне ликвидации» — и проживешь два века.

Великая глотка под пустяковой головой.

(Божинский)

[Рассказ девочки о корове.

У коровы по четырем углам [поставлены] стоят ноги. Из коровы делают [мясо] котлеты, а картофель растет отдельно. Корова сама дает молоко, а индюк старается, не может.]⁸⁴

Чукин <нрзб.>:

«Англия разорвала с нами договор, дабы мы не торговали с Гитлером, чтобы Гитлер на нас обиделся и начал войну...»⁸⁵

Сторож центра мира (ребенок на бумагах).

Человек, просивший записать его в инвентарь обществ<енной> собственности, чтоб остаться целым.

В Стратилата:

Низина (темная) какой-то долины; он шел, дошел до разорения на конце совхоза, увидел, что тут был раньше сарай, в сарае ветхая машина стояла когда-то... Сарай из бревен старый, земляной пол, канава, ветхость, время идет... теперь нет сарая, нет машины, другое все, время идет... котел, вмазанный в глину...

Все это рассказать нельзя — можно только на скрипке сыграть!

Он изредка шептал губами что-то полагая и противопологая.

«На койку, в клинику — на полгода, на год».

Сердцев:

«Нам жизнь не дорога, нам дорог покой».

(О высшей мере)

О человеке, которого ругают газеты, г<азеты> били и бьют его за политпороки. Его душевное состояние ужаса непроходящего.

Оч<ень> важно!

При Стратилате существует «раб» — высшей формации <нрзб.>, как антипод, как всемирное бедствие, из груди которого также строится новый мир.

Есть не только эволюция, прогресс ума, знания,— но также эвол<юция> чувства, чего никто не считает. Что чувствовало сердце египтянина при бальзамировании трупа родственника. Едва ли только религиозный трепет: ерунда. [Именно в тайнах] Прошлые чувства погрузились в тайну и непонятные действия. Эволюция, изменение чувства есть!

О борьбе мелиораторов с землемерами, Росметровеса с Вовипом и т.п.— социальные универсальные чувства.

Народонаселение

Сюжет: встреча, обыкн<овенное> отношение людей — прямо или косвенно — хотя бы однажды, но с каждым обязательно. Реализм, обычность всего, это самое важное!

«В этом большом, среди многочисленности населения...»

Высш<ая> трагедия: мать умирает от рака на постели, а «Лиза»-соседка грызет и оскорбляет ее день и ночь, беспомощную. Мать плачет и умирает.

<Адреса и телефоны>⁸⁶

Румер — Таганка (15)

От Таганки 51 или авт<обус> 15

до завода, пр<оходная>, редакция

Павленко — 3-08-58

Тальник<ов> — 95-02, 4-42-49

Известия — 3-82-12, доб. 3-11

Панферов — 5-13-90

«Нов<ый> мир» — 95-02

Докукин — 5-98-70, 3-34-53

Булгаков М.— 2-24-63

С.Ф. Буданцев — 1-34-32

Трест — 3-05-67

ГНТИ — 2-45-86, 20/IX

Группком ГИХЛ — 3-63-92

Авербах — 3-97-51

Докукин — 5-98-70

Коган — 3-62-94

Изд-во Пис<ателей> в Лен<инграде> — 1-54-41

Ред<акция>, «Ист<ория> зав<одов>» — 3-42-40, 3-54-10

Ал-р Ис. Фельдман — 4-44-44

т. Смеляков — 38-39

Фирин Д.Л. (ОГИЗ) — 31-86

«30 дней» — 3-57-58

Анто<кольский> — 3-89-90

П. Васильев — Палиха, 7/9, кв. 158

Санников — 3-95-88

Лунач<арский> — 1-25-42

«Не есть ли тот, кто считает себя естественно-вечным и мир для него бесконечен,— стервец? — и причина мног<их> бедствий? Ведь мы временны, жизнь кратка и нежна, силы не столь велики». (Старик в поезде)

Он же:

«Кто бесклассовый, тот ведь деклассированный!» (!!)

«Когда в труд вкладывается вся дума (и душа), тогда дело уже пропащее!» — суть в том, чтобы трудиться не затрачивая последних внутренностей, это и есть — в остатке — душа».

(Рассужд<ение> разн<ых> чертей)

Сч<астливая> М<осква>

Себя я чувствую другим всегда, когда лишь что-нибудь престлестно.

Рассказ о собаке в Покр<овском>-Стрешн<ево>², которая никак не хотела уйти, сдаться,— все жила, все хотела греться, жить etc.

Черный щенок,
а его гнали, били, и устали все.

У нищих — сумка = лакомка, сумка = подспинница, набедренка. etc etc etc etc etc etc etc

Сч<астливая> М<осква>

И пьянство ведь основано на перемене ощущения своей души.

Важнейшее

Сч<астливая> М<осква>

Не только чужой душой, но и свою душу, хотя и приобретенную извне, «воровством»,— свою душу испускать в других без остатка,— это тоже прекрасно, жизненно, закономерно,— столь же, сколь и первое.³

Темное тепло.

Он водку пьет как молния.

Вы учтите! Это у вас не случайно! Надо по-рабочему!

Жить 10 лет на шкурках, или два года роскоши — одно и тоже!

Сч<астливая> Москва.

Толпа, это туча,— пойдём на тучу!

Конец света:

и люди стали настолько глупы, что уже практика их жизни, действительность, ничему не могла научить их, лишь разучивала и приводила к обратному.

Для Сч<астливой> М<осквы> оч<ень> важно

Она, Москва, жила независимо, не обращая внимания на течение, на судьбу, на преследование мира, на всю чепуху,— на все, как некое растение, живое внутренним теплом,— под ветром, бурей, дождем и снегом.

Оно отделилось ради соединения с будущим.

[Голод:

как Петя хотел есть в детстве: ел огрызки яблок, тоскуя так (от роста тела и т.д.), что не мог ни читать, ни думать — и даже плакал от душевной печали, тогда как это была лишь жизнь, растущая и тоскующая от своего недостатка...]⁴

Д<ля> Москвы

И самоудовлетворение, бессознательность есть своей душой, радость,— чел<овек> не выходит из круга своего сердца и ума .

«Нучтож, придется жить благородно!»

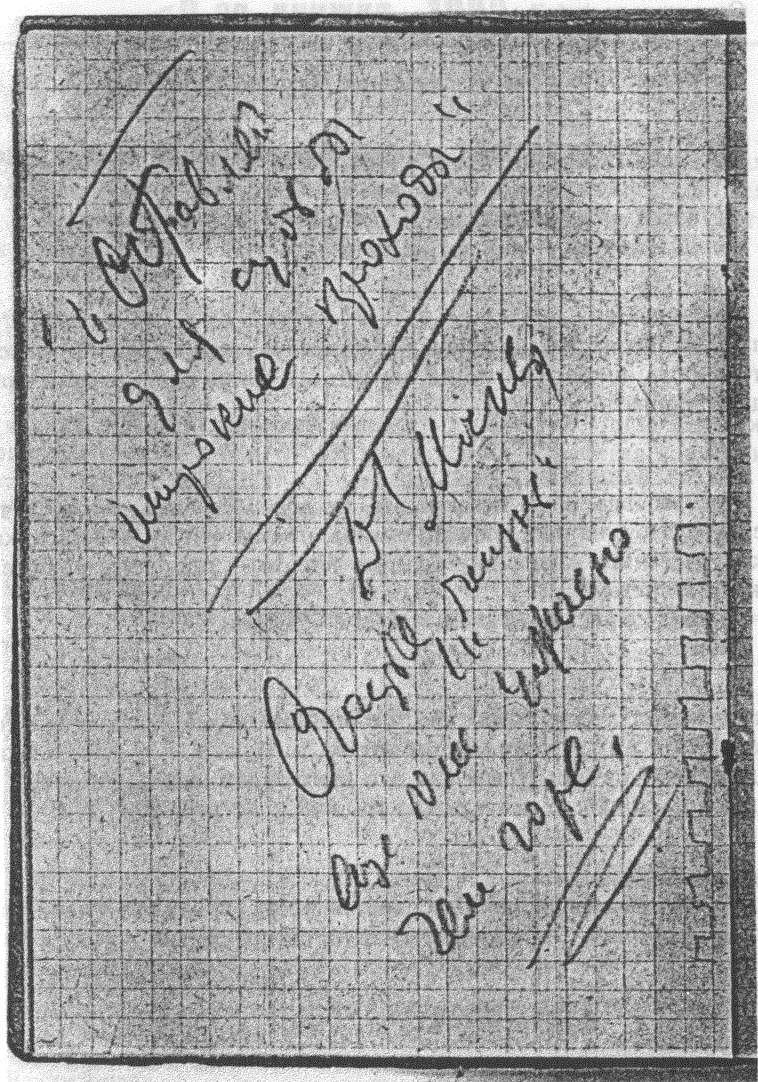
Капитолина = Капишка.

Пенсионер Грошевилов.

«Оставляй для судьбы широкие проходы».

Д<ля> Москвы.

Счастье, «жизнь» еще более ужасно, чем горе.

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1933

<Рисунок раскрытия парашюта.>⁵Сч<астливая> Москва

Чрезвычайно

И счастливую, железную душу надо разоблачить,— и в ничтожестве есть душа,— мертвых нет нигде.

Композиция Москвы —

то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть свой греющий очажок, иначе он, чел<овек>, не прожил бы и минуты.

Как прекрасна и свята глупость! — Помни ночь, бугор на ж.д. и будка маленькая, деревянная.

Д<ля> Москвы

И каждый день лишь для того и повторяется, чтобы люди вспомнили забытое, необходимое, а люди думают, что это лишь время идет.

О любовнике [видной] жены видного лица,— как неожиданно вернулся муж, [выгнал] тихо выпустил любовника, сам лег, а жена, проснувшись, сошла с ума:

и дальше,

и дальше,

дальше,—

а муж ходил к ней в больницу.

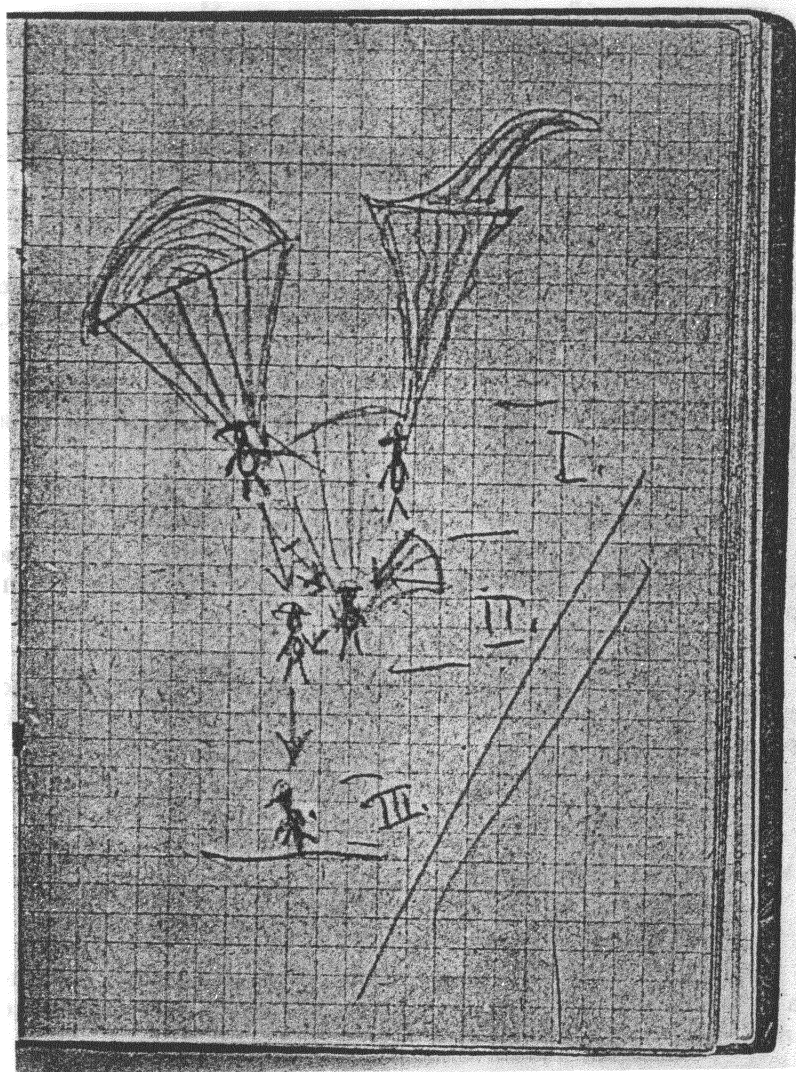
Старик-«Мазай» (в Л<енин>граде):

«Я 15 лет в уборной служил, у меня сейчас три великих магазина-продмага на руках, а ваши магазины — говно... У меня ведь все в порядке».

Дочь хозяина кабака (служанка) красивая такая, что без нее гости не пьют, не едят.

Дед закусывал водку, выбирая тесто из своей бороды.

Театр полон портных, п.ч. актриса (бездарная) замечательно одевается.— Актриса в <сарже — нрзб.>.

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Рисунок раскрытия парашюта
Автограф. 1933

«Нет, Андр<ей>, я еще хочу все узнать в Ленинграде, все воспринять из окрестностей, подучиться, поездить, etc., etc., а тогда уж — уеду куда-нибудь.»

Би<хе>виоризм — как фашизм.⁶

Уже марширует на учебн<ых> занятиях в Германии тот человек, который убьет меня.⁷

«Оружие в мире фашизма действует быстрее пера писателя».⁸

[Я в молодости работал не в тягости, а в суете (коридорн<ым> в гост<инице>), поэтому и сохранился в старости.]

[Вел<икая> тема

Женщ<ина>, всецело связавшая себя с мужем. И вот они стареют, тогда ж<ена> говорит мужу: как бы я хотела еще раз такого же, каким был ты,— живой, увлекательный, искренний, первобытный,— влюбиться в него и потом умереть: больше не надо уж ничего!]

[Странно]

1) Ведь ясно, душа не стареет в человеке, только тело ветшает, а «она» все та же.

2) Бывают и молодые — старые, но это доказательство первого. Отсюда старухи такие молодые постоянно.

Арестанты богатые не бывают.

Враз вырвало! — Сашку!

«Эх, век не видать!» — на водку.

Пахло харчами.

Больница,
окно,
ребенок.

Ребенок (в окно больному отцу):

— Папа, пойдем домой.

Отец:

— Погоди, у меня моча мутная!

Муж-милиционер арестовывал жену за мещански-антисоветские настроения, говорил «это взятка», когда его угощали стаканом чая.

Духи купили в пекарне.

Семен⁹ — бабке:

Как умрешь, так золотые зубы у тебя вырву.

Чрезвычайно важно

Можно либо переполниться сердцем настолько, что его нельзя уже укротить добром... Оно становится недобрым, будучи переполнено как раз любовью и добром.

Рассказ

Подметка¹⁰

— Я боюсь, это подметка!..

— Так отчего же?

— А он — подметка!

Я боюсь Подметку: мне 6 лет.

Инстинкт «человечности и пр.» крайне непрочен, он исторически приобретен, он может быстро замениться «основным» инстинктом животного эгоизма.

Ночное пение аэродинамических труб во всех крупных городах мира — вот мелодия времени, истории.

Крестьянин имеет переменную душу — от погоды, природы, от ветров и потоков.

«Когда же мы с тобой трезвыми будем?»

<Несколько листов книжки исписаны детской рукой — решения арифметических примеров, стихи:

Снова с поля,

А я сидел и думал.

Леса поля и горы

Все это вижу я.>

<Адреса и телефоны>¹¹

Белоконь В.К. — В 1-75-38

Понедельник

т. Червяков — К 0-42-41

Кожебаткин Ал-др Мелентьевич — Новинский бульв., Прямой пер., д. 12, кв. 5, до 12 ч. утра

Буданц <ев> — 1-34-32

В.О. Перцов — В 1-55-69

Политрук Губарев, ст. Моршанск (о буфете)

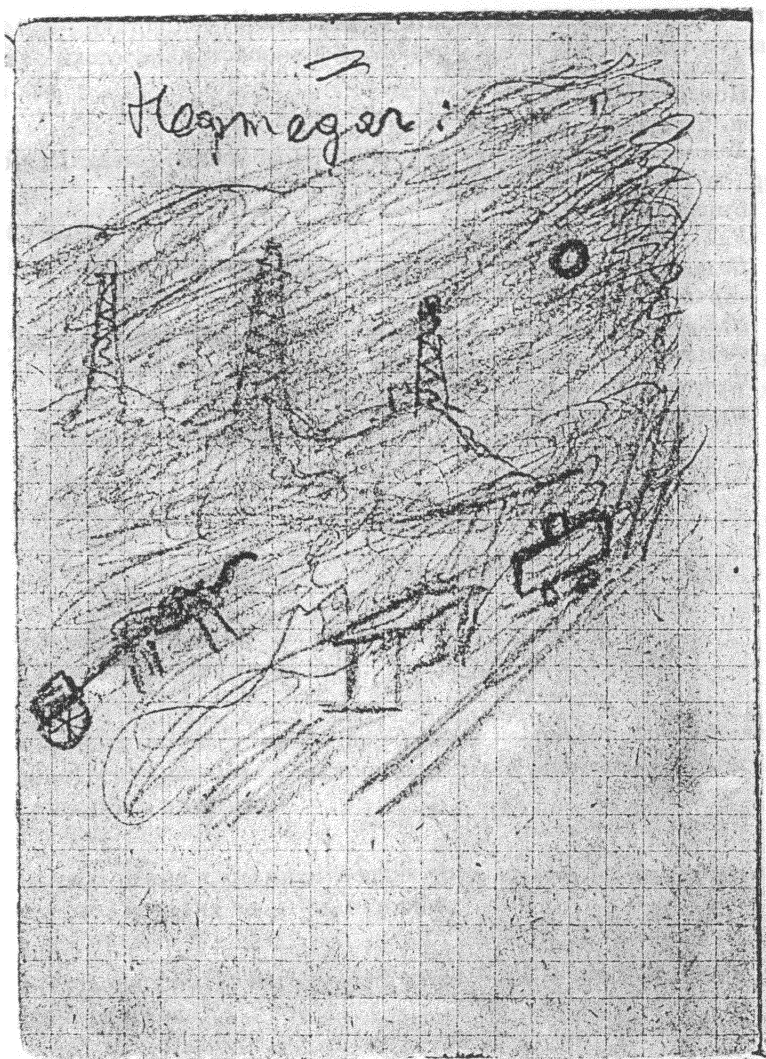
«Кр<асная> новь» — 5-80-82

Изд-во «Сов<етский> писат<ель>» — 9-90, доб. 118

Фельдман — 1-66-72

Чернявц <ук> — В 3-23-68

Мунблит — 4-65-67

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1934

Председатель большевик (напр., Атабаев): нужно возбудить сердце масс, настроение, их душу на дело, а если вперед сомневаться, то потом обязательно дело провалишь.

Хозяйственные страсти: поливка улиц, фисташковые рощи, субтропики, ширпотреб, конфеты, рыба, птица, травы, озимая рожь, орошение.

Наши трудности так велики, что нам мало энергии, мало преданности, мало знания, машины, нам нужно вдохновение, воодушевление и страсть,— тогда мы победим.

Окружение Ат<абаева>: тов. Истина (хитроумная преданность, напряженная лесть, хозяйственная «премудрость» рядом с авантюрным прожектерством, дабы не походить на мещанина-оппортуниста и т.д.). Другой — испуганный дурак, готовый броситься с поезда ради уважения.²

Басмачи сами делали свинцовые пули в Каракумах, в то время как совет<ские> акад<емики> сомневались в каракумском свинце.³

Колодезь в Каракумах — вот место аула, хотя бы аула и не было.

— Где у вас сельсовет?

— В Персию ушел, через два месяца вернется.

Нефтедаг:⁴

<Рисунок — нефтяные вышки, караван верблюдов.>

Он, Атабаев напр., не искал, как многие умники, одну, ясную, «умную» причину прорывов,— умники, которые полагают, что достаточно ликвидировать эту одну причину, чтобы дело поправилось,— он брал многие факты, создавал «серые» картины в своем сознании, трудно умещающиеся в голове, но зато действительно близкие к действительности. Ликвидировать прорывы — без «основного звена», а взявшись за многие звенья сразу, было трудно, иногда невозможно, но зато успех был серьезным.

Губкин (?!) — примитивно-хитрый человек, наигравший на себя достоинство.⁵

Молодой черноватый инженер — восторженный карьерист.

Пом<ощник> Губкина — живущий за счет угождения Губкину, как Губкин — Атабаеву («надстройка» паразитизма).⁶

У барса силы на одного человека, в сердце — на сорок. У тигра [сердце] силы в сто раз больше, но сердце не больше человеческого.

Над пустыней, над плоскогорьями — облака желтые, смертные, над морем — светлые, ясные (Красноводск).

Губкин:

— Кто расстрелял-то 26 комиссаров?

Я:

— Англичане.

Губкин:

— Ах, мерзцы!⁷

Чтобы [при]выдумать глупость, надо иметь, как минимум, мозг для этой [придум<ки>] выдумки.

— В Москве, Нью-Йорке... шум, чад, опасность для жизни, истерика, невроз...

Жена Атабаева:

— Ах, как хорошо! Вот где прелесть-жизнь!

(Влюблена в «Вечёрку», прочитывает даже объявления)...

Сам Атабаев не был нигде, кроме пустыни и Москвы—Ленинграда.

Не имел отпуска с начала революции.

[Туркменки]

Т<уркменки> — последние люди, человечные, глубокие, добрые,— но уже губимые, размазываемые «фата-морганой»... (Здесь большое соображение)

Атабаев обожает Туркмению и бережет каждый стебелек ее пустынь: он с жалобным сердцем смотрит даже на песчаные вьюги, развевающие тело родины в бесследном пространстве.

Туркмения — ее душа столь же свежа и хороша, как античное лицо ее людей, потомков парфян.⁸

Мне тяжело (вчера Губ<кин> сказал... ..).

Не чувствуй себя,— так же, как тебя не чувствуют другие.

Ай-Султан —
лунная царица.⁹

Каракумское забвение (оазис).

Федосеев¹⁰ — изобретатель тумана.
Изобретатели оперы, кино, литературы.

В Каракумах лежат оазисы всесоюзной контрреволюции (не только туркменского байства).

Туркмены — одни из потомков парфян Ал<ексан>дра Македонского.¹¹

Все выходы, все пути направлены, чтобы вырвать Туркмению из ее сухой нищеты.¹²

Кяризы — подземные коллекторы грунт<овых> вод, с 1—2 выходами на свет.

Все колодцы пустыни шахтного (шатрового преим<ущественно>) устройства.

В Каракумах — по всей их площади — не был никто.
Там можно встретить нечто неизвестное и даже великое.^{12a}

Колодцы с саксауловым креплением шахты.

Тема:

Происхождение бахши¹³: бедняк-батрак, ктр. хотел заработать на невесту 20 верблюдов; заработал к старости, оставаясь девственником,— но потерял способность к женитьбе и стал плачущим бахши (любовь — лирика прозотериста, лишённого половой жизни).

В 1908—1912 гг. вся «Россия», весь «мир» интересовались слонном Ямбо, сошедшим с ума в Одесском саду.

Прошло ~ 25 лет, человечество опять [чем-] интересуется, и непрерывно в промежутках интересовалось, подобной же вещью, еще более, неизмеримо более искусной и глупой. Что же это? Всемирная сенсация — не есть ли подлинная общественная душа человечества? Человечество! Оно сплочено страстью к сплетне. («Scel»)¹⁴

Помни «бригаду» — это ж не проще государства¹⁵.

Бахши девственник:
буду работать, как самовар в чайхане, всегда...

Туркмену не все нравится в России, а русскому в Туркмении «всё». (Русский — «испуганный» господин, т.е. подлец и раб.)

Туркмения — страна иронии.

Возможно, что Азия всегда была малонаселенной в некоторых частях и пустынной. Именно это способствовало созданию высоких культур, [уменьшения] путем уменьшения напряжения взаимно-человеческой борьбы, благодаря закрытию перспектив к материальному обогащению (песок, безводие, небольшой ассортимент продуктов и т.п.)

Наоборот — появление масс населения (Тимур и т.п.) сейчас же заставляло сбрасываться войнами на Запад, в Европу, где уже шло совсем другое дело, а Азия в пустынях своих опять успокаивалась на некотором терпении и минимуме.

Есть что-то в геологии и гидрологии Азии, что постоянно минерализует ее почву и воду (нефть, сера, газ etc...).

Или — это не так!¹⁶

Желтый шелк
растянется,
Жилища русских
разрушатся,
Не плачь, Ашхабад,
Твое время
придет.¹⁷

Девушка раскатывает чельпеки (лепешки).
Мастер лепит горшки.

Курбан-Нияз.
Эмир Баба́.

[Из Ирана в Туран пошел поезд.]¹⁸

Много лет я бродил, теряя слезы и пот в песок.

Бросай свою работу, давай пойдем учиться.

Суфин (?)

[И что это за [скверное] плохое горе мое: тот, кто ушел, назад не приходит.]¹⁹

Для того, кто понимает,— вселенная не существует.

Святоша счастливый: дети (4-ро) плачут голодные, жена горюет и работает, а он сидит веселый, счастливый и изо рта его пахнет кабаком, [и] гульбой и теплыми речами к далеким друзьям.

Х: Все средства хороши: изучал марк<иза> де Сад<а>^{19а}, полузабытых поэтов, [где] душа которых настолько благородна, что может жить лишь при условии своего извращения.

Сеид Мухаммед — аристокр<атическое> (?) имя туркм<енское>.

Туркмены — народ интимный, чуждый зрелищ (доселе).

Наиболее почетное лицо — бахши; он не только певец, он и судья, и друг-утешитель и советник.

Аул живет песнями, слухами, сказками, сенсациями (прежний аул).

Чары Великов,
чары — четвертый.

Дурды-Векиль — имя муж<ское>.

Окуз — назв<ание> целого рода.

Кочмат, имя муж<ское>.

Многоженство, это батрачество, т.к. женщина есть главный рабочий.

Всякое скопище людей дорого стоит бедным людям.

Казанбай — имя.

Наибольшее изменение или горе последовало после путешествия Хр. Колумба, что земля круглая, безысходная, а не плоско-бесконечная.²⁰

Мечта о предгорьях Копет-Дага, о берегах Аму, как о прохладном рае.

Страшная жизнь на глинистых раскаленных такырах²¹, как на сковородках ада.

Даже куст саксаула — куща.

[Птицы в пустыне. Не они ли самые счастливые: они могут улететь на дальние реки.]²²

Сколько бы ни лить воды в пустыню: она не повеселеет.

Пустыня — мать скудная и худая.

Худая пустыня, [рас] давно рассыпавшая свои кости в прах и прах истратившая на ветер.²³

[Катигроб — фамилия моего знакомого.]²⁴

Не доводи ничего до конца: на конце будет шутка.

Человек широкой воли, вмещающий все [безлюдные] пространства и свой дом.

Человечество выросло верхом на осле.

Осел — остаток великана: [хуй от великана, уши тоже, ножки нет и т.п.].

[Как долго в Азии день идет: начинался и кончался ветер, было солнце, играли дети и ушли и т.д.,— сколько средств нужно, чтобы пережить такой день, ск<олько> терпения или отчаяния.]²⁵

Имена:

Атах-Баба,
Назар-Шакир,
Ода-Кара.²⁶

Бедность: «Ни хлеба, ни подстилки».

Табиб — знахарь.

Калым (цена невесты) у туркмен Б<айрам>-ал<ийского> района достигал 5 000 р.

Бедноте давали поливные земли в хвостовой части канала, где и воды меньше и на работу нужно ходить за 10—20 км, не имея обуви и транспорта.²⁷

[Фаланги бежали так шумно, что слышно, как они топали ногами.]²⁸

Промышленность в кочевьях основалась на необходимости ремонтировать самовары чайхане.

Туркмен за жену убивает.

«Бывало только и думаешь, как прожить завтрашний день, где достать кусок чурека для себя и семьи, где взять тряпку, чтоб прикрыть батрацкое тело, а сейчас нам надо другое — мы ищем ламп для электричества».

Ак-Мурад-Джанар, м<ужское> имя.

Отчего кричит осел? (говорят — периодически, через 3 ч<аса>).— Разгадать.²⁹

В экспедициях, на пустынных станциях живут кучками люди — острят, скучают, сатанеют... (нет, лучше жить с женой, чем в ошалелой ораве),— Репетек, бригада etc.³⁰

Пустыня либо вечна, либо она образовалась в результате карьеров.

Груды, ж... как барханчики.

Саксуальные страсти.

Бугристые пески.

Верблюды — пролетарий,
осел — профсоюзник.

Тема:

Басмачество породило много беспризорных отар овец, группы верблюдов и ослов, [бредущих] одичавших в пустыне. За беспризорными стадами организуется охота. И вот — охотники (колхозники) в Каракумах.^{30а}

Колодцы:

старшина на колодце. Глиняный резервуар; поильные корыта. Гигантская работа по заготовке воды для стад.

Козлы — вожди стад.

Собаки — стражники порядка, чтобы овцы не передавили друг друга и не потратили зря воду. Искусство колодезного дела.

Глубина колодцев с саксауловым стволом доходит до 40—50 метров, — как их роют и содержат. Воду достают кожаными мешками, тягой верблюдов, — веревкой через блок.

[Тема: Гибель «Титаника» (гибель буржуазии, допустим, — во всей чепухе, жалости и глупости).]³¹

Амударья, река человечества. Бродячее русло.

Древняя драма вокруг Аму все еще длится и не закончена.

Уйти от Аму — умереть. Жить у нее — быть растерзанным людьми.³²

Пустыня аграрная:

верблюдоводство, хлопок,

овцеводство, [скот]

травосеяние,

хлеб<o>земледелие,

саксаул,

песко[укр]борьба,
ветер.³³

К<ара>кумы —
это цистерна с нефтью, ящик с углем и [большая коробка] мешок с серой.³⁴

Диалектика природы в К<ара>кумах.³⁵

Каракурт, растение, животное, человек говорят в К<ара>кумах: глядите, как мы живем, без воды, без женщин, в жаре, в голоде, — разве мы можем быть похожими на «европейцев». — Нет, мы должны иметь в себе особый яд, противодействующий нашему ужасу.

Это придает нам и высшую ценность, и нестерпимость для многих.

Выпей водки, — сразу все мировоззрение перестроится.

Толпыго — вот большевик добрый. Диалектика в том, что добрым надо стать злыми... И Сталин ведь хороший.

Как выпил, так все мировоззрение изменилось.

[Австриец-военнопленный в песках Каракумов с 1916 г.; он оставлен в чумном месте с туркменом и туркменкой.]³⁶

Заболевших чумой, туркмены оставляют на месте больных и мертвых вместе с имуществом и кибитками — своих жен, детей, родных, — уходят почти голые.

Кочевники знают такие чумные очаги и обходят их далеко, так что одиночество австрийца в таком месте обеспечено почти на век.³⁷

Эпизод с ослами или лошадьми, с колодцем, с водой, зараженной трупами. Как поили лошадей (сначала ослов, разжегши паклю под ветер над водой, чтоб запах относилось), потом лошади все умерли, и ослы тоже, — оплакивание их в пустыне. Лошади и ослы кончались на руках у людей.

Джумаль и каракурт —
ситуация.³⁸

Хошар — ремонтные работы по восстановлению и очистке ирригационной системы.

Аккомпанемент павлина: кричит он утром и днем, как больной, скучный звук — ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту и т.д.

М.б., и мужчину надо, который не любил...

У Джумаль — дети (?)

Печаль Туркмении —
нелюбовь.

Ветер, пастух песков.

Обычай кайтарма: возвращение жены в дом отца до выплаты женихом калыма.

Каракурт, глядящий из колодца норы парой ясных глаз.

Сколько незаметных явлений идет [из] в мире: сыпется песок-известь из вагонов от легкого ветра, капают капли из пустой бочки etc...

Лучше всего ехать в кадушках водяных поездов. Так едут по Азии тысячи детей, нищих и бродячих одиноличников.

Азал-Текин,
Теджен,
Мерв,
Чарджуй,
Амударья +
+ отдельные мелкие оазисы.

Туркмения в древних развалинах — Туркмения кладбище.

Жалкое кладбище среди культурного опытного поля Репетека. Покойники лежат [в] среди заповедной зоны, — как их проведать родственникам.³⁹

В пустыне весной грибы северные.

Подъем на горы увеличивает тоску (глина, безродн<ость>, вековая пустошь).

Горы Азии (Копет-Даг, другие), это родина и моя.

Удивительно, что родина человечества столь пустынна и нелюдима. Что здесь связывало людей?⁴⁰

Русский — таракан.

Туркмен — каракурт.

Сцену на колодце развить максимально.

Бай умирает от тоски по ослу, батрак — от тоски по жене.

М.б., останется, что каракурт был единственно правильным существом из всех мириадов, из всего опытного набора жизни.

Безвестное, уединенное и вышло в истину. Будучи только человеком, этого понять нельзя, с этим согласиться невозможно. А выйдет что-нибудь именно так или близко к этому.

Мираж в пустыне не берет киноаппарат.

Зрелища в пустыне — эфемерны.

Растения — эфемерны, их убивает жара и сносит ветер без следа.⁴¹

Бригада писателей — собрание несчастных (изредка жуликов).

Старичок со старушкой в будке сидит и тюрю хлебает в пасмурный вечер под Ашхабадом. Он думает тоже о родине, о своем «Туркменистане».

Нищий туркмен идет по полосе отчуждения ж.д.; вслед за ним женщина, со столь худыми ногами, что [чу] материя чулок висит на костях ее ног, и собирает щепочки сантиметра по 3—4, чтобы сварить где-то ужин в закоулке — себе и босому мужу.

Ил Аму плодоносней чернозема: он прах прошлого. Перемытая ткань истории лучшее сырье для будущего, чем свежесть девственного перегноя. Пессимизм лучшая руда для оптимизма. Странно, но верно!

Музыка туркмен идет в два голоса — арифметика любви двоих.

Джунаид убил свою дочь своими руками и выбросил ее прах собакам, когда ее муж третий раз пожаловался на нее, что она его не слушается.

Чл<ен> партии, туркмен, [убил] отрезал голову своей бывшей разведенной жене, когда она сошлась с другим мужем.

Тема:

Трагедия началась после челюскинцев: на льдине, оставленной экипажем, у деревянного сарайчика с запасами, оставленным<и> Ворониным, вдруг очутился человек... И вот началась его история, когда его никто не спасает и спас<ать> его не надо, некому или невозможно. Оставлен в деревянной будке радиоприемник.⁴²

А что такое Пушкин и Гоголь — разве это предел?

Оч<ень> важно

Женщина в Туркм<ении> лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность; она условный узел общественных битв.

Муж<ские> имена:

Ораз Бабаджан,
Чекиров,
Якубджанов.

Ситуация с каракуртами, как средством мести в ревности.

Женщина — царица животных и насекомых и рептилий.

Важнейшая тема:

Туркменка, которая никогда не любила и не могла любить по условиям жизни,— человек абсолютно без любви, сердце которого все время сжимали, мертвили, давили,— трагедия совсем другого порядка, чем обычно,— мирового типа.

Жен<ское> имя:

[Джумаль]
Джима-Гуль.

Легенда о страшном госте из сыпучих песков.⁴³

Босой худой нищий туркмен, целующий ребенка на своих руках.
(Байрам-Али)

Д<ля> Счастл<ивой> Москвы:

И вот они встречаются, но уже совсем иные — Сарториус слепой, Москва — многодетная, но непобедимая.⁴⁴

Дутара — испускание духа и сердца скорбящего.

В Норвегии — ландшафт, как счетоводство, в Туркмении — как растрата, расточительство etc...

Быть богатым, ходить в пустые рестораны, куда жители боятся ходить, где играет старая музыкантша, и пропивать с нею, с партнером все деньги всю ночь в пустоте зала с керосиновыми лампами.

Тайна Азии:

культура произошла от самых гонимых, робких людей, [при]загнанных воинами девств<енных> степей, свежими великанами — к самым нелюдимым, тяжелым местам мира — скажем, Амударье. От тяжести условий была создана культура. Но и только. Эта родина человечества очень условна. Счастливая жизнь прошла в других местах, и историч<еской> памяти о них не осталось.⁴⁵

Искусство (прошрое) сначала причиняло боль обществу (Шекспир), потом проходило время, боль засыхала, искусство признавалось классическим.

[Джумаль] Сов<етская> власть абсолютно права: в истории случилось обстоятельство (послевоенное и военное), когда люди — многообразные пиздюки, не поддающиеся никакой коллективности [нуждаются] (благодаря долгой специфике этой самой «коллективности»), нуждаются [лишь] в великом руководстве.

Старообрядчество, это серьезно, это всемирное принципиальное движение; причем — из него неизвестно что могло бы еще выйти, а из прогресса известно что.⁴⁶

Тришин говорит, что из него вышел Шолохов, а Тришин откуда вышел? Ха-ха-ха!⁴⁷

Пестрота человеческих индивидуальностей,— как ужиться с ними,— трудно, невыносимо и надо.

Что за гнусь появилась на земле? Откуда? Что это за жара и болото,— боже мой, дай моему сердцу силу. Уйду я, уйду отсюда, но куда — ведь некуда! Значит в землю — к матери, брату и сестре...

Большаков, что-то неизъяснимое, проклятое, четырех *n*-личное...⁴⁸

Нестерпимость жизни у Джумаль даже физическая.

Джумаль нелюбимая, нелюбящая...

Ее ебут с младенчества и непрерывно, душу отшибли уже и сердце взбили к горлу, к печальному, опустевшему уму.

Для «Македонского офицера»

Люди питались (буквально) [интригами между] игрой* между собой,— другие работали. Но между работающими и играющими было сообщение: проигравший летел в работающие; работавший мог сыграть столь удачно, что попадал в разряд играющих и т.д.

* И эта игра — самый тяжелый, кровавый труд.⁴⁹

Тема: человек, делавший все в жизни лишь однажды. Жил с женщиной лишь раз, потом старался забыть даже ее имя и при случайной встрече прятался. В городе блуждал и бросал местожительство без возврата.

Невозвращенец своей судьбы.

[Фирюза]

[Чинара «7 братьев и 1 сестра», тысяча лет. Дерево въело себе в тело огромные камни, окружило их корой, освоило и выросло дальше. Так надо каждому — взять попутные мешающие камни и увлечь с собою в рост.]⁵⁰

Аламан⁵¹ — пленение девушек, похищение ценной добычи, героический подвиг вообще. Если все живы возвращались из Персии, то пленников угощали и хорошо относились. Если были убитые, туркменки царапали лицо пленникам, били их и даже резали.

[Фирюза — ущелье, проход в Персию, с персидскими сторожевыми башнями, центральное место вековых боев персов и туркмен.

Здесь шел поток любви, женщин, товаров, войн, запах цветов, птицы, скважина жизни, гром соловьев и песни потоков, ветер обилия,— это дуло в лицо Джумаль.]⁵²

Бедняк-батрак жил обыкновенно с ишачкой или овечкой, не имея средств для приобретения жены.

Уважение туркмена к женщине чисто экономическое. Если хозяйству не нужно, туркмен живет с женами-старухами, не беря молодой, имея возможность ее взять. Но хозяйство не выдержит!

[Женщина была рабыней, полная деморализация души. Если муж бьет жену, а другие вступятся, то жена прогоняет защитников и становится на сторону мужа-истязателя.

— Это наше дело на нашей кошме, уйди, посторонний.]⁵³

Чинара 7 бр<атьев> + 1 сестра —

вся сила ее и прелесть, что она знает и молчит, что прошлое безмолвно. Если бы прошлое говорило, было бы скверно.

Чекист Алексей,— без зубов, бедный, семья грызет, работа иссушает, 10 лет в песках, опьянел от двух рюмок красного вина,— не хуже Атабаева.

Его гость — басмач, ни разу не слышал соловья и не пил вина. Сделает все любое.

В гостях в Фирюзе у Пойка. Обстановка, люди, дух...^{53а}

Возникновение войны [из-за] между атабайцами и джафарбайцами: джафарбайцы ехали с двумя своими женщинами. Встречные атабайцы иронически улыбнулись на женщин. Джафарбайцы опустили верблюдов и из-за них убили наповал выстрелами обоих атабайцев.

Джумаль не из Персии ли? Не персиянка ли, столь частая женщина туркмена? Увезенная девочкой, еле узнавшая любовь,— или не стоит?⁵⁴

[Событие может идти на туркменском выходе из Фирюзы.]⁵⁵

[И пища, как она ни была бедна и однообразна по виду, она была создана светом солнца, весенним ветром пустыни, горной

водой арыков, теплотою чистых песков — и поэтому тело Джумаль так было полно и хорошо.]⁵⁶

У партнера Джумаль или у самой Джумаль выступал пот [тоски любви] по ночам, как тоскливая влага материнства, как роса в великих песках.

Жен<ские> имена:

Айдым, Гюн, Огуль.^{56а}

Он не может.

[Она не любит.]

Для рассказа.

Когда ей было трудно
от сала на коже,
выходила на ветер —
и ветер и песок обмывал<и>
ее своим движением.⁵⁷

Лежит печальная печать.

Для Счастливи<ой> Москвы

Друг<ая> жизнь иногда — вцепляется и задерживает безостановочно.⁵⁸

Время героизма и время жулья, ловкачества, вранья, стихийного самопохваленья, авантюризма и т.д.

Все эти Трабские, Тришины, Козины⁵⁹
etc...

Туркменка, это — ни в носу не ковыряет, ни соплей не чувствует, ни грязи своей,— это другое соотношение с природой, другое совсем самоощущение, чем у нас.

Ощущение Дж<умаль> (?) родины, Персии за горами — все время. Но горы пусты, на гребне их никогда никто не показывает. Так близка родина ее за горами.⁶⁰

Персид<ские> имена —
Муж<ские> — Жен<ские>⁶¹ —

<Оставлено чистое место для записей.>

Наверно, в высоких сферах — выше стратосферы — живут тысячелетние птицы и спускаются есть однажды вдруг среди внезапных веков: отсюда, именно из реальности, многие легенды. Именно наверху есть наилучший воздух и температура, и долгий свет, обеззараживающий от смерти, которые обеспечивают почти вечную жизнь.

Над землей есть несомненные птицы!⁶²

Боже мой — непрерывное напряжение приспособленчества и безошибочности.

Аннау:⁶³

Ребенок, воспитанный в нищете, в говне, в песчаном ветру, в развалинах пятисотлетней мечети, на руинах веков.

[Ей было так тоскливо, что она ходила испражняться, когда ей не хотелось и было не нужно, лишь бы заняться.]^{63a}

[Доверяй мертвым свои тайны и желания, — их душа исчезает на небо и захватывает твою просьбой с собой.]^{63b}

Для Счастл<ивой> Москвы:

Сарториус — исслед<ователь>, безвозвратный искатель фактов, никуда не возвращавшийся ни путем, ни желанием, проникавший жизнью сквозь всю толщу действительности и обраставший ею.

Это новый мировой тип! Новое состояние жизни — необратимость души. Таких людей нет, но каждый такой.⁶⁴

Я вся растаяла в слезах и истекла ими.

Во Франции девушки зарабатывают на приданое проституцией, уже имея жениха.

Один жених убил невесту-проститутку, застав ее душевно любезничающей с другим.

На суде убийцу спросили:

— Она ведь каждый день вам изменяла...

— Нет, никогда, — сказал жених, — то была работа (le travail).

Его оправдали.

Туркменский батрак всю жизнь зарабатывает на калым и живет с ишачкой.

Усопшая пустыня.

Казачи с детьми в помещении «вокзала» Репетек. Вообще, ст<анция> Репетек.

Аннау: мечеть под Копет-Дагом; изразцы: цвет неба пополам с [сумрачно] сумраком глубокого колодца.

Шаляпин не имел своего голоса: он входил в характер роли и пел по ее существу. Странно, но необходимо, что в мире существуют «пустоты» для вмещения всего без субъективных помех.⁶⁵

Утро 7/V. Туркменка на ст<станции> Теджен — похожа на Джумаль.

Кладбище из 4-х крестов, огороженное колючей проволокой, в центре растительного заповедника, защищаемого сторожами с ружьями и собаками. Как тут поминать усопших и любить родителей?

Для Сч<астливой> Москвы

Жизнь для Сарториуса действительно стала неповторимой, поскольку он делал все время несуществовавшие факты.⁶⁶

Житель международного вагона прямого сообщения.

Причина, м.б., главная (но не единственная) происхождения пустынь Ср<едней> Аз<ии> — ветер со всей системы Небесных Гор — вплоть до Копет-Дага на Каспийском Западе. Песчинка — часть твердых горных пород, вытертая ветром с камня.

Прощай, Туркмения! — Вот Аму, Фараб, дальше уже не ты, а Узбекистан, казаки, родина.

6 ч<асов> веч<ера> 7/V, мост через Амударью у Чарджуя.

Конец эоловой печали.⁶⁷

От ударов топором саксаула — из него сыплются искры (такова плотность этого дерева-бедняка, жадность к сбережению влаги, тесная скупость растительного тела).

Истина всегда сама на себя не похожа.

Есть и другие страсти, кроме любви, которыми может жить человек, если будет необходимость.

Джигун — араб<ское> назв<ание> Аму; некот<орые> туркмены и сейчас еще называют ее так.⁶⁸

Туркм<ены> говорят:

— [Нам не] У нас нет тени от дерева, и нет тени царя (их). Каждый из нас царь!⁶⁹

Туркменка — жениху герою:

— Где твоя душа? — Твоя душа в твоём мече, твоя душа в золотой стреле!

Туркм<енские> женщины часто воспитыв<ают> лошадей и ласкают их. Лошади очень чуткие и смысленные. Они иногда пасут-сторожат детей вдали от кибиток и не дают им уйти слишком далеко в пески. Заблудившихся пашенков — разыскивают среди барханов и пригоняют, как жеребят.

И Джумаль потушила свет маханием руки.

Направление для зла — «в леса и озера». ⁷⁰

Степные вороны сидят на телеграфных столбах; после прохода поезда они бросаются на линии и пожирают отбросы. Тем и живут в голой степи. Джумаль тоже этим жила некоторое время.

После опустошения Самарканда номадами (начало 18 века), в нем остался ровно 1 житель,— и этот житель затем размножился. ⁷¹

Гость-человек в Туркмении ценится совсем не так, как в России. Человек это все,— остальное же — кибитка, пыль, пустота, грусть бедного сердца, отчаяние старого моего знакомца — сердца.

В сущности — все, «социально-сознательные», стремятся лишь к одному — сесть на поезд и уехать в Москву. Только кочевые туркмены не знают «Москвы» в этом духе.

Когда видишь многих современных людей (К.Больш<акова>, Тр<ишина> etc. ⁷²), то признаешь необходимость Тамерлана.

М.б., мы станем в будущем Тамерланом, отчасти им...

[Такыр звенит от зноя под копытами ослов и верблюдов, также как бесснежный голый грунт, обдутый зимним ветром, в Забайкальской равнине.]

Прошло еще три дня и две ночи среди них.

Дикий осел родится и умирает в тревоге, в ужасе, убегая беспрерывно от движущегося кочевника.

«Народонаселение» начинается с того, что ребенок-сирота изгоняется, загрызается попреками в хлебе родственниками, у которых ребенок остался после смерти отца-матери.

Либо назвать роман «Отец-мать»?⁷³

Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, «ублюдки» истории и делали прежде революции (бурж<уазные> и фео-д<альные>).

Да здравствуют безымянные «ублюдки» и всякие «отбросы» человечества!

Но не оттого ли, что «отбросы» и т.д.

Как быстро, боже мой, все совершается — и ни к чему!

Милый Никодим Стратилат, всюду ты!

Первый раз растение производится из семени отца-матери, второй раз оно производится из почвы, состоящей из праха отца-матери. Прах отца-матери — непрерывное основание жизни сына.

Мы поднимаемся на прахе своих отцов! <Фраза дописана чернилами, очевидно, вписана позже.>

«Истина, ведь это пустяки».

Назв<ание> курса лекций (5 лекций по 15 р. в час) — «Плодотворная борьба с безуспешной жизнью».

[На телеграфной проволоке сидит совсем мелкая птичка и надменно попевает. Мимо мчатся экспрессы, в купе ебутся гении литературы, и птичка поет.— Еще неизвестно: чья возьмет — птички или экспресса.]⁷⁴

Ишь растолстел, ноги в сапоги не влезают.

«Нет выхода даже в мыслях, в гипотезах, в фантазии,— после хорошего рассмотрения обязательно окажется гдѣ. Что бы ни было!»

Старик:

«Даже выдумать что-нибудь нарочно, противоположное гдѣ не удастся. Мы действительно, мы — весь мир, попались в страшную

ловушку, в мертвый тупик. Вероятно, в истории это уже бывало не раз».

(Вагон, 8/X)

Что же такое Тамерлан? —
Пустыня.⁷⁵

Земля невелика и необильна,— и это жалкое приспособленчество мы называем культурой!⁷⁶

Что делать с миллиардом послевоенных (К.А., Нов<иков>, Сердц<ев>, мн<огие> др.) выродков.⁷⁷

В «Македон<ском> офицере»

В<ы>лепить характер Тамерлана, как бой за выход из смертельного исторического положения — и экон<омического>, и психического, и etc...⁷⁸

Великая тема Азии — тема гостя (можно веселого, а можно и печального, можно еще другого).

Об испуге, об уважении (массовом притом) перед лжеавторитетом (перед настоящим нет), котор<ые> существуют действительно (настоящее сердит),— мы и понятия не имеем.

Доктор:

«Жизнь наполнена ложными событиями, и настоящие события — неизвестны».

Это редко, как радуга над Каракумами.

Чисто животное в любви нас, м.б., и прельщает, но оскорбляет бесчеловечие, безумие, бездушие такой любви — Sexus'a.

Тарасов — всемирный тип нашего времени.

«Когда огонь, товарищи, ушел из наших рук».

Тарасов на пожаре — вот всемирная тема.

Мальчик целует свое отображение в стекле.

Всех понять, всех освоить = всех уеть.

Как [нищий] слепой в крапиве.⁷⁹

Рассказ:

«Меропр<иятия> по борьбе с безуспешной жизнью».⁸⁰

Бывает, что болит все — и зубы, и понос, и ревматизм, и под ложечкой, и etc.

Для Москвы

Сарт<ориус>:

«Нельзя быть одним и тем же человеком, слишком горе большое настает, слишком и т.д.».⁸¹

Для Москвы

Он плакал над одним предметом (замком, напр.), котор<ый> был неподвижен, в то время как Сарториус проходил нестерпимую жизнь.

Для Москвы

Неподвижным быть нельзя, но и двигаться нестерпимо. Плач о камне. Вечный покой: это старое, давно не растущее дерево над каменной плитой могилы, это уезд, победивший всё.

История:

Сам про себя:

«Толяга Ленин (его звать Анатолий, Толяга), я Толя-коммунар, а Мотья Чебуркова самоварной трубой меня бьет!»

(Мотья Чебуркова — рябая кухарка, на которой после развода с женой, в результате пьянства, женился «Толяга Ленин».)

Потом он пьянствовал в одиночестве среди размытого чернозема осенней вечерней провинции, и его сторожила каждый раз новая, безвестная собака, не подпуская к нему прочего, злого прожогого.

Он узнал число собак на свете: оно великое.⁸²

В одной деревне: заколоченная избушка; на ставнях избушки написано мелом, что мы ушли на 4 года в гости.

Он был пьян от своего сердца, от ничего.

Техника, техника, ты — все... Проекторы в ночи, экспрессы, и если ты идёшь вперед, вперед, техника!

[Моя молодость, прошедшая в организационных наслаждениях.]

Как-то все похоже на одно и то же: дождь ли идет, соловей ли поет, молния, машина скрежещет etc.— все одна насмешка.

[Все предметы стали вдруг подобиями, искажениями меня, все они, значит, обратили на меня внимание и угрюмо усмехнулись на меня своим лицом и положением.]⁸³

Для Македон<ского> офицера

Македонская кутемалия погибла от розыгрыша одного смеющегося человека.⁸⁴

«Не правда ли, какие роскошные похороны, как все прошло [мирно] хорошо!» (на похоронах отца сказал сын)

Затейник — мировой тип; начал жить в революцию, или чуть раньше.⁸⁵

Вовсе не природа, а люди виноваты в гибели прежних цивилизаций.^{85а} <Запись сделана чернилами.>

«Революция имеет литературн<ое> происхожд<ение> — замысел ее, революции, был совсем другой, но потом «литераторы» и литература возобладали и придали революции порочную эволюционную бесконечность».

(это «левые»)⁸⁶

Происхожд<ение> демократии — это переодетая полиция, это штатскость — для конспирации наблюдения.

[Потом забыли, что демократия — шпики и т<ак> оставили.] <Фраза дописана чернилами, очевидно, вписана позже.>

Чр<езвычайно> важно

Тайна Никодима Стр<атилата>: это — все всерьез, а все — нарочно.

Страх, хлеб и вера.

Чр<езвычайно> важно

Стратилат Никодим чудовище потому, что он — чудовищный по сравнению со старым, и Стр<атилат> психологически — чудовище.⁸⁷

[Ненавидишь, отрицаешь человека только издали, а потом, как увидишь его морщины, переменч<ивое> выражение жизни, конкретность, так ничего не можешь, станет стыдно.]⁸⁸

«— Долгота жизни — »

Десять, двадцать лучших, прекрасных дней «моей жизни», память о которых стоит неподвижно, как [зеленый] бедная далекая звезда над головою.

Надо изучить трудовые списки граждан СССР — вот тема народа.

Двигат<ель>

I — 35 л.с.— 20—22 кВт.

II — 18 л.с.— 10—12 кВт.

Динамо-маш<ина> — 2

$V = 220/380$

асинхрон<ная> перем<енного> тока

Или:

моторы (2)

I — 29 кВт

обор<оты> — 1 460

$V = 220/380$

II 40—50 кВт

от 480/500⁸⁹

Милый мальчик, ты так весел,
так светла твоя улыбка.

Не проси об этом счастье,
отравляющем миры.

Ты не знаешь, ты не знаешь,
что такое эта скрипка,

Что такое темный ужас
начинателей игры,—

Тот кто взял ее однажды
в повелительные руки —

У того исчез навеки
безмятежный свет
очей,

Духи ада любят слушать
эти царственные звуки.
Бродят бешеные волки
по дороге скрипачей.

— — —

И погибни славной
смертью,
страшной смертью
скрипача.⁹⁰

[Его занимали мелочи: заводка часов, топка печей,— так вся жизнь — в комнат<ах>, с кошкой, от которой идет душевный покой пассивности.]⁹¹

О всемирном складе хлама, где есть все, что нужно для любого.

Усовершенствован<ный> раб, осложненный (с оппозиц<ион-ными> настр<оениями>, с противоречиями якобы) и пр.

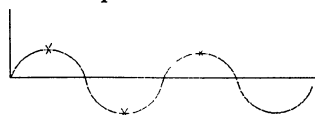
[Про всех:

За что они меня так ругают и бьют,— я недавно был ребенком и еще не перестал им быть.]

тайна
дружба
любовь
разум

Когда я смòтрю на тысячи изображений,— я вижу руку верных жен, тихой жизни, где единственно возможно рождается заботливая мысль об улучшении техники для жизни.

Рефлексы

Торможение

[Зверь важно] Зверь — вопиющее тело, сперма пополам с кровью...

Империализм... Сволочь вкрайне.

[Великая проблема воробья. Семеев, свободен, дохнет в неволе, а летает по одному аршину. А нужна ему почти бесконечность.]⁹²

Конец:

И тогда он увидел, что жизнь прожита зря и почел себя не существовавшим вовсе, а другие его вовсе не знали. Человека не было.⁹³

<Адреса и телефоны>^{93а}

Захаров — 5-26-70

Гуперовский провод — 400 метр<ов>

10 мм

от им<ени> *Зеленского*

Металлов Я.М. — 5-87-17

Петя — 1-28-53, Покров<ские> ворота, Колпачный, д. 6, кв. 35

д. 12, кв. 59, 3-й подъезд
Дав<ид> Лаз<аревич> *Тальников* — 4-42-49, Никитский бульвар,

И.Г. Трабский — 1-75-81 (Миуссы)

К.Л. Зелинский — 4-90-95

Г.С. Малюченко — Ростов, Мало-Садовая, 69, кв. 10

Тур — 2-52-53

Петр Алекс<еевич> Ширяев — К 0-59-26

Рыкачев — 4-88-62

Фельдман — (Таг.) 1-66-72

54 Инденбом Лев Аронович (Кинофабрика) — Г 1-14-46, Поталиха,

Анна Андреевна Ахматова — Фонтанка, 34, кв. 44

«Кр<асная> новь» — 5-80-82

Метанов — Г1-35-82

Сухотин — 3-25-42

Санн<иков> — 3-95-88

Зубавин — Долгий, д. 16/12, кв. 5

Дроздов — 15-80, доб. 15

Рудман — 3-39-85

Сон грядущий

Колесо это рисунок окружной линии бегущих ног верблюда в нашем воображении (собственно сектор круга, а не полный круг).

Узник может превратиться не только в др<угого> человека, но и в черепаху, в кошку — в эти тоже людские существа.

Черепаша на карачках — настоящий человек.⁹⁴

Русский дом в Азии: глинобит<ный> дувал, дом, деревян<ная> уборная, икона под дерев<янным> «зонтом», два креста — две могилы, погреб-ледник: полное царство души и тела, замкнутый мир.

Насколько человек неустойчивое, взволнованное существо — трепещущее, колеблемое, трудное, мучимое и мучительное, etc., — главное — невозможное, неустойчивое.

Усопшая пустыня —
гремит колокольчик верблюда, и все приближается.

Гость человечества — сам не человек, п<отому> ч<то> абсолютно не знал человечества и действовал наоборот социальным законам, как безумный, как лучший или как...⁹⁵

— Я тебя ведь целовал маленького, а теперь ты мертвый.

Тема неженатого батрака, семьи, согревающей женщины, но женщина Азии любить не может.

План

П-ь-е-с-ы

Азия — гость Европы,
(ожид<ание> хозяина) [Кочмат]
гость Якубджанов
[инж] учен<ый> — Чагатаев, Назар.
Мать Чагатаева — Ак-Гюль,

его отец — Молла,
его сестра — Ай-Теджен,
его друг — Назар-Шакир,
[Суфьян]
Тохта-Ханым — его невеста,
Суфьян — дурак жизни, человек масштабный.⁹⁶

Вера готовила на 4 жеребцов, ждет до 3—4 часов ночи и плачет.⁹⁷

[Гость] Отец тоже одинокий, мечется по улице, в гости, угощает кухарок пивом, любезничает с чужими молодыми, неуклюжий бедный старый человек.

Человечество — без облагораживания его животными и растениями — погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве.

Животные и растения — всегда наши современники, и дело совсем не в атавизме, а в дружбе, в санитарии души.

[План: Бедняк
Гость
Невеста
Осел]

Человек с лицом брата Господня — Якова, или римлянина-вольноотпущенника.⁹⁸

Долгий брак основан не на верности пары, а на том, что один из этой пары, или они оба, втайне любят постороннего.

Он работал беззаветно и бесплатно.

Летчик в воздухе один с машиной, как монах, как святой техники.

«Новый народ, национальность — значкисты».
(трамвай)

[Затейники:
Ах, ель, что за ель,
Ну что за шишечки на ней?]⁹⁹

Странно:

раньше все вещи делались громоздко, стационарно, ктр. можно перенести лишь однажды (рояль, граммоф<онная> труба, гардеробы), теперь все в виде чемоданов, траспортабельно, мобильно, временно (патефон-чемодан и т.д.), — это время.

И даже женщины: раньше были жопы, теперь плюгавки.

На том свете все должны быть незнакомыми: вероятность встречи очень мала. Миллиарды миллиардов ведь уже скончались, заблудишься, как в поезде-дешевке.

Ведь все люди живут в личной жизни с разбитыми сердцами.

Но дело в том, чтобы жить с цельными сердцами.

[Заказывал 3 подводы, когда требовалась одна: первая не придет, вторая сломается, а уж третья как-нибудь.]¹⁰⁰

Атлантида завела «культуру» — направила все принципиально чёрт знает куда (через Азию, Грецию, Рим etc.), а сама спряталась в воду потом: катись, я вас разыграла.¹⁰¹

Для Москвы:

Она совсем плоха, но героически меняет себя и все, ибо откуда же хорошее, высшее, как не из дела, не из напряжения себя, не из мученичества, а Сартор<иус> ищет какого-то пассивного, настоящего, кем-то (кем же?) созданного счастья, вообще «истины».

— Во-первых, у меня денег нету, а во-вторых: как вам нравится это во-первых?

Для «Узника» —

Люди сами сознают себя неверно, или — природа себя «сознает» не такую, какую ее сознает человек. Человек сам себя не знает, его должен узнать «писатель».¹⁰²

Счет живописца — церкви:

«Залатал дыру Марии Магдалины».

«Пририсовал Св. Семейству [личный] недостающий член» — etc.

«Иностранец» (или обыватель) — на вопрос о надземных станциях метро:

— Это ненужники.

«Он блоко́вщик! (т.е. блокировщик)» — троцкист.

Для Узника

Вся философия есть способ самозащиты угнетенных людей против угнетателей, путем поисков такого слова, чтоб их угнетали не до смерти, чтоб слово это подействовало на угнетателей особым, неизвестным магическим образом,— но чёрта с два это выйдет.

«Там» — ничего нет, как в мусорной куче — все разнообразно и все одинаково. Цена лучшей вещи — копейка, грош, вышедший из обращения.

Денежная система всегда отражает прогресс эксплуатации (в смысле монетного, валютного, ценностного понимания).

Для Узника

Тайна женщины, вообще человека: жить в душе нечем, надо чтоб любил другой, в котором возможно настоящее,— но ведь этого нет. Любовь, это перекладывание ответственности на другого, а самому — право быть пустым.

Оч<ень> важно!!

[Не есть ли вся «наука-техника» лишь способ прогресса <нрзб.>]¹⁰³

Производство страдало за отсутствием пирометра (термопары) — нет платины. Платину взяли из зубной коронки зубов (вырыли из могил, из зубов мервецов) — и производство пошло.

Надо относиться к людям по-отцовски.

Человек (допустим, Божко), ктр. прислушивается к борьбе сил в собственном организме, слушает, как бьются шарики, см. дальше <Следующий лист книжки утрачен.>

Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин — отец или старший брат всех, Сталин — родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца.¹⁰⁴

Мне мстят мертвые, которых я при жизни ошибался и не любил.

Войти в их среду и изменить их, а не быть вне.

Есть тонкая, вероятно электромагнитн<ой> природы, материя, которая нас — людей — связывает воедино, в «коммунизм» от века, и это в тягость, задача в том, чтобы уйти из пределов действия этой силы, а не в том, чтобы развить ее. Отсюда, м.б., мир Эвклида древних и пр.¹⁰⁵

Живи на аллах-бабах.

Для Узн<ика>

Простая мысль жить своей жизнью, попробую сначала вообразить чужую жизнь, а потом жить чужою душою. В этом — простота и весь максимум.

Всю жизнь, всю жизнь быть канцелярским работником, и зарабатывать все же больше, чем землепашец.

Она сошла с ума на деле вредителей зерновых запасов, на опыскивании, в борьбе за надл<ежащие> капиталовложения.

Комсомольцы заключили договор со стариками. Старики разрешили снять колокол с церкви, а комсом<ольцы> обязались взамен дать старикам трактор. Колокол сняли, трактора нет. Старики гоняются за комсомольцами.

«Жизнь ведь не так и драгоценна, как думают: а ну, гуртом и с песней под расстрел!»

В трамвае: (9/IV)

«— Сколько лет ССРy-то?»

«— 16!» (?)

«— Ну что ж, его тоже пора отдать под уголовный суд по новому закону».¹⁰⁶

Для Узника:

Это и есть новая любовь между людьми — сквозь души других.

Название романа:

«Другой человек» (?)¹⁰⁷

Бей его за резвость, сукина сына!

Разговор животного с человеком.

Ж.: Эх ты, сукин сын, что делаешь! Если б я был в тво[их]ем [чувствах,] уме, чтоб я наделал: я бы счастлив был.

Ч.: А ты перестраивайся в меня.

Ж.: Нет, ну тебя к чёрту...

Обязательно написать про любовь (половую и пр.) самых маленьких детей.

Общее и важнейшее то (для Узника), что каждый живет не своей душой, а чужой, воображением (один — Лермонтов, другой — Петр I, третий — бог, 4 — etc.). Души нет «ни у кого».

Кроме Москвы.¹⁰⁸

Человек, захотевший победить СССР,— и питающийся научно, химически, чтобы прожить 500 или 1 000 лет,— пережить всех.

[Курица вывела утят. Утята в воду, а мать в пыль лезет. Мать курахтала на берегу пруда, потом с ума сошла. Утята потонули.]¹⁰⁹

Конец — или близ того «Узника»: он, узник, казнит самого себя,— самоубийство или — лучше — вроде, но не с<амоубийст>во с медленным страдальческим концом, себя казнит, как сволочь, стервеца, разоблачившего будто бы человечество,— уничтожение великой гниды земного шара.

«Всемирн<ая> история — затейничество».

Человеку жить нечем, он начал деньги копить, собирать кое-что. Скупец от горя и одиночества.

Человек — «надстроечное» существо в природе; творит не он, а «базисные» силы. У него фатум — ограниченный (в абс<олютном> смысле), в относительном он сделает много.

Он пил, но потом чихал три раза и вытрезвлялся,— и опять пил.

Ехал он на извозчиках (на 3-х) — на одном сапоги лежат, на другом костюм, а на третьем — он сам в чулках и жилете.

Как старик, предколхоза, утащил в правление лампу, и как жена его мучила; потом у этого старика отвалился чулан от избы, в чула-

не лежали иконы и хлам старой жизни. Как этот же старик не сделал главн<ое> дело жизни и скулил: каждому сыну по избе, по паре коней, по корове.

Как овца всю семью кормила. Овца — роженица, несет двоешек каждые 1/2 г<ода> или 1 <раз>.

<Адреса и телефоны>^{109а}

- Мухин — <Ленинград>, Каляевская 28, кв. 1
 Кутырин или Фролов —
 «Холодная металлообработка»,
 Всес<оюзный> трест Эксперим<ентальных> заводов,
 Маросейка, 17, Сектор заказов
 Грейнер — Ольховская, 25, кв. 3 (во дворе)
 Петя — Нов. Басманная, 1-ый Басманный пер., д. № 4/5
 2-й этаж, кв. 29а, тр. 1 от Никит<ских> ворот
 Бор<ис> Губер — Арб<ат>, 1-59-44
 Трест — 2-99-28
 Нат<алья> Абр<амовна> — 4-83-79, с 10 ч.
 Божинский — 1-64-16
 А.С. Кашинцев — Л<енин>град, ул. Воинова, д. 64, кв. 29
 Ев.Еф. Наумова — Правда, Пролетарская ул., 6, кв. 7
 Сац Игорь — ул. Арбат и Смолен<ский> рынок, где Торгсин,
 Арбат, 54, кв. 86
 Чернявшук — Кропоткинская, 28, кв. 10, один продол<житель-
 ный> звонок
 В.М. Мухин — Л<енин>град, А 2-76-30 (служ.), из лаборатории,
 Лесной пр., ул. Бенуа, д. 1, корп. 104, кв. 10
 Петя — Покровские ворота, Колпачный пер., д. 6, кв. 35
 Фельдман — 1-29-57
 Ст<епан> Мих<айлович> Лунин — Арб<ат>, 1-12-37, ул. Вах-
 т<ангова>, д. 3, кв. 67
 Сафонов — 9-90 доб. 1-18
 Плеснев — Б 2-66-91 (дом.)
 Андриевский (режиссер) — Миуссы, 1-99-14
 Валя — 37-60

Мол<одая девушка> очевидно жениху на представ<лении> в театре:

— Это трагическое место, здесь смеяться нельзя.

[В глухом городе Покрове живут старик и старуха. У них домишко, усадьба с картошкой, он получает пенсию в 28 р., едят свои картошки, старичок раскладывает все свои документы, справки, письма,— сидит перед ними, переживает все снова, улыбается, делается печальным, молчит, душа в нем [движется] волнуется. Старуха подходит, путает все бумаги:

— Чего ты на них глядишь, ты на меня гляди, ты со мной думай и говори, а не с ними...

Старичок покоряется. Потом опять тайком тоже самое.

Читает он книжку — в первый раз, что человек произошел от обезьяны, потом глядит на себя в зеркало и удивляется.

Говорит со старухой.

Она ему:

— Зачем ты читаешь, ты бы у меня спросил, от кого ты произошел. Я бы тебе сразу сказала, что ты от обезьяны,— чего ты читаешь все зря. Закрой книжку, гляди на меня, спрашивай все, [что] чего не знаешь, я тебе все как есть скажу...]¹¹⁰

О тресте в сист<еме> тем о сов<етском> учр<еждении>.

Еловые ванны.

Рассуж<дение> о кишках.

Кишка прямая что-то волнуется.

(понос)

Правила наполнения и опорожнения желудка, дабы он не морщился от пустот.

Собака Божко по имени героя лит<ературного> произв<едения> собст<венной> жены.¹¹¹

Жрать вовремя.

Центр мира в том числе и маникюрша или, лучше, маникюрный парикмахер: сплетни, очаг сведений, загр<аничные> новинки, место свиданий, полит<ическое> место,— под видом пустяков (герой: маникюрный парикмахер).

— Начало пьесы —

Сел человек откуда-то в поезд, мял и вертел какую-то синюю бумажку.

— Ваш билет?

— Какой билет...

.....

— Сжалвал!

оч<ень> важно:

Задача культуры в том, чтобы: <Следующий лист книжки утрачен.>

Интересно: купырь, в порядке естеств<енного> отбора созданся 2 500 лет назад, он ровесник черепку из парфянских раскопок. Я держу в руках черепок и купырь.¹¹²

Причинность есть, но она настолько сложного происхождения, настолько не дифференцирована от множества варьирующих ее, равновеликих ей обстоятельств, что причинность равна случайности,— и не только в смысле гносеологическом, но и в смысле эффективности, практики.

«Я никогда не забуду!» — выражение отца, и идет рассказ.

Для Сч<астливой> Москвы

«Сартор<иус>» в конце своих перевоплощений убеждается, что для свершения его жизн<енной> задачи и удовлетворения любовью (далее) ему самому необходимо стать Москвой,— и на [превра] перевоплощении в нее, в женщину — спасительницу мира — он кончается и кончается роман.¹¹³

Куня-Ургенч:¹¹⁴

люди, въезжая уже на его площадь, спрашивают,— а где же город? Низкие слепые стены дувалов и жилищ, похожие столько же на дома, сколько и на пустынные явления природы.¹¹⁴

Земля так холодна и бесприютна, что семейство нужно как печка бедноты.

Опять Амударья, Чарджуй, опять я в песках, в пустыне, в самом себе.

Чарджуй, 12 ч. ночи
20/1¹⁵

В качестве образца адресов во всех городах СССР в почтамтах пишется «Ленинград» или «Москва» — исключительно, — что это значит. Это означает тоску людей по многочисленности людей.¹¹⁶

Сч<астливая> Москва —
«Узник»

— Или? — выражение Н.Изра. Шенфельда.¹¹⁷

«ОБТЭКАЙЛО» — «марка» автомобиля.

— Папа, ты у меня мешаешься под ногами.

[Пьяным] человек обращается к пиле:

— Ты пила, а я еще нет.

Жду [бестерпения] беснетерпения.

К «Узнику» —

Сама Москва и есть девочка та из «народонаселения», одинокая, пробродившая [свет] бездомный свет.

Узник сначала лишь воображал, переживал неподвижно чужую жизнь, чтобы спастись от смерти заключения, а потом стал всерьез чужим к самому себе.

Кто остановился, тот узник самого себя.

Базар — пьеса.

Базар это не только торговля, это и общество и дружба. Пустынный человек приходит на базар из своего одиночества и трется среди людей под солнцем, издали видя безлюдные горы, пустыню, одинокое место своего труда, грустного промысла. Тут же, на базаре, начинается и любовь. Здесь встречаются женщины из песков со своими женихами, здесь пируют друзья, здесь — «воскресенье».¹¹⁸

Базар и гость.

Ребенок один с собою говорит, один живет. Его оставляют одного в комнате-сарая по вечерам. Отец у него другой. Мать живет с красавцем и любит лишь мужа, танцует с ним и целуется на глазах ребенка. Ребенок молчит, потом прячется под одеяло.

История базаров; караван-сараяв, караванных дорог.

Пионеры. В Америке etc.— там пионерская ярость объяснялась целью наилучшего оседлого личного благоустройства, а наши азиатские инженеры-пионеры? Спортсмены работы, а дома — душу поскорее в патефон, и жена его вращается одна по полу под воющие пластинки.

Ребенок матери:
(видевши торжественные похороны):

— Мама, умри, тебя хоронить будут на пушке, на лафете, а потом ты придешь.

Она то бросается к патефону, то оставляет его.

Базар — все.

Сотню стареньких проверил, двадцать новых провертел.

Ни на кого не могу глаз поднять:

— Он меня любит! — говорят прохожие по конторе девки (герой — конторщик).

Курносый, брошенный, замкнутый ребенок у Божинского¹¹⁹.

А в кибитке, в дикой пустыне — какие терпеливые дети.

Бурение вольтовой дугой¹²⁰ это половина всего счастья для Туркмении, а, м.б., и для всего СССР.

Надо разработать в Москве хороший проект.

Вторая половина счастья ее, м.б., заключается в «большом песчаном колесе», которым оборудуется песчаный автомобиль с элект-

тр<ической> трансмиссией. Тогда по [любому] песчаному, барханному бездорожью можно организовать регулярное надежное пассажирское и грузовое сообщение.

Причем дифференцирование сопротивлениями необязательно: роторный зазор обеспечивает свободный ход (достаточный) на кри-вых.

Господи, как я глуп! (см. предыдущие 3—4 стран<ицы>)

Бежит старичок-брехун где-то в районе Касп<ийского> моря или оз<ера> Ильменя.

Ему кричат со смехом:

— Дедушка, соври что-нибудь!

— Некогда, некогда, вся рыба из Ильменя (озера) уйдет...

— И убежал прочь.

Мужики — кто пеший, кто на подводе — всей деревней броси-лись за стариком, чтобы рыба из Ильменя без них не ушла. А старик тот сел в камышах и ждет-сидит, пока сорок мужиков-дураков не прибежали...

Мелкая озабоченность, хозяйственность, экономичность, щепетильная нудность, даже прозорливость,— все это суть — у женщи-ны — лишь компенсация другой части ее души, которая содержит чувство сбережения родных, страх о смерти близких etc.— деталь-ное, т<ак> ск<азать>, конкретное отражение, ограждение и спасе-ние мира.

Человек сбежал с поезда куда-то за маленький вокзал и вернулся оттуда с новой шапкой. К нему все:

— Сколько отдал?

— Полтора рубля,— говорит.

— Где купил?

— Вон там за станцией...

Все пассажиры гурьбой туда, бегут версту до базара и бегут ее обратно: шапки там по тридцать руб<лей>.

«В одной могиле я нашел медную пуговицу и грош или денеж-ку».

(Записки Муравьева о крепости Бековича в Красноводске)¹²¹

Женщины всегда уменьшают, скрывают цену чего-либо куплен-ного: вдвое-втрое, лишь бы недорого казалось. Наоборот, вост<очная> жен<щина> говорит всегда в этом правду. Вост<очная>

ж<енщина> вообще, сдавленная тяжким трудом, мужем, семейством, скотом, не имеет возможности общаться с соседками, сплетничать etc., как русская женщина. У нее другое устройство судьбы.

От страха мне сначала показалось, что у Н. Никитина¹²² не одна голова барана, а две головы.

Как обматерет (подрстет) ребенок...

[Есть] Бывает, когда [отец] сын умервщляет отца-старика (есть мн<огие> русск<ие> рассказы об этом), но не бывает, чтобы сын умервщлял мать.

Человек базара — гость. И человек пустыни — рабочий.

Есть или нет в Азии женщина базаров, вот героиня (м.б., трагическая).

Колх<озное> движение имеет много чисто женских черт: общество, основанное на соседском семействе. Это кажется тяжело и трудно, а отними у соседки соседку, и она затоскует, м.б., хуже, чем при потере своей семьи. Соседка нужна для... всей жизни и души. Общество нужно основать на всем комплексе своих чувств к [дворово] соседу по двору.

Истрепал нáтло.

Для Узника		Сарт<ориус> часто не понимал, забывал русский язык и слышал его, как турецкий, настолько чужд он был текущему факту; и вообще все классы общества проницаемы.
---------------	--	---

Горбатый наблюдает всех ближних людей с отчаянием и боязнью, что потеряет свою здоровую жену. А когда эти условия страха исчезают, он держится, как принц, как ультра-человек.

Поживем,
побьемся
да и меду в кадушках дождемся,—
с толстым ломтем подойдем да
макнем.¹²³

Не больно рылястый (красивый), а так — полноличный.

Вторая жизнь человеку необходима, иначе [первая] и первая не нужна и не выйдет она никогда.

«Собака — первый друг человеку». А жена — второй друг!

— Чтоб она пышная была!

— Кто — она?

— Похоронá!

За мертвого, за пропащего всегда плохо судят.

Глядеть на мертвого сына — для матери это ведь убиение сердца.

Муж для женщины, как крест для церкви.

3 сказки

I.

Мужик рыбу ловил. Поймал щуку. Щука говорит:

— Пусти, мужичок, я тебя за то научу голоса всех животных, их чувство и сознание понимать.

Мужик подумал: щуку я один раз съем, а эта наука мне на всю жизнь годится, и пустил щуку.

Едет он раз с женой. У них кобыла, а на площади чужой жеребец стоит. Увидел кобылу и заржал голосом. Мужик тут взял и улыбнулся один раз: он вспомнил щуку и понял, отчего ржет жеребец. А жена ему:

— Ты чего смеешься?

— Да так, мнительность одна.

— Нет, ты чего смеешься, говори!

— Да ничему, так показалось что-то...

— Нет, ты скажи...

— Чему. А неизвестно.

И пошло между ними страшное настроение. Мужик потом уж объяснял — по правде объяснял, а жена не верила: дюже просто, этому не смеются.

И начала жена его грызть, пригнетать, а мужик заскорбел, в тоску вдался, не мог жить. А щука ему говорила, — если ты кому скажешь, чему я тебя научила, то сразу помрешь. Мужик уж со-

Собака -
"Первый друг"
человеку" - и т.д.
Второй друг - собака -
- Друг отца и матери
- Кто - отец?
- Попробуй!

В
Р
С

Х
Д
Ч
Ш
Щ
Э
Ю
Я

брался сказать жене про шуку, чтоб умереть и не жить с такой женой.

Вот раз на дворе собака брешет, корова мычит, гусак гогочет. Мужик все это понимает: корову поить пора, гусак [клевать] глотать захотел. Вышел он, видит куры-квочки на все голоса разошлись, а петух сначала молчал среди них, а потом как заорет:

— Да вы что́ такое, что́ такое, курвы-суки такие! Что я вам — наш хозяин, что ли: он с одной бабой справиться не может. Я вас вот сейчас расставляю, усмирю! — И как пошел их рвать и от проса гнать — одни перья летят.

— Я вас, дуры-старухи, квочки-молодухи! Я вам не хозяин, старый петух!

Тут мужик взял хворостину и пошел лупить жену.

Потом он всю жизнь смеялся без допроса, без ревности.

<Далее листы утрачены.>

III.

Дьячок деньги в церкви поворовывал да водочку помаленьку попивал. А деньги на чердаке иль на потолке прятал.

Жена дознаться не может. Пристала, томить начала. Измучился дьячок — сознался: в церкви беру.

Потом, как обыкновенно, не поладили они из-за лучинки. Жена разъярилась от драки с дьячком, выбежала на улицу, орет:

— Муж церкву обокрал, муж церкву обокрал, муж...

Мужа взяли. Дело было в старину, везут его на срамоту среди народа, а далее палач стоит. Дьячок не боится казни, не думает, а знай кричит народу, то направо, то налево, — то направо, то налево:

— Не говори правду жене, не говори правду жене...

— Ты о смерти думай! — отвечают ему.

— Умру, жены не будет! — (дважды) дьячок кричит.

И подумал я, — чтобы весь мир мой был (в голове ведь разное думается, неизвестно откуда). А потом я представил себе это — «мой мир» — и мне стыдно стало, совестно в душе.

— В будку (сторожевую, ж.д.) что ли уйти, отъединиться ото всех...

— А на собрания как будешь ходить, за талонами, за справками, — верст десять, пятнадцать, — а валенки где?

— Запевай! — говорят.

А стыдно — ни с того, ни с сего, ни под слово,— и он, запевала, просит:

[— Ну закройте меня чем-нибудь.]¹²⁴

Его закрывают мешком на лицо, как смертника, и он запекает на славу всем.

Сказка

Бог жил в раю, при нем для услуженья кухарка и собака. Кухарка не управлялась, бог мужика сделал. А мужику нигде не нравится, и в раю тоже, начал скулить, жаловаться. Бог подумал: дай я ему бабу сделаю, я-то ведь с кухаркой живу, мне ничего, а мужику скучно.

Но мужик сам тоже сошелся с кухаркой, наравне с богом.

Спрашивает бог у кухарки:

— Кухарка!

— Что тебе, бог?

— Из чего ж мы ему бабу сделаем?

— У, да из чего хочешь. Жир у него с задницы оторви да сделай. Либо ребро отломи.

— Лучше ребро. Пойди, кухарка, разложи его да отломи его.

Пошла кухарка делать. А мужик узнал, мечется: на что ему жена, ему с кухаркой хорошо.

— Да как же будем-то? — кух<арка> говорит.

— А никак. Пойди у сучки вон хвост оторви, пускай бог из него делает. Общипи хвост, скажи, что это мое ребро.

— Ну ладно.— Погналась кухарка, схватила собаку, оторвала живьем ей хвост, общипала от шерсти и дала богу, сказав: вот мужицкое ребро. Бог не понимает, и сделал женщину из сучьего хвостика — оттого все бабы так злы на свете, а кухарки много добрее.

Сами туркмены, молод<ые> особ<енно>, не любят пустыни и рвутся в культурную полосу.

Нигде так близко небо не прилегает к земле, как в пустыне,— она просто смешивается с ним и почти не различается одно от другого, особенно в сумерки, в зной, и ночью, в неопределенное время, когда видишь, что — время это часы — механизм, а не действие природы: времени нет, и пространство веществ воздуха и земли отграничены неясно, как и быть должно.¹²⁵

[Стратилат. Кончается весь роман (весь роман тем, что исчезает последний незначительный человек в слезах <нрзб.>)] и он последний незначительный и забвенный.¹²⁶

Тайна успеха — в том, что жил буржуазный человек, наиболее несерьезное существо: одинокое, мистическое, вздорное, воющее, «идейное», замкнутое, индивидуалистич<еское>, пускающее пыль в глаза даже самому себе.

- Чем ты думаешь-то? — Чем баба на лавку садится?
- А ты и сесть не можешь (мужчине). Сядешь да прищемишь.

Для ума все в будущем, для сердца все в прошлом.

Революция была задумана в мечтах и осуществляема [первое время] для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей.

<14-ая книжка, 1935-1936 гг.>

В Якутии или где-то далеко было создано «Общество любителей одного узкоколейного паровоза»,— там появилась и была только одна эта машина. Затем некотор<ые> члены этого об<ществ>а переделывали Москву и строили пр<очие> «чудеса техники».¹

Жене мужа влюбленный ин<остране>ц подарил беличье манто. Не зная, куда его деть, боясь мужа, жена заложила манто в ломбард, а мужу показала квитанцию, сказав, что нашла ее: интересно бы посмотреть, что за такое пальто-манто. Муж пошел получать пальто-манто по квитанции. Увидел, манто хорошее. Отнес в подарок его своей любовнице, а у любовницы взял ее ледяное пальто-плоскушку и принес жене. Жена, видя, что это не беличье манто, а обман,— в истерику. Муж в недоумении. Но жене беличье манто дороже всего, и она сложно признается, лишь бы вернуть манто,— действие развивается дальше.

Для «Москвы»:

Он, Сарториус, смотрел на других знакомых, привычных людей и думал: да они ли это, м.б., и они стали другими, не собою, как я — не я, незнакомый, некий.²

Все упорядочение, «счастье» etc. мира есть гиперболическое воображение и практическая философия канцеляриста. Военное искусство тоже есть «канцеляризм».

Для Москвы

Когда он просил купить ему велосипед или еще что-нибудь, «дядя» ему говорил: вон у Сашки, Леньки уже есть велосипед, думай, что это твой, и Sartorius думал, что чужой велосипед — его, и был доволен, ездил в воображении на нем, смазывал, знал номер машины, занимался велосипедом больше, чем тот, у кого машина действительно была.³

Студинский^{3а} как тип человека, чисто послевоенной формации: контуженный и поглупевший, от этого добрый, кроткий, но с припадками злобы и отчаяния.

[Спор о [деньгах] золоте. Старик бежит за золотопромышленником вокруг печки, на печке лежит его старуха-хозяйка. Она говорит гостю — золотоискателю: «Поддайся, ты поддайся, не мучай моего старика, ножик вострый, ты сразу так и помрешь».]⁴

Погода — пивная, спиртовая etc.

Какой-то странный долголетний сон.— Стойка вроде книжной, вроде «до востребования», я что-то и получаю и нет. Мне дают что-то и отказывают. Какие-то якобы мои рукописи, которые ценятся, но во мне они вызывают стыд. Двусмысленное отношение ко мне «стоечника».— Бред, но страшный.

«Сорок лет спящий» — рассказ написать на мою детскую тему.⁵

Природа, она мила и добра тем, что наш[е]и первородн[ое]ые силы там и до сих пор действуют в чистоте, «наружи», близко к нашему пониманию, тогда как в людях это братское родство действия, душевной аналогичности скрыто, завуалировано тысячью условностей, искажениями социальной жизни, общественным коэффициентом.

Для Счастливой Москвы

Жизнь своя стала чужой и еще представляет чужую вдвойне, т.е., будучи уже не собой, он еще добавочно жил чужой жизнью, в квадрате, так сказать,

т.е.— не думай сам, что это «т.е.»!

О [Вере] Наде⁶, о сестре, ведь ее не любили в семье, не любил отец, равнодушна была мать,— и общественность, школа, советская власть были для нее все счастье, все — в отличие от враждебной семьи.

Напр.:

«Что-то не слышно твоего голосочка,

Затяни-ка песню, противная дочка!»

А «противная» потом умерла.

Умерла.

Человек, не говоривший ничего, ни с кем ни слова, потому что слово, по его мнению, абсолютно бесполезно,— истинный чистый фашист.

Муж бьет жену. Входит на защиту другая женщина.

— Не бейте вы женщину, она ведь бедная...

Битая:

— Не лезьте вы, пусть меня муж убьет. Только вы не лезьте.

Баба полная: напарит, нажарит, все на окно выставит: смотрите-смотрите, все у меня есть, я гораздо, квартира у меня чистая, все Я приготовила, мой муж Яшка на все зарабатывает, у нас дома счастье, смотрите, люди добрые, на наши окна, зайдите в горницу [на] через порог!..

Гроза на дороге из Воронежа в Задонск. Она расширилась до того, что в молниях приняли участие и звезды, и черные массы самого далекого неба,— я помню. Когда этот сон был?

Чтобы жить в действительности и терпеть ее, нужно все время представлять в голове что-нибудь [в чем] выдуманное и недействительное.

Ведь Сарториус — тень, второй человек действительного человека, и паразит чужой души, а она тоже... и все сцеплено в бред.⁷

Сарториус даже обрадовался, когда потерял «свою собственную» душу, настолько она незначительная, мнимая (после «перестройки»). Он и раньше воображал другого, потому что самому-то жить нечем!

Что такое «сам»? — пустяк с головкой.⁸

Конвейерные весы — акт экспериментальный, а не циферблатные весы.⁹

$$\int \alpha \cdot \beta(x) \quad \frac{\int \alpha \beta(xy)}{\lg_{\text{nat}} \frac{\sqrt{\alpha+1}}{m}}$$

$$F = \frac{mv^2}{2}$$

Причем функция $\alpha\beta$ не должна быть больше всего выражения ($F = \frac{mv^2}{2}$)

Тайна Сарториуса есть тайна всего исторического человеческого обшества: жить самому по себе внутри нечем, живи другим человеком, а тот тобой живет, и пошла, и пошла, и так вместе целые миллиарды.

Для Счастливой Москвы

Он (Sartorius) еле мог представить самого себя из ничтожества, из неощутимой дряни материи.¹⁰

Отсутствующие глаза у Sartoriusa.

Человек-тужилка, которому все кажется, что он не то сделал, а сделал бы иначе, было бы лучше. Не туда поступил работать, не по той улице домой пошел etc.

Жить внутри разом нечем, отсюда и все технические игрушки, все «творчество».

О животных надо тоже писать: у них много свободы воли, независимого ума etc.¹¹

[Раньше были акционерные К⁰ и т.д., [теперь трест] раньше наживать это означало промышлять, торговать, теперь руководить.]¹²

[Что-то гудит вдалеке постоянно, волнообразно: время ли, истина (забытая) или судьба.]¹³

Любовь: она на 4 этаже, он снизу.

Он: Плюнь, ну плюнь сюда!

Она плюет.

Он ловит плевков в ладонь и съедает его.

О животных, о животных — целый мир свободы и счастья втуне лежит.

Пьеса «Чисто нервное»¹⁴

Девочка, кончившая самоубийством (отравилась уксусной эссенцией, бывает, вероналом): «Дорогая мама, и т.д.» — многодетная, нечем кормить, не во что одеть...

У Склифосовского.

<Далее листы в книжке утрачены.>

Медицина и кое-что etc. это есть тоже агитация, психовка etc., а вовсе не физическое вещевое воздействие.¹⁵

Великая старуха руководит миром.

Мы разговариваем друг с другом языком нечленораздельным, но истинным.

В человеке нам нравится то, что относится не к нему самому (женщине, напр.), к природе (женщины).

Мещанин, а не герой вывезет историю.

Сучкова вдруг в истерике на празднике, напившись чаю.

Человек на велосипеде. К в<елосипе>ду прикреплено спереди огромный треугольник с портретами, с рисунком достижений etc.

(«Дикарь»)

В голод: лежит голодный, умирающий, воображает, что над ним мельница (часы на стене), он на мельнице, — мука, он занят, голода не чувствует, ему хорошо.

Д<ля> Узника.

Душа это тоже — постоянное представление другого человека и эксплуатация его, другого.

Не приняли роман — и руки и тело покрыли нарывы. Сломать человека легче, чем думают.

«Берег чугуна для торгсина: золото, серебро, медь, потом чугун».

[Лучшее место]

Особенно он, Сартор<иус>, любил Каланчевскую площадь — эти люди, которые исчезают безвозвратно в поезде, последние полчаса они с ним.^{15a}

Человек чрезвычайно неопределенный (!!)

(Нарышкин)

Ск<олько> стоит конвейер — ?

Ск<олько> стоит мотор —

Для Сч<астливой> Москвы

Увидев бедную Лизу (нашу прачку), — не во что одеться, старость, побирушка, работа круглую жизнь, — я (Sartor<ius>) богатый, стал бедным, поклялся <нрзб.> стал работать нарочно хуже, потерял средства...

Рассказ про двух братьев — Малюченок — еда, кит<айское> земл<еделие>, череп в уборной.¹⁵⁶

Рассказ «Холодная металлообработка».

В пьянстве есть пренебрежение к себе, контрэгоизм etc.

<Адреса и телефоны>¹⁶

Апатов Лев Мих<айлович> — 2-95-73 (дом.), к 1/IX

Бюро краеведов — 1-42-09, в 5 ч. позв<онить>

Божинский — Миуссы, 1-64-16

Буданцев — К 1-34-32

Зелинский (Корн<елий> Люц<ианович>) — 4-90-45

Завод — Каляевска<я>, 1 остановка, на Селезневку,

1-й Щемиловский пер.

Валя — 37-60

Вр<ачебная> неотл<ожная> пом<ощь> — Д 1-75-99

Лунин Ст<епан> Мих<айлович> — Арб<ат>, 1-12-37

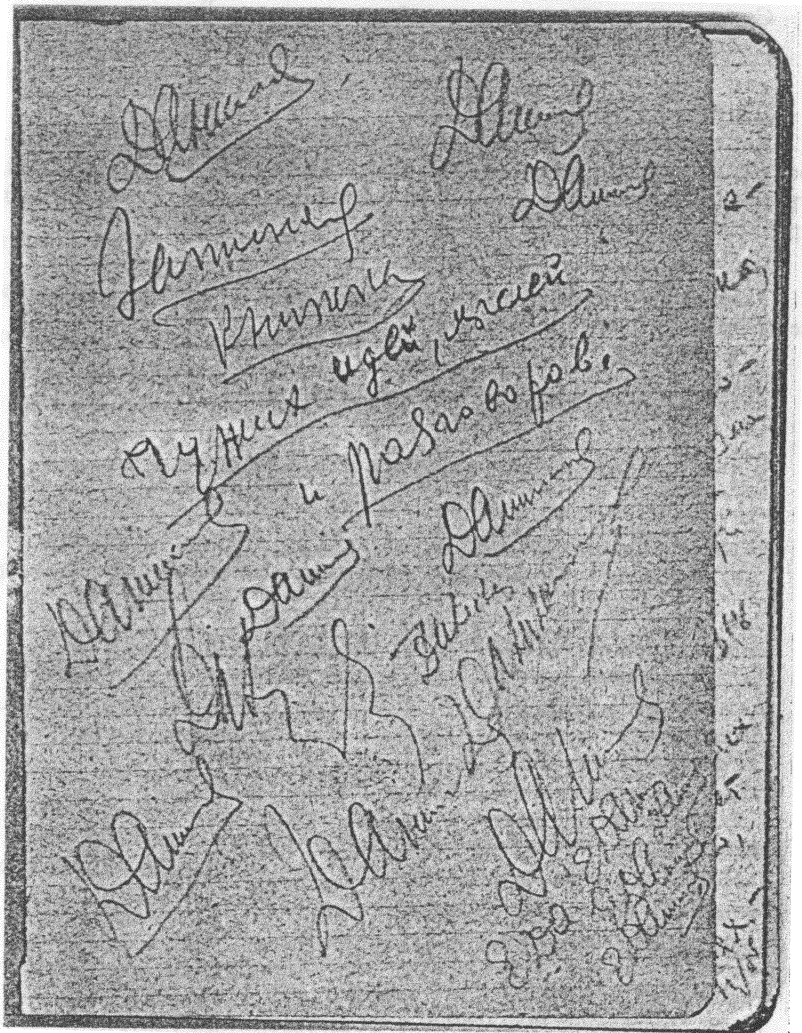
Литвин-Молотов — Арб<ат>, Г 3-94-29

«Нов<ый> мир» — К 0-95-02

Оболенский — 4-19-18

Инна Моисеевна Зусманович («Общественница», журнал) — 4-05-66

газ. «За индустриал<изацию>» — Цветной бульв., д. 30, 4 этаж

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1936

Записная
книжка
чужих идей, мыслей
и разговоров

Безразлично:

люди должны проявлять свою жизнь, наслаждаться, стремиться — при всех обстоятельствах во все времена, будь рабство, будь средн<ие> века, будь будущее. Нельзя согнуться всем, присмиреть, нет — это немногие. Количество радости, оптимизма приibl<изительно> одинаково, и оно, это количество, способно проявляться почти в любых формах — в самой даже жалкой форме. Жизнь никто не может, не хочет откладывать до лучших времен, он совершает ее немедленно, в любых условиях.— Отсюда горбунья — путевой рабочий на совещ<ании> в «Гудке».17

Скупой — добрый, чтоб не заставлять тратиться на себя людей, скупой — высший добряк в мире.

[— Отчего]

— Вы давно не улыбаетесь?

— Полгода. Я ведь работаю в очень серьезном учреждении — в очень!

— План перевыполнили, а премии платить нечем!

— Значит, я вовремя ушел!..

Семейность бригады.

К у н э ш н о !

— Каких конфет?

— Самых дорогих!..

Беря в подарок папиросы, безрукий-безногий говорит: а зачем они мне,— дескать, ведь я же никому ненужное говно, зачем на меня тратиться, зачем думать обо мне кому-либо!

[Рева в метро:

«Я видел там американку: она коричневая.»]¹⁸

Кондуктор на товарном поезде в Лимане во вьюгу.^{18a}

Урод живет дома, живет ожиданием, переживанием мелких событий: вот отец придет с работы, вот сестра вернется — ушла, вот по лестнице кто-то идет: не к нам ли?

Шахтер — на плохой театр — халтурному актеру — во время представления:

«Это ты нарочно?»

[Мелкая изящная штопка посылка etc...]

[Играет мальчик темным утром (на рассвете) дома в Лимане на губной гармонике,— отец уходит на работу, мать будет стирать — скучно, скучно ему.]¹⁹

Маркиз де Кюстин писал когда-то: «Пусть Европа шлет России дрова, чтоб Россия не мерзла, не шла войной на Европу».—

Теперь Лиман, уголь, и можно из «России» топить всю Европу. Рева, напр., как «враг маркиза».²⁰

[Сторож кооператива (60 р. в м<еся>ц) с берданкой. Жену третьего дня арестовали по навету. Сторож плакал по ней. Жену выпустили через 2-е суток. Она «там, в аресте» сильно тосковала, загорюнилась,— и на воле, чтобы развлечься, побыть с людьми, подышать светом и воздухом,— пошла снег чистить на станции, вместе с разными поденщицами, а мужу велела вечером сходить в буфет выпить полбутылки сидра (15 к.), а когда у них будут деньги, чтоб пить сидро на двоих, и тоска от тюрьмы отойдет от нее,— они тогда выпьют сидро вдвоем, а сейчас не хватает денег и жена очень печальна. Он пьет сидро один.

А ему говорили, что будто с его женой другой человек живет. Но он же не знает, а жена к нему добра...]²¹

Капранов из Тамб<овского> р<айона>²² — один сын расстрелян за бандитизм, другой сидит и сейчас, сам тоже, пожалуй, мрачный дальновидный бандит.

Наружность пошлая, волосы взбиты в уездную прическу, глаза с деланной нежностью, сладостью... В др<угих> отношениях — враждебна ко всем, ненавидит всех,— любовь к одному съела в ней все человеческое, обычное...²³

Злоба у старухи от дикой нужды. Она так и следит, чтобы никто ничего не съел, не выпил: ведь жить ей приходится за 3 р. в день на шестерых. Вот где злоба, а чуть «мороз нужды» слабеет,— [и старуха улыбается, она желала бы быть доброй постоянно, но ей нельзя: все поедят, попьют, изнасят,— и тогда все семейство помрет от нужды, бедствия.]²⁴

Это удовлетворенное почесывание правым большим пальцем о левую ладонь, это самоудовлетворенность рабочего мещанина. Это жеванье колбаски, достигнутой наконец.

Мальчики в вагоне глухого пригородного поезда (едут б<ез> билетов); их два, один стонет все время:

— Забирёт, чи нёт!?.

— Забирёт, чи нёт!?.

Сч<астливая> М<осква>

Sartorius смеялся, что [«душа»] «чужая душа загадка».

Какая к чёрту!²⁵

Мещанин-«механик», он действует по наименьшему сопротивлению: себя посильней, экономней спасти, чем всех... «Если все будут хозяевами, что будет...»... и «У них есть положение, есть заведующий» (чтобы не пропускать нищенку через ваг<он>-ресторан)... «Надо соображать, товарищ!»

Мещанин часто имеет коричневые, или желтые глаза, это коричневый человек, ест жадно, мирно-счастливый, доискивается, отчего поезд опаздывает на 1/2 часа etc.

Д<ля> Сч<астливой> Москвы

М.б., Sartorius в конце превращается в тип, в характер самой Москвы и овладевает ее душой бесплатно, без усилий, которые затрала Москва на свое великое образование. В конце должно остаться великое напряжение, сюжетный потенциал — столь же резкий, как и в начале романа. Сюжет не должен проходить и в конце, кончаться.

Д<ля> Сч<астливой> Москвы

В ее многомужней пизде была прелесть — запах многообразного человечества, в ней можно приобрести было опыт mnogой жизни.

Среди интриг, сплетен, сообщений etc... жить до того нельзя, что надо породниться, создать из страны семью.

[«Мне уж 30 лет: кому я теперь нужна?»]²⁶

[|| Фамилия:
Корчебоков || Нужно!]²⁷

«Некий, глупейший, вредный, пугающий всех,— считаются с ним, с мифом, вроде кн<ягини> Марьи Алексевны.

(Разг<оворы> в редакции)

Детство: Дон, острова, экскаватор.

Рассказ

Инж<енер> «Данилов»²⁸ —

Л<енин>град (Крупп, Месопотамия, Индия, зубн<ой> врач с полн<ой> рукой, 78 лет), богатство не жалко, оптимист, мир великолепен etc., etc...

Большой тип [переход<ного>] человека.

«Погонщики мулов» — (в кино)

Реб<енок> 4-х лет (бабке):

«Помрешь и будешь скучать, что с мальчиком (с ним) не играла!»

Ему (4-летнему):

«Что ж ты, большой такой, а штаны сам не умеешь одевать? А вырастешь когда?»

Он: «Пускай одевает бабка... Она помрет — мама будет одевать и кормить, а когда вырасту — жена будет...»

Рассказ «Миша» (Л<ени>нградский)²⁹

Для Сч<астливой> Москвы —

Он, Sartorius, м.б., сам выдумал все души, в которые он переходил. Т<аким> о<бразом> нищий обогатил и населил весь мир.

Для «Сч<астливой> Москвы»

Когда Sartorius был разными людьми,— он имел необыкновенный успех, власть над группами людей, очаровывал — сам не зная причины — народ, п<отому> ч<то> владел практически его душой.

О любви изобретательной, ежедневной, ловкой, «обманывающей», «чарующей», нечеловечески терпеливой, искусной,— победившей и утолившей даже равнодушную жену.

Еще раз и еще раз!..

Рассказ «Блаженство»³⁰

Сначала ревность, а потом — провожающий брат, и это все выбило, уничтожило всю [любовь всю] болезнь,— одно страдание перекрыло другое, и любовь, сжавшись, облагородившись от другого страдания, стала как бы блаженством...

Музыка — окончательно запрещенная литература, когда она замычала,— и из этого, из окончательного запрещения,— явилось самостоятельное великое искусство.³¹

«Это вы болеете от насморка, поноса, сквозняка, тифа, а я боюсь лишь высокими болезнями, непонятными для вас. Я — не вы!»

Рассказ о директоре, который прощал 10 л<ет> жену, что она жила с инж<енером>, п<отому> ч<то> инж<енер> — великий работник, и дело без него (инж<ене>ра) ухудшится.

Ситуация:

муж любит жену, жена делается знаменитой, он ее точит, губит (из любви, из боязни потерять ее, чтоб она «сравнялась» с ним), жена умирает, он — муж закапывается за ней в ее же могилу, его не находит никто, никогда etc.

Трагедия оттертости, трагедия «отставленного», ненужного, когда строится блестящий мир, [когда] трагедия «пенсионера» — великая мука!

Его утешало, что она любит других, что ее сердце уже тронато, развито благородством,— он чувствовал все от этого ценнее и глубже.

Рассказ об отце (19 г.): негорящие спички.^{31а}

Музыка
От смерти, трагедия
"Островитянка" - нечуждо
Корда, ~~Корда~~ группа, Восток
"Кемингия" - трагедия
Витней - музыка

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1936

Комедия «Ателье Мод», где заведующего бабы-капризницы были по морде, а он (заведующий) улыбался, кротко целовал им руки, вынимал изо рта толстые папиросы, чтобы пеплом не испортить костюма, когда бьют по лицу и т.д.³¹⁶

Сч<астливая> М<осква>

Был на войне имп<ериалистической> и гражд<анской> — и вернулся точно таким же, каким ушел,— война как пустяки личной биографии.³²

От слишком большого — даже счастливого — излияния жизни потом наступает меланхолия.

«Артистизм» рабочего класса на основе великой техники. Помнишь: слесарь, ему пружинку закажут сделать, а он и патефон покрасит и т.д.

Наедине с собой, как вдвоем, вчетвером,— и собеседование, и дружба,— и безнаказанно, и интересно.

Дочка отцу:

— Папа, мама умерла, ступай страховку получай, а то закопашь, не дадут, скажут: ее совсем не было, где она мертвая была...

[Пономарев, сын «<нрзб.>» и его трагедия импотенции, жены]

Прерывисто топить по циклу:

- 1) Полная порция (даже с излишком) воздуха.
 - 2) Герметическая пауза со стороны воздухоподачи, но с открытым дымососом.
 - 3) Повт<орить> 1.
 - 4) Повт<орить> 2.
- etc...

Или прерывистое сифонное дутье.³³

[Когда вся роскошь мира, все цветы его превращаются в мучительство, в отчаяние, в тоску (при любви неразрешенной).]³⁴

Человек это капля родительского блаженства, и он должен быть радостью.³⁵

Ученый
 не может писать (а может)
 без искусства в узком смысле
 и широком смысле (в широком смысле)
 и в узком смысле (в широком смысле)
 и в широком смысле (в широком смысле)
 и в узком смысле (в широком смысле)
 и в широком смысле (в широком смысле)
 и в узком смысле (в широком смысле)
 и в широком смысле (в широком смысле)

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
 Автограф. 1936

Медицин<ская> наука разовьется до того, что останется одна проблема — родинка да бородавка.

Д<ля> Сч<астливой> Москвы —

«Как хорошо, что я был в ссылке, в тюрьме — и не мешал происхождению, воспитанию и росту прекрасной юности другого поколения». ³⁶

Мировой
человек,
всеобщий. ³⁷

И. М. Гронский — он не боится падающей луны («мы ее разнесем в прах, в газ — у нас величайшая наука и техника») — и боится вши, фразы etc., от которых будто бы может погибнуть $\frac{1}{6}$ суши.

«Это же бедствие мира: один человек может сделать почти все, — значит все — ничто!»

Философ<ия> поезди<ого> мещанина, наверно, раскулаченного интеллигента.

Многообразиие мира, о прелесть и несчастье!

Будучи верна мужу, она всегда вспоминала о Лео!

Сч<астливая> Москва Важно

Для Сарториуса столько же «полов», сколько людей. Он к каждому относился с любопытством юноши к девушке: что-то другое, «не я» есть в любом мужчине и женщине.

[Рассказ «Тверской бульвар» — о воробье, унесенном ветром в рай и возвратившемся оттуда.] ³⁸

Лучший экспонат в музее — зав<едующий> музеем, — он контужен до шеи от пяток; голова живая, а тело мертвое.

В Македон<ском> офицере —

«Озния уговаривают особые говорильщики: что его любят — любят — любят все... А Озний был раздражен от сомнения; он то утешался, то бился в истерике, а разные люди крутились у дворца, кто чем может доказывая свое искусство: иногда их делали богатыми, иногда прогоняли прочь». ³⁹

Сч<астливая> М<осква>

И тело мое, кости мои жмут мою жизнь, как тесная, высохшая, жесткая обувь.

«Это чепуха, что машина дает “сама по себе” прибавочную, “ниоткуда”, производительность. Это поверхностно. Машина дает этот фокус, но само введение техники, технологии вводит великие осложнения в жизнь людей, и это осложнение есть форма косвенной, но жестокой эксплуатации людей...»

(19[10]12—1917 г., Курский вокзал, зима)

Рассказ пом<ощника> машиниста — практиканта.⁴⁰

Одержимые достоинством, бегущие по двору бегом (мимо дворников и комендантов) etc... — Большаков и пр.^{40а}

Уходя из школы на каникулы, школьники бьют здание школы — чернильницами, камнями вышибают стекла и т.д.

Порка тела учреждения!

Люди и занимаются-то разными штуками — делами, чтобы не делать чего-то главного, чтобы отвлечься от него, отсрочить на будущ<ее>, как лучшее удовольствие, — и никогда не сделать его.

Да есть ли смысл в принятии великих мер цивилизации для сохранения своей личности, жизни и т.д. Ведь животные на этот счет беззаботны, они тратят все силы на добычу мгновенного счастья, а мы лишь на подготовку к нему, счастья вовсе не представляя.

Рассказ о шахматах: это вроде исхода для всего, что практически не выходит или запрещено историей.

Против шахмат!

Летом швейцары в пивных рвут фуражки из рук, чтобы было за что получить на чай.

Ситуация: Крейман, З., Чернявшук и четвертая (?)

З. Крейман — беременность, ребенок, туберкулез, сердце, аборт.^{40б}

Усиевич, читая Перегудова, Евдокимова и др<угих>, плачет слезами горя, что нет у нас лит<ерату>ры.⁴¹

У старух к женщинам мужской подход, напр., — они говорят: она упитанная, фигурка у нее хорошая — etc.

Рассказ

Живопись 17—18 вв. развилась потому (портретная и др.), что фотографии не было, а не потому, что цари и богатые понимали смысл в искусстве живописи.

Иск<уст>во всегда растет благодаря благоприятн<ому> случаю, а не по сознанию.

Сч<астливая> М<осква>

Сартор<иус> однажды пьяный лег спать в канаву при жаре, а потом <чуть> было не захлебнулся, п<отому> ч<то> пошел дождь и гроза <утрач.>

Отцу мужа посылали 100 р., а отцу 73 г., и нет сведений: м.б., он давно умер. Жена проверяет через местный Загс: жив ли старик, умер, м.б.? — Загс отвечает: не умер, а женился, Загс шлет поздравление детям жениха.

Жена бросилась под трамвай, обвинили мужа. Ж<ена> умерла. А она умерла от стыда, что изменила мужу.

Отчего нас держат в стойлах?

— Потому что мы жеребцы. Перестань быть им, и будешь свободен.

Драмы происходят потому, что люди не одиноки, точно также и комедии.

Женщины, как воздух, они окружают нас, они делают, что делают, выполняя волю пославших их,— они невинны, и нечего ими заниматься.

Говорил давний знакомый, теперь умер.

У Тураева в книге: «Человек-рыба научил всех всему* — и спрятался в океан...» — как Атлантида, как некое великое потонувшее существо.

И еще у инков (мексик.) то же самое — светлый бог «Кенематухель» (?).

* «И с тех пор ничего не выдумано нового».42

Новый «мировой» герой — уже не Тарасов, а Иванов,— на всех [доносы] подозрение, изо всех варит один клей, кретин, улыбка,

реплика: «это все анти!», быв<ший> спиридон<овец>, полупсих, но подлец полный!

И некотор<ая> противоположн<ость> ему — Чернявчук, молод, талантлив, одаренный инстинктом дружбы и чести, но губимый Ивановыми, идущий в могилу психоза, [уродуемый] прелестн<ый> зачаток существа будущего мира, изуродованный дельцами «переходн<ого>» периода — Ивановыми.

Вот Черн<явщу>к — м.б., действ<ительно> нов<ый> мир<овой> тип!⁴³

Мухи на липкой бумаге — вот, м.б., тоже жизнь.
[(Рассказ)]

Ч<слове>к существо весьма переменное!

4 км за Чудовым,
6-й дом по правой стороне,
Анисим Марков.

Встреча с крестьянином в лесу. У него дочь — агроном, сын — старший слесарь etc. Но он — «против колхозов».

— Это и есть колхоз! — сказали ему.

Прыжок с парашютом.

Охмуривание жен посредством (будучи пьяным) притворства больным — малярией, тифом и т.д.

В пивной спорят каменщики-кладчики: кто больше складет. Кабак на развилке Москов<ского> и Варшав<ского> шоссе.

Шушары,
Ям-Ижоры,
Москов<ская> Славянка,
Поповка,
Саблино,
Ушаки,
Тосно.

Ночлег 24/II

А где же София — три почтов<ых> двор<а>?

Тосно:
хулиганство,
рассеянность...

Из-под железных полозьев искры летят.

Вера — сирота горбатая, брошенная всеми.

Бег лыжников по оврагу в Ижоре.

Каждый вечер
иди беречь и родной.
Нашу, чем беречь,
тем для. Век это же
как кончат —
приводит к обороту
как разраст от добра,
если не беречь?

Вспоминаю!

Тосно — Любань — Чудово

Хромой возчик, у которого лошадь, как олень, разгребает ногами снег, она ищет прошлогоднюю траву: у него ни травинки для нее.

29 к. трудодень — потом оказалось, что это ошибка, ничего не причитается (слова счетовода) — по балансу. Что такое?

Марков Анисим из деревни под Чудовым: дай пустую (1/4) бутылку, я продам ее и хлеба куплю. Дал. Он позвал в гости, хотя сам голодный и только что откуда-то выпущен.

6 братьев — дружных, работающих богачей... Но вот были 4 брата. Те 6 братьев для себя лишь работали, и они были счастливы внутри своей семьи («На всех не напасешься»). И вот 4 брата, которые захотели «напасть на всех». А у 6 братьев — младший не мог, не хотел курить без разрешения старшего брата-«отца»: вот это интересно.

«Главспирт» в каждой, кажется, деревне, ктр. я проехал до Чудова. В одной деревне «Главспирт» открыт рядом с разрушенной церковью — нехорошо.

Дома строятся, колхозы расширяются, много ремонта, везде — новые доски.

Шос<сейные> дороги расчищаются наравне почти с ж.д.: через определ<енную> небольшую дистанцию — ремонтер и дорожный мастер.

В овраге по-домашнему не выходит.

Мещанство все еще бушует — повсюду здесь.

Моя скромность развратила ямщика — он пишет «заметки» путешественника.

Совхозы, свинарки, силосн<ые> башни, аптеки, школы, детишки в метель, во вьюгу идут с сумками книг.

Народ весь мой бедный и родной. Почему, чем беднее, тем добрее. Ведь это же надо кончать — приводить наоборот. Как радость от доброго, если он бедный?

Вспоминай!

Зеленый поворот —
на Спаскую Поляну,
на Новгород

Камень есть камень,
добродетель, каменное дело,
трудолюбивый народ —
и все же так как
аши.

Завтра поворот — на Спасскую Полисть, на Новгород.

Какой здесь простой, доверчивый, нетребовательный, терпеливый народ — и дети тоже, как ангелы.

Гусев (в Чудове) — весовщик: «Нужно лишь копировать и копировать, больше ничего не нужно...» Семья его рассеяна, но зато всюду по свету «Фербенксы»^{44а} — вагон<ные> и товарные — «Libr'ы» etc., утешающие его. Ездит, живет где попало, не жалуется — лишь бы не выгнали с ночлега.

«Черноногая девчонка»⁴⁵ — дочь дворника Дома кр<естьянина> в Чудове: она и лошадей покажет куда ставить, она и сбрую спрячет, и рассудит, и посоветует, ходит с фонарем «Летуч<ая> мышь». Ей лет 11:

Дом кр<естьянина> в Чудове!

26/II

Чудово — дер<евня> Любино Поле
(за Спасской Полистью)

Чайная в Д<оме> кр<естьянина> в Чудове: девочка лет 8 большая раком; ее отец.

Колхоз в дерев<не> Остров — на трудодни пока ничего не дали. Колх<озни>ков работоспособных 16—18 ч<еловек>, земли 1 000 га. Люди остальные разошлись. Оставшиеся живут работой на Лесопункте (Леспромхоз). Задержив<ают> зарплату с декабря 1936 г., некоторые не получали зарплаты еще за май 1936 г.

Работа вдобавок солнцу: урожай сам-3, сам-4 (ячмень, пшеница); здесь считается этот урожай средним. И при среднем ничего не пришлось на т/д. Говорят, что все отдано МТС, государству и по др<угим> неизменным расходам. Один колх<озник> предлагал вместо МТС (по их району) ст<анцию> лошада<ной> пахоты: сена достаточно, работа лошадям есть и зимой — лесоразраб<отки>, трансп<орт>, навоз вывозить, кое-где торф. В пр<ошлом> году не вывезено по одному небольш<ому> колх<озу> несколько тыс. пуд<ов> навоза: лошади были, не было людей; люди ушли на заработ<ки>, п<отому> ч<то> не хват<ает> пока средств, а средств нет потому, что МТС (по мнению этого крест<ьянина>) дорога: керо-

син, дескать, дальний, земля неподходяща и т.д. Я не могу еще разобрататься в этом.

Глухонемая женщина в Острове: понимает все в жизни, верная сторонница сов<етской> вла<сти> и колхозов — редкое существо человека по чистоте характера и разуму.

Ее брат — больной душой, уязвленный псих, болезнью особого рода.

Спасская Полисть.

Любино Поле. Дети в 5—10 лет плетут лапти из лыка. Коопер<атив> платит 1 р. за пару. В школу ходят не все, за отсутств<ием> одежды-обуви.

На стене в избе картина: «Девушка [Эпохи] высшего общества эпохи Возрождения» — Менцлера.⁴⁶

Народ — святой и чистый — почти сплошь. Дерев<янные> избы с жильем на «втором этаже».

Во всех почти избах постояльцы, пришедшие на заработки из других колхозов, и еще какие-то люди, живущие иногда по 1—2 года. Это, чаще, женщины, живущие у родственников. Можно лишь догадаться, кто это такие.

Дети усердно плетут лапти, потом тщательно делают уроки. Девочка в Любино Поле.

Лошади задохлись вдребезги. Снег — в 1 метр. Стали на ночлег.

Треугольник, счищающий снег.

Липовые леса д<ля> лаптей.

Раньше спичечные коробки делали — по 8 тыс. в день.

Брак — это не кровать, а сидят рядом муж и жена, плетут лапти на продажу день и ночь и рассказывают друг другу сказки, воспоминания, истории.

Отчего так мало здесь садов и малинников. У одного есть малинник — 10 т.н. год, доход.

В шубе — не косец,
 В штанах — не ебец,
 В рукавицах — не работник.

Туманная вьюга прошла, открылось синее светлое небо — как окно или дверь в святой просторный мир.

Подберезье —
 Новгород.
 Я заболел.

Оч<ень> важно

Образ человека-крестьянина, который недоволен из боязни потерять все более легчающую, все более достаточную жизнь,— это псих<ическое> торможение, особого рода самозащита на предмет опасности.

День выдачи зарплаты в Заготпункте — в Любино Поле: 200—300—500 р., есть и пьянство, но это (зарплата) большое довольство.

Стоят деревянные деревни в деревянных лесах.

Старые люди — лучшие сторонники и деятели колхозов: всп<оминай> Любино Поле, веселую, гуторливую старуху, как она в старое время по 10 тыс. шт<ук> спичечных коробок в день клеила и думала умереть на коробках.

Сп<асская> Полисть —
маленькое село.

Девочка-ученица Нина в доме ночлега: лапти плетет, уроки учит, краюшку хлеба в школу берет, на меня все смотрела непонимающими опечаленными и любопытными глазами.

Костлявая земля.

Беременная цыганка в Новгороде, гадавшая мне: «Против тебя казенный король, но он тебя скоро узнает хорошо, человек ты знаменитый, и в этом году получишь свое дело, тебя любят Маруся и Нюра, а вредят тебе друзья на букву В и Г. Но ты никого не боишь-

ся, ты человек рискованный и твое слово любят,— и ты любишь рюмочку».

Она не беременная, чего-то пришила к пузу. Но не она по мне гадала, а я по ней.

Собор Софии — Премудрости Божьей в Новгороде.

В гробу, в храме лежат останки шведской принцессы «Ингельды» (?), «Ингриды»⁴⁷, жены Ярослава (?), умершей в 1050 г.!

Боже мой!

Когда-то в Софии хранились драгоценности тогдашнего русского народа. Татары не могли достигнуть богатства из-за лесов, болот, дальности Новгорода.

Базар. Крестьяне-колхозники в чайной Дома крестьянина.

Поборник гигиены и культурности в новг<ородском> Доме кр<естьянина>: показывает, как надо открывать крышку унитаза и закрывать ее («народ ведь такой некультурный!») и т.д. Всеобщий гнусный образ.

Явился человек в валенках из кислой шерсти и спросил меня:

— Ты не тот ли святой?

Я ему:

— Нет.

Он:

— А похож... Дай мне рублик на хлеб...

Сов<етская> власть за солнце и дожди не отвечает, она действует снизу.

Новгород — Бронница — Зайцево.

Ночевка. Липовая Гора —
хозяйка слепая
старуха побирушка,
собирает в Крестцах.
б<ывший> ссыльный портной.

До того:

Бронница — фарф<оровый> стар<ый> завод.

Красные Станки — леспромхоз оч<ень> крупн<ый>.

д<еревня> Всячина.
 Великие леса,
 освещенные солнцем,
 великая страна наша добрая.

Пришли слепые: 39 л<ет> женщина и мужчина лет 40—45, с усами Вильгельма, хрипл<ый> голос, матершинник, нетерпеливый, выгнал из-за стола чел<овека>, слепец-диктатор.

Страшно.

Он живет со слепой, а у нее от прежнего мужа, зарезанного в драке, очароват<ельная> дев<очка> 8 л<ет> Катя — с большими глазами, в котор<ых> однако есть нечто от болезни: она тоже ослепнет позже.

Дедушка
 (дочь слепая, внучка Катя)
 Где деда:
 слепой деспот.

И ее миловидное обличье имело жеманность, хотя она и не помнила белого света (ослепла 14 л<ет> от рожд<ения>).

В этой семье слепой ведет и слепых — милых и зрячих детей и стариков.

Старик — человечество.

Ее зовут (слепую) Евг<ения> Егоровна.

Утро. Рассвет. Старик чистит картошки сидит. По тракту изредка идут автомоб<или>.

Нужно устроить дело призрения в колхозах. Нужно в урожай<айные> годы создавать резервы помощи больн<ым>, старым и несчастным. Это великая задача.

Звезды над темным лесом и белой, снежной землей.

Катя, вставая:

— Ну, долежались до белого дня! (Было 5¹/₂ ч<асов> утра, еле брезжило.)

Слепой спит, обняв кошку, всю ночь. Утром ласкает цыпленка, живущего под загнеткой; он питит от одиночества без слепого.

Липовая Гора — Крестцы — Киселевка.

Прощание со слепыми. Сахар в подарок. Дорога. Конец хвойных лесов, смешанные. Валообразная, холмистая земля. Озера, реки учащаются. Иногда работают установки.

Крестцы. Постоялый двор. Колхозник — погорелец. Жена и трое детей оставлены дома. Он на заработках. Обед его со мной. Прощание с ним.

За Крестцами. Быв<шая> тюрьма в Крестцах, занятая с.х. машинами, курсами.

Увалы.

Ночлег в Киселевке. Богатый колхоз «Объездное»: три соединенные маленькие деревни. Богатый трудодень, до 1 кг зерна натурой. Объяснение: дружность, усердие в работе, у всех по 1 личной корове, у всех единоличн<ые> огороды (это как резервы), обновлен весь инвентарь колхоза, выкопана вся картошка, собрано все сено и т.д. Своя фабрика (токарная по дереву, 6 станков, идет водой, делает «пеналы» — цилиндрики из дерева, вероятно, для нужд санитарии, обороны и т.д.). Эта фабрика, как побочный промысел, создает чрезвычайно устойчивый бюджет колхозу. Ф<абри>ку они думают расширять. В соседних колхозах есть невыкопанная картошка, не обработаны личные огороды, должны много банку и т.д. Этот же колхоз два года уже живет с активным сальдо на балансе.

В Крестцах на постоялом дворе. Молодая женщ<ина>, 3 детей, муж осужден на 4 года за убийство. Она приехала в очередь за мануфактурой.

Хозяйка-старуха ночлега. Раскосая. Видит сразу две стороны: кто сколько берет сахару, кто сколько ест. Изо рта смрад скаредности, два зуба.

В районе Крестцов «строчки гонят» — вышивают по полотну.

Старик-колхозник говорит, что нравственность в деревне ослабела, от этого одно из наибольших зол и тормозов для развития колхозов.

Мн<огие> колхозники (Киселевка и др.) кормятся весь год хлебом с усадебной земли, отсюда же и овощи и пр., а трудодни идут, по существу, на зажиточность, на обзаведение дома и т.д.

Крестцы, Валдай, прочие — пустые городки, еще нет настоящ<его> занятия людям, нет промышл<енности>.

Почему колхозы не занимаются рыбн<ым> хоз<яйством>, рыболовством — в этой стране озер,— почему этим занимается только трест, «треск» — к<а>к говорят крестьяне.

Земля отошала: много лет не хватало навоза. Теперь надо на-верстывать.

Валдай:

«Межрайонная база по прокату театр<ального> имущества».

в Валдае

В хороший ресторан приходят нищие, топчутся, волнуются, им говорят: «Садитесь на место, вас обслуживают». Они пришли обе-дать из-за хлеба, только.

Женщины тяжелого поведения.

Киселевка — Яжелбицы — Валдай — Едрово.

Яжелбицы — большое село в нижн<ей> долине.

Затем Валдай — городок. Почта. На почте чел<овек>-чинов-н<ик>, выжимающий из себя всю энергию до последней домашней картошки.

После Валдая — долгие леса без деревень (в противоположность <тому,> что было до Валдая).

И Едрово — большое село. Ст<анция> ж.д. Кабачок. Ночлег у мелк<ого> чин<овника> прошлого века, высланного, по-моему, из Л<енин>града.

Мальчик трогает снег и говорит: когда ж ты растаешь, чтоб хле-бу было тепло вырастать!

Едрово — Хотилово.

Х
Еурово — Козу лобо

>
Анна на широким голубом
като как црв, остаток
голево и остриженост,
ушесвистит прицу.

>
От Еур. со Криво
сидноо како генина црв.

>
Коловртан со суг од алат од
Радану. >

Облака на чистом, голубом небе, как перья, остатки крыльев исчезнувших, улетевших птиц.

От Едр<ово> до Хотилово много заколоченных изб.

Новостройки сосут из колхозов рабсилу.

Точные (сверхточные) часы суть единым, одновременным радиоимпульсом толкаемые из точек точности (напр., обсерватории времени или мер и веса).

Вот схема:

<схема>

Лен, по мнению некот<орых> колхозн<иков> Хотилово, мешает их изобилию. Если б меньше льна, а больше хлеба, то трудодень бы вырос и само время сева, уборки распределилось бы выгодней: а то, когда нужно хлебом заниматься, нужно льном.

В соседнем колхозе льна мало, так там трудодень обошелся в 4 кг, а тут 1 кг. Так они объясняют. Земля в обоих колхозах одинакова, размер колхозов тоже приблизительно одинаков.

Наш хозяин (на ночлеге) 4 года непрерывно на одной и той же лошади возит навоз со скотного двора без выходных. Лошадь, отпряженная, идет сама в общую конюшню — за 1 км по селу. Она прикрепленная к одному человеку, к нему.

«Для животного ничего нельзя жалеть!»

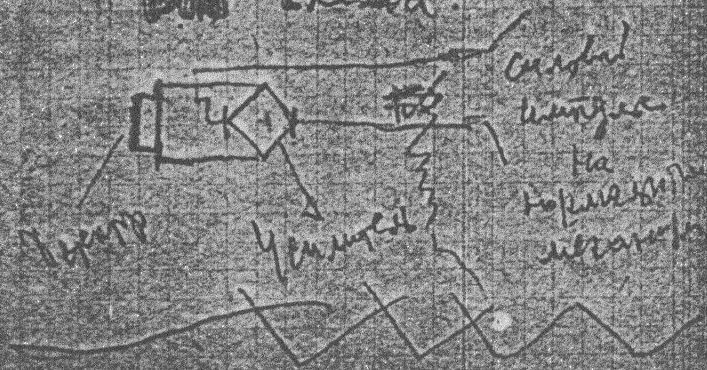
Он умом своим был недовольный.

(Полоумный)

Серп применять на уборке нипочем, принципиально не разрешается. Но есть такие поля, где «серебряная» рожь (200—300 п/га) наполовину осыпается, когда ее косят косами. Именно серп, увеличив несколько рабсилу, сбережет десятки пуд<ов> зерна на гектарах. Ведь в Хотилове, благодаря запрещению серпов, рожь сыпалась градом на землю.

«Советская власть знает, как телят поить», — говорит мол<одая> колхозница старой.

Почва (сверстание)
 как сурь едина, отнесен-
 на равнотелесия и распе-
 нал из точки распе-
 сания, отобразит величии
 или мер и веса)
 Вот схема:

Сейчас предприятие заключает договор с колхозом и платит зарплату колхозу из расчета: 20—50% колхозу, остальные работавшему колхознику. Но предприятие задерживает выплату колхозу, а колхоз, получив деньги, задерживает колхознику — две задерживающие инстанции. Это не нужно. Нужно, чтобы предприятие выплачивало деньги непосредственно колхознику (его долю) и колхозу (его долю).

Трудодни отменить. Это дополнительная розница, разрыв между городом и деревней, промышленностью и колхозом. Нужна зарплата ежемесячная (натурой лишь при желании колхозников, деньгам, как правило). Все равно ведь существуют авансы и пр. выдачи — скрытые формы зарплаты. И колхозникам трудно жить в быту, получая зарплату как бы раз в году. Это же обстоятельство рассасывает рабсилу в колхозах — на промышленность и пр.

А в некоторо^{ых} колхозах есть подсобн^{ые} пром^{ышленные} предприятия, создающие хорошие условия для регулирования (равномерного) годового равномерного расхода.

Нет еще заботы в колхозах о быте колхозников, о его доме.

Шура — ученица педагогического техникума в Бологом.

Пьянство денатуратом и пр.

Нужно в десять раз усилить культуру сердца и ума.

Добро в человеке живет еще по инерции. Но надо уже добавлять его теперь же, а то иссякнет. В молодежи оно (добро) от молодости, а не от благоприобретенных запасов.

Уменьшить поскорее давление нужды о хлебе насущном. Это съедает человека, хотя и делает его каким-то фатально-спокойнокротким.

6/III

Хотилово — В^{ышний} Волочек — Дворики

(50 км не доезжая до Торжка)

В колхозы (все виденные мною) дают сейчас все, что они не требуют: семена, ссуду (деньги), машины, зап^{асные} части, плем^{енной} скот, удобр^{ения}, прод^{овольственную} ссуду (если — она потребовалась) и т.д.

Сын и отец в Хотилове: отец — кроткий, а сын рвет и мечет. Что отец ни начнет говорить, сын подымает то на смех: «Замолчи, отец, ты ничего не понимаешь: какая там жел<езная> дорога, там шоссейная будет» — и т.д.

А мать боится и покоит, балует сына.

В путешествии мы всегда «варили топор» — по-солдатски, почти с неизменным успехом.

Почему за Новгородом к В<ышнему> Волочку есть заколоченные избы?

В колх<озах> есть «дорогие» работы и есть «дешевые». Это указывает на неправильные нормы выработки и приносит большой вред, т.к. и «дешевые» работы необходимы и обуславливают весь успех колхоза.

Девушки ходят по деревне и песни поют, они останавливаются около избы и поют:

— Полюшка Ванюшку любит,—
или наоборот:

— Не любит, не любит.

Так розыгрыш и сплетня, личное делается общим.

Хозяйка ночлега — дочь алкоголических родителей и прародителей.

Дворики — Выдропужск — Торжок — Думново

Нктр. и единоличн<ики> и колхозн<ики> вдруг садятся на печку и ничего не делают по несколько дней, и бабы их оттуда сгоняют чаплями, но до времени — безуспешно.

Сверчки по зимам перебираются в избы и поют, как летом,— во вьюги.

«Лошади ваши просторные».

По мнению хороших колхозн<иков> — люди разленились: пусть, деск<ать>, все валится и сыплется... «Мужики на одном табаке разоряют колхоз».

Как пердел старик в Думнове — вся изба проснулась, бабка перекрестилась.

В колхозе никому не пыльно живется.

Думново — Медное — Тверь

Измер<ение> труда:

— А он тяжести что ль подымает? (сказ<ала> старуха, узнав, что чел<овек> получает 20 р. в день).

Старикам в колхозах нравится еще и потому, что им физически гораздо легче, чем если бы они были единоличниками.

Торжок, торгов<ые> ряды, старое торжище...

Назв<ания> статей в стенгазете: «Некрасивый поступок», «Нечестно», «Не вполне нормально»...

Дом крест<ьянина> в Калининне — «регистратура», вечером и ночью ночлежка, любовь бродяг и нищих, милиционер вяло выпроваживает народ, но и милиционер тронут обилием бесприютного народа.

Бледный парень, устраивающий товарища на ночлег и не могущий устроить товарища у родителей, расстроенный и разбитый.

Тверь — Городня

Ночлег. Заключение. Уход с ночлега из-за шибздика хозяина — уход от погорельцев. Новый ночлег.

Николай и Василий — два брата, святые, добрые и беспомощные. Их сестра. Грузин — заключенный. Начальник финчасти и отношение к нему, как к ученому.

Печь была холодная, и мои чулки хозяйка спрятала сушиться себе под подушку.

Заика в Городне.

О сердце, сокровище моего горя!

Городня — Клин

Ночлег у мещанина.

Вокзал. Паровозы.

Клин — Черная Грязь

Плотники. Председатель сельсовета.

Хозяин-сапожник. Память о Пушкине.

Пред<седатель> просит у района денег на памятник в Ч<ерной> Грязи.

Черная Грязь — Москва

Все. Прощай, дорога!

Всякий человек доступен и «победим».

Бабы в одной деревне — нерожающие сплошь, после того, как надорвались на полевых работах без мужиков в 1914—17 гг.

Моя жизнь напрасно прошла: муж, свекровь.

Есть отвыкли еще в 1921 году, да так и не привыкли: мало едят.

<17-ая книжка, 1938 г.>

Рассказы Уэллса:¹

Сфинкс сделан из домашней кожи, из обычного.

Они (люди) думали, что они из дьявола сделаны, а узнав, были довольны, что из дьявола.

Оч<ень> важно

Д<ля> Сч<астливой> Москвы

Он, Sartorius, все же время от времени вспоминает себя прежнего, неизменного, давнего, и втайне хочет возвратиться в то, пусть бедное, но «естественное» состояние.²

Со всеми мила, любезна, превосходна, как бы влюблена, но за этим есть лишь своя жизнь, забота лишь [о себе] о себе.

Круглый, ясный, веселый, радующийся человек — постоянно в ресторане.

Лица (у действительных девушек) глупые, нелепые, удивленные...

Учитель: «Сейчас я буду показывать вам (ученикам), как скрипка будет играть неверно,— вот я ее расстрою!..» etc.

Критика, в сущ<ости>, есть дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, «основным» автором. Она есть «довыработка» недр, дальнейшее совершенствование мысли автора. Критика может быть многократной.

Первый автор обычно лишь намечает, оконтуривает недра и лишь частично их выбирает, а критик (идеальный) доделывает на чисто не совершенное автором.³

Рассказ:

«Гуманист» — как, работая в Инст<итуте> смазочн<ых> масел, «Гуманист» открыл электрический способ облагораживания характеров людей.⁴

<Адреса и телефоны>⁵

- С.П. Климентов — Москва, 57,
 Ворошиловский проезд, д. 19, корп. 4, кв. 7
 Ржанов — К 4-68-82
 Игорь — Г 1-29-45
 т. Воробьев (Детиздат) — К 3-95-64
 Куклина Муза Мих<айловна> (Детиздат) — Д 2-14-21
 Остроградская («Самолет») — К 2-80-20
 Сергей Клим<ентов> — Академия, Красноармейская, д. 12,
 корп. 2, кв. 81
 тов. Гончаров (ССП) — Д 2-11-06
 Л<ев> Ив<анович> — Е 1-23-07
 Жорж — Г 1-23-06
 В.Б. Шк<ловский> — В 1-37-42
 Нерьги — К 3-23-74
 П. Климентов — К 2-71-61
 «Октябрь» — К 5-42-40
 «Гудок» — Хлынов<ский туп.>, 8 (Апресян), отн<осительно>
 денег
 Коля — К 1-36-12
 Август — К 4-27-30
 Л.И. Гумилевский — 1-23-07
 Серг<ей> Плат<онович> Климентов — Москва, 57
 Ворошиловский проезд, д. 19, корп. 4, кв. 7
 Школа — К 1-53-91
 Евг<ения> Солом<оновна> — К 4-77-01
 Влад<имир> Иосифович Семенов — Красноярск, ул. Кирова, Дом
 учителя, Крайоно
 Ардов Виктор Ефим<ович> — В 1-25-33, ул. Серафимовича, дом
 Правительства, подъезд 10, кв. 194
 Прут — Д 1-28-84
 Адалис — 51-71
 Софья Дмитр<иевна> Разумовская («Л<итературная> г<азе-
 та>») — К 4-46-19
 Цейтлин («ЛГ») — 69-61
 Щепкин — 91-19
 Яновский Як<ов> Мих<айлович> — Е 1-92-48
 Чернявцук — К 5-95-56
 Анас<тасия> Будагова — К 0-39-84
 Полина Николаевна — Книги
 Клавдия Гавриловна — К 3-94-08
 Больница — Г 1-44-83 (ингаляц<ии>)
 Анд<рей> Еф<имович> Малышев — К 2-55-17 (служ.), К 1-36-93
 (дом.)

- Генкин — Ж 2-39-25
Чечановский — В 1-49-93
Ольга Всеволодовна Евсеева (Сценарий) — К 2-66-92
Юдина — Переделкино, дача
Павленко — Д 2-14-07
«Колхозник» — Д 3-20-90, доб. 3
Г.З. Литвин — Г 3-94-29
В. Боков — К 0-69-68
В. Ермилов — В 3-35-87
Наталья Яковлевна («Дет<ская> лит<ература>») — К 0-71-86
Куклина Муза Михайловна (Детиздат) — Д 2-14-21
Валя — 37-60
Эмиль Александр<ович> Гиллер — Е 1-08-53
Гулаг — К 6-49-10
Прокуратура — К 6-90-75
Чмякин — К 6-94-06
Мунблит — Д 1-59-06
Клавдия Гавриловна — К 3-94-08
Лид<ия> Ив<ановна> (бух<галтерия>) — К 2-89-05, К 1-15-42
Шнейерм<ан> — К 2-54-22
Фельдман — (Тар.) 1-66-72
Игорь — Г 1-28-84

<18-ая книжка, 1939 г.>

[для «Слова о Полку Игореве»]⁶

[Шашбиного
Афанасьев
Вадецкий
«Страсти и ароматы»,
знаком с родствен<никами> Мопассана,
родился в Турции,
был в Китае, Исп<ании> и пр<очих> стр<анах>]⁷

Любовь к сыну или другу, несмотря на то, что, несмотря ни на что, любовь как рок.⁸

Лошади 8 лет, а еще не объезжены: бродят лодыри до старости.

Ч<елове>к должен быть вырван из порочного ритма вселенной («Прох<одящий> ч<елове>к»)^{8a}

Феодал:

мальчик, который устроил себе ступку, мельницу, печурку,— все для приготовления пищи,— был голод.

Жил в одну порцию — для себя.

Выбор профессии;

все хотели быть летчиками, музыкантами, писателями etc., а один мальчуган гончаром,— гений!⁹

Пьеса об отце и сыне.¹⁰

«Тихоокеанский еврей»

Академия, строгость, наука, звания, а он живет кудрявый с гармоникой, поет, пьет, ебет — другой мир, ничего общего и как будто более счастливый.

Гордость:

отец сажает 10-летн<ую> дочку на стол, надевает ей очки, от-

крывает окно, заводит граммофон, пьет чай. Прохожие завидуют: дочь в очках — образованная, граммофон — богатство, чай пьет с сахаром...

Рассказ о теще, милом человеке, вынесшем и несущем невзгоды жизни.¹¹

Меланхолия есть худший вид жадности, зависти, эгоизма: что не все досталось меланхолику — не все жен<щины>, не вся слава и т.п.

Его обвинили, он был невинен. Чтобы отделаться, он вспомнил пьесу, написанную 300 лет назад, где были лорды и пр., — и повторил всю ситуацию пьесы, признав, что он дружил с лордами и т.д.

Люди и животные одни существа: среди животных есть морально даже более высокие существа, чем люди.

Не лестница эволюции, а смешение живых существ, общий конгломерат.

«Это правильно, но неверно».

<Записи с обратной стороны книжки>

О командир<овании> меня в Норильск¹²

Письма сыну,
посылки сыну.
Комендант лагеря.

<Адреса и телефоны>¹³

Дм<итрий> Парфенович Трофимов — Бол. Саввинский пер., д. 10, стр. 10, кв. 7 (6—7 час. в<ечера>). В июне 1940 г. 50-летие (с 1890 г.) работал на ф-ке им. Свердлова (текстильной), отец 37 лет на той же фабрике.

Боков — Шостка, Сумской области, ул. Маркса, 19, кв. 27 (Матвиенко)

Верж<бловский> Д.В.— Г 1-01-42

Хубларов Ал-др Ефремович — К 2-47-74, 6/V

Як<ов> Генкин — 22-23

Бор. Болтянский — 25-26

Гаврик Смелюк — Ленинградское шоссе, д. 161, корп. 4, комн. 37

<Адрес вписан *М. А. Платоновой.*>

Свирский Раймонд Петр. — Нижн. Кисловск<ий> пер., д. 5, кв. 37

Эйхлер Генр. Леопольдович, ст. редактор — Детиздат

И. Д. Ермаков — Г 6-59-78

Березовский (вместо *Чмякина*) — К 6-55-44, 2/VII, 8-30

Полуян-Верецкая — «СП»

В. В. Шкваркин — К 0-77-91

<19-ая книжка, 1941-1942 гг.>

«Я живу, можно сказать, плохо. Но это ничего: я привык жить плохо. Жив — и ладно. Больше я ничего и не имею, только живу».¹

О моем котле, имеющем перем<енную> силу (давл<ение> в атм<осферах>). В этом мой котел равен электромотору.

«Когда я бывал молодым, то бывало — то зубы заболят, то икота нападет, то обсерешься в дороге, а теперь ничего этого нет, все перестало, весь притерпелся, живу ровно и неинтересно».

Суп — <сутками — нрзб.>

Пьеса Новый Ревизор,— где истинного ревизора просто сживают, как одного из тысяч командированных, а ложного блатмейстера провозглашают ревизором, хотя тот этого и не хотел и т.д.

ст<анция> Дыми — 29/VIII²

Игн<атий> Васильевич Васильев, [32-34] 1903 г. <рождения>, вел СО, позади Латвийской он перевернулся на бок, сорвало пружину гудка, Васильев закрыл; пробило водоприемную трубу, он исправил. Работает 11 л<ет>, лунинец (водоприемная труба — привычка к ремонту машины своими средствами).

В будке — во время обстрела: сначала фугасами, 2, одна в Латвийск<ой>, вторая в 7 метров, затем — пулемет (таков обычный прием немцев,— прочесывать кюветы, леса, кустарник,— уничтожить живую силу). Работает все время в Бабаевском депо.

Кочегар — Малышев, ранен,
помощн<ик> — Махонин,
б<ывший> колхозник,
рабоч<ий> скл<ада> топлива депо,
кочегар,
пом<ощник>,
машинист
(и слесарь),
экономия средств.

Депо: 8 служ<ащих>

Яковлев

Васильев

машинисты

29/VIII

Тихвин —

Бабаево. Стан<ция> Дыми. Развинчивающий жезл, через 10 м<инут> вослед.

в 17 ч<асов>15 мин<ут>

Эстон<ский> паровоз, горячий, помогал. Бригада ушла в лес; кричала машинисту: бежи в лес. Стал к шуровке. На 8 метров. 4 бомбы. Засыпало землей, стекла, ящики — все на машиниста. Затянуло сцепку с эстон<ского> паровоза. Свисток перекрыли пробкой.

Малышева — коч<егара> ранило осколком.

4 шпалы порвало, рельсы вырвало. Саперная команда (снаряд не взорвался). Вспомогательный поезд. Эстон<ский> паровоз: паровоз в одну сторону, тендер в другую.

Э₂ 5204

2 вагона с военными.

2-е паровоз<ов>

1 — в стороне

1 — в состав —
бомбы

Женат, 2 детей;

все время в одном депо;

канд<идат> партии;

красноармеец.

Дыми:

часть состава повреждена — часть крыши сорвана, двери, окна, рамы.

Лесная станция,

разъезд,

глухая станция.

Явная демонстративная доброта бывает компенсацией тайного зла.

Мне нужен рассказ об этом.

Один беженец у другого:

— Дальше-то лучше будет с харчами?

Другой:

— Откуда? СССР везде одинаков. Раз тут нет, значит там — еще хуже.

Кирсанов:

что за грязный разоренный городок!³

Как раз дела делали, к которым у него не было способностей, и он жил суетливо и тяжело, неприятно.

«Да весь СССР-то весь одинаков... что тут, что там».

Старушка такого типа:

хлебушка, маслица, кусочек, чуть-чуть... а все не так — жадна, хищна, зла...

Она же: говорит, что есть, что видит: столб стоит, санитары едут, солнце взошло и т.д.

Получается чудовищно пошло, душно, смертно.

А все верно!

«Предпоследний поезд» из Москвы: 3 вагона чекистов, 10 вагонов «ремесленников». Совместный путь этих вагонов,— два мира, две «стихии», две силы. Среди чекистов — «курсантки», одна Матрена Семеновна и пр. Снабжение в пути. Полковник и подполковник. Завхоз. «Топтуны». Наган в дерев<янном> футляре на толстой заднице. Жены. Кошка белая. И — ремесленник позади, рабочий класс в будущем, сейчас полубеспризорники, ворующие картошку в полях... etc.⁴

Рассказ:

Пожилой, седой, но розовый на лицо, благодушный председатель Общества любителей паровоза...

Тема — в борьбе паровоза с другими двигателями — и электромотором и дизелем особенно,— паровой котел мой.

Председатель — лучшее соединение традиции, консерватизма с истинной революционностью — на основе развития предшествующего опыта техники.

Этот председатель д<олжен> быть интеллектуальным образом, особенным существом человека, новостью — и для меня.

Музыкант играл все лучше и тоньше, и все счастливее — он хотел осчастливить [идуших] уходящих на бой с врагом.

Я не могу сам воевать, не могу выдумать мину или самолет, но я могу обнадежить все души людей и дать им [жизненную] силу правильного понимания жизни.

Беженец в непрерывной работе-суете: кипяток, хлеб, очередь за талоном, дрова, сортир, утепление теплушки, борьба с отцепкой и пр. и пр.

Рассказ

«Генерал Ефим» —

для солдата, кроме выправки, нужна каша, печь, ночлег... а главное — главное.⁵

— А когда ты будешь мальчиком? — (ребенок старику).

Вагон 5899 —

(Пьеса). Клавка, фельдшер, Ив<ан> Мироныч Раздорский и пр.— Плачут, что «мало» едят, истерики,— грязная пена людей. Обжорство, вне очереди, а сами тюремные служащие, кухарки и т.д.

Очень важно —

совершенно автоматические люди — еда, тепло, покой, порядок, эгоизм. С такими можно делать что угодно.⁶

Тюрьмы, лагеря, войны, развитие материальной цивилизации (за счет увеличения труда, ограбления сил народа) — все это служит одной цели: выкосить, ликвидировать, уменьшить человеческий дух,— сделать человечество покорным, податливым на рабство.

«Бьются <нрзб.>, а народы стоят в стороне, они лишь погибают и откупаются кровью».

«Генерал Бабай»⁷

$\frac{1}{3}$ людей не работает, а глядит на работающих.

Секретирист Шарфудинов.

Высшая деятельность и низшая (в истинном смысле) суть одно и то же. Червь образовал чернозем, червь — низшее существо — равен высшему.

У многих людей ум заменяется наглостью, иронией, насмешкой — «вы интеллигенты» и т.д. Но за этим — невежество хулигана. Эгоизм [разбой<ника>] жулика.

Ск<олько> бывает неудач в изобретениях лишь от того, что нет терпения. Напр., печь простая сначала лишь охлаждает комнату, пар<овая> маш<ина> вначале работает на одну конденсацию и т.д. и т.д. Лишь потом механизм «примучивается» и работает.

Жизнь к<а>к тупик, как безысходность, к<а>к невозможность (вспомни вокзалы, евреев эвакуир<ованных> и пр.)...

Особое состояние — живешь, а нельзя, не под силу, как будто прешь против горы, оседающей на тебя.

Начало
важнейшего рассказа:

Стоял старый дом: в доме стол, в столе среди рухляди брошюра с маленькой статьей умершего инженера, умершего от заброшенности, неустроенности и отчаяния — как всюду, как традиционно,— а в статье этой лежал секрет победы его страдающей родины над врагом человечества.

Никто этого не знал...

Зло въяве, наружи — это только то, что у нас есть внутри. Это наши же извержения, чтобы мы исцелились.

Россия всюду: Уфа, кузница, домишки,— как в уезде (а тут Башкирия). Домишки непрочные, вроде временных,— отсюда, дескать, еще дальше пойдем. Куда только? Все равно. Выспимся и пойдем.

Рассказ

«Будущий мир» —
какой же он д<олжен> быть.^{7а}

Душа: «Белье киснет, у меня вся душа изболела!»

Рассказ

о чехе-саботажнике: с него пот льется от тихого хода труда.

Ив. Ножак

Рассказ

«Зимовка в Уфе» — об эвакуации, озверелости и пр.⁷⁶

Рассказ —

Человек уходящий от людей — люди все проще, потом он льнет к животным, к деревьям, к ветхим «мертвым» предметам, и с ними делит свою душу.

«Грудник дохнет».

Очень важно

Каждый, естественно, хочет найти лишь одну сторону дела, реш^{ающее} звено, чтобы исполнить все дело,— так экономней и для мысли, и для усилий. Нужны же все стороны дела. Именно поэтому принцип организации всего, как ни труден для исполнения этот принцип, есть высший принцип и единственное искусство практической победы. Этот принцип как бы «сер», п^{отому} ч^{то} он труден и суетен, но он — истина.

Немцы убили мать партизана, минировали ее труп, труп выставили на виду, сын-партизан увидел мать, приблизился к ней, обнял ее и — погиб.

<Записи с обратной стороны книжки>

[Скучно стало жить на свете без Франции.]⁸

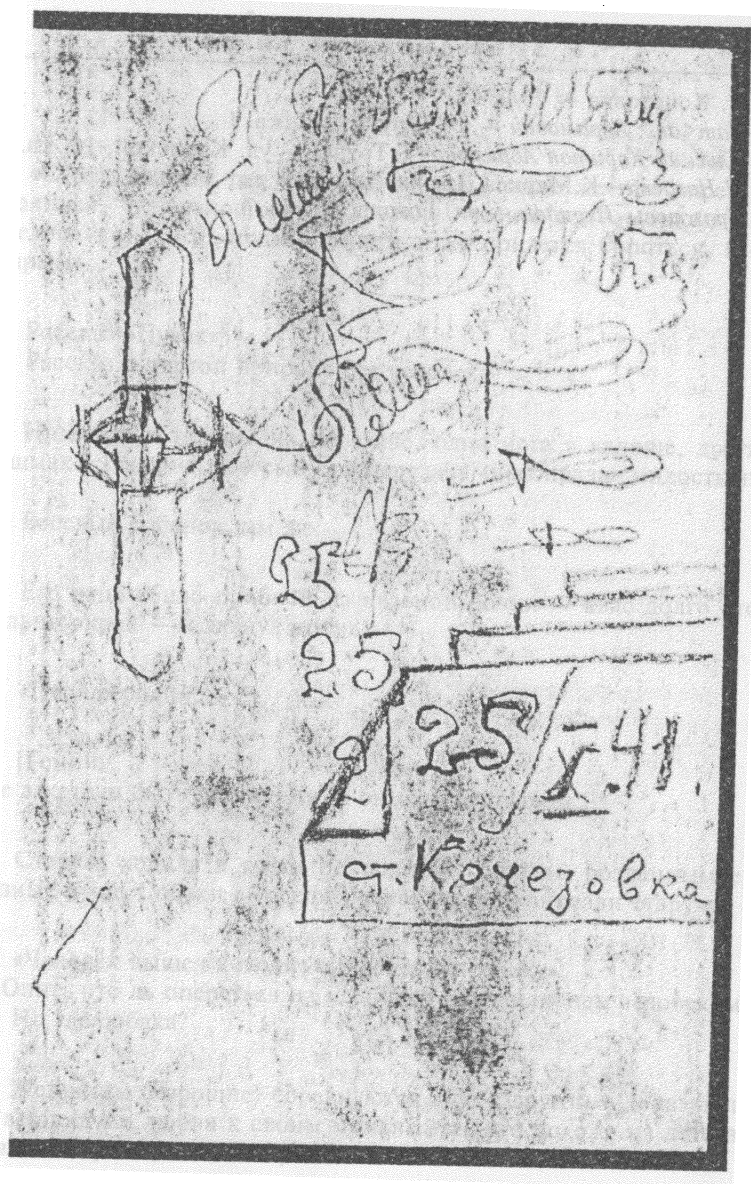
По осеннему русскому полю шел старик с палкой в руках и хлебной сумкой за плечами. С ним шли еще две старухи; они тоже были с дорожными палками и сумками. Все трое были старыми, терпеливыми людьми, привыкшими к жизни, к нужде и дороге. Они шли медленно в туман.

Вкруг их было пусто, земля замерла на долгое время, [спешить старым людям было] птицы давно утихли, а молодые сильные люди все разошлись куда-то: кто на войну, кто на заработки, кто без вести о себе.

Шли старые люди уже давно и [долго] трудно; ночевали они по чужим деревням, свой хлеб у них кончился и они стали есть то добро, которое им давали по сытым дворам.

— Отчего худеешь? — Ведь ешь ты много!

— Ем много, а вздыхаю еще больше.

ФОРЗАЦ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1941

<Адреса и телефоны>^{8а}

ст. Кочезовка — 25/Х 41.

Нат<ан> Абрамович — ул. Фрунзе, 63, кв. 1

Ильский Харитон Абрамович («Труд») — ул. Крупской, 16, кв. 15

М. Ногаев — К.Маркса, 16, кв. 4 (вход с ул., 3 этаж)

Прозоровы-Перцовы — ул. Гоголя, 26, кв. 4

<20-ая книжка, 1942 г.>

«Счастл<ивый> тип чел<ове>ка, м.б., такое же тяж<елое> сос<тояние>, печальное, что и старый пессим<изм>, угрюмый тип чел<ове>ка,— и с «новым» типом тоже придется бороться, как со старым».

Рассказ «Пувак»⁹

Рассказ о чистой природе без человека.

Нищенка в тюрьме на передаче, одна нога в калоше, другая в башмаке. Говорит, что сыну на передачу «набирала» милостыни.

Веселый ребенок там же.

Его отца убило пробкой из квасной бочки — квас долго стоял, сильно окреп — и давил прочь.

«Перифериец»

[Гений:

все захотели быть летчиками, а он один гончаром.]¹⁰

Старуха ходила в гости по родным собакам, розданным ею в разные руки. Собаки выросли, не узнавали ее и рвали старуху.

«Человек вышел в люди, опираясь на собаку»:

— Опять что ль опереться на нее, чтоб стать наконец человеком!

Но где собака?

Женщины (хорошие) соревнуются друг с другом в доказательстве верности и любви к своим мужьям: так это похоже на детство — чья мать лучше, чей отец умней.

Два сына: один в горох, «другой в чечевицу».

Врач, сын свиновода, привык к мясу, к сытости, к организмам, к плоти,— отсюда его медицинский инстинкт.

БАШКОРТОСТАН СОВЕТ ЯЗЫУСЫЛАРЫ СОЮЗЫ ПРАВЛЕНИЕ

Правление союза советских писателей Башкирии

Адрес: г. Уфа, Союз писателей, телефон 94-87.

Директору Гостинницы "Башкирия"

Союз Советских Писателей БАССР убедительно просит Вас предоставить писателю ПЛАТОНОВУ Андрею Платоновичу, члену Союза Советских Писателей, командированному в Башкирию из Москвы, - номер в гостиннице для работы и временного проживания. -

Ответственный Секретарь
Союза Советских Писателей
БАССР

Б. Бикбаев

Б. Бикбаев

23/1-1942 г.

№ 18.

«Соврем<енная> война как инстинкт<ивное>, стихийное, безумное по форме, искание выхода из невозможного своего положения. Искание не сознанием, но практикой, страданием, мукою etc...». ^{10а}

Крестьянин едет «ко двору» — оказалось на тот свет, домой. Жизнь действительную, на земле, он считал постоянным неустроенным двором.

«Ко двору!»

Сторонник и проповедник «красивой жизни», — для него эта жизнь истина и вся философия.

Удовольствие не обучает человека.

Жизнь суть туловище.

Человек, ктр. думает, как у него борются черви внутри, как крестец поедает лук, как идет пищеварение etc.

Не путайте себя с человечеством!

Мудрости не хватает лишь времени — вечности, и она видит все лишь в миге кратких времен — отсюда, от недостатка вечности, долготы истории, — недостаток мудрости.

В образовании материков играла роль «овражная», режущая, мощная роль рек. ??

Ч<елове>к — плохое существо, но странно, что он, ничтожный, вдруг представляется значительным в своем каком-либо деянии, и тогда видишь, что через его существо действует что-то другое, ему несоответственное, — это похоже на мистику, но так это нужно понять и объяснить.

Тупое чувство жизни.

Рассказ «Марксистка»¹¹ —

о девочке лет 7, ктр., не зная, сама догадывается о марксизме, как о священной жизни в материальных условиях.

Два человека — один ведет через трудности, другой через легкости. Любят только первого и обожают его по справедливости.

Рассказ под названием «То». ¹²

«Пагубный пример» — все с Запада (Герцен). Все тогда ссылались на Запад, теперь на СССР — СССР стал центром мировоззрения мира.

Старость:

«Я так хочу, чтобы мои кости кто-нибудь вынул, перемыл в соленой воде и снова сложил — так я устала, устала до самой середины своих костей».

«М.б., спасение мира в переходе с оседлого на кочевое положение».

Был учитель, был ученик <нрзб.>

[Оч<ень> хорошо

Старик-колхозник, разоривший свой дом и двор в пользу колхоза, и семья его борется с «колхозными пережитками» в сознании крестьянина.]

[«Божье дерево» — листик в карцере, в каземате заключенного, листик, вынутый из штанов, из «зачапки». Он думал, что лист тот с божьего дерева.] ¹³

Начало пьесы:

— На чем мы остановились?

— Да это занавес отдернули.

— Нас видят.

— А пусть, они все равно ничего не поймут, давайте продолжать и т.д.

Время физически неровное. Секунда α не равна секунде β , скажем так. \neq

Мать, рождая сына, всегда думает: не ты ли — тот? —

Женщина — путь и средство, сын ее — цель и смысл пути. ^{13a}

Все бывает на свете и возвращается вновь,— одно лишь время безвозвратно.

«Скучно на свете без Франции».

Мне давно казалось, что в уме, таланте, силе, храбрости человека есть что-то скверное.

Ребенок, видящий сахар, конфету во сне — и просит ее у матери.

Каждый солдат придумывает себе «веру» — для спокойствия настроения и души: по-разному.

Встреча с самым печальным человеком мира (после войны) — «вечным жидом». ¹³⁶

«Дочь Яна» — все говорят про нее, что она «дочь Яна» — и дают ей ход и блат, а кто такое «Ян» спросить неудобно, нельзя, некультурно — и живет, живет бабенка с дружкой-котом.

Рассказ «Блаженство в Мелекессе» ¹⁴ —

«Деятель умирал» — и ему представилось решение одной не разрешенной всю жизнь загадки.

Старуха, рассказывающая другим старухам, как пил кто-то чай с сахаром: «Сначала она икала, все икала, а потом пить начала, а я гляжу, я радуюсь, мне-то хоть не сладко, да страшно и удивительно — ведь я сахар вижу».

«Все истины ограничены. Мудрость [не выходит] знает это и не выходит за их границы. Каждая истина действительна в пределах, — взятая больше, она ложь и заблуждение».

Сон:

Народ бьется сразу с дву<мя>, с тремя, четырьмя чудовищами.

Местн<ая> художница, тонкий по-своему человек, Фукалова говорит:

— Так ведь тут Уфа! (т.е. безнадежный город). Здесь так презирают все возвышенное, все прекрасное.

И это, кажется, правда. Станный город: его не любят местные жители, над ним смеются; бестолковщина и глупость здесь обычны; за 25 лет мало что сделано (эл<ектрический> свет на окраинах; несколько больших домов в центре — и все). Это удивительно: город

Воспитательница
М. М. Мухоморова, от
Трех годов, ученица
защитила, и, следовательно
изучившая, как надо
жить, что такое это
участие, как участие
интерес, как участие
Все участие
То участие
ему
Эту функцию в исследовании

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1942

как враг прекрасного, ненавидимый жителями, живущими кое-как, втайне мечтающими уехать отсюда, но умирающими здесь.

Внешне город очень красив: холмы, близость Сибири и Урала, огромный чистый континент.^{14а}

Мужество Магеллана (и др. под<обных> людей) создает какая-то специфическая, личная, внутренняя фантазмагория. В этом — сущность их личности и подвига.¹⁵

Живой, это тот, на ком заживает боль. Другие — не живые (которые не имеют боли).

Если бы мой брат Митя или Надя¹⁶ — через 21 год после своей смерти вышли из могилы подростками, как они умерли, и посмотрели бы на меня: что со мной случилось? — Я стал уродом, изувеченным, и внешне, и внутренне.

— Андрюша, разве это ты?

— Это я: я [прошел] прожил жизнь.

Высший критик был Шекспир; он брал готовые, чужие произведения, — и, переписывая их, показывал, как надо писать, что можно было сделать дальше из искусства, если применить более высшую творческую силу. — Это критика в идеальном виде!!!

Уфа:

художница и ее муж. Муж ругает ее живопись, порочит и уничтожает. Она бегает со своими картинами, прячет их, [не живет] не знает, куда деться, и дочка есть — псих — расплата за талант матери, за отчаяние отца.

Щенок Филька в Уфе:

один, без имущества, лежит на полу на холоде. Все, что можно сделать в таком состоянии, — весь инструмент [д.б.] должен заключаться лишь в собственном живом туловище: ни бумаги, ни пера!!

Рассказ украинца-шофера о фронте под Харьковом, — о том как мы оставили Харьков. Связка гранат, поиски вина, 30 человек раненых, отношение фронта к тылу.

«После войны»¹⁷ —

пьеса. Замороженных воскресают — и снова они сражаются, но их уничтожают вновь: две смерти они переживают.

1
 Купил
 суконный из сумо
 от Тегми - от Кавказа
 и ш.

Ест кашка.
 кашка!

20.11.42

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
 Автограф. 1942

Уфа и поэтический город. Церковь на рынке, где дрова... избушки.

Христос как образ созданный из чистого очарования — без новаторства, без теории, без чудес и пр.

Есть наука о пауках —
анхорология что ли?¹⁸

Ник<олай> Ив<анович> в вагоне:
тюрьма — в юности; избушка, одиночество, нищета в старости,— и все. Юность, чтоб не брыкалась, законность: высший принцип, тишина, порядок.

Очень важно

Смерть. Кладбище убитых на войне. И встает к жизни то, что должно быть, но не свершено: творчество, работа, подвиги, любовь, вся картина жизни несбывшейся, и что было бы, если бы она сбылась. Изображается то, что, в сущности, убито — не одни тела. Великая картина жизни и [душ] погибших душ и возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших,— лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне,— там убита возможность прогресса.

Повесть «Бегущий народ» — о беженстве.¹⁹

«Бегущие народы»

«Европ<ейская> классич<еская> демократия и современные формы диктатуры» (книга, автор неизвестен) — как может выбрать демократия «назад» в демократию и ядовитые страшные силы диктатуры.^{19a}

«Для них литература это государственное чистописание».

Вместо того, чтобы надорвать свое сердце на работе, они его надорвали переживаниями.

Рассказ:

«Научная сессия»²⁰

Слушали доклад чл.-корр. Ак<адемии> наук Лаутиняна — о движении керосина и сопутствующих газовых эфемеридов в фитиле 7-линейной лампы.

Присутствовало: 14 душ; [и 18] съедено в буфете продуктов на 149 едоков.

Умиле,
в Европе,
Морна - в юности
узнал - в юности
визита в юности,
и все, что в юности,
не дождется завтра,
дождется! Вспомни
вспомни! Вспомни
вспомни! Вспомни!

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Автограф. 1942

Постановили: навести справку, где приобрести один фитиль для производства опытов.

Рассказ:

Мой знакомый, который ехал с дровами с р<еки> Белой, башкирин: всех считает «высшими», главными, кто говорит разные «высокие» слова,— и он, этот башкирин, живет в мире под мистич<еским> давлением, под испугом этих «сил».

Вот положение: она боевая сестра милосердия на фронте, муж ее в тылу, освобожден от фронта; она в тылу, муж ее на фронте; и эта пара сходится «временно» — на время войны; затем возвращается с фронта сестра милосердия (жена тыл<ового> мужа), командир (муж тыл<овой> жены) — и — жизнь мучительно выправляется (?)

Рассказ:

«Два окрашенных домика на краю родного города» — на Средне-Москов<ской> улице.^{20а}

Рассказ

«Таранка» (памяти матери); ни разу не была в театре, не ездила на поезде.²¹

Ребенок в детской пьесе под конец стал маленьким стариком, когда воскрешает мать; а мать, оживши, опять возвращает ему детство.

Кирей Иванович Лошкарев.

«Пут<ешествие> в человечество»²²

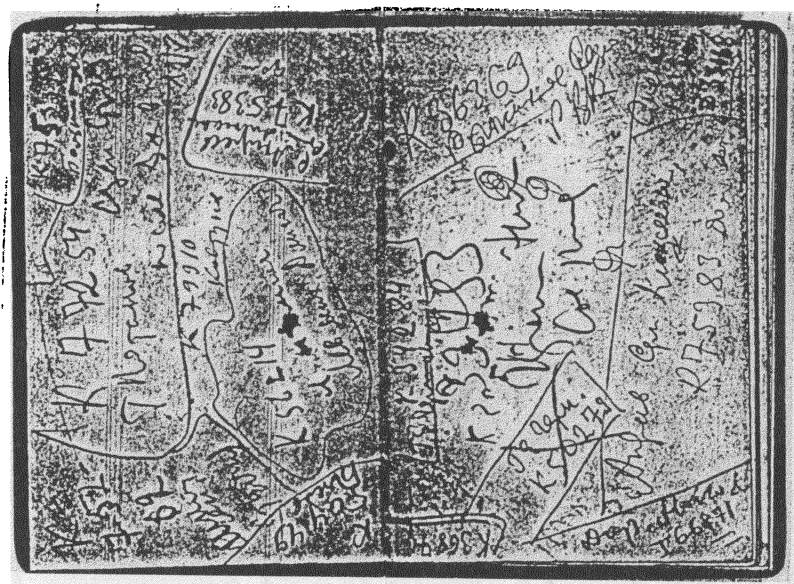
Рассказ: «Жизнь собств<енного> сочин<ения>»

Жизнь собств<енного> сочинения:

чел<овек> напивается пьян до беспамятства, творит без памяти разные дела, просыпается — ничего не помнит; другие рассказы-вают ему про его прекрасные дела, а он слушает с интересом — <утрач.>

Мечта о государстве, где нас<еление> бьет, издевается, колотит полицию, власть и пр.— и насел<ение> наслаждается.

Дочь Меньшикова²³, как очаровательное чудовище: маленькая ради сохр<анения> жизни большой, умной и подлой.

ФОРЗАЦ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
Запись телефонов
Автограф. 1942

Чрезвычайно важноПутешествие

«Надо идти именно туда, в сверхконкретность, в “низкую” действительность, откуда все стремятся уйти».

<Адреса и телефоны>²⁴

Трошин Иван Ильич — 1-ая Мещанская ул, Орлово-Давыдовский пер., д. 2/5, кв. 46 <Адрес вписан в книжку М. А. Платоновой.>

Ермилов или *Виноградская* — Куйбышев, Красноарм<ейская> ул., д. 17, тел. 19-97, 22-64

т. Эрлих («Огонек») — Д 3-39-04, В 1-36-45 (дом.)

Ильина Нат<алья> Влад<имировна> («Пионер») — Д 3-38-75, Д 3-30-73 (94)

Глебов — (Союз Писат<елей>) — Д 2-14-21

т. Выборнова (Союз Сов<етских> Пис<ателей>) — Д 2-14-25

Ал-др Марк<ович> Ясный («Угольн<ая> пром<ышленность>») —

Б. Полянка, д. 44/2, кв. 13

Т.Н. Лурье (Лит<ературный> ф-т ИФЛИ) — Е 3-46-51

Радиоком<итет> — Пушк<инская>, 4 этаж, комн. 427

Трошкин П.А. — г. Тула 6, аб. ящ. 176

Павленко — К 4-64-99

«Мол<одой> колхоз<ник>» — К 3-91-96

«Дет<ская> лит<ература>» — К 1-24-30

Келлер — Д 1-32-88

Игорь — Г 1-29-45

Ярцев — К 3-59-87

«Дет<ская> лит<ература>» — К 0-71-86

Лев Ив<анович> — Е 1-23-07

Колтунова («Сов<етский> пис<атель>») — К 3-37-53

Детиздат — К 2-59-50, К 3-95-64

т. Потапов (Сцен<арная> студия) — К 7-72-54, после 3-х 12/V

Ковтунов — К 7-99-10

Шкл<овский> (Сцен<арная> студия) — К 7-52-62

Большинцов — К 7-53-31

Андреев Серг<ей> Алексеевич — К 7-53-83 (дом.), веч<ером>

Боков — К 5-04-49

Нейман, Длигач («Смена») — Д 3-31-68

Тарасов — К 1-14-33

Дар<ья> Никол<аевна> — Г 6-68-71

Г.Е. Чернявщук — К 3-42-84

Рыжиков С. — К 3-63-69

<21-ая книжка, 1942–1943 гг.>¹

Москва
сентябрь 1942

[Даны рукописи:

«Moscow news» — «Ст<арый> чел<овек> Никодим».

«Кр<асная> звезда» — «Б<ожь>е дерево», «Рассказ о мертв<ом> стар<ике>», «Броня».]

«Октябрь» — «Крест<ьянин> Ягафар».

[«Нов<ый> мир» — «Броня».]

«Красноарм<еец>» — «Дед-солдат».

«Др<ужные> ребята» —

? | «Кр<естьянин> Ягафар»,
| «Расск<аз> о мертв<ом> стар<ике>»,
| «Броня».

«Знамя» — [«Броня»], «Одуш<евленные> люди», «Жел<езная> старуха».

[«М<олодая> гвардия» — «Одуш<евленные> люди».]^{1а}

Не забудь — об уфимской теории электромагнетизма. Изменение положения элем<ентарной> частицы материи в пространстве влечет за собой уменьшение или увеличение количества материи или оставляет его неизменным,— и отсюда происх<ождение> зарядов эл<ектричест>ва, или нейтронов (?)

Эл<ектричест>во есть отношение «убывающей» материи к «прибывающей» (и наоборот).

Ток есть [передача... возмущение] инерция элем<ентарных> мат<ериальных> частиц — против внешн<его> возмущения, грозящего изменить полож<ение> эл<ементарных> мат<ериальных> частиц в пространстве, положения, занятого эл<ементарными> мат<ериальными> частицами на данный момент в устойчивом состоянии.

Ток есть нарушение равновесия в пространстве, в силу тяготения эл<ементарных> ч<астиц> материи — ток есть передача смещения соседу и т.д.²

Электроны — как пояса защиты материи: есть электроны связанные, есть свободные; те и другие принимают участие в образовании явления тока.

Но своб<одные> эл<ектро>ны тоже связаны, но связаны не с отдельными атомами, а с большими группами их, с системами.

Происх<ождение> своб<одных> электронов — разрушение электронных атомных колец; но затем эти электроны не освободились, их связали группы атомов и поставили себе на службу.

Манаков Мих<аил> Трофим<ович> — лейт<енант>, политр<ук> (?)

Война может стать постоянным явлением: к<а>к род новой промышленности, вышедшей из двух причин — некоторого «свободного» избытка пр<оизводительных> сил и «опустошения душ».

Война, весьма возможно, превратится в долгое свойство чело<веческого> общества.

Лунатик на войне.

«Народ-дитя» — сам себя уродующий будто бы и т.д.

«Вечная война» как выход в другое историч<еское> состояние (фаш<изм>).

Рассказ немца:

о том, как переродится Германия — фр<анцузы>, бельг<ийцы>, голл<андцы>, укр<аинцы>, русские, итальянцы и др. «перепортили» немок; получился «расовый хаос». Вернутся немцы — инвалиды и психи, их прогонят женщины. Германия станет «клоакой народов» — и погибнет.

В «Путеш<ествии> в чело<вечество>» — Аркин встречает наконец человека, который освобождает его от его собственной судьбы; этот человек оказался еще более одушевленным чем сам Аркин, и лучше Аркина.

Несомненно, античное искусство ничего общего не имело с ужасной рабской античной действительностью; ант<ичное> иск<ус-ство> и появилось как противовес, как самозащита, как своего рода компенсация за адскую действительность, как призрак, питающий и утешающий.

Рассказ матери, которая любила одного сына и не любила другого. Но тот, которого она не любила, любил ее и отдал жизнь за нее свою, а тот, которого она любила, предал мать.

Родина — это значит, что я родился — и умирать не хочу, потому что мне не время!

Част<ушка>:

«Ах ты, русская матрешка,

Не пеки свои лепешки:

Я их сам испеку

Из горячего песку».

(Торжок)³

Назад идут — харчи впереди; вперед идут — горилка.

Оч<ень> важно

Люди живут не любовью, не восторгом, не экстазом, а особым чувством тихой привязанности и привычки друг к другу, как верные муж с женой, как крестьянское большое семейство за одним столом.

Оч<ень> в<ажно>

Есть такой низовой человек, на которого опирается весь мир, как на вершину опрокинутого конуса, — это и есть Аркин из «Путешествия».

Нет, не Аркин — но некто больший Аркина.

[Тихий очаг: старик и старуха (как не-война) и туда ходят бойцы: сидят, молчат, курят, словно в гостях у отца и матери.

Потом уходят.]⁴

К отцу-матери пришел сын с войны — до того изувеченный, израненный, изменившийся, что его не узнали родители. У сына оказалось много-много денег (или драгоценностей). Отец собрался его убить — не мог. Мать послала отца за вином. Отец пошел. Кабатчик сказал ему о сыне, который только что был у него, покупал гостинцы для родителей и признался, чей он сын. Отец бросился обратно домой, но жена его уже управилась — зарубила своего неузнанного сына.

Священная зима: ноябрь, снег, день 5—6 часов длительностью, ели под Торжком, дер<евня> Татариново, птички поют в тишине сумрака, над глубокими тихими снегами, и целуются. Эта «весна» нежнее, глубже, таинственнее той, «радостной», всеобщей.

27/XI умер Кузя, что побирался, и набрав котомку больше не брал: «У меня полно, хватит, когда поем, тогда возьму».⁵

Жел<езнодорожный> мост в Т<оржке>, ставший «бомбоубежищем»: в него ни разу не попали почти за 1¹/₂ года, а кругом все порушено, хотя мост-то и был объектом попадания. Жители при бомбежке стоят на мосту — в безопасности. «Они хотят попасть даже метко, вот у них и прицелы-то дрожат — и не попадают», — говорят жители.

Фронту нужны книги для чтения — это сборные хрестоматии лучше всего: библиотека в одной книге.

Свободное время: домино, карты, болтовня, тихая скрытная любовь (не у всех, редко), болтовня бывает и вредная. И опять — недостаток почты.

Нужен непрерывный поток книг из тыла — фронту.

Ротные библиотеки; библиотекарь — писарь.

Разведка должна получить столь активную форму, что между разведгруппой и партизанами должна почти стереться грань.

Бомбежка танк<овой> бригады в лесу (упорная, точная) — следств<ие> нем<ецкого> шпионажа. Но командир заранее увел бригаду в окопы.

Немцы в обуви на дерев<янной> подошве, катятся по снегу, ухватившись за борт машины.

Партизаны: Боря, Гриша. Их действия: снабж<ение> действ<ующих> частей деталями из нем<ецкого> тыла, продовольств<ием>, хлебом. Мало у них боеприпасов, приходится иногда действовать ножами. Дисциплина не менее красноармейской.

Выселение из зоны населения.

Уборка урожая под обстрелом. Смелость и выдержка крестьянок. Цепкость за дворы. Красноармейцы иногда, оставшись в деревне без населения, разбирают постр<ойки> на топливо, на зем-

лянки. Без населения некому постирать белье, истопить, прибрать избу.

Вывезенное за 25—35 км население при первом случае возвращается. Вывозить дальше — нужен гигантский транспорт. Проблема трудная. Население обожает красноармейцев. И одновременно — сами красноармейцы понимают и чувствуют, что много шпионов на фронте. Документы, проверка людей на фронте поставлены хуже, чем в ближайшем тылу (в 1 и 2 эшелоне). Можно ходить без документов.

В храбрости есть высшее самолюбие: на глазах товарищей.

Не пушками лишь решится война, но и смертью тысяч... Тут побеждаем мы.

Главное, самое главное.

[Горе само по себе, осмысленно неутешимо, непобедимо; его переживает человек лишь отвлечениями, суррогатами, подлыми способами — и тем сохраняется от отчаяния и гибели.]

В предсмертный миг часто бывает у солдата: проклятье всему миру-убийце и слезы о самом себе, слезы разлуки навек.

Слеза одна, на две не было силы.

На войне такой шум, гром, дым — что сразу видно: война машина еще несовершенная, как первые паровые машины.— Работы мало, топлива идет много, суэта большая и пр.

Нужно сделать войну «совершенной», технически совершенной.

Очень важно

Аркин это тот, кто с первым встречным человеком не в силах уже разлучиться до гроба, и после гроба хочет быть с ним неразлучным.

Он любил машины потому, что чувствовал их живыми — мертвыми, которые стали живыми; это было воскрешение железа и всего мертвого к жизни вместе с человеком: образ будущего, полностью живого мира.

По миру, или путешествие в человечество.

По смерти миллионов людей — живых замучает совесть об умерших.

Успех Робинзона: ему не мешали люди, ни один человек: не в этом ли тайна всякого успеха.

«Отсутствие порока в человеке (выпивки, женщины) есть доказательство отсутствия в нем души».

Скажи Вяхиреву, что ему спасибо.

Агееву стало лучше от того, что ему напомнили Вяхирева.

Агеев пожалел, что нет сейчас возле него Вяхирева.⁶

Система взаимно движущихся зеркал, отражающих пустоту одно другого,— страшный объективный механизм взаимопроникновенности до дна пустоты.

Сколь трогательна бывает самозащита существа, т.е. эгоизм же, но в особом положении, когда и эгоизм — прелесть.

Ильяшенко Ал<ексан>др Степ<анович>

нач<альник> отд<ела> кадр<ов> 1-й ударн<ой> армии, п/я 1576

1) Пирамидон

2) Вино — тоже

3) «Жизнь Бенв<енуто> Челлини»⁷

4) Косынка на голову

5) Спич<ки>

Приказ НКО СССР по л/с Армии от 22/IV 43 г. № 0275

<Адреса и телефоны>

Дарья Ник<олаевна> — Г 6-68-71, Кропоткинский пер., д. 12, кв. 17

Семен — ППС, 872 часть, п/я 049, Климентов С.П.

Сергей — Тихоокеанский флот, ВМФ, 1119, п/я 122

М.А. Лифшиц — К 2-45-40

В.С. Гроссман — ул. Герцена 14, кв. 108

А.Ю. Кривицкий («Кр<асная> звезда») —

Ал<ексей> Вен. Кожевников — Г 6-95-14

- Павел Петрович Соколов* — Д 3-22-27
Тов. Бек — К 0-46-96
Соловьев (Кино) — К 4-06-47 (через секретаря)
В.Б. Шкловский — В 1-91-85
Леон<ид> Ник<олаевич> Улин — К 0-48-82
В.С. Гроссм<ан> — К 4-49-52
Шпанов Ник<олай> Ник<олаевич> —
Евг<ений> Алексеевич Шубин —
Тарасенкова-Белкина Мария Васильевна — К 5-61-63
Манакова Марина Федоровна — К 4-41-70
Ал-др Ник. Возн<есенский> — 1-45-82
«Известия» (Лидин Влад.) — К 5-38-47, К 4-22-44 (секр.)
тов. Бородин («Изв<естия>») — К 0-57-27
В<оенно->морское изд-во (Григ. Эм. Сорокин, т. Кровяков) —
Д 1-25-04, М.Грузинская, 6
Военгиз (Герасимов Евг. Ник.) — К 1-90-08, Орликов пер., д. 3,
4 этаж, комн. 406
Детиздат — К 0-71-86, К 3-95-64
Гослитиздат — 3-49-46, 3-43-46
«Др<ужные> ребят<а>» — В 1-66-13
«Октябрь» (Вашенцев) —
«Мол<одая> гвардия» (Евгеньев Бор. Серг.) —
«Знамя» (Михайлов) —
«Красноармеец» (Румер) —
«Краснофлотец» (Макаров) —

<22-ая книжка, 1943 г.>

28/V 43 г. Воронеж.⁹

[Мария Платонова, супруга одного писателя]

Ген<ерал> Анто<шкин> Иван Диомидович.¹⁰

г. Вязники, Ив<ановской> обл.

Армия — с 19 г., 1900 г. р<ождения>.

ВВС — 20 л<ет> и в партии — 20 л<ет>,

налет — 4 000 часов.

Обр<азование>: нач<альное> фабр<ичное> уч<илище>, за<тем> — техн<ическое> уч<илище>, 5 л<ет> работы на ткацкой прядильной фабр<ике>, с 19 г.— добров<олец> Кр<асной> Армии, <нрзб.> на бронепоезде под Архангельском. В 21 г. окончил курсы автом<обильной> мех<аники>, с 23 л<ет> — в авиации.

Майор т. Долголен<ник>ов 13 лет в Армии, с 22/VI (вышел из окруж<ения> на Сев<ерном> Кавказе).

Упятеренная работа.

Замечают только летн<ый> состав — работа БАО редко.

Капитан Ромашов сбил двух, таранил третьего — и разбился. Курск.

Шалость генерала: гнались за автомашиной, а наш его сбил — летчик убит, генерал и его спутники взяты в плен.

[Два «Ла» взяли в клещи «Мессера».

С земли:

— Чего медлишь?

— Пусть он пропотеет!

«Мессер» жмет, жмет весь газ, «Ла» идут свечкой.]

Летчик (?) одним ударом сбил двух «Мессеров» под Курском

Два «Ю-88»

[Люди в деревне аплодировали]¹¹

«Где кончается порядок, там начинается авиация».

Землеройная война: нужна и техника землеройства.

В земле, родившей, вскормившей нас, наше убежище и наше движение вперед на врага.

[Над Курском — издали: «еж» зенитного огня.]

Образец солдата: экстремально живущий человек; он быстро должен управиться, пережить все радости, все наслаждения, все привязанности. Ест, любит, пьет, думает — сразу впрок, за всю жизнь, а то, м.б., убьют. Но и нежность его к вещам, внимание к мелочам,— чем бы он ни стал заниматься,— тоже вырастает: он внимателен и к кошке, и к воробью, и к сверчку, etc...

Цыгане кочуют, и сейчас под Курском.

«Немцы за свои грехи расплачиваются чужим; мы за свои грехи льем свою кровь». (Рядовой)

Саперы:

Опарин Александр Ивович (1924 г. рождения).

Соколов Михаил Федорович (1921 г. рождения),
разведчик.

С августа 1942 г. в Армии, разведроты 57 бригады, во Флоте химинструктор.

Вся тайна успешной тактики (наступательной) в искусстве правильного, практически спланированного взаимодействия (тылов и активных частей особенно).

Оперативные командиры жалуются на кабинетное планирование операций, практически не исполнимых и срывающих успех операций.

Новые солдаты — обучение войск.

Семья — общество — народ¹²

Человек не сразу, не непосредственно связан с обществом или народом, а посредством семьи или того, что ее заменяет.— Очень важно — отсюда все.

И так не непосредственно (непосредственно он не может) связан человек с народом и природой.

Сем<ейный> «очаг» — собственность.

Тайна войны.

Ант<ошкин>,

был в Монголии, нач<ал> воевать с финской кампании — командир, 18 полк СБП.

Фин<ская> — 40 боевых вылетов.

Зв<ание> Гер<оя> Союза: 2 раза возвращ<ался> на горящей машине на одном муж<естве>, около 4 000 вылет<ов> полка.

Отеч<ественная> война — с первых дней — на Зап<адном> фронте.

Скорость, свист, злость, уходит от «Мессера».

Не боится лоб<овой> атаки.

Ант<ошкин> не один раз, а четыре раза подарил свою жизнь Родине.

И каждый день согласен подарить.

Полковн<ик> Городовиков,

полк<овник> Колобутин — гвард<ейская> дивизия.

Росл<авльский> лагерь¹³

200 гр. эрз<ац>-хлеба с отруб<ями>,

300—400 гр. баланды.

Людоедство.

50—60 трупов ежедневно съедались (нежные части).

1 000 чел<овек> 12/XII умер<ли>.

400—500 <человек> в день умирало. Из-за пайка хлеба удушали друг друга.

Евреев всех расстреляно —

Голод, эпид<емические> заболевания. Тиф...

~ 6 000 кв. м — пл<ощадь> могил.

40 792 м³ — объем могил близ Вознесен<ского> кладбища — ~ 120 000 чел<овек>,

и еще не считаны несколько могильников:

евреи.

Тюрьма в Рославле. Сожжена. Обгорев<шие> кости и мясо, черепа. На хозяйств<енном> дворе — поджегшие. Расстреливали.

Трупы обливали бензином и сжигали. Допрашивали с собаками.

Показ<ал> все — Ник<олай> Гутман, доктор.

В каске варка человека.

Смертность в лаг^{<ере>} военнопл^{<енных>} ~ 1 000 чел^{<овек>}.
Возили все грузы на людях. В лагере ~ 50 тыс. ч^{<еловек>}.

Показали инж^{<енеры>} Иванушкин А., Щенков С.В.

село Зайцево. Пирогова — Анна Андреевна, учительница

село Стигримово: отец Тимофей, дочь Нина Тимофеевна

с. Деньгубовка — Мария Алексеевна, — урожд^{<енная>} Пирогова

<Записи с обратной стороны книжки>

28/V 43 г. Воронеж

Действ^{<ующая>} Арм^{<ия>} п/я № 48251

А.Платонов

Умершие [могут] будут воскрешены, как прекрасные, но безмолвные растения-цветы. А нужно, чтобы они воскресли в точности, — конкретно, как были.

На войне душа еще живого [требуется] все время требует, чтобы мелочи (игра, болтовня, ненужный какой-либо труд) занимали, отвлекали, утомляли ее.

Ничего не нужно в тот час человеку — лишь одни пустяки, чтобы снестать ими тоску и тревогу. Внешне идут, происходят лишь одни пустяки, скрывая за собой и подавляя собой высшую истинную жизнь, не замечая того в практическом сознании, делая это незаметно для себя.

Как медленно заключенный возвращается обратно в свою тюрьму — шаг за шагом, стоит на каждой ступеньке и долго дышит, и опять стоит.

Бог есть умерший человек.

Жизнь есть изменение, но высота души в ее неизменности.

Солдат живет с недостатками (элемент^{<арных>} вещей); борьба с этими недостатками и отвлекает его от главного страшного недостатка — возможности умереть; солдат, можно сказать, даже должен иметь достаточно много небольших нужд и бороться с ними...

Наука занимается лишь формальными отношениями, поверхностно вещей и явлений, не заботясь о той сущности, где хранится истинная живая тайна мира.

[Пустодушие]¹⁴

Бабочки, окружающие роем трупы погибших бабочек и не расстающиеся с ними.

«Зрел<ость> Богов: двое услащивают свои <нрзб.>, а усластить уже нечем».

Люди учатся в частях по ш<естна>дцать часов: они накапливают уже теперь победу.

Виталий Филиппович Извеков, 1923 г. <рождения>. Штурман.

Ник<олай> Вас<ильевич> Архангельский 1921 г. рожд<ения>.

Арх<ангельский> — 106 вылетов.

Изв<сков> — 76 вылетов (Орд<ен> Боев<ого> Знам<ени>).

Арх<ангельский> — сибиряк, Кур<ганская> обл.,— из г. Шад-ринска.

Отец в арм<ии>, сын учился.

Снегов — погиб, разведчик.

Извеков — из Шигров, отец колхозник, мать в деревне.

Арх<ангельский> — медаль «За Боевые Заслуги».

Комфортабельн<ость>... удобство... баки... хорош<ее> располо-жен<ие>.

Напоролись на танки — на бреющем (отстрелялись в овраг).

Стрелок приготовил <нрзб.> с 10 метр.,

<нрзб.> сел на ничейной земле.

Одно попадание зенитного орудия. Машину оставили.

9 операц<ий>,

2 стрелка убиты,

и 36 «Мессершм<иттов>» и «Хейнкелей», к слову.

Стрелок Кривошекин и Захаров (стрелок-радист).

Муратов Ив<ан> Егорович... тоже ас, тоже разведчик, <из> Омской обл., дер. <Оглухино — нрзб.>, из крест<ьянской> семьи.

Окончил Чкалов<скую> школу в 1941 г.

На Бостоне после школы.

Посадка — куч<евые> облака, шли, отбомбивши (скопл<ение> войск), из облаков вышли истребители — 32 нем<ецких>.

Муратов шел слева, пулеметы отказали, с первой очереди убивает стрелка и с первой атаки побежал... Самолет загорелся (обшивка, вата, утепление горит, жара в кабине)...

Стрелок-радист выпрыгнул, прежде выбросился штурман. Летчик руку обжег о бронестекло, взялся за антенну.

Летчик шел в часть 4 дня.

Штурман 4 мес<яца> был в госпитале.

Стрелок один сразу убит, 2-й стрелок вел огонь, устранив неполадки: убило (от затяжного парашюта); рано нельзя было открывать парашют, г. рожд<ения> 1921 г.

О тактике Бостона.

Полковник Лукашук.

Человек и машина (о танкистах).

Генерал (образ полководца в наступл<ении>).

Мужество ума — о смелости решения.

Риск — благородное дело.

Письма домой.

<Адреса и телефоны>^{14а}

Жабров Ал-др Алекс. — К 1-39-14,

Скатертный, дом 11, кв. 17

Еголин (ЦК) — К 6-25-42, К 47400

Соловьев (Кино) — К 7-42-70

Бровман — Полянка, д. 14, кв. 108

Бухг<алтерия> Гослитиздата (Валерий Яков<левич>) — К 3-49-46

Кедров — К 2-29-44

Кононов — 5-70-41

Янв<арь> 1944.

Каждый рождается со своей жизнью, со своей идеей, со своими, никогда не повторяющимися, ни на кого не похожими... в этом опровержение всех законов и протонов, в этом мозаика истории и смысл ее.

Но кто имеет в наибольшей <степени> эту естеств<енную> природу — тот понимает другого лучше, чем тот, у кого это естественное свойство затушевано или находится в недостатке. Из того выходит дурное.

Об уговаривающих в радости жизни, убеждающих в ней, и о действительно живущих, знающих качество жизни, ценность ее и пр.

(Удивительнейшее событие в неизвестном мире)

«Я не для удовольствия вышла замуж во второй раз: у меня трое детей, их надо кормить, питать, одевать».

Кладбище в Новоград-Волынске; избушка сторожа под соломой; все лежат...

[Ж.д. насыпь используется к<ак> укреплен<ная> полоса.]

Оч<ень> в<ажно>

Как Тоша, умирая, говорил: «важное, важное, самое важное»,— и умер, не сказав самого важного. Так самое важное уносится в могилу.¹⁶

Лошади усталые, битые, немощные — бросаемые на войне. Они стоят одиноко в полях при смерти. Одна очутилась на ничейной земле — и спокойно стояла под огнем. Ее долго не убивало.^{16a}

Пленный немец (Клайн) — врач в Михаль<цах> и др. пленные.

В Староконстантинове: комендант, допрос шпионки комендантом.

Семья в избушке (эвакуированная) в ..., госхозяйство.

Бог есть неповторимое и скоропреходящее в существе, непохожее ни на что, ни на кого, исчезающее и дивное. Святость есть утрата жизни, утрата и божественного.

Очень важно

Питай свою душу подвигом [и не ожидай] и не будешь голоден по наслаждению.

Он («Путешествие» в человечество) родился без души, но захотел жить.

Очень важно

Старший лейтенант Биби́к Яков Ив́анович
взвода лейтенанта Кобашева.

Эпизод.

Шофер — Миронов.

Пулеметчик — Ахъямудинов (татарин).

Сержант — Кутьев.

Рядовой — Голдовский Анатолий.

Не доезжая Шепетовки поворот н/лево,
[Маркова Гребля]
за Новоград-Волынский,
далее [Рублиново] Радулино,
деревня Дубровка, поворот н/право,
Барановка, Людвинка, далее по карте.

<Записи с обратной стороны книжки>

Нет, все божественное — самое будничное, прозаическое, скучное, бедное, терпеливое, серое, необходимое, ставшее в судьбу, — и внутренне согласное со всякой судьбой.

Избушки... картошка в ямах... Труд подростков...

«Крестьянин [имеет дело] живет в кооперации с животными и растениями — отсюда и его большее человеколюбие. Конец крес-

тьянства недопустим — это источник человечества и человечности».

(Летчик на аэродроме)

- I. Борьба за главную дорогу
- II. Гвард<ейское> знамя
- III. Передовой опыт гвард<ейских> частей¹⁷

<Схема движения войск в ходе операции.>

Станислав — Львов —
Тернополь — Воловец —
Проскуров — Жмеринка.

6/III перерезана дорога (из опер<ативных> сведен<ий>).

6/III на участке Тернополь—Проскуров. Дорога питала всю южную группу противника.

Живучесть ж.д. Состояние почвы этой зимой еще более увеличило знач<ение> ж.д.

[Ведущий смысл всей операции.]

Изменение немцами бронепоездов — особенно на ж.д. узлах, как Тернополь, Коломыя.

Дрезина, с пулеметами установили.

[Труд, уменье, [подручное] индивидуальн<ая> изобретательность.]

[— Да, мы все действуем, п<отому> ч<то> [руками] разрушили... <нрзб.>]

[Земля — плоть народов, первая ценность.]

[Форсирование пространств]

Из дыма пожарища на станции выходит поезд и идет в рейс, как по расписанию.

Борьба за дорогу.

Ведущий смысл текущих операций.

Ст<анцию> Черный Остров перерезала танк<овая> а<рмия> ген<ерала> Рыбалко. Затем — перерезали юго-зап<аднее> Проскурова в районе ст<анции> Малин — танковыми частями ген<ерала> Рыбалко.

Проскуров

Для защиты, стремясь не допустить развития, <командующий> н<аших> войск перебросил части 1 т<анковой> д<ивизии> с Уманьского направ<ления>.

На Горынь-реке, т. Пупышев, капитан, командир отдельн<ого> мото-инж<енерного> саперн<ого> бат<альона>:

[Через 8 часов <мост> был готов. Задание было 16 часов.

Мост пропустил все — и <нрзб.>]¹⁸

[до 10-00]

Для сапера война — одно предварение его труда.

Ком<андир> 11 т<анкового> к<орпуса> г<енера>л т. Гетман

Т<анковая> арм<ия>, 64 т<анковая> бр<игада> — командир, полковник ГСС Бойко Ив<ан> Никиф<орович>.

Г<енерал>-л<ейтенант> Катуков (он 1-й гвардеец).

38-я армия, 70 гв<ардейская> див<изия>, гв<ардии> полковник Коноваленко Вл<адимир> Онуфр<иевич>, ГСС, ком<андир> полка.

<Адреса и телефоны>¹⁹

Микульская Елена Антоновна — Киев, Тургеневская, 26, кв. 19

Кашинцева Валерия Александровна — <Ленинград>, Наб. Жореса, д. 34, кв. 36

майор Атаров, нач<альник> госпит<аля> — Бердичев, госпит<аль> в центре города, 16/19

Июнь 22 1944

Природа — не одна ли из дорог к божеству?

Ночь. Артогонь. Авиация. В 10 км от передн<его> края поют девушки (военные), играет гармония — почти под навесом боевых осколков свищущих.

Таково спокойствие.

Драма великой и простой жизни: в бедной квартире вокруг пустого деревянного стола ходит ребенок лет 2—3-х и плачет — он тоскует об отце, а отец его лежит в земле, на войне, в траншее под огнем, и слезы тоски стоят у него в глазах; он скребет землю ногтями от горя по сыну, который далеко от него, который плачет по нем в серый день, в 10 ч<асов> утра, босой, полуголодный, брошенный.

[Прорыв

Дождл<ивое>, непогожее утро. С 9 до 12 ч<асов> дня артподготовка.

Авиация с вечера накануне.

Артиллерия не накрывает противника, а уничтожает его.

Окопы, заваленные трупами.

Контрапункт: взаимодействие, высшая форма взаимодействия оружия и духа. Наступление солдат.

Дым пожаров над лесом Белоруссии.

Сияние дня накануне.

Танк вброд. Брод разведан заранее разведкой.]²¹

Дер<евня> Далекие Нивы.

Уничт<ожено> «Фердин<андов>» — 1

Танков — 1 —

— частью Татаренко.

ТЗ — орудий 150 мм — 3

и 105 — 4.

Разбит 1 нп <наблюдательный пункт>.

Автом<обилей> с людьми — 3,
 подбит танк — ТЗ,
 бронетранспортеров — 2,
 Дзот<ов> — 7.
 Ст<анковых> пул<еметов> — 2.

[Ст<арший> серж<ант> Дергачев, пом<ощник> ком<андира> взвода, парторг 2 роты сап<ерного> бат<альона>.

Мост через Проню,— при ракетах противника не прекращал работы — [во время артналета], к артподготовке мост был готов, строили почти на глазах неприятеля; в роте <нрзб.>]

[617 п<улетный> полк 2 стр<елкового> бат<альона>, ефрейтор Аскеров, подобрался к ручн<ому> пулемету; уничтожил пулеметчика, другой — ряд<овой> Глебоко прикрывал его из своего пулемета.]

[Ручн<ой> пулеметчик [ряд<овой>] ефрейтор Фролов — обеспечивал своим пулемет<ом> <дорогу> и рота ворвалась при помощи его огня в Сусловку.]

Комсорг 5 роты пул<еметчи>к Еременко, 2-й номер Померан.

Ин<жене>р майор Алексеев, див<изионный> инженер, руководитель всех переправ.²²

К<омандир> медсанвзвода л<ейтенан>т медсл<ужбы> Дмитриенко, лично он и его санитары — первая помощь вынос раненых — помощь под сплошным огнем.

Алексеев:

60...

50...

16...

21 <раз> штурмов<ал> мост и паромн<ые> переправы, представ<лен> к награде.

Вот чел<овек>, который переправил...

Первомайская — почти разбита.

Ленинская — почти 70% раз<бито>.

Пионерская — 70% <разбито>.

Неведомый мальчишка абс<олютного> слуха: и свист бомбы, и лучшие русские песни сразу ухватывает и напевает, и никто не видит этого мальчишки.

Мы победили всех животных, но все животные вошли в нас, и в душе у нас живут гады.

Пригород Владивостока,
Артем, Ключевая, 5,
Черепенько Федор Харитонович

Поросочко, Алексей Спиридонович,
дочь Лилия, 5 лет.

<Записи с обратной стороны книжки>

Русские девушки плачущие на берегах Прони, когда играет радио из Москвы. Они упрашивают пустить радио немца-солдата. Тот сдается просьбе.

Любовь к родине на чужбине.

Самые благородные существа на свете — растения: они минерально нас обращают в живое: это сознающие. А плотоядные уничтожают себе подобных — здесь нет ничего нового, ничего не создается, а лишь подобное поддерживается подобным.

Шепелевичи Круглянского района.

Мальчик, которому 8 лет, на вид же — 4. Ел только картошку и черный хлеб.

Немец во дворе. Голубей водить нельзя, собак нельзя, кошек, деревья растут высоко.

Французы:

отношение к женщинам и кошкам.

Кошек ели, бабами пользовались до 80 лет.

Холуи генералов — сытые, кормленные старшины, сержанты, шоферы — их отношение к офицерам и пр. Д<ля> юмора.

Ниша огня (мелкие отрываются от скользящего удара болван<ки>, рвется металлическая ткань стали) — и сверкает синяя молния, — и ранит мелк<ими> осколками.

Машина смертью пахнет.

Солдат-пехотинец боится в бою, что вдруг уйдут танки или орудия самоходные.

Немцы во ржи, в лесу боятся.

Бой есть мысль — в условиях, мешающих размышлению.

Девочки, которых рвет дом<ашней> едой (в <нрзб.>) на пути в детский сад. Чем их рвет?

Пл<енный> немец:

У вас две что ль армии: одна кричит то, другая другое! (Вторая армия — штрафники.)

<Записи разных лет>

<Лист 1>¹

У правды, у истины есть великий недостаток: она чувствует себя благом и желает стать любыми средствами всеобщим достоянием.

<Лист 2>²

Бог есть великий неудачник.

Удачник — тот, кто имеет в себе, приобретает какой-либо резкий глубокий недостаток, несовершенство этого мира. В этом и жизнь. А если лишь совершенство, то зачем сюда ты, чёрт, явился?

<Лист 3>

Бог есть и бога нет. То и другое верно. Бог стал непосредственен etc., что разделился среди всего — и тем как бы уничтожился. А «наследники» его, имея в себе «угль» бога, говорят его нет — и верно. Или есть — другие говорят — и верно тоже. Вот весь атеизм и вся религия.

Бог есть и бога нету:

Он рассеялся в людях, потому что он бог и исчез в них, и нельзя быть, чтобы его не было, он не может быть и вечно в рассеянности, в людях, вне себя.

<Лист 4>

Люди оценивают явления не по своему разуму-чувству, а по злободневному велению. Но «злбодн<евные>» веления зачастую ценят факты не за их самих, а за их носителей, за прош<лые> заслуги и мн<огое> др<угое>.

<Лист 5>

Жизнь состоит в том, что она исчезает.

Ведь если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом,— то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т.п.— все эти вещи являются от нечистой совести.

Он стал счастливым, как давно хотел быть, да все помехи случались в промежуток.

<Лист 6>³

[Покорим]

Покорит мир тот, кто познает механику тончайших электромагнитных возмущений, обуславливающих [в] основные состояния человеческой психики, тот, кто эти колебания, возмущения научится делать искусственно, произвольно, по своей властной воле, во имя благородных интеллектуальных целей.

Эти э<лектромагнитные> колебания по форме своей близки к свету, но по длине волны, вероятно, еще меньше, а по периодам — кратче:

$$u - \text{кВа} \quad C = \frac{a \cdot b}{i} D \quad u = \underline{a} \cdot \underline{b} / i' - \text{тока}$$

$$C = \frac{u d v}{i_v} = \frac{0,000001 \mu \times 10^9 \times 0,75}{0,00001 \mu \times 10^7}$$

Элементы э.м. есть некоторые волны и частоты нижнего предела:

$$u = \frac{c \cdot i}{\partial}$$

$$u = \frac{c \cdot i}{\partial} \text{ При переменном токе высокой частотности и малых длин}$$

∂ <нрзб.> характеризуется только частотностью и <длин — нрзб.>

Способ получения э<лектромагнитных> колебаний психического порядка возможен только путем регулирования — многократного сложного преломления — света солнца, рассеянного, либо уже спектрированного.

Свет солнца есть сырье для [таких э.м. коле] получения продукта — «психического тока».

Да здравствует ПСИХОТОК!

Да здравствует лаборатория для его выработки! Да здр

<Лист 7>⁴Очень важноАкадемия Социального Чувства

У буржуазии были Научные школы и Духовные академии.

У нас должны быть школы для преподавания теоретических и прикладных знаний и школы для воспитания социального чувства в человеке.

У буржуазии была религия — у нас будет место религии внутри человека заменено социальным [челове<ческим>] чувством.

Организируйте чувства рядом с организацией сознания. По последнему

Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь и нечестность.

Мысль, не парная с чувством, ложь и бесчестие.

<Лист 8>^{4а}

В бывшем Валуйском уезде летом 1924-го года строилось большое водохранилище. Тамошняя земля была суха, безлесна и подвержена иссушающим юго-восточным ветрам. От июльской жары в валуйских деревнях чернела солома на избах, а сельскохозяйственные животные дремали в очумелом состоянии [среди редких] в низинах оврагов, где имелась остаточная сырость весенних вод.

<Лист 9>⁵

В тюрьму привели человека. Жизнь его проходила все более печально, все надежды скрывались без вести, но сердце его билось все более часто, и грудь нагревалась неизвестным счастьем.

Начальник тюрьмы, более грустный, чем новый заключенный, начал снимать с приведенного человека анкету и удивлялся словам узника. Закончив список сведений, начальник позвал надзирателя и сказал ему:

— Проводи товарища Череватова в седьмой номер. Дайте ему ужин и чай.

В седьмом номере стояло четыре койки и два столика, но никакого населения не было.

В тоске по людям Череватов сел в шапку на одну койку и долго сидел, не чувствуя смысла устраиваться здесь. Поев затем говядины и каши, заключенный встал на спинку койки и начал глядеть в город и свободу. Вечерний летний мир был освещен электрической силой, и странен был этот мертвый, точный свет над синими живущими деревьями и над молодыми лицами людей, склонившимися друг к другу. Череватов подышал через решетку прохладным / теплым воздухом, каким дышит множество оставленных им на воле людей,— он почувствовал запах пота, газа машин и напряженной юности, и волнуясь протянул руки наружу. Часовой, ходивший по доскам на ограде, остановился против вытянутых рук и сказал Череватову: «Ступай спать, во сне скорей срок твой кончится!»

Череватов отошел от окна и помолчал среди камеры в недоумении неволи. Наставала тьма и сиротство; запертый человек не знал, что ему теперь чувствовать и с кем утомлять тоску своей жизни. Он

прислонился к прочной, мертвой двери и стал слушать, как ходит в туфлях по коридору надзиратель. Человек был близко, он иногда что-то бормотал

<Лист 10>⁶

В «Высокое напряжение». Конец —

Мешков. Не понимаю, я [теря] теряюсь: [это же случилось] кто же виноват в этой выдающейся, удивительной жизни?

Жмеков. Почтальон! Ха-ха-ха-ха!

Занавес

<Лист 11>⁷

Он был настолько пьян, что у него текли слезы etc.

Время можно измерить, как пространство, путем расчета. Напр.— в природе чем короче волна, тем она чаще — и наоборот, т.е. «пространство времени» имеет границу, и чтобы вместить пульсацию частоты порядка световой, то длина волны должна резко сократиться. Время прямо указывает, что оно «объемное», что длина, частота и время волн должны находиться в «обратно пропорциональных» отношениях, чтобы наилучше и вместе предельно использовать данный «объем времени».

Некрасивая девушка на балу: вышла в тень деревьев и сама осыпала себе голову конфетти — и явилась такая — за ней тоже ухаживают.

— Скажи про млекопитающих?

— Слон, лев и я.

Никита Кирсаных:

дети растут —

действие техники.

Ну, маленький кусочек белой булки, а икра пусть уже будет даже черная...

Смерть тесна была для тела Стратилата.

<Лист 12>⁸

По сравнению с животными и растениями человек по своему поведению неприличен.

[Добр и смиренен, как хлеб.]

Трущийся и стираемый.

Видно было (на лице Москвы), как ударами страстей некогда были сотворены эти губы, нос...

[Любовь происходит от бедности общества;]

Делай счастье дальнему — будет радость ближнему (премиров<ание>, напр.).

Что я один! — Стану как город Москва!

[Сердце его истлело.]

<Лист 13>

Красота как внешность добра (в потенции — но не в практике).

<Лист 14>

В зап<исную> книжку

Это важнейшее!

«Когда я вижу в трамвае человека, похожего на меня, я выхожу вон».

«Я не смотрюсь никогда в зеркало, и у меня нет фотографий».

«Если я замечу, что человек говорит те же слова, что и я, или у него интонация в голосе похожа на мою, у меня начинается тошнота».

<Лист 15>⁹

И в том, что во [переходную эпоху] время подготовки революции и во время самой революционной эпохи, [от власти эксплуататоров к власти трудящегося народа] когда власть переходит из рук

экс<плуататоров> в руки пролетариата, народ пользуется разумом лучших интеллигентов старого общества — нет противоречия положению о приоритете народа перед интеллигенцией. Ибо, во-первых, куда же может быть практически приложен разум лучшей интеллигенции, то есть действительно разумных людей, провидящих будущее, как не к устройству судьбы большинства человечества, к прогрессивному историческому творчеству. [Но и это состояние] Во-вторых, состояние трудящегося народа, когда он вынужден [как бы] «заимствовать» разум для своих целей из более или менее чуждой среды, — временное, преходящее состояние, потому что задачи истинно разумного человека, откуда бы он ни происходил, соединить свою силу с силой народа, задачи [само] народа — стать самому разумным, интеллигентным, то есть сделать понятия разума и народа совпадающими, единым понятием. В наше время эта задача решается и отчасти уже решена в Советском Союзе.

<Лист 16>¹⁰

Сказки:

1. Собака ?
2. Ласковый теленок
3. Думающий желудком
4. Награды за трусость, за подлость —
носят на груди как отличия.
(Наоборот)
5. Кло Уля (о девочке, евшей стекла, камни, песок, железо)
[а цветы жалела есть]
6. Неизвестный дурак, которого все боялись, а потом оказалось,
что дурак в каждом есть: сами себя и боялись.
7. Размышление кишками,
пищеварение мозгом.
8. Наоборот: в колыбелях [старики с] бородатые старики
спят, а младенцы землю пашут — etc.

Я родился —
превращения — летчик —
глаза, а видел он все не так
как есть.

Истина всегда в форме лжи; это самозащита истины и ее проходят все.

Время, как и пространство, не пусто, а густо населено: каждый день года имеет свой характер. Раньше это было: Ильин день, Иван Купала и т.д. (естеств<енные>, религиозные события сочетались с

природой, с традицией, с бытом, с урожаем). А теперь — тоже надо населить время, как пространство.

Великий физик

Ученый человек, севший на другого ночью:

— А я думал, ты тень!

— Да тень-то бывает с буграми. Ведь я бугор.

— Бывает тень.

Человек, который всем делает доброе — и доброе его превращается в зло, в смерть, в несчастье.

Атомный зной =

искусство: оппозиция бога.

<Лист 17>¹¹

[Посвящение]

Предисловие

[Сердце Никодима Стратилата привыкло даже горе превращать в свое сокровище; оно приучилось к этому с детства]

Мать выкормила своего сына Никодима и потом сама умерла. Никодим остался один на свете, двенадцати лет от роду. До самой своей смерти мать хотела, чтобы бог прибрал к себе ее сына, после того, как душа расстанется с нею. Никодима будут мучить люди и нужда, пока он тоже не помрет, и мученье его будет проходить не на глазах у матери. А пока еще не наступило его время, пусть он скончается вместе с нею: детство свое он прожил вместе с матерью, мир повидал — и довольно ему... Мать Никодима жить уже давно уморилась; она собирала по петербургским подворьям и фабричным свалкам, что за Обводным каналом, обрывки старых веревок, обтирочные концы, различную ветошь и растрепывала их по вечерам в пеньку, чтобы продавать ее и тем кормить себя с Никодимом. Так как думать что-либо она не хотела и радоваться ей было нечему, то мать думала все время о своем сыне, воображала его душу в своей, улыбалась вместе с ним, хотя и не знала смысла его детской радости,— и она привыкла не чувствовать своей беды и горе превращала в сокровище жизни. Но худое тело матери Никодима к тридцати пяти годам истомилось до предсмертной слабости; женщина устала целые дни и долгие годы собирать веревки и ветошь,

~~История~~
История.

~~Сестра Николаевна Саркисова в прошлом году
уже приезжала в село, закрывшая это предположение
в своем дневнике~~
Мать Николаевна

Мать выкармливала своего сына Николаю
и потом сама умерла. Николай остался один на свете
вскарабкавшись лет от роду, до своей смерти мать выкармливала
сына хилого, чтобы ~~он~~ ^{самой} боя прибрал к себе ее
самна, после того, как была ~~она~~ ^{с матерью} расстанется. Она в
месяц, то Николай ~~каждый раз~~ будет мучиться до гробу
этот ~~мать~~, и не на глазах у нее, а на ~~отца~~ ^{отца} он
прожил при матери свое детство и влюбился в нее: всего больше
будет сироты, Кресте. Плохо ~~она~~ ^{Мать Николаевна} собирала по петербургу
сильно ~~вора~~ ^{оно} ~~обедная~~ ^{обедная} ~~вонючая~~, ~~сарафан~~ ^{сарафан} ~~бумажки~~ ^{бумажки} ~~старых~~
~~сарафанов~~

Николаевна будет мучить людей и мучка, пока он ~~также~~
не умрет, и мученье его будет происходить не на глазах
у матери. А пока еще не наступило его время, пусть
он ~~скажется~~ ^{скажется} вместе с нею: встать свое он прожил
вместе с матерью, мир повидать, и вдоволь ~~слуш~~ ^{слуш}. Мать Нико-
лэна еще уми ~~так~~ ^{так} умирала, она собирала по петербургу
сильно ~~поворья~~ ^{поворья} и разбрасывала ~~сарафан~~, ~~тогда~~ ^{тогда} ~~обедная~~ ^{обедная} ~~какая~~
обрезки старых сарафанов, бумажные ~~концы~~, ~~различные~~ ^{различные} ~~веточки~~

Сказано
на
всех
сарафанах
мать

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК РАССКАЗА
Автограф. 1930-е гг.

чтобы по вечерам до ночи трепать их, обращая в пеньку, и дышать воздухом, полным мусора и мелкого волокна. Жил

<Лист 18>

Мать выкормила своего сына Никодима, он вырос и стал большой. Кроме Никодима, у матери было еще трое детей — два сына и одна дочь, но те умерли в малолетстве, во время империалистической войны, от бедности и болезней, а старший Никодим вынес свое детство и выжил. Отца Никодима уже давно не было в семействе. В 1914 году его забрали в солдаты на войну, потом, после февральской революции, он пришел с войны, пожил недолго дома, полежал на кровати, посидел и поговорил с женой, поплакал об умерших без него детях, а осенью ушел в Красную Гвардию. Из Красной Гвардии отец больше не возвратился — он умер в бою под Петроградом, чтобы сын вместо него мог жить свободно и счастливо / либо заблудился / отвык от своей семьи и остался жить где-либо в дальнем и чужом месте

<Лист 19>

Мать рожала и кормила своих детей; трое из них умерли в малолетстве, от бедностей и болезней, а четверо вынесли свое детство и выжили.

<Лист 20>

Инвалид с деревянной ногой. Один протез у него, пьяного, уже взяли. Теперь жена отымает у него протез заранее, когда он валяется на улице, и уносит ногу домой.

Ч<елове>к что-то сделал в пьяном бреду по дороге домой, ничего не запомнил. Его осудили. Все забыли предмет вины, а он и вообще не знал его. Потом умер. Так прошла жизнь.

<Лист 21>¹²

На рассвете старик обычно просыпался. Он смотрел в окно, заросшее [ночным / утренним] ночным морозом, вздыхал, что жизнь идет и проходит, и садился чистить картошки в чугуна на завтрак; без пищи старик не начинал работать с утра, считая это вредным. Его слепая дочь лежала на печке, она давно не спала и слушала [утро, медленный шум соснового леса, пение / жалостное пение телеграфных проволок и гул] утренний медленный шум соснового леса, жалостное пение телеграфных проволок, гул рельсов главного пути, а иногда

<Лист 22>¹³

Любовь к сыну или другу, несмотря на то, что, несмотря ни на что, любовь как рок.

Лошади 8 лет, а еще не объезжены: бродят лодыри до старости.

Ч<слове>к должен вырваться из ритма вселенной:
вот «Прох<одящий> человек».

Феодал:

мальчик, который устроил себе ступку, мельницу, печурку — все для приятия пищи.

Сила тяги по котлу

(Работа напр. прод<олжительное> время без потери давления пара и уровня воды.)

Земля пахнет родителями.

Он —
много —
член.

Я звук могу увидеть, если его не слышать.

Я живу людьми в работе, я другими живу.

[Гений:

«Все хотели быть летчиками etc., а он один гончаром».]

<Лист 23>¹⁴

Мученье — первая категория жизни; вторая — радость: Ив<ан>
Гвоздарев.

Инстинкт самосохранения надо превратить в инстинкт самопожертвования, питаемый патриотизмом.

Любовь к родине

<Лист 24>

К роднику своей души

Народ не в том, что он существует, а в том, чем он движется.

Все вопросы, мучительные, являются, когда не исполняешь главного долга в эту минуту.

Ты как машина? <Потеешь — *нрзб.*> Почему?
Потому что я человек, а не машина.

<Лист 25>

[Гвоздарев] Анкудинов — дитя человечества.

А Тот (главный) — дитя всего мира.

Д<ля> «Путеш<ествия> в человечество»

<Лист 26>

Рассказ или очерк

Домашний очаг есть начало родины.

Складень.

Ложка.

Посещение чужого дома, чужой семьи и слушание сказок старика.

<Лист 27>¹⁵

«Главное зло» — люди обладают всегда лишь частью знания (если знание истинно); тогда как действительность — больше знания всегда. Применение части к целому и создает трагическую обстановку.

<Лист 28>

Рассказ

«Книга» — человек живет и вспоминает фразами прочитанную когда-то им, приснившуюся «книгу» — как истину и красоту в отрывках. И умирает, не прочитав главного в ней.

<Лист 29>

Русские мужчины и женщины накануне войны 1941 года

(Война явно предчувствовалась — в смысле изменения, ими лично — жизни.)

Сказка о Грамме и Калории.

Грамм — хлеб,

Калория — тепло,—

вот великие вещи.

Моркшестка.

~~Жизнь проходит в детстве, от нее
было скучно, и переезд, прожитый лет
шесть или семь от роду,~~

Жизнь начинается в детстве,
и переезду, прожитому шесть или семь
лет от роду, кажется, наконец, что
он живет бесконечно и счастливо
во всяком случае, но он не знает всех слов
и не может спросить других — так, чтобы
его понять — он знает лишь скучно было
скучно. Над ним светит ~~неизменная~~
~~жизнь~~

О скупости к<a>к любви к предметам, людям, к<a>к о благороднейшем чувстве, о скупце к<a>к о великом человеке.

Справочники, Энциклопедии, Точные Науки, Физика, Химия etc., etc.— не есть ли они лишь общие схемы, общие абрисы, силуэты еще слишком удаленных (потому и общих видов, что слишком пока далеких) видов природы, которыми затем, впоследствии, но навечно, займется все то же искусство?!!

<Лист 30>

По известному правилу народной экономической жизни — хлеб является хозяином всех рыночных цен, то есть —

<Лист 31>¹⁶

Марксистка

[Жизнь надоедает в детстве, от нее бывает скучно, и человек, проживший лет шесть или семь от роду,]

Жизнь надоедает в детстве, и человеку, прожившему шесть или семь лет от роду, кажется, наконец, что он живет бессмысленно и сердце его тоскует, но он не знает всех слов и не может спросить других — так, чтобы его поняли — отчего ему [скучно] стало скучно. Над ним сияет [полуденное солнце лета]

<Лист 32>¹⁷

Смысл пехоты

Где же можно полюбить человека больше, как ни на войне, когда он способен разделить с тобою смерть и спасти тебя от смерти, погибнув сам.

Когда мы накануне прощания навек.

О прелести жизни на войне.

Тайна боя.

<Лист 33>

Ноги — тоже оружие солдата.

<Лист 34>

— Мертвые-то и посоветуют.

— А почему?

— Они не заинтересованы.

Не зря ли все было?

Ответ погибших.

Опять война... (говорит с мертвыми товарищами)

— Были бы мы на свете, мы бы не побоялись.

— Воюй до конца, работай до смерти.

<Лист 35>¹⁸

Города и деревни:

Кричев, Старинка, Красное, Рясна, Заресье, Рогач, Червень,
Станьки, Столбцы, Мир, Турец,
Новогрудок.

Арестованные предатели на площади Новогрудок. Руины Геди-
миновича в Новогрудке.

Старик на деревне у Станьков: сына нет с 1938 г. (в армии);
дочь расстреляна с двумя малыми детьми (за мужа), другая и третья
дочери в Чехословакии и Германии.

<Лист 36>

Красноарм<еец> минометчик Ивченко из батареи 120 563 сп
погиб как герой: во время подготовки мин к стрельбе, враж<ес-
ким> снарядом был зажжен ящик с дополнит<ельными> зарядами,
который находился около мин. Ивченко схватил горящий ящик и
оттащил от штабеля. Взрывом одной мины Ивченко был убит. Он
предотвратил взрыв мин в штабеле.

Село Алеховая, Могил<евский> р<айон> — немцы увезли окон-
ное стекло, ведра, кружки, ножи.

<Лист 37>

В поселках Загруднец и Бельчицы женщины указали распо-
лож<ение> минных полей противника.

Мытье ног, стирка портянок, пригонка обуви (с обменом ее
внутри подразделения) — борьба с потертостью, подготовка к даль-
ним переходам.

Мл<адший> серж<ант> Иван Ешков из 557 сп повторил подвиг
Ал<ександ>ра Матросова (закрыл амбразуру дзота).

<Лист 38>

[Цыган м<айор> Лебеда, к<оманди>р самоходного полка.]

Любовь есть истинное, т.е. божественное представление о ценности человека, но совершается она по поводу полового инстинкта. Пол — повод, истина — следствие. Повод и следствие несоизмеримы.

<Лист 39—40>^{18a}

Земля, объятая <утрач.> небом.

Крестьянин, выпаживающий <утрач.> <по> приказанию противника> мины <утрач.> сохой из проселка, и взры<вается> на них.

Укр<аинцы>, власовцы, [литовцы], литовцы.

Эконом<ический> быт рабочего при поляках, при нас, при немцах, опять при нас.

Закапывание трупа кверху ногами.

Иисус был сирота. Искал отца. Иосиф — муж Марии, старик — не являлся отцом Иисуса и, вероятно, упр<екал> Марию. Тогда впечатлительный Иисус и <взял — ? — утрач.> себе в родители отца <утрач.> общего. Так, возможно, из <утрач.> неисключительного случая, из обыденного детского горя все и пошло.

<Лист 41>¹⁹

Взаим<действие> офиц<ера> и солдата.

Чечь. Здр<авый> смысл. Обычность мелочи.

«Мои слезы не на землю падут, а на голову моему злодею».

<Лист 42>

Великое заблуждение: принимаются за истину те данные науки, которые исторически преходящи, как бы являются рабочим пейзажем, видимостью при движении, исчезающие при углублении в природу.

Но вся тайна — что у нас народ хороший, его хорошо «зарядили» предки. Мы живем отчим наследством, не проживем же его.

Деятельн<ость> офицера должна доказывать любовь отечества к солдату: в этом залог победы войск.

Очень важно. Конечно, лишь мертвые питают живых во всех смыслах. Бог есть — покойный человек, мертвый.

Смерть — война необходимо увеличивает творч<ескую> способность к жизни и работе (пример соврем<енной> Америки и нашей страны).

Девочка, которая всех передразнивала и затем забыла свое естественное лицо, так и осталась рожицей. Кто-то, мертвый предмет, передразнил и ее, и у нее застыла рожица в испуге. Что-то — м.б., это солнце.

Или нет убоже, прошел!

Зимой огонь, замерзнув во дворе, поселился дома в печке, чтобы согреться.

Партизаны поймали немца. Немца обучили, перевоспитали, привязались к нему. Потом, по обстановке и крайней нужде, немца пришлось расстрелять. И вот пришлось расстрелять своего «воспитанника» — это была драма самая страшная из всей войны для людей.

Очень важно

Нельзя предпринимать ничего без предварит<ельного> утверж<дения> своего намерения в другом человеке. Др<угой> чел<овек> незаметно для него разрешает нам или нет новый поступок.

Дысенко, майор, командир полка.

Долгая смерть под движущимися 40—50 танками, он мог противопоставить только 2 пушки.

Покойников не ругают.

История есть, д<олжна> б<ыть> спасением от забвения.

<Лист 43>

Почти каждый наш генерал, а иногда и полковник и даже майор, имеет теперь в личных вещах начатые рукописи. Каждый военачальник, большой и малый, желает [посредством] запечатлеть свои размышления, рожденные долгим подвигом борьбы с врагом,— с тем, чтобы осветить [мыслью] опытом, превращенным в мысль, оставшийся путь до победы и сократить его. Но недостаток времени, поглощение всех душевных сил боевыми действиями не позволяют <утрач.>

<Лист 44>

Ком<андир> штурм<ового> соедин<ения>, находясь на поле боя, лично наблюд<ал> действ<ия> штурмовиков, давал им указания (все по радио) о постр<оении> боев<ого> порядка, устранял ошибки, поощрял отличн<ые> действ<ия> групп и отдельных летчиков (называл их по радио по имени), что имеет сердечное, моральное значение.

<Лист 45>²⁰

Краткое изложение темы сценария под условным названием «Русский солдат»

Высшее выражение драмы народа есть его бой [за существование] со своим врагом за существование. Обыкновенно бой служит средством для пьесы; здесь бой является содержанием и материалом пьесы, и посредством изображения боя должна быть достигнута характеристика всех героев сценария. [Идеей сценария будет тайна родины, за которую и солдат]

[Тайна родины, тайна поведения солдата-человека, тайна победы — должны реальными средствами открыты] и вскрыта тайна их личности и поведения.

<Лист 46>²¹Стойкость

- 1) Обеспеченность материальная (военная), в том числе и харчи.
- 2) Привычка к войне [и к перемене привычек.]
- 3) Кончат пора: дорого залечивать.
- 4) О командире: «а я думал — ты сдуру» — о вводе в окружение <нрзб.> войск.
- 5) Пожалей отечество!! Чего ты тратишь его который год!
- 6) Народ работает все.

О скромнейшем солдате.

Пока мужчины и женщины еще могут любить друг друга — не все потеряно человеческим сердцем.

Рождение второго ребенка тоже измена первому? Как измена любви.

Не пожалел себя. Я продам душу, я отдам тело, но дождусь тебя живой, а не мертвой, чтобы любить тебя, тело, душу.

Д<ля> сохранения себя — она изменяет — для сохранения любви к мужу: у нее душа <нрзб.> бездушная уцелела бы.

Пока я люблю и могу любить, не может быть, чтоб плохо было на свете, да и не будет плохо.

<Лист 47>

Для сценария

Временное воплощение любви. Любовь бродит то безвестной, то вдруг и неожиданно объявляется, воплощаясь в ком-либо, кто и не желает посещения любви.

Любовь в объективированном волшебном образе.

[Любовь — это значит вперед. Это внутреннее движение человечества.]

Любовь, или добро
и хлеб.

Любовь владеет и любовью владеют.

Для государства тот хорошо работает, у кого есть и свое — дом и семейство.

1. Тыл, электростанция.
Нет сведений о муже.
2. Фронт.
- 3.

[Время через детей]

Три части:

Тыл

Фронт

Тыл (возвр<ашение> мужа)

Новое рождение;

жизнь и есть повторяющееся

рождение человека —

или его повторяющаяся смерть.

Одна любовь повторяет другую — погибшая рождается вновь.

<Лист 48>²²

Юшка, любитель России.

Старшее поколение русского народа родилось и выросло среди лесов или пустырей — в деревнях, в слободах, в малых городах, близко окруженных природой. Больших городов [тогда] раньше было мало, поэтому там рожалось лишь немного людей. Ефим Борисевкин тоже вырос в пустой, бедной слободе, прилегавшей с одной стороны к железной дороге, а с другой — к запущенным полям, где [время от времени, смотря по сезону / по временам года ходили крестьяне, то с сохой, то с лукошком, то с косой.] по временам года ходили крестьяне: то с сохой, то с лукошком, то с косой.

<Лист 49>²³

Затанцуют, затопчут память о войне.

Надо быть внутри войны, а не снаружи ее.

Смерть страшна чувством, что не стало главного добра, и уходишь, как похищаешь добро из мира, и оно сгниет в твоей груди.

Бой однократен, оригинален, поэтому его нельзя спланировать как технологический процесс.

На добавке от себя (Илья) весь мир держится.

Безделие в бою — вот источник трусости: займи бойца в бою делом непрерывно, и в бою можно быть лодырем — он и погибнет и других погубит.

Зайцев:

Уж если я никому ничего не должен, как же я буду обязан чем-либо врагу или могу жить в его подчинении.

Нечто «царственное» есть — эгоистическое и доброе.

Человек — табачный дым, пиво, коричневое лицо, хриплый голос, любезный.

В армии: дисциплина автоматична, как бы консервативна, — один полюс; и другой полюс — бой, война требует творчества, на-

РИСУНОК А. П. ПЛАТОНОВА
(карандаш). 1940-е гг.

рушения консерватизма, инерции, иногда устава. Меж этими полюсами — все напряжение военачальника.

Много снарядов — хорошо, что у нас один вождь — и военный, и хозяйственный, и идейный.

Жизнь есть упускаемая и упущенная возможность.

<Лист 50>²⁴

Бабушка, а когда вырастет мама из земли; одни кресты растут.

<Лист 51>

Мы не можем снять солнце вблизи. Но мы можем снять [поле / это лицо / отражение солнца, это лицо его] отражение солнца и лицо его — это поле, где растут цветы и хлеб, вблизи.

Мы можем даже [трогать его,] ощущать и трогать это лицо солнца, где свет его обращается в жизнь. И мы можем трогать его цветы, питаться его хлебом, чтобы снова возобновлялась в нас жизнь, и снова мы можем видеть поле и чувствовать радость.

<Лист 52>

Забывтая сказка

Самая старая сказка

О чем была рассказана сказка.

Отец мне рассказывал сказку, а отцу рассказывал его отец, мой дедушка, а мой дедушка слышал эту сказку от своей бабушки — etc., etc., etc.

— О чем же была сказка?

— Вот я забыл. А сказка была самая интересная. Ее рассказал самый старый дедушка...

— Какой самый старый дедушка?

— Его все забыли. Не знаю какой...

<Лист 53>

Сказка:

Дети наделали опасных игрушек: каждая смертельная. Чтобы они не впустили их в дело, им делают еще более лучшие, более поэтому опасные игрушки, чтобы они отвлеклись от использования — и протягивали руки за лучшей и лучшей.

Ребенок долго учится жить; он учится самоучкой, но ему помогают и старшие люди, которые уже приучились существовать. Наблюдать за развитием сознания в ребенке и за осведомленностью его в окружающей неизвестной действительности составляет для нас радость.

Такую же радость мы чувствуем при наблюдении роста советского солдата на войне.

<Лист 54>

Искусство сказки состоит в действии, из мудрости и действия, но мудрость только в прямых действиях, а не в рассуждении и не в логике.

<Лист 55>

3 периода (до 2 лет)

в жизни ребенка

а) — блаженное ощущение матери

1) Дай-дай-дай-дай!

2) я — тебе!! } х

3) Где мама — где мама?

4) Все — животн<ые> и растения, маленькие,— плачут по мамам: где мама, где мама?

<Лист 56>

Дети (маленькие) одинаково «привычны» — жить и не жить; в этом и есть их главн<ая> прелесть: в незащитности, в незаинтересованности.

Описание такого душевного состояния и есть вся л<итерату>ра о детях.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

*

Блокноты, тетради, записные книжки — это, вероятно, лишь скромное название уже давно существующего, и все еще нового, то есть формально не узаконенного, литературного жанра. Этот жанр существует для небольших произведений, которые всего удобнее и полезнее излагать именно способом «записной книжки».

Если же блокноты и записные книжки являются складочно-заготовительными пунктами литературного сырья, то было бы странно опубликовать что-либо «из записной книжки», потому что питать читателя сырьем нельзя, это есть признак неуважения к читателю и доказательство собственного высокомерия.

*

Назначение литературы нашего времени, времени Великой Отечественной войны, это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода. В понятие вечной памяти входит и понятие вечной славы. Вероятно этим назначением литературы она сама полностью не определяется, но сейчас именно в этом направлении лежит ее главная служба.

Слово «вечный» не будет преувеличением, если образы людей нашего времени будут запечатлены в произведениях, полных истины действительности, одухотворенных оживляющим мастерством писателя.

Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из жизни героям, потому что живые сохранены подвигом тех, кто погиб. Но нельзя от следующих за нами поколений требовать столь много: человеческому сердцу свойственны не только совесть, долг и память, но также и забвение. Задачей искусства и является создание незабвенного из того, что преходяще, забвенно, что погибло или может погибнуть, но чему мы, живые, обязаны жизнью и спасением,— в такой же мере обязаны, как матери; искусство должно здесь, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость. Но дело не только в такой этической необходимости, дело здесь и в практической пользе: если живая и, так сказать, частная конкретность Отечественной войны стухнет когда-либо в будущем силой забвения, то как

люди могут увидеть для себя поучение из великого, но уже минувшего события... Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература имеет дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ. Мы должны сберечь в памяти и в образе каждого человека в отдельности, тогда будут сохранены и все во множестве, и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию.

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно. Жизнь на большой скорости означает, что формируется великое многообразие людей, причем складываются и такие характеры, которые не могли сложиться прежде и которые, возможно, никогда более не повторятся в качестве подобия в другом человеке. Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти — всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своем значении и делается еще более незаменимой ничем.

Если бы наша литература исполнила эту свою службу, она бы, между прочим, оберегла многих людей, в том числе и тех, которым еще только надлежит жить, от соскальзывания их в подлость. Но эта польза — дополнительная, а не главный результат.

*

В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие. И еще я заметил, что истинное величие души и действия очень податливо на забвение. Мне рассказывали о младшем сержанте, который вместе с другим своим товарищем завалил трупом немца огневое сечение немецкого дзота, и никто толком не мог сообщить о человеческих свойствах этого редкого героя. Однако зная свойства нашего народа и армии, можно все-таки понять и написать об этом человеке, если иметь к нему сердечную заинтересованность. Писатель должен уметь решать уравнения со многими неизвестными. В этой связи важно знать одну вещь. — Всякое искреннее, серьезное, человеческое чувство всегда имеет в себе и предчувствие, то есть как бы дальнейшее расширение или увеличение чувства за пределы первоначального ощущения, — и тогда делается ясным то, что не было видимо в характере человека или в судьбе его. Например, распространенное чувство любви между мужчиной и женщиной по убеждению самих любящих «вечно», но если эта любовь достаточно глубока, то она же бывает и «грустна», потому что в ней же самой находится предчувствие ее окончания, хотя

бы путем смерти любящих. В нашей литературе еще мало предчувствия, подобного точному знанию. Если вспомнить военные произведения предвоенных лет, то в них верно только убеждение в непобедимости и побеждающей мощи нашего народа, но драмы войны в них нет...

*

Рождается ребенок лишь однажды, но оберегать его от врага и от смерти нужно постоянно. Поэтому в нашем народе понятие матери и война родственны; воин несет службу матери, храня ее ребенка от гибели. И сам ребенок, вырастая сбереженным, превращается затем в воина.

Не так давно я видел одно семейство. В опаленном бурьяне была зола от сгоревшего жилища и там лежало обугленное мертвое дерево. Возле дерева сидела утомленная женщина, с тем лицом, на котором отчаяние от своей долговременности уже выглядело как кротость. Она выкладывала из мешка домашние вещи — все свое добро, без чего нельзя жить. Ее сын, мальчик лет восьми-девяти, ходил по теплой золе сгоревшей избы, в которой он родился и жил. Немцы были здесь еще третьего дня. Мальчик был одет в одну рубашку и босой, живот его вздулся от травяной бесхлебной пищи; он тщательно и усердно рассматривал какие-то предметы в золе, а потом клал их обратно или показывал и дарил их матери. Его хозяйственная озабоченность, серьезность и терпеливая печаль, не уменьшая прелести его детского лица, выражали собою ту простую и откровенную тайну жизни, которую я сам от себя словно скрывал... Это лицо ребенка возбуждало во мне совесть и страх, как сознание своей вины за его обездоленную судьбу.

— Мама, а это нам нужно такое? — спросил мальчик.

Мать поглядела, ребенок показал ей гирю от часов-ходиков.

— Такое не нужно — куда оно годится! — сказала мать. — Другое ищи...

Ребенок усиленно разрывал горелую землю, желая поскорее найти знакомые, привычные вещи и обрадовать ими мать; это был маленький строитель родины и будущий воин ее. Он нашел спекшуюся пуговицу, протянул ее матери и спросил:

— Мама, а какие немцы?

Он уже знал — какие немцы, но спросил для верности или от удивления, что бывает непонятное. Он посмотрел вокруг себя — на пустырь, на хромого солдата, идущего с войны с вещевым мешком, на скучное поле вдаль, безлюдное без коров.

— Немцы, — сказала мать, — они пустодушные, сынок... Ступай, щепок собери, я тебе картошек испеку, потом кипяток будем пить...

— А ты зачем отцовы валенки на картошку сменяла? — спросил сын у матери.— Ты хлеб теперь задаром на пункте получаешь, нам картошек не надо, мы обойдемся... Отца и так немцы убили, ему плохо теперь, а ты рубашку его променяла и валенки...

Мать промолчала, стерпев укоризну сына.

— А мертвые из земли бывают жить?

— Нет, сынок, они не бывают.

Мальчик умолк, неудовлетворенный.

Неосуществленная или неосуществимая истина была в словах ребенка. В нем жила еще первоначальная непорочность человечества, унаследованная из родника его предков. Для него непонятно было забвение, и его сердцу несвойственна вечная разлука.

Позже я часто вспоминал этого ребенка, временно живущего в земляной щели... Враждебные, смертельно-угрожающие силы сделали его жизнь при немцах похожей на рост слабой ветви, зачавшейся в камне,— где-нибудь на скале над пустым и темным морем. Ее рвал ветер и ее смывали штормовые волны, но ветвь должна была противостоять гибели и одновременно разрушать камень своими живыми, еще не окрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости, расти и усиливаться — другого спасения ему <ей> нет. Эта слабая ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и волны, и камень: она — единственно живое, а все остальное — мертвое, и когда-нибудь ее обильные, разросшиеся листья наполнят шумом опустошенный войною воздух мира, и буря в них станет песней.

Приложение

ФАКТ

(Очерк про двух отсталых рабочих)

Известные всему колесному цеху своей дружбой слабосильный Пугачев и могучий Абморов сегодня не дали другу другу ни одного толчка; устно и нравственно они также воздержались нынче делать взаимные повреждения.

Снаружи цеха совершалась громадная летняя жара; солнце обращалось с атмосферой, как с котлом,— оно вскипятило воздух до мутного состояния и дыханию человека не хватало прохладного вещества. Однако Пугачеву и Абморову солнце было ничто, потому что они работали у нефтяного горна, в котором разогревали паровозные бандажи,— и нефтяное бушующее пламя приучило их к такому климату, что любой солнечный зной они чувствовали как заморозок.

— Пугачев, ты б пошел остыл! — предложил под конец дня Абморов.— Выйди на солнышко, пусть с тебя нефтяной загар сойдет!..

Пугачев включил электрическую лебедку и приподнял из горна бандаж — не поспел ли он? Но бандаж был еще не прогрет, и, опустив его в пламя, Пугачев вытер обтирочными концами уже отвыкшее потеть лицо, а затем соразмерно пошелушил для красоты свою южную бородку и с глубоким сознанием поглядел на Абморова.

— Значит, ты все-таки сожалеешь меня, товарищ Абморов?

— А как же — нет? Я хочу, чтоб твоя кожа до социализма осталась!

— Ага, тебе лишь бы моя кожичка не сгорела, а сам я чтоб окончился!

— Что ты, пупсик! Ты, пралич, и без кожи четыре пятилетки проживешь!

Пугачев стал собираться отвечать, но гудок объявил смену, и Пугачев, умывшись, хладнокровно пошел на квартиру. Абморов долго шел сзади его, не желая приближаться.

Заметив что-то на небе, Пугачев поднял свое лицо и понаблюдал; на самом же деле он глядел на церковную колокольню, с которой колокол был изъят вниз.

— Абморов! — удивился Пугачев.— А где же ваши колокола?

— Поснимали, праличи,— сказал Абморов.

Пугачев остановился от своей серьезной мысли. Абморов дошел до него и стал ожидать изо рта товарища неизвестного слова.

— Ну, приходи ко мне,— произнес Пугачев,— теперь я тебя буду причащать.

— Эх! — размахнулся Абморов.— Убью, пралич!

Пугачев неподвижно обождал пока Абморов успокоится, и дополнительно сообщил:

— Я умею. Я буду тебе ложечкой в ротик класть! Так тихо положу, что ты никогда и не подавишься!

Вслед за тем Пугачеву пришлось в течение трех минут миновать всю дорогу до своей квартиры, обычно же он шел четверть часа,— потому что за ним сейчас все время спешил Абморов — со строительным кирпичом в руке.

— Ты что? — испугалась жена Пугачева, поскольку на мужа от сердцебиения колебалась рубашка.

— Ничего,— сказал муж.— Выйди, позови товарища Абморова обедать — он стоит просится.

Жена Пугачева вышла. У калитки, действительно, стоял не причем Абморов.

— Зачем вы стоите — проситесь? — сказала жена Пугачева.— Мы бы вас и так пригласили. Идите кушать!

Абморов выпустил вниз кирпич и пошел обедать, готовый отчасти заплакать.

— Ешь, товарищ Абморов! — сообщил Пугачев.— Садись в красный уголок и бери ложку, а то ты исхудаешь и промфинплан сорвешь!

Абморов, не сознавая, съел все, что только хозяйка показывала на стол, а дальше начал стесняться; он не имел столько такта, чтобы благодарить хозяев, и не мог в то же время молча уйти, раз чувствовал доброту в груди.

— Приходите и вы есть мою еду! — выразился наконец Абморов и вышел от Пугачевых со стыдом благодарности.

*

На другой день Абморов принес Пугачеву в цех ответное домашнее угощение — четыре моченых яблока.

— Два сам съешь, а два — своей бабе снесешь,— указал Абморов.

До обеденного перерыва Пугачев и Абморов работали вполне дружелюбно, что получалось благодаря взаимному безмолвию. Но Пугачев не удовлетворил своего аппетита четырьмя яблоками и задал законный вопрос:

— А у тебя есть ветки, на каких яблоки растут?

— У меня деревья, а не ветки,— сообщил Абморов,— у меня цельный сад о пятидесяти корнях! У меня арбузы во какие по двору растут...

— А на чем же арбузы у тебя растут — на ветках или на пятидесяти корнях что ли — или как?

— На жилках, пралич,— удерживая силу энергичного сердца, отвечал Абморов.

— Как же на жилках, скажи мне пожалуйста, когда жилка тоненькая, а арбуз толстый?! Что ты мне лгешь: я же сам ел арбуз и знаю!

Абморов приподнял вагонный буфер и бросил его обратно на землю, дабы этим истратить свою раздраженную силу и не обратить ее на Пугачева.

— Дай я к тебе приду в гости с супругой,— сказал Пугачев,— я тебе сам покажу, как у тебя арбузы растут.

— Приходи, стервец, поскорее,— с мученьем злобы попросил Абморов,— я тебя арбузом по башке угощу.

— Завтра же явлюсь,— обещал Пугачев,— я твоих яблок не накушался, а супруга моя их замечательно любит!

Как только раздался гудок, то Абморов вспомнил, что Пугачев назвал его на производственном совещании, две недели тому назад, остатком мелкобуржуазных чертей, в котором беспрерывно бесится дробный буржуазный бес. Вопрос тогда касался развития завода, но Абморов высказался, что рабочему пищи мало; Пугачев же, наоборот, доложил, что рабочая пища зависит от паровоза и нужно поскорее развивать завод и пробиваться к классовому благу социализма, потому что, дескать, это только Абморову кажется, что для ржи нужны одни корешки в почве, революция же будет рожать рожь на базе металлургии.

— Дурак, сволочь, а хитрый! — вспоминая, определил Пугачева Абморов.

Догнав Пугачева у проходной будки, Абморов сейчас же дознался у него:

— На жилке растет арбуз или нет?!

— Ни в коем случае нет! — отказал Пугачев.

— Ага — нет! Значит, на чугунной шейке?! — сурово воскликнул Абморов и сделал Пугачеву ручной толчок в грудь.

Пугачев нисколько не колебнулся и только произнес в ответ:

— Игнатий! У тебя рука слаба для пролетарских костей! — и согнулся, потому что Абморов совершил мощный взмах, но кулак его прогудел уже в одном воздухе.

Мастеровые любили их сраженья, имевшие всегда теоретические причины, и теперь обступили двоих друзей, давая им возможность биться. Все знали, что до смерти они драться не вытерпят и вновь полюбят друг друга.

— Абморов! — говорил, защищаясь, Пугачев.— Не забудь: я то-карь, а кадров нету!

— Хватит у нас токарей без него, иль нет? — спросил на ходу драки Абморов у всех.

— Хватит! — сказал чернорабочий.— Я могу выучиться! Крой!

— Абморов! — обращался среди своей боли Пугачев.— Так я к тебе в гости не поспею — не нарушай меня!

— А я и забыл! — остановился сражаться Абморов.

— Скажи спасибо, что напомнил,— указал Пугачев, утираясь от повреждений.— Веди меня — свой адрес показывать.

Отошедши с завода, Абморов пощупал Пугачева за плечевое место и спросил:

— Тут тебе не больно?

— Уже проходит,— сказал Пугачев.

— А тут? — Абморов коснулся груди Пугачева, где сердце.

— Здесь что-то лопнуло, да, наверно, срстется.

— Срстется? — озаботился Абморов.

— Предполагаю, что — да,— подтвердил Пугачев.— Ведь мы с тобой сражались многочисленно, а ни разу ни один не скончался.

— Может, у тебя голова болит? — тихо допытывался Абморов.— Я тебе воткнул в нее раза два.

— Что ты! Сознание же под костью, а кость цела.

— Так что ж ты, пралич? Значит, я зря с тобой трудился?

— Нисколько,— отверг Пугачев,— у меня душа заболела.

— Какая душа? Отчего?

— От тебя. На промфинплан тебя никак не хватает, а вот удар твой велик! Ты меня портишь, а я думаю — отчего ты не ударник? Вся душа болит за тебя!

— Ишь ты, пралич, плановый какой! До революции тебя бы каждый изувечил!

*

Узнав адрес Абморова, Пугачев на следующий, вторичный день приготовил и обрядил жену и взял ее в гости. Жена обрадовалась, потому что редко выходила из дома, занятая с восьмерыми малолетними детьми.

Жена Абморова как встретила гостей, так и заскулила, что у нее нету в доме ни мыла, ни катушек, а своей девчужке она нигде не может найти калош, 14-го номера.

— Это что же — ваша девчужка! — с любезностью в тоне проговорил Пугачев.— Наверно, слишком приятный ребенок? Мне никогда больше десятого номера не приходилось носить.

— Понимаешь,— обратился сам Абморов.— Времени ребенку четырнадцать лет и калоши номер четырнадцать!

— Воспитывал хорошо, вот и выросло тело,— одобрительно сказал Пугачев.

— Девять пудов живого весу! — с грустью сообщил Абморов.— Всех за три копейки вешают, а с нас требуют пятак.

— Все равно тебе, Абморов, прибыль! Со всех по копейке с пуда берут, а с тебя — грош. Ты на дочке деньги наживаешь, Абморов!

— От вас, чертей, наживешь! — обиделся Абморов.— Пойдем, я тебе арбуз об голову расколю.

Проживая в собственном доме, Абморов развел на дворе бахчи, а за бахчами находился разветвленный яблочный сад. Арбузы, правда, питались из тонких жилок, но росли зато на земле, которая была толще арбуза.

— Я ж тебе про то и говорил,— указал Пугачев на эту очевидную видимость.

Абморов заскрипел зубами и, сорвав с жилки тучный арбуз, разрушил его на голове Пугачева.

Пугачев вытер платком жидкость с лица, не обижаясь и не болея от удара.

— Ликвидируй, товарищ Абморов, и далее на мне свое кулацкое хозяйство.

Абморов, услышав такое государственное слово, сел на землю в иступлении.

Обождая несколько, Пугачев взял под руку супругу и обратился к хозяину:

— Сидеть тебе не дело. Веди нас угощаться фруктами.

— Ступай в сад, жри зелень с веток,— произнес расстроенный Абморов.

— А печеного ничего не будет? — поинтересовался Пугачев.

— Нет. Жуй одно сырье.

Накушавшись вдосталь яблок, Пугачев и его супруга с поклоном покинули хозяев, сидевших в траве. У ворот собственного абморовского дома сидела их дочка в полтора центнера и кушала со шкуркой арбуз.

— Овощ, барышня, зафигачиваете? — спросил Пугачев.

Четырнадцатилетняя молча оглядела несильное туловище Пугачева, не переставая глотать свежие куски. Босые ноги девочки, имевшие четырнадцатый размер, все время шевелились от удовольствия вкуса, а ладони рук, на которые можно лечь и задуматься, мощно поддерживали продукт у рта. Такая отроковица, смело могущая с двух ударов пресечь всю жизнь Пугачева, делать однако этого не стала.

— Проходи, пупсик! — произнесла девочка из глубины жвал.

И Пугачев, с озадаченностью взирая на это будущее существо, отошел прочь, уводя супругу.

*

Дома, обложившись детьми, Пугачев долго и старательно ласкал их, не в силах накормить ни яблоками, ни арбузами.

— Вон свою девчущку-то как Абморов раскормил,— сказала жена,— а наши восемь и по одному яблоку не едят!..

— А раньше-то они ели яблоки?

— Никогда не ели,— нагнувшись по хозяйству, говорила жена.— Разве я что говорю!

— В социализм прорвемся, тогда наедятся,— теперь уж дотерпят!

— Да уж скорее бы что ли рвались, ничего совсем не стало...

Пугачев попробовал за тело всех своих ребятишек и девчонок — не похудели ли они; оказалось, что похудели, да мало, и то потому, что просто растут и бегают. Тогда Пугачев велел принести ему стакан воды, а детям встать на ноги. И он произнес перед своим поколением речь о трудностях социалистического роста — трудностях, которые побеждаются ничем иным, как дальнейшим ростом, а не возвращением во чрево материнства.

— Каждый пашенок болеет чем попало, но разве означает это, что мы, социализм, будем болеть корью до старости лет?

— Нет, это правые так брешут,— сказал с места Семен Пугачев, двенадцати лет.

— Правильно, товарищ! — одобрил отец.— И не должны мы, раз яблочек не хватает, прятаться назад в капитализм...

— Долой яблоки! — сказал тот же Сеня.

— Стоп! Яблоки тоже польза, и мы их, чертей, посеем миллионы веток... А сейчас мы должны рваться в социализм, путем ударничества, соревнования и чтоб кожа с нас сползала... Вот куда я вас, ребята, призываю,— вперед!

Семен Пугачев, допив отцову воду из стакана, выступил в прениях.

— А отец наш, товарищи братья и сестры, дерется на работе с худшим элементом Игнатом Абморовым, а работает потихоньку — это он себя жалеет, а советскую власть нет, чтоб мы, дети отца, никогда не прошли переходного периода и не ели яблочек и ягод, раз они полезны! На ихнем заводе пятьдесят процентов ударников, нам в отряде говорили, а наш отец состоит в пятьдесят первом проценте. Позор отцам, которые не в авангарде нашего детства!..

— Позор!! — ответили братья и сестры Семена на все голоса.

— Ставлю на голосование! Кто за то, чтоб отцу быть ударником транспорта — узкого места, — пусть поднимут руку над головой!

Все детство подняло свои растущие руки, а сам Пугачев начал их считать, проверяя — единогласно ли?

— Да будет ли что? — усомнилась пассивная мать.— Вон вам фабрика грубого сукна стоит. Там сделали дом-коммуну и столовую общую дали, а бабы холодными примусами дерутся! Вот тебе и новая жизнь!

— Ты, мать, еще девушкой была дурой, когда за меня вышла,— сказал Пугачев.— Конечно, бабы будут драться потухшими примусами — куда ж их девать? А как поломают, то перестанут!

Через полчаса Пугачев получил от Семена писаное постановление общего собрания, в котором он, отец, обвинялся в оппортунизме на практике и в связи с мелкобуржуазными рабочими-хвостистами.

— Придется истомиться в труде! — решил вслух Пугачев.— Все дети за Сталина, один Абморов против,— так за кого же я фигачу на свете!? — и долго томился, будучи погруженным в чувства и мысли.

*

Ночью Пугачев молча сидел над своими спящими детьми, за рожденными некогда с энтузиазмом, а теперь они потребовали от него повторить свой энтузиазм для транспорта, узкого места. Накрыв оголяющихся детей и успокоив бормочущих во сне, Пугачев лег спать, с печалью о будущей жизни, а на утро пошел в штаб ударных бригад своего завода.

— Пугачев! — сказали там.— Неужели и ты не вытерпел? А мы думали, что ты крестный отец абморовской девчушки!

— Пишите и меня,— ответил Пугачев.— Хочу теперь жить как младший младенец!

— Отчего? — спросил один ударник.

— Да у меня и дома социализм завелся — куда ж мне деваться!

Встав к бандажному горну, Пугачев настолько начал спешить с производительностью труда, что Абморов, поспевая за ним, не мог даже разозлиться, ввиду потери сил на резкий, срочный труд.

После гудка состоялось общее собрание, на которых Абморов всегда был знаменит. Он выступал последним, перед заключительными словами и концертом. Говорил Абморов обычно не по существу и обязательно против — на ржущее удовольствие всем черно-рабочим, жителям ближних сельских мест. Сегодня стояло два вопроса: заводская пятилетка и социалистический труд. Выслушав то и другое, вытерпев одобрительные речи кадровых мастеровых, до-

ждавшись кричащих предложений пролетарских ополченцев из села: «Абморов, выходи!», «Вызывай нашего!», «Абморов, угоди собранию!», — Абморов наконец поднялся, приглашенный на трибуну.

— Ну, коровий наместник пошел! — говорили кадровые и коммунисты.

— Сейчас заговорит от лица двора и надела!

— Кулацкий радиоузел начнет транслировать хутора и однобычьи хозяйства!

— Болотистый тип!..

Но Абморов обманул все ожидания. Начав с полного одобрения заводской пятилетки, потому что в ней пять лет, а не десять, подтвердив также пользу ударного труда, поскольку он предполагает обильное питание жирами ударного рабочего тела (здесь чернорабочие пролетарские новобранцы мужественно захохотали от своего удовольствия), — Абморов произнес приветствие всему Союзу, всему пролетариату и партии его, а затем выразил свое некоторое расхождение с социализмом в области движения детских садов — только всего.

— наших деток водят кучей по дорожкам, а траву мять не велят!.. Идут спереди и сзади две идейные девки и все время лозунги порядка в детство бросают, а дети шагают как дисциплинированный батальон и ноги их худеют от травы!.. Тоже самое и в помещении: приведут туда детскую роту, а там висит старик Карл Маркс с бородой — и детей пугает. Яблочки принесут, а они прошлогодние — из них кооперация-стерва весь сок спустила, и дадут детям по ломтику, а ягодок по парочке... Ну где же тут детская радость? А моя вон девчушка, хоть и неорганизованная, а ходит под деревьями и по травке, и солнышко горит над ее головкой!.. А она, как увидит яблочко или ягоду — так сорвет и скушает; заметит цветок или арбузик — и его давай сюда!..

Говоря, Абморов пришел в чувствительное духовное состояние и с трогательностью закончил свою речь:

— Пускай пролетарские детки ходят где попало по травке и рвут любой цветущий плод! А детские садики — это банки для муравьев... Например, те же, праличи, муравьи — они же самая сволочь, хоть и животные. Неужели нам нужны организованные пупсики из детских садов? — Нет, лучше мы будем делать калоши — четырнадцатый номер!..

— Долой гада-дурака! — закричали мастеровые.

— Пускай добрешет! — сказал кто-то один.

— У него, товарищи, садик о пятидесяти корнях и девчушка в полтора центнера! — объяснил с места Пугачев. — А наши ребяташки и пол-яблоку и двум яголкам рады...

Согласно речи, Пугачев в тот же вечер привел в сад Абморова всю свою молодую гвардию. Гвардия начала ходить посредине травы и уничтожать плоды с веток, а также рвать арбузы из-под ног. Абморова баба заплакала и побежала за кочергой; сам же Абморов схватил топор и побежал за Семеном Пугачевым, жрущим его фрукты.

— Вернись,— сказал Абморову Пугачев-отец.— Увидят — из союза исключат.

И Абморов вернулся.

— Так что же мне делать? — спросил он, изнывая от порчи имущества.

— Пойди на самораскулачиванье! — посоветовал Пугачев.

— А что?

— А то в убытке будешь!

— Брешешь, пралич! В убытке я не буду нипочем! Сокрушусь весь, а не буду.

— Ну, живи для странности! — произнес Пугачев и увел остатки семейства домой.

*

Через месяц все дети рабочих, евшие по пол-яблоку и по ягодке в день, уехали по приглашению в совхозы, колхозы и прочие обильные природные гущи, где им дозволено было не только мять траву, но и кушать яблоки с дерева, сколько поместится в живот. Дети вернулись осенью с прибавочным весом по пуду на каждое тело и со счастьем природы в душе.

На будущий же год завод имени Дзержинского решил организовать сад в четыреста гектаров, дабы детям было где расти, а взрослым имелось место для свободного дыхания. Пугачев сосчитал, что на рабочую и детскую душу придется в том саду по сорок корней деревьев, а у Абморова пятьдесят корней на троих.

— Пралич с вами! — выслушав то, сказал Абморов.— Я же вам заочный курс показал, как надо детей в теле держать!

К тому времени, как весь завод перешел на ударничество, на громящий, сжатый труд, Абморов сильно утих характером и стал отставать от Пугачева.

— Чего же ты, богомолец? — подгонял его Пугачев.— Твой бог и то в шесть дней землю сотворил, не считая неба и жидкости, а ты сорока бандажей в день согреть не можешь! Ты бы хоть по богу равнялся!

— К чему спешить, я и садом прокормлюсь,— отвечал тихий Абморов.— Буду яблочки есть со старухой — с арбузной подмочкой. Мне что!

Однако для пользы промфинплана Абморова вскоре отстранили с бандажного горна и приурочили к сторожевой будке — караулить завод от хищников, потому что Абморов был единственный упорный неудачник на заводе и его содержали теперь лишь для странности и для показа школьным экскурсиям:

— Вон, товарищи, неударник в будке сидит!

— А отчего ж он живой? — спрашивали детские экскурсии.— Отчего его буржуи не убили? Ведь у него нет пятилетки в руке: буржуи без заводов нас не боятся!

— Оттого, что пролетариат без него обошелся, а его сберег вам для показа. Пролетариат ведь всегда без чего-нибудь обойдется.

— У-у, значит, он живет только нарочно! — разочаровались дети, и проходили мимо Абморова без интереса и волнения.

*

Дожив до одного зимнего дня, Абморов пошел на свое сторожевое дежурство, а возвратившись — разложил на домашней скамейке девчужку и стал пороть ее ремнем по толстому туловищу. Совершив это, Абморов отправился в сад и срубил все деревья, а потом лег в снег и скончался без болезни.

За большевистского счетовода в колхозе! (Заметки разъездного корреспондента)

Велики наши заволжские степи, и почва в них настолько обильная и сытая, что ее, кажется, можно есть сырой. И действительно, в те солнечные, душевные дни, когда ночью минула гроза, вся степь пахнет печеным хлебом и молоком — особым благовонием теплого творога, поднимающимся из материнских недр свежей природы. Но напрасно лежит это громадное поприще человеческих богатств, эта хлебная руда, способная утолить сотни миллионов людских существ. Бедняки и середняки спокон века живут на здешней земле, но черпают из нее не утоление, а утомление; в засушливые же годы многие из них легли под кресты деревенских погостов.

Когда прохожий вступает из степей в село, то он не понимает, почему на такой земле, где вспаханная вечером зябь к утру покрывается сплошной травой, — почему на этой земле хижины крестьян настолько убоги, что, кроме глины, соломы и плетней, в них нет ничего, да и то все жилище подперто жердями от ветров, — и почему сами труженики имеют мелкое тело, точно их предки никогда густо не ели.

Не выходя из села можно разгадать это обстоятельство. Прохожий видит, что, кроме хижин, в селе есть еще и кирпичные двухэтажные дома; к тем домам примыкают громадные дворы, наполненные различными деревянными постройками. Уже в самой небольшой деревне дома два-три таких есть. С околицы же можно наблюдать невдалеке усадьбу, поставленную в открытом месте, — нечто вроде отруба или дворянской феоде. В самом селе, далее, вы можете разглядеть и несколько десятков более исправных изб, чем хижины, подпертые жердями. Исправные строения покрыты зачастую железом, имеют вдобавок крытые дворы, где в уюте гнездится скот, и прочные ворота, хранящие единоличное царство среднего мужика.

Такая архитектура заволжской деревни открывает прохожему всю тайну жизни в степи, тайну голода и труда на пышной земле, где любая тварь сыта, а неимуший, но работающий человек был измучен.

Все вещество труда, скопленное тяжким усердием батраков, бедноты и отчасти середняков, собиралось в кирпичные крепости кулаков и на усадьбы сотен мелкопоместных, но тем более яростных, желавших быстро стать крупными, помещиков. Эксплуататоры густо, в шахматном порядке сидели на заволжской земле и держали большинство крестьян меж крепкими изгородями нужды. Это ед-

кое, измощающее угнетение, помноженное на засушливый климат Поволжья, сделали жизнь бедняка скорбью и смертью, несмотря на плодородие безграничных земель. Именно в здешних деревнях родилась удивительно рабская премудрость: «не загон кормит, а кулига», т.е. пусть сохнет и пропадает весь мой надел, лишь бы на кулиге, на маленьком участке, что-нибудь выросло; дескать, труд мне не дорог, моя кровь и мой пот на пашне, и я сам — ничто; весь свой долгий летний труд я готов отдать за два мешка хлеба на зиму.

Свирепая, плотная эксплуатация кулачья родила в бедноте еще и не такую «мудрость» и не такую «душу».

Когда я был в районе Якушкинской МТС, то видел старшего тракториста, татарина. Этот парень знал трактора и прицепы на большой палец, но младшие рулевые его не слушались, и старший тракторист не имел характера им приказать что-либо, когда рулевые работали неправильно. Кулаки и муллы вырвали с корнем из татарской бедноты всякую веру в себя, всякое самоуважение и силу воли. И в последнем потомке, старшем трактористе Якушкинской МТС, идеологическая работа мулл и кулаков еще сказалась. Тракторист мило и человечно улыбался, просил, где нужно приказывать, и страдал, где требовалось побеждать, — остаток раба все еще сидел в этом молодом, талантливом человеке.

Но пойдем далее по степной дороге. В Ульяновском округе мы можем встретить колхоз «Батрак», состоящий сплошь почти из бывших батраков, трудившихся ранее у мулл и кулаков. Однако, весной маленькая группа верных колхозников была загнана муллами и кулаками в подполье, а тракторная колонна МТС пришла под охраной, причем передним трактором управлял слесарь Андрианов, директор Якушкинской МТС. Когда в трактор Андрианова кто-то из толпы бывших колхозников-батраков бросил топор, то Андрианов поднял его и отдал обратно, говоря: «Возьми, товарищ, тебя довели до этого, но твоя курица не склюет трактора!» МТС не испугалась кулацко-мулльского штурма, не отдала инициативы в руки врага и мужественно взялась за пахоту батрацкой земли, и земля эта вновь стала колхозной, а образумившиеся колхозники-батраки обнимали закопченных рулевых. Такая же приблизительно история была в колхозе «Путь Ленина», село Средний Сентемир. Но МТС и там быстро ликвидировала перегибы, и обобщественная по головокружению курица не расклевала трактора.

Отсутствие серьезной, массовой разъяснительной работы, и присутствие перегибов, и наличие яростной пропаганды кулаков и мулл привели даже батрацкий дружный колхоз к распаду. В самом деле, когда сегодня обобществляли овцу, то мулла говорил, что завтра обобществят курицу, а послезавтра и жену. И вот наступило завтра — курица, по слову муллы и кулака, действительно обобществлялась. Тогда, чтобы не иметь «послезавтра», когда возьмут и

жену, батрак и бедняк покидал колхоз, он убеждался, что мулла прав.

— Перегибщик,— говорят теперь колхозники (так и говорят «перегибщик»),— он плох, он весной муллу поцеловал...

Вот и вся тайна «левых» и «правых». На практике это доходит до кулацкого топора, брошенного в трактор рукою батрака, вчерашнего колхозника. И все же сила партии, сила батраков сильнее и «левых» и «правых», и мулл и кулаков: колхоз «Батрак» сейчас живет и развивается.

Тяжела поэтому была весенняя вспашка для Якушкинской МТС. Трактора пахали не только землю, но и должны зарыть в нее еще и кулаков с муллами, т.е. экономически ликвидировать кулачество.

Ну и что ж, зарыли или нет? Зарыли, да, потому что колхозный урожай выше единоличного, колхозник трудится меньше, доходу получает больше. Это действительно по всему району Якушкинской МТС. Однако директор МТС Андрианов говорит, что кулак, это существо слабо умирающее: если кулак весной способен был ехать верхом на курице, то в уборочную кампанию, при дележке доходов внутри колхоза, он может вылезти из своей запаханной могилы.

— Этот охотник за черепом революции враз не умрет,— сказал Андрианов.— Только нам не надо оставлять живого места для его удара.

— А что такое живое место?

— Это наши ошибки и слабость работы. И, может быть, даже трудности роста.

Но все же интересно и полезно было узнать, что делает кулак сейчас, где проходит его «генеральная линия», каким способом он прельщает массы к себе.

И, сообразив так, я пошел искать случая попасть в гости к кулаку, чтобы разглядеть его в близкое лицо.

*

[Машинно-тракторные станции экономически разгромили кулака почти насмерть. Теперь невозможно говорить, что колхозная доля горька и сладко жить лишь в одиночку. Значит, нынче кулаку нужно быть внутри колхоза, чтобы изменить факты, сделать жизнь в колхозе невыгодной. Следовательно, деятельные кулацкие силы необходимо искать в глубине самих колхозов.

Но долго мне пришлось ходить и наблюдать безрезультатно. Утомившись, я присел однажды близ ручья, у которого происходила колхозная сеноуборка. Дело было уже к вечеру. Вскоре ко мне

подошла группа колхозников, и самый молодой из них задорно произнес:

— Товарищ, скажи там, чтоб нам дали по куску сахару, а то выйдем из колхоза! Мы и в колхоз-то вошли из-за сладкого! Исключительно!!

Все ближние колхозники говорили открыто, так — как думали. Лишь двое пожилых стояли в стороне и не просили сахару. Они-то меня и заинтересовали более других, т.к. те кто просит сахар, те получают его и забудут свою нужду в нем, непросящие же]

*

На колхозных сходах обращали на себя внимание немногие люди, чаще пожилого возраста, которые обычно не высказывались, но охотно поднимали руки при голосовании, и на лицах их была обозначена постоянная готовная умильность. В сложнейших вопросах колхоза такие люди как бы всецело полагались на мудрость руководителей, ничуть не помогая колхозу приобретать коллективного хозяйственного опыта. Это было способом прослыть покорным колхозником и вместе с тем не помогать активу колхоза исправлять ошибок, а, напротив, слепо соглашаться с ними, держа тихий курс на разложение колхоза. Но такие со всем согласные, преданные с виду люди ничем явно вредным не проявляли себя, никаким кулацким словом или действием, и я оставил их, чтобы вскоре нечаянно встретить в другом месте.

Однажды вечером шел по деревенской колхозной улице не очень старый старик и всем кланялся. Я пошел за ним, и к ночи мы дошли до села, кажется, Чердаклы, Ульяновского округа. Старик признал во мне сезонника и не стал скрываться. В Чердаклах мы стали на ночлег, и к старику пришли двое колхозников, из тех, которые держат себя смиренно и всегда единогласно. Они начали говорить, что в колхозе народу хорошо, но в царстве божьем будет еще лучше. И старик им объяснял далее, что колхозы суть подобие царства божьего, также как сатана есть подобие господина бога; но нужно терпеть и надеяться, что лживый дух дьявола скажется вскоре и настанет пора великого раздора и разъединения.

Два премудрых колхозных собеседника согласились со стариком; они сказали, что дьявол сильно счет любит, но еще не научился ему,— и после уборки урожая начнется весьма яростная вражда за душевой доход. И эта вражда будет велика, потому что труду велся плохой счет. Старик добродушно подтвердил эту грядущую вражду, но не давал совета покинуть колхоза до времени — наоборот, он советовал больше говорить с колхозниками о царстве божьем, об этом истинном голубом колхозе, и пусть все просветив-

шиеся тихо, по одиночке оставят место, где господь бог предразнивается сатаной,— наиболее же мудрые должны оставить колхоз последними, дождавшись выхода всех.

Выслушав все, я увидел, что активный кулак и подкулачник теперь старается скрываться в глубине колхоза, а не вне его. Политика же кулака и бывшего зажиточного приобрела до времени религиозную форму, чтобы в удобный момент мгновенно сбросить с себя этот тайный наряд. Следовательно, кулак сейчас действует под видом набожного человека, ибо вера колхознику не запрещена, и стремится остаться в колхозе до конца, т.е. до его разгрома.

Спустя время я еще раз встретил кланяющегося всем встречным людям старика. Он кланялся не только прохожим, но и пролетающим птицам и даже бредущему степному ветру. Наша встреча состоялась близ села Лебяжьего, Мелекесского района.

Старик был сейчас радостен, добр и легко открывался моему вниманию. Он уже верил мне теперь вполне и дал рубль на харчи. Значит, хорошо шли дела у этого пешего кулацкого агитпропа. Какие же это хорошие дела?

Достигнув Лебяжьего, я узнал причину стариковской радости и то, почему благообразный старик спешил именно сюда.

На Ильин день в Лебяжьем случилась сильная гроза. От удара молнии загорелось два дома и, кроме того, тою же небесной электрической искрой был поражен один местный человек, как говорят, колхозник. Колхозника закопали наполовину в землю, и он выздоровел от грозовой контузии. Одним словом, над большевистским колхозом разыгрались неистовые силы верхнего божьего царства, т.е.— по слову кулаков, спрятавшихся в религию,— истинного колхоза. Такой редкий случай заставил местные кулацкие силы мгновенно выйти из своего религиозного убежища и заняться прямой политикой. А именно: зажиточные пытались бросить в запылавшие от молнии избы тело председателя сельсовета. Они, умолкшие было кулаки, в грозе и буре увидели своего союзника: ведь молния, бьющая в колхоз, разве это не кулак бога, не огонь из трубы райского трактора, и разве нельзя вокруг этого явления сплотить против бедняцкого земного колхоза толпы безумных, уstraшенных одиночников, и даже часть колхозников?

Вот почему старик-проповедник спешил побывать в Лебяжьем, и вот почему он был явно рад. Грозное дело в Лебяжьем кончилось, конечно, не так, как хотелось кулацкому фронту. Но старик рассчитывал, что грозы и бури на небе будут еще в августе и они совпадут с дележкой добычи урожая — с бурей и грозой внутри колхозов. И тогда рука божья, может быть, сомкнется с мужицким кулаком. Возможна, конечно, и другая комбинация — не обязательно молния с неба.

После Лебяжьего я отправился в село Майну, а старика утратил навсегда. Во всяком случае он в Майну не пошел, т.к. в Майне и без него единый русско-чувашский колхоз распался на два национальных колхоза. Может быть, этот благостный, вещающий православию старик отправился на Сабакаево, где шесть наций дружно живут в одном, нераздельном колхозе, дабы там сказать старым мусульманам-колхозникам, что их всех скоро сделают свинными пастухами.

*

Проходя мимо одного тракторного отряда, я спросил у молодого татарина-тракториста, тяжело ли ему работать.

— Пускай тяжело,— ответил он,— мне сейчас двадцать, а когда будет двадцать восемь, то будет легко и коммунизм.

— Почему?

— А ты знаешь счет — считай: через три года пятилетке конец, сплошной коллективизации — конец, а вторая пятилетка кончится — сплошной коммунизм начнется. Восемь лет!

— Правильно,— ответил я.— Восемь лет — недолго!

— Совсем скоро,— произнес тракторист.— Мы еще успеем жить. Мне будет двадцать и восемь лет! А тебе сколько?

— И я успею,— сообщил я.— А кулаки и муллы что делают у вас?

— Одноличные морды говорят, хлеба с колхоза больше бери, а мало отдавай.

— А вы как будете?

— А мы возьмем, сколько съедим, а много отдадим на новую жизнь.

— Сумеете сосчитать без ссоры?

— Нет,— сказал тракторист.— Есть плохие люди, плохо жить хотят, числа не знают. Никто числа на бумаге не знает...

*

Товарищу Андрианову я не успел высказать своих наблюдений о кулаке. Директор Якушкинской МТС сам мне сказал, что ближайшее место, где состоится битва коммунизма с остатками кулачества — это распределение урожая в колхозах. Именно сюда, в дележку, двинет кулак все свои наличные и союзные силы! Но Андрианов сумел уже предвидеть этот грядущий бой и отправил «на фронт» серую пехоту счетоводов. Он провел через райком мобилизацию счетоводов из всех местных органов, снял прежде всего счетоводов из конторы своей МТС — и таким образом собрал 15 чело-

век. Теперь каждый колхоз, обслуживаемый МТС, имеет своего счетовода, который исключительно сидит на учете труда — количества и качества его — каждого колхозника и на определении его доли в урожае.

Подкулацкие силы, которые заговорят внутри колхозов при дележке, встретят компетентный справедливый расчет труда и добычи и будут поражены.

— Счетовод — вот кто должен стать большевистским колхозным героем! — говорил Андрианов. — Этот малозаметный почему-то человек теперь призван стать передовым большевистским солдатом в классовой битве с кулаком! Посредством счетовода в колхозе мы сделаем железное единство в колхозе, опрокинем остаточного кулака, привлечем новых членов и войдем в зиму еще более крепкими, чем были весной и летом!

Пример товарища Андрианова — мобилизацию счетоводов в колхозы, на распределение урожая — должны немедленно перенять все МТС, все колхозные объединения, все местные, краевые и центральные организации.

Счетовод, это в теперешних наших <условиях> инструмент победы над кулаком и его влиянием в колхозе; счетовод, это человек, который изложит цифрой всемирную победу колхозного движения над единоличной нищетой и над кулаком, который, если мы не пошлем в колхозы советских счетоводов, оставит своего господ-бога и сам станет счетоводом.

По заволжским МТС (Заметки разъездн<ого> корреспондента)

*

Районы действия приволжских и заволжских МТС (примерно, быв<ший> Ульяновский округ) характеризуются довольно низким процентом коллективизации. Например, по Выровской МТС этот процент равен приблизительно 25%; по Чердаклинской — около 20%; по Мелекесской — несколько выше 40%; по Якушкинской — около 25% и т.п.

Приток в колхозы, обслуживаемые МТС, сейчас еще невелик, но постепенно повышается. Вхождение в колхозы новых членов объясняется почти исключительно производственной работой МТС, ибо надо прямо сказать, что разъяснительная работа либо вовсе не ведется, либо ведется редко и случайно,— особенно сейчас, во время уборки и подготовки к осенней посевной. Производственный же пропагандистский эффект МТС весьма велик и сам по себе сокрушает кулацкую контрпропаганду. По колхозам Выровской МТС урожай яровых, напр<имер>, выше урожая единоличников на 25%, а иногда и на 50%. Та же картина и по заволжским МТС.

Но еще нельзя сказать, что уже в нынешнем году механизированные колхозы дадут колхозникам достаточное материальное благополучие. Мы не в силах в течение одного года ликвидировать вековую нищету края, образованную засильем кулаков и помещиков, исключительно экстенсивным зерновым способом хозяйства и засушливостью климата.

Если мы возьмем село Екатериновское (Майнинский район), то, по данным местных агрономов, чистый ежемесячный доход на средняцкую семью здесь равен десяти рублям. Эта цифра ярко показывает — с одной стороны, как велико здесь было классовое истощение трудового хозяйства кулачеством и, в прошлом, помещиками, а с другой стороны — на крайне низкую технику и организацию крестьянского хозяйства, обусловленную, в конце концов, тем же феодально-истощающим устройством общества. При этом надо помнить высокое качество заволжской земли и довольно большие нормы землеобеспеченности. Оказывается, что ни то, ни другое не помогает при экономическом господстве кулаков и при засушливом климате.

Теперь в селе Екатерининском есть колхоз имени Красного путиловца, обслуживаемый Выровской МТС. Ожидаемый чистый доход на колхозную семью равняется восемнадцати-двадцати рублям

в месяц; в то время как семья единоличника по-прежнему будет обходиться десятью рублями. Иначе говоря, за первый же сезон ведения механизированного коллективного хозяйства бедняк и середняк почти удвоил свой доход.

Однако, доход колхозника мог бы быть увеличен и еще более разительно, если бы МТС работали более рентабельно. Рентабельность же эта сильно снижается низким процентом коллективизации, благодаря чему создается чересполосица колхозных и единоличных земель и трактора работают на маленьких массивах, с частыми переездами с одного массива на другой. Весенний сев по Мелекесской МТС происходил, например, в 100 местах, а по Якушкинской МТС отдельные трактора забрасывались на 70 километров от энергетического центра! Легко понять, насколько такие огромные и частые холостые пробеги, а также затрудненность подвозки горючего, невозможность технического надзора и прочие обстоятельства снижают в целом рентабельность МТС.

Чем это объясняется? Исключительно низким процентом коллективизации, при котором колхозные земли представляют лишь оазисы среди единоличных массивов. Дело доходило до того, что Якушкинская МТС не имела в радиусе 15—20 километров достаточного количества колхозных земель для загрузки своих машин, поэтому вынуждена была «разыскивать» земли дальше.

И вот обратный образец работы, когда МТС имеет вблизи себя большой массив. Колхоз «Путь Ленина» расположен в селе Чердаклы и обслуживается Чердаклинской МТС. В колхозе 410 дворов, примерно около 30% всего состава села. МТС добилась здесь такого увеличения посевной площади, такого качества и своевременности обработки земель и — в конечном счете — повышения урожайности, что в нынешнем году «Путь Ленина» сдает около 65 тыс. пудов товарного хлеба, тогда как все село Чердаклы сдало в прошлом году (хорошем по урожаю) лишь 20 тыс. пудов. А ведь в селе было 1200 домохозяев, тогда как в колхозе лишь 410!

Главная задача для заволжских МТС — это содействие росту коллективизации, улучшение «землеустройства» своих районов, путем увеличения массивов и уменьшения их числа, за счет единоличных земель, включенных в колхозные площади. Это обстоятельство намного повысит эффективность работы тракторного парка и сделает выгодность колхозного механизированного хозяйства еще более высокой и ощутимой для каждого колхозника и для каждого единоличника.

*

Отмечая отсутствие массивной разъяснительной работы со стороны работников МТС, надо сказать, что и райколхозсоюзы этой

работой занимаются без особого прилежания. Райколхозсоюзы имеют зуд покомандовать МТС, вместо того, чтобы помочь бедняку и середняку-единоличнику найти свою дорогу в коллектив и этим самым, увеличив колхозные массивы, повысить эффективную работу тракторов, что само по себе потянет единоличников в колхозы. В развитии разъяснительной работы, в доведении до сведения единоличников всех успехов работы колхозов и МТС — сейчас заключается главная задача для районов с процентом коллективизации ниже пятидесяти. При успехе этой кампании, мы в будущем году можем доход колхозника, даже в самых отсталых экстенсивных районах, приблизить к заработку хотя бы чернорабочего в городе.

*

При таком положении первостепенное значение приобретает работа МТС с единоличниками. Скажем кратко, эта работа ведется плохо. Правда, все МТС отпускают для бедняков-единоличников по низкой расценке сельхозмашины (второе-четверо дешевле, чем раньше ссужался бедняк у кулака); но этим дело и кончается: машина играет лишь техническую роль, а не политическую. В отдельных же случаях — например, в районе Якушкинской МТС — работа с единоличниками ведется более удовлетворительно (село Старая Бесовка). Здесь найдены правильные способы обслуживания застрявшего колхозника. Из единоличных бедняков и середняков, желающих пользоваться МТС, создаются группы. Земля таких групп устраивается таким образом, что она становится соседней с колхозным массивом — и запашка, посев, равно и уборка происходит на единоличной земле заподлицо с колхозной. Обычно после весновспашки такие группы единоличников уже переходят на устав ТОЗа; после же уборки все эти группы бедноты и середняков войдут целиком в колхозы. Таков легчайший способ перехода единоличников в колхозы, применяемый в районе Якушкинской МТС. Он, этот способ, начинается с прирезки земли единоличников, обратившихся за помощью к МТС, к ближайшему колхозному массиву. И, обычно, уже при первой массовой полевой работе единоличники «не выдерживают» и смешиваются с колхозными рядами.

*

Ни в одной из заволжских МТС нет механического транспорта. Старший механик, агроном, разъездные механики, директор и другие руководители или квалифицированные мастеровые ходят на тракторные отряды пешком, либо ездят на лошади, если ее еще не загнали до измождения. Тракторные же отряды зачастую находятся

от станции за 30—40 и 50 километров. Ясно, что пешее техническое и организационное руководство делается невыполнимым. Ясно, что если у далекого трактора случилась неполадка или потребовалась запасная часть, то он будет стоять двое суток, вместо двух-трех часов, ибо бежать на станцию за механиком и запасной частью надо иногда 70 верст, считая в оба конца. Можно без преувеличения сказать, что если бы на каждой МТС был один «Форд», то сотни часов простоя тракторов свелись бы к нескольким часам. Далее, технические, агрономические и политические работники МТС могли бы каждый тракторный отряд посещать не реже одного раза в три дня. Теперь же, благодаря пеше-конному транспорту, такие посещения бывают не чаще одного раза в две недели, считая до среднеудаленного отряда. При малочисленности агротехнического руководства, при малоквалифицированности тракторных кадров отсутствие механического транспорта в МТС означает совершенно непонятную штуку, нечто вроде вредительства. Ведь если МТС есть замкнутый круг механизированного сельского хозяйства, то тот, кто не посчитался с важнейшим звеном этого круга, с кадрами, кто обессилил эти кадры, сделав их беззащитными в пространстве, тот разорвал всю цепь механизированного хозяйства,— тот обрек тракторы на простои, людей при тракторах оставил без помощи и затормозил всю вращающуюся систему работы МТС. Одно это уже понизило, вероятно, работоспособность МТС и темп коллективизации не меньше как на 10%. Тут была совершена огромная организационная ошибка.

Все работники МТС в один голос говорят:

— Дали бы нам лучше не 43 «Интера», а 42 и даже 40, но обязательно прислали бы один «Форд». И мы на 40 «Интерах», при одном «Форде», сделали бы больше работы, чем на 43-х, но без «Форда».

Спрашивается, в чем же здесь затруднение? Ведь стоимость «Интера» или «Джон-Дира» и «Форда» примерно одна и та же. Почему бы сразу не дать МТС на один трактор меньше, но на один «Форд» больше. Валюты истратили бы ведь ровно столько же! А теперь как это исправить, когда сезон проработали пеше-конным способом, когда уже набезобразничали, замучили людей и машины, когда не одна тысяча тонн зерна, благодаря отсутствию «Форда», ушла из-под стоячих тракторов!

Трактороцентру надо понять, что каждая МТС должна обязательно иметь «Форд» и грузовик, хотя бы за счет уменьшения тракторного парка, иначе трактора будут болеть сиротами в степи. МТС без «Форда» это трактор без руля, и нечего гнаться за мертвым количеством тракторов,— надо гнаться за тем, чтобы все наличные трактора были «живыми» и работали.

Эту ошибку надо исправить немедленно, не упуская осенней кампании, дабы сразу получить резкое улучшение работы МТС.

*

В одной из заволжских МТС я был свидетелем такой выразительной и торжественной картины: 14 лошадей взмыленных почти одновременно примчались к избушке, в которой помещалась контора МТС, и на тех 14-ти лошадях сидели верхом 14 человек.

Что это значит?

Директор МТС показал мне 2 телеграммы: первая телеграмма была из Трактороцентра — в ней приказывалось ежедневно телеграфом давать сведения об уборке, молотье и сдаче хлеба, не подразделяя на культуры; вторая телеграмма была из Крайтрактора, из Самары, она приказывала давать то же самое, но по каждой культуре отдельно. И вот, во время уборки, когда каждый человек, каждая лошадь стоят столько же серебра, сколько весят они сами, 14 человек и 14 лошадей срываются с уборочных пунктов и несутся к станции во весь карьер, дабы доставить бумажку с экстренными сведениями. А что случится, если эти сведения давать раз в пятидневку? Знают ли в Крае и Центре, что ежедневная телеграфная сводка только по одному округу стоит не менее тысячи рублей? Теперь помножьте тысячу на число округов, где есть МТС, и получится стоимость сводки в Центре.

В Крае и Центре, вероятно, убеждены, что на местах в каждой избушке, в каждой деревне есть телефоны и люди работают шутя.

*

Необычайно жаль, что такая прекрасная по замыслу и результатам организация как Трактороцентр уже попала в бюрократическое ущелье и бьется в нем, истощая силы.

Трактороцентр присылает ежедневно каждой МТС не менее 3-х циркуляров, иногда же сразу 10. В этих циркулярах излагаются зачастую самые общие политические идеи, точно на станциях работают младенцы, а не ответственные коммунисты. Там же, где чуть пахнет делом или новым предложением, циркуляр пишется бредовым стилем, суть которого в том, чтобы директор исполнил циркуляр, но так, чтобы Трактороцентр, если случится неудача, ни за что не отвечал.

Директора МТС дают руководству Трактороцентра единодушно отрицательную оценку:

— Все, что они нам пишут,— говорят они,— либо мы сами знаем и уже делаем, либо в газетах давно прочли, либо абсолютно невыполнимо, либо содержит какой-нибудь пустой либеральный совет, вроде беллетристики.

Что касается Крайтрактора, то он для МТС совершенно бесполезен. Ни одна МТС за все время существования не видела от

Крайтрактора никакого толку. Все отношения МТС и Края ограничиваются посылкой в Край копий всего того, что пишется в Центр. Иногда же Край запрашивает какие-нибудь шаблонные сведения, тогда МТС отвечает ему, а копию — в Центр! Вообще Крайтрактор это не орган, а копия. Но вот Окртрактор это уже не мертвая копия, а живая вредная организация.

— Нам этот Окртрактор совершенно не нужен, он нам мешает,— говорят и старшие механики, и агрономы, и директора МТС.— Недавно приехал технический инженер Окртрактора, назвался инженером-механиком, поехал собирать сложную молотилку, а после него нам пришлось ее разбирать... Что они учиться сюда приезжают, командовать или работать!..

В Окртракторе есть какие-то агенты по снабжению. Хорошо, пусть снабжают. На самом же деле из-за отсутствия ушивочного ремня и простых тряпок стоят молотилки.

Мало того, запасные части идут на МТС через тот же Октрактор (последний усиленно забирает под свою власть все и всяческие функции). Что же получается? Запасные части идут в Округ, получают им, распаковываются, вновь запаковываются и отправляются на МТС. Время, истраченное Октрактором на эти дела, есть срок лишнего простоя тракторов. Таким образом, Октрактор есть учреждение энергично помогающее простоям тракторов. Но это не все. Дабы усилить простои, запасные части посылаются не прямо туда, где они нужны, а на групповую МТС, которая, подержав в руках ящичек с частью, истратив на это держание сутки или двое, шлет наконец эту запасную часть на вопящую МТС.

Приметы вредоносной деятельности Окртрактора можно умножить. Например, мы не сказали, как Окртрактор старается, чтобы выказать свою энергию, засыпает запросами МТС, совершенно бездельными и глупыми, а работники МТС усердно на них отвечают, оставив в стороне свои боевые дела.

Но ведь, скажут, округа ликвидируются! Да, но будет обязательно придумано что-нибудь их заменяющее. Например, какие-нибудь уполномоченные Крайтрактора и т<ому> под<обное>.

Мы предлагаем реорганизовать систему Трактороцентра, внимательно выслушав тех, для которых городится весь этот огород, т.е. МТС. Иначе мы замедлим дело механизации коллективного хозяйства, иначе мы истратим лишние миллионы рублей и заставим работать сотни людей себе во вред.

*

По эту и по ту сторону Волги МТС не имеют своих баз (мастерских, гаражей, домов и т.д.). Временно МТС расположены в селах

или даже в двух-трех избушках и в одном полевом вагончике среди степи (Якушкинская МТС). Базы для МТС только начаты постройкой, причем из-за нехватки рабочих рук положение создается катастрофическое. Если к осени ремонтные мастерские не будут достроены, то весенний сев будущего года может оказаться сорванным. Например, в Чердаклах строится ремонтная мастерская для трех МТС: для Выровской, Мелекесской и самой Чердаклинской; но сейчас постройка не ведется. И если не будет прислано 60 плотников и 40 каменщиков, то сто с лишним тракторов останутся без ремонта и не смогут весной 31-го года выехать на работу. Вот здесь-то и нужна экстренная помощь Центра, Края и Округа. На самом же деле никто кроме директоров МТС не беспокоится. Директора же, <утрач.>

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании впервые с должной полнотой представлены 24 записные книжки и 56 листов записей А. П. Платонова (хранятся в архиве М. А. Платоновой), завершает свод данных материалов текст «Из записной книжки» (автограф хранится в фонде «Литературной газеты» РГАЛИ). В разделе «Приложение» публикуются три очерка 1930 г., первые записи и наброски к которым находятся в записных книжках.

Очевидно, не все записные книжки Платонова нам известны. Полностью отсутствуют книжки к «чевенгурскому» периоду творчества писателя: к повестям 1926—1927 гг. и роману «Чевенгур». Можно высказать лишь предположение, что своеобразной записной книжкой «Чевенгура» стало раннее творчество писателя — статьи, рассказы, стихи, которые Платонов в 1926 г. привез из Воронежа в Москву. Отчасти это предположение подтверждают рукописи повести «Эфирный тракт» и романа «Чевенгур», в которых большое место занимают фрагменты ранних текстов писателя (см.: *Вьюгин В. Ю.* Повесть А. Платонова «Строители страны». К реконструкции произведения // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. А. Платонов, Л. Леонов. СПб., 1995. С. 309—341; *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова // Здесь и Теперь. 1993. № 1. С. 36—55). Однако исключить утрату записных книжек этого периода мы не можем. Вернувшись из Тамбова в Москву весной 1927 г., Платонов до конца 1931 г. не имеет в Москве постоянного жилья: в переездах с одной квартиры на другую, возможно, были утрачены какие-то материалы его архива. Отдельно стоит вопрос о рабочих тетрадях писателя, примыкающих не только к рукописям, но и к записным книжкам. Незученность маршрутов послевоенных командировок Платонова 1946—1947 гг. оставляет открытым вопрос о существовании книжек, блокнотов, тетрадей этого времени.

Необходимо сказать несколько слов о характере публикации представленных в настоящем издании материалов наследия А. П. Платонова.

Состав записных книжек Платонова крайне пестр и дробен: наряду с записями, имеющими отношение к творчеству писателя и его литературной деятельности, в них содержатся технические и производственно-хозяйственные расчеты и справки, чертежи, деловые записи для памяти, телефоны и адреса. Заполняя книжку, Платонов чаще всего не придерживался хронологической последовательности и записи не датировал: книжки заполнялись с двух сторон, иногда оставались чистые листы, запись могла появиться и в середине книжки; телефоны и адреса чаще всего писались на форзацах книжек, одна запись наслаивалась на другую, отделить их друг от друга можно лишь по контуру обвода каждого адресата, если он не стерт. Поэтому в пределах каждой книжки записи располагаются, исходя из смысла общей композиции той или иной книжки. Адреса и телефоны даются в конце каждой

книжки; не включаются в публикацию адресаты, отмеченные неразборчивой записью. Даты, принадлежащие Платонову и сохранившиеся в тексте книжки, входят в содержание общего корпуса содержания записей. Сами книжки Платоновым не были датированы. Датировка записных книжек, установленная нами, помещена в угловых скобках и дается в оглавлении. Подробная аргументация этих дат, основанная нами на тех или иных косвенных данных биографического характера, заняла бы обширное место, поэтому она опущена.

Практически все книжки Платонова, как и его рукописи, исполнены простым карандашом. Сохранить почерк движения авторской руки (и мысли) со всеми мельчайшими подробностями и частностями — одна из задач данного издания. Поэтому при публикации полностью сохранен общий корпус записей всех книжек: редакции фраз, предложений, вычеркнутые фрагменты заключены в квадратные скобки и приводятся полностью; косой линией (/) разделяются варианты. В данном случае задачи охранительные совпадают с сугубо литературоведческими, ибо поэтику платоновской странной фразы лучше всего просмотреть через движение карандаша писателя.

Записные книжки естественно пестрят сокращениями, недописанными фразами и предложениями, неразборчивыми, чаще всего — стертыми словами и фразами. В публикуемых текстах в основном раскрыты все сокращения (угловые скобки), за исключением общепринятых сокращений («т.д.», «др.», «пр.», «ж.д.», «с.х.»); сохранены авторские сокращения, постоянно присутствующие в записях: «напр.» («например»), «м.б.» («может быть»), «ктр.» («который»), «нктр.» («некоторые»); знаком «<нрзб.>» отмечены непроченные слова; в угловые же скобки с обозначением «нрзб.» и нашим вопросом заключены записи, чье прочтение остается под сомнением. Эти сомнения фиксируются для будущих новых прочтений записных книжек Платонова. В производственных и технических записях унифицированы, исходя из современных норм, все сокращения («кВт», «га», «млн.», «мм», «кг», «тыс.» и др.). Аббревиатуры эпохи, встречающиеся в записных книжках, частично раскрываются в примечаниях и выделены нами в отдельный список сокращений. Необходимые наши пояснения в текстах книжек заключены в угловые скобки и даются курсивом.

На полях записных книжек, как и в рукописях, Платонов делал пометы, представлял вопросы к той или иной записи; эти пометы и подчеркивания в текстах записей полностью сохранены. Не сохраняется авторский рисунок отделения одной записи от другой. Платонов отчеркивал каждую запись двумя линиями. Чтобы не порождать затрудняющей чтение пестроты, записи внутри каждой книжки отделены пропуском. Платонов экономил страницы, мы вполне сознательно даем возможность жизни и диалога с читателем — каждой записи Платонова.

При подготовке текстов записных книжек нами с благодарностью был учтен опыт первого прочтения книжек, осуществленного в 70-е г. вдовой писателя Марией Александровной Платоновой и критиком Георгием Елиным. В нашей публикации записные книжки были заново выверены по оригиналам, исправлены ошибки в датировках и в текстах записей, прочитаны ранее

отмеченные «нрзб.» записи. Все тексты печатаются по нормам современной орфографии. Не унифицируется ряд семантически и стилистически окрашенных написаний. Так, сохраняются использованные Платоновым вполне сознательно нормы дореволюционной орфографии в заглавии сказки «Вера, Знание и Сомнение» (1-ая книжка). Сохраняются и исключительно экспериментальные записи, например, запись «Нучтотыбудешь делать» (3-я книжка), представляющая своеобразный пример народной редукции, ведущей к образованию семантически окрашенных слов (в первых изданиях «Котлована» подобные «новообразования» унифицировались, и вместо стилистически окрашенного платоновского «нукчтож» появлялось нейтральное — «ну так что ж»).

Примечания носят строго справочно-сопроводительный характер и нацелены на реконструкцию истории текстов произведений, уточнение хроники жизни и творчества Платонова, дальнейший поиск материалов наследия писателя. В тех случаях, когда несколько записных книжек велись Платоновым одновременно или мы затрудняемся в точной их хронологической последовательности, в примечаниях тексты объединены, исходя из логики работы писателя над тем или иным произведением. Издание завершает «Указатель имен», встречающихся в публикуемых в настоящем издании текстах А. П. Платонова. При составлении Указателя использованы издания «Весь Ленинград» (1930—1931), «Вся Москва» (1930, 1936), «Список абонентов Московской городской сети» (1936—1940).

Составитель выражает признательность Марии Андреевне Платоновой за предоставленную возможность использовать материалы из семейного архива. Значительную помощь оказала Елена Викторовна Антонова, которая познакомила составителя с новыми документальными материалами, что позволило обогатить примечания. Составитель считает своим долгом отметить поддержку работы над данным изданием, которая была оказана Робертом Чандлером (Англия) и Хансом Гюнтером (Германия).

Аббревиатуры и сокращения, встречающиеся в записных книжках

БАО — Батальон аэродромного обслуживания

БРИЗ — Бюро рационализации и изобретательства

ВВС — Военно-воздушные силы

ВОВИП — Всесоюзное объединение весоизмерительной промышленности

Всебумпром — Всесоюзное объединение бумажной, целлюлозной и древесно-массной промышленности

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, первый общехозяйственный центральный орган советского государства

ВССП — Всероссийский союз советских писателей

ВТУЗ — Высшее техническое учебное заведение

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, высший руководящий орган профсоюзов

Гипровод — Государственный институт изысканий и проектирования воздухохозяйственного строительства

ГНТИ — Государственное научно-техническое издательство

ГПУ — Государственное политическое управление; орган диктатуры пролетариата по защите государственной безопасности

ГСС — Герой Советского Союза

ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей

ЖАКТ — Жилищно-арендное кооперативное товарищество

к/с — конесовхоз

КПО — контрольно-приемный отдел

к., коп. — копейка

Крайоно — Краевой отдел народного образования

л/с — личный состав

л. с. — лошадиная сила

МТС — Машинно-тракторная станция; государственное предприятие, осуществлявшее техническую помощь колхозам

МОПР — Международная организация помощи борцам революции

НКЗ — Наркомат земледелия

НКО — Наркомат обороны

НКПС — Наркомат путей сообщения

ОКРИК — Окружной исполнительный комитет

ОДР — Общество друзей радио

ОСО — Общество содействия обороне

Осоавиахим — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству; массовая добровольная организация

Осодмил — Общество содействия милиции; массовая добровольная организация

ОТК — Отдел технического контроля

Промфинплан — промышленный финансовый план

п/я — почтовый ящик

РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РОКК — Российское общество красного креста

Росметровес — Трест весоизмерительной промышленности РСФСР

р., руб. — рубль

СБП — скоростной бомбардировочный полк

СНК — Совет народных комиссаров

сп — самоходный полк

ССП — Союз советских писателей

СТАЗРА — Станция защиты растений

т., тов. — товарищ

т/д — трудодень; единица учета труда в колхозах

ТРАМ — Театр рабочей молодежи

ТОЗ — Товарищество по совместной обработке земли

- Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
ФЗУ — Фабрично-заводское училище
ЦИК — Центральный исполнительный комитет; верховный исполнительный орган
ЦКК — Центральная контрольная комиссия
ЦРК — Центральный рабочий кооператив
ЦЧО — Центрально-черноземная область

Сокращения, принятые в примечаниях

РГАЛИ — фонд А. П. Платонова (ф. 2124) в Российском государственном архиве литературы и искусства. Также — фонды Союза писателей СССР и издательств.

Воспоминания современников — «А. Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии». Сост. Н. Корниенко, Е. Шубиной. М.: Современный писатель, 1994.

Творчество Андрея Платонова — «Творчество Андрея Платонова. Исследования. Материалы. Библиография». СПб: Наука, 1995.

Живя главной жизнью — «...Живя главной жизнью». Андрей Платонов в письмах к жене, документах и очерках // Волга. 1975. № 9.

«Страна философов», 1994, 1995, 1999 — «“Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества». <Выпуск 1> М.: Наследие, 1994; «“Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества». Выпуск 2. М.: Наследие, 1995; «“Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества». Выпуск 3. М.: Наследие, 1999.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

1-ая книжка, 1921 г.

Воронеж

¹ Один из ключевых и расхожих (по своей цитатности) тезисов пророка Заратустры, героя книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Бог умер: теперь хотим *мы*, чтобы жил сверхчеловек» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Минск, 1997. С. 258). Комплекс ницшеанских идей «сверхчеловека», «сокрушителя скрижалей», идеолога подлинной «истины», противостоящей «благу» в современной цивилизации, достаточно активно и широко разрабатывается в статьях и рассказах А. Платонова начала 20-х гг. («Культура пролетариата», «Невозможное», «Сатана мысли», «Маркун», «Волчок» и др.). К данной записи в книжке примыкают записи Платонова о смерти и возрождении Бога, впервые без датировки опубликованные в журнале «Новый мир» (1991, № 1); см. раздел «Записи» (лл. 1—3) и примечания к ним (с. 406 наст. изд.).

² Возможно, одна из первых записей к ницшеанской формуле героя рассказа-фантазии «Сатана мысли» инженера Вогулова (журн. «Путь коммунизма». Краснодар. 1922. № 2). Фамилией героя (в рассказе герой не имеет имени) в сочетании с собственным именем подписаны стихотворения Платонова первой половины 20-х гг. «Счастлирое время», «Вождю оппозиции» и др. (впервые опубли.: Октябрь. 1999. № 2. С. 140—142); в рассказе «Лунная бомба» (1926) Андрею Вогулову отдано авторство книги «Голубые дороги»; завершается судьба Андрея Вогулова на страницах повести «Эфирный тракт» (1926—1927).

³ Записи по теории электричества и электротехнике примыкают к брошюре «Электрификация» (1921) и статьям философско-«электрического» цикла, посвященным вопросам электрификации, свету как единой основе новой культуры и философии деяния («Задачи и развитие электротехники», 1920; «Золотой век, сделанный из электричества», «Новое Евангелие», 1921; «О культуре запряженного света и познанного электричества», 1922; «Свет и социализм», б.д.). Возможно, это и «выписки из учебного пособия» студента Воронежского политехникума, который Платонов закончил в 1922 г. (*Свительский В. А.* Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия // Андрей Платонов. Исследования и материалы. Воронеж, 1993. С. 92—93).

⁴ Изложение энергетической концепции мира, согласно которой все в мире связано с процессами превращения и перехода одной энергии мира (духовной, физической, психической) в другую, их взаимобратимости. Разработка этой концепции в русской позитивистской философии начала века связана с идеями «энергетической школы» немецкого ученого и философа В. Оствальда и австрийского физика и философа, одного из основателей эм-

пириокритицизма Э. Маха. Энергетическая концепция мира, одна из базовых в работах идеолога пролетарской культуры А. Богданова («Основные элементы исторического взгляда на природу», 1899; «Тектология», 1913—1915; «Философия живого опыта», 1916), была достаточно популярной в среде пролетарских писателей. Платонов развивает одну из ключевых формул «эмпириомонизма» А. Богданова, утверждавшего, что элементы психического опыта «тождественны» с элементами всякого опыта вообще.

⁵ Притча-сказка о вере как утраченной «истине» выполнена в духе апологии христианского антропологизма и традиционной метафизики любви и света. К 1922 г. относится опубликованная Платоновым рецензия на книгу русского религиозного философа Л. П. Карсавина; к этой крохотной рецензии примыкают (по единому кругу мотивов-тем и мотивов-сюжетов) незавершенные философские эссе «О любви» и «Невозможное», посвященные вопросам любви, веры и науки (См.: Платонов А. Невозможное // «Страна философов», 1994. С. 342—353; Савкин И. На стороне Платона. Карсавин и Платонов, или Об одной не-встрече // Творчество Андрея Платонова. С. 153—162).

⁶ А. К.— Андрей Климентов (Климентов — настоящая фамилия писателя).

⁷ Изложение идей антиметафизического направления в «реалистическом мировоззрении» конца XIX — начала XX в., яркими представителями которого были русские естествоведы — один из основоположников русской научной школы физиологии растений и один из первых пропагандистов дарвинизма и материализма в России К. А. Тимирязев (упоминается в статье А. Платонова 1920 г. «Культура пролетариата») и создатель физиологической школы И. М. Сеченов, автор знаменитых работ — «О механизмах в головном мозгу лягушки, угнетающих рефлексы головного мозга» (1863), «Рефлексы головного мозга» (1866). Идеи И. М. Сеченова о рефлекторной природе сознательной и бессознательной деятельности, происхождении психических явлений на физиологической основе, о головном и спинном мозге отзвучатся в медицинско-философских гипотезах врача Самбикина в романе А. Платонова «Счастливая Москва» (1933—1936).

⁸ Шуточные стихи, посвященные юной жене — Марии Кашинцевой (1903—1983). Знакомство с Марией Александровной произошло в 1920 г.; очевидно, в 1921 г. Платонов получил благословение на брак с восемнадцатилетней Машей Кашинцевой (гражданский брак был оформлен в 1944 г.); 7 ноября 1922 г. Платонов вместе с женой присутствовал на крещении сына — «младенца Платона» в кладбищенской церкви города Воронежа (впервые указано в кн.: Акинъшин А. Храмы Воронежа. Воронеж, 1994. Сообщено Е. Антоновой). В семейном архиве сохранились наброски шутливо-серьезных стихов, посвященных юной Маше:

Что же, Маша, долго медлишь,
Ведь нечаянно тебя люблю:
Если чувством мне ответишь
Душу я твою не оскорблю.

Не мудра по книге Маша,
 Не держала писчего пера:
 В классовом невежестве смешна,
 Но по классу двоюродная сестра.

Первые стихи, посвященные жене, публикуются на страницах воронежской периодики с января 1921 г. (стихотворение «Маня с Усмани»); стихотворение «Из поэмы Мария» открывает второй — «тихий» раздел поэтической книги Платонова 1922 г. «Голубая глубина»; поэма «Иван да Марья» включалась Платоновым в поэтические сборники 1924 и 1926 гг. (при жизни большая часть любовной лирики не была опубликована).

⁹ Запись строки к стихотворению; среди рукописей стихотворений Платонова находится фрагмент листа записной книжки, на котором сохранилось «продолжение» этой записи:

Баю-баю, Машенька,
 Тихое сердечко,
 Проживешь ты страшненько
 И сгоришь, как свечка.
 (Архив М. А. Платоновой, опубл.: Октябрь. 1999. № 2. С. 146.)

2-ая, 3-я и 4-ая книжки, 1929—1930 гг.

Москва — Воронеж — Центрально-черноземная область —
 Уральская область

¹ Точных биографических данных о производственной работе Платонова в 1928—1929 гг. мы пока не имеем. Предполагаем, что вернувшись из Тамбова в Москву в марте 1927 г., Платонов продолжает работать в Наркомате земледелия, куда он был зачислен 21 октября 1927 г.; на работу в Тамбовском ГЗУ он был направлен Москвой (см. письма к жене из Тамбова, а также подзаголовок «Заметки командированного» в первой редакции «Города Градова»). Возможно, именно в качестве представителя НКЗ Платонов курирует начатые им еще в 1925 г. гидротехнические работы в Центрально-черноземной области (ЦЧО), в частности, работы на реке Тихая Сосна, и часто бывает в Воронежской области: фигура «техника» из Москвы появляется в очерке «Че-Че-О» (1928), в экспозиции «были» 1929 г. «Умственный хутор» также сохранился автобиографический знак: «Двое производителей работ ехали с постройки большой плотины в сухой и дальней степи. Один из них был я, а другой — Сергей Дмитриевич Гущев, ранее работавший по осущению плавней в пойме Амазонки в Бразилии» (автограф хранится в РО ИРЛИ, опубл.: Творчество Андрея Платонова. С. 227).

Записи в книжке рассказывают о маршрутах поездок Платонова (Евдаково — Копанище — Рыбенское — Острогоск); материал записей исполь-

зовался для отчетов о командировках и очерков. Во 2-ой и 3-ей книжках накапливался материал для повестей «Впрок» и «Котлован».

² О связи производственной и очерковой работы 1929 г. свидетельствуют материалы по реке Тихая Сосна: служебная записка 1925 г. «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна», наброски к очерку «По Тихой Сосне» 1929 г. (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 8), фрагмент отчета по Острогжскому району (Архив М. А. Платоновой), письмо о постановке «Машиниста» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 95, л. 3). Машинописи материалов по Тихой Сосне и Острогжскому району (2 листа) были введены как «Вставки» в рукопись повести «Впрок» (Архив М. А. Платоновой. «Впрок», рукопись, лл. 120, 121).

Пробелы для цифр, оставленные в записях книжки, достаточно симптоматичны; ср. с цифрами в тексте служебной записки: «Заболочено 20 тыс. га. Стоимость реч<ного> осуш<ения> 20 р. макс<имально> на 1 га. <...> 6666 т/д уже затрачено (на 1928). Почвы дол<ины> Т<ихой> С<осны>, обогащаемые ежегодными наносами черноземн<ых> водоразделов (ил, далювиальные сносы), очень богаты, особенно благоприятны для луг<овых> раст<ений> и для огородных культур.<...> За 15 лет пойменные леса Т<ихой> С<осны> ухудшились так: понижение прироста, верба выжила ольху, суховершинность. <...> Все жители больны маляр<ией>, 100%; но долина Т<ихой> С<осны> — центр округа-края в промышленном значении» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 8, л. 6).

³ Запись к очерку «По Тихой Сосне», где тема гибели реки уже будет включена в социально-политический контекст осени 1929 г.: «Богатая луг<овая> долина. Бедн<ые> деревни. Постройка дамбы поперек долины. Река умирает. Луга уничтожаются. Деревни нищают. Скотдохнет. Продукции нет. Город строится. Очереди у магазинов.<...> Партия мобилизует рабочих в деревню» (РГАЛИ, там же, л. 5).

⁴ Данная запись в книжке относится к самостоятельному в текстологии А. Платонова сюжету, который сохранила тетрадь с записями в фонде писателя РГАЛИ (тетрадь была обнаружена, прочитана и передана нам для примечаний Е. В. Антоновой). Во-первых, сама школьная тетрадь с грифом «Каменская писчебумажная фабрика» отсылает к истории написания очерка А. Платонова «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», который датируется публикаторами маем 1929 г. (см.: *Т. Вахитова*. Обратная сторона «Котлована». Очерк Андрея Платонова «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» // Творчество Андрея Платонова. С. 112—127). Во-вторых, в такой же школьной тетради находится и рукопись киносценария «Машинист». Следы очерка и сценария ведут к рукописи «Котлована». В-третьих, на последней странице тетради находится серия записей непосредственно примыкающих к записям в данной книжке. Оставляя открытым вопрос о временном соотношении книжки и тетради, выскажем предположение, что записи, накапливавшиеся в тетради, переносились в книжку. Страница с записями представляет миниатюрную записную книжку, которая, очевидно, сопровождала ра-

боту писателя над несколькими замыслами, лишь часть из которых находится в данной тетради. Связка «тетрадь — книжка» и перетекаемость записей входит, как нам кажется, еще одной составляющей в историю текста повестей «Впрок» и «Котлован». Приведем 15 записей из тетради, сопроводив их нашей нумерацией для дальнейших примечаний к книжкам:

- (1) «К<a>к же толстый арбуз может раст<i> на тонкой жилке»;
- (2) «Призывал женщин забросить бога и броситься в стр<оительст>во»;
- (3) «Ни тинь-ти-лю-лю!»;
- (4) «— Сколько стоят уголья?
— Чартак!»;
- (5) «— Я видел оседл<анных> собак.
— Я тоже. Но я не вид<ел> людей, едущ<их> верхом — на собаках»;
- (6) «— Вы не знаете слова шантаж.
К<a>к же я могу Вас шантажировать?!»;
- (7) «Кулаки не давали бедноте воды в колодц<е>»;
- (8) «Мачту радио ломают»;
- (9) «К<a>к справимся не знаем, но все берем в свои руки, других рук нету»;
- (10) «Мы пришли по свету»;
- (11) «Ураган сорвал собрание, и оно было отменено, чтобы [собр] люди уцелели д<ля> собр<ания>»;
- (12) «Старики сидят и плачут, их все оставили, им скучно»;
- (13) «Колхоз возбуждается радиомузыкой»;
- (14) «Зашагал, как в сберкассе»;
- (15) «При напоминании о надобн<ости> думать, все смеются»
(РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 54, л. 25).

⁵ Вычеркнутая запись использована в неизвестном тексте.

⁶ Вычеркнутая часть записи использована в «Котловане»: «Может ты в колхоз пойдешь? Ступай тогда, а я подожду,— сказал хозяин двора».

⁷ См. выше прим. 4 (запись в тетради № 1). Запись использована в очерке «Факт» в своеобразной притче об арбузе: «У меня арбузы во какие по двору растут...— А на чем же арбузы у тебя растут — на ветках или на пятидесяти корнях что ли — или как? — На жилках, пралич,— удерживая силу энергичного сердца, отвечал Абморов.— Как же на жилках, скажи мне пожалуйста, когда жилка тоненькая, а арбуз толстый?! Что ты мне лгешь: я же сам ел арбуз и знаю!» (см. раздел «Приложение», с. 287 наст. изд.).

⁸ У записи реальный контекст. С ноября 1929 по март 1930 г. по всей стране прошли массовые закрытия церквей, монастырей, молитвенных домов; директивными документами для проведения этой кампании послужили решения политбюро ЦК ВКП(б) января 1930 г., продублированные решениями обкомов и крайкомов партии (См.: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1996. С. 72—121). Основные мероприятия по борьбе с религией были приурочены к Рождеству (7 января 1930); фотомонтаж и подробную хронику этой кампании дает центральная печать в журналах «Безбожник», «Воинствующий безбожник», «Деревенский безбожник», «Антире-

лигиозник», а также областная и краевая печать. Победным шествием воинствующих безбожников в ЦЧО стали публичные кампании «Похорон богов»: изъятие мощей св. Питирима Тамбовского (20 ноября 1929), св. Митрофания Воронежского (6 января 1930) и передача их в краеведческие музеи; процесс «федоровцев», «кулацкой партии» (ноябрь-декабрь 1929); закрытие Питиримского и Задонского монастырей; объявление Рождества рабочим днем, «днем индустриализации»; запрещение колокольного звона и снятие колоколов, соцсоревнования округов по числу закрытых церквей, открытие в храмах и монастырях домов отдыха, клубов, ссыпных пунктов; увольнение из Воронежского университета историка Введенского, одного из старейших сотрудников журнала «Воронежская старина» за то, что остался «махровым мракобесом», «обеляет святителей Тихона Задонского и Митрофана Воронежского», увеличение приема на антирелигиозный факультет Рабочего университета, судебные процессы над священниками, открытие антирелигиозного радиоуниверситета (хроника составлена по публикациям 1929—1930 гг. в газете «Коммуна», орган Обкома ВКП(б), Облисполкома, Облпрофсовета ЦЧО, см.: На диспуте есть ли бог // Коммуна. 1929. 2 ноября; Введенский освобождается от работы // Там же. 6 октября; Суд над федоровщиной // Там же. 14 ноября; Разоблаченные «чудеса» // Там же. 27 ноября; За монастырской стеной // Там же. 21 декабря; В рождественские дни — ни одного прогульщика // Там же. 24 декабря; Сигнал к атаке дан // Там же. 25 декабря; 6 января будут изъяты «мощи» Митрофания // Там же. 1930. 4 января; Антирелигиозный радиоуниверситет // Там же; Житие Митрофания Бучнева // Там же. 5 января; Мощи Митрофания в музее // Там же. 7 января; Борьба с религией. Борьба за социализм // Там же. 8 января. И т.д.). 17 января 1930 г. датируется секретное письмо бюро Острогожского окружного комитета партии о массовых выступлениях женщин в защиту церкви в деревнях округа (См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. Под редакцией В. П. Данилина и Н. А. Ивницкого. М., 1989. С. 319).

⁹ Важность этой записи подтверждают повторяющиеся в либретто сценария «Машинист» и в повестях «Котлован» и «Впрок» эпизоды, где сохранена эта знаковая деталь — символ горя и душевной обращенности в несчастье к матери-земле: «Внутренность избы — голая и чистая, как больница. На лавках лежат женщина, мальчик и крестьянин: все вниз лицом и совершенно неподвижны» («Машинист»); «Чиклин и Вошев вошли в избу и заметили в ней мужика, лежавшего на лавке вниз лицом» («Котлован»). О связи символики этого устойчивого пластического жеста с фольклорными значениями «лежачего человека» и семантикой «вертикального» и «горизонтального положения» см.: *Родкевич М.* Символическая пластика в повести А. Платонова «Котлован» // «Страна философов», 1994. С. 185—193.

¹⁰ Запись использована в хронике «Впрок» — «С.-х. коллектив «Доброе начало»: «...в ожидании того, как назваться колхозом «Доброе Начало», деревня называлась хутором Перепальным». Реальный топоним Воронежской губернии.

¹¹ 5 марта 1930 г. в центральных газетах было опубликовано обращение председателя ВЦИК и ЦС ОДН М. И. Калинина, Наркомзема РСФСР и Колхозцентра «Темпы ликвидации неграмотности не должны отстать от темпов коллективизации»; 17 марта принимается постановление ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности»; 15 июня — постановление «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок»; рубрики «Организовать работу среди колхозниц» становятся постоянными в газетах. Здесь рассказывается о районных съездах женщин-активисток, о кулацкой ставке на быт, идеологом которого в деревне объявлена именно крестьянка, которая стала одним из главных «гробовщиков коллективизации» (*Яффе Г.* Расчистка сознания // Социалистическое земледелие. 1930. 28 июля). Тема перевоспитания русской «темной» крестьянки занимает одно из центральных мест в периодике «года великого перелома». Так, уже 21 января 1930 г. газета «Сельская жизнь» рядом с главами из романа П. Замойского «Лапти» печатает стихи «доморощенного поэта» из провинции, смысловую структуру которых по-разному будет варьировать советская поэзия и проза о деревне начала 30-х гг.:

А колхозные хозяйки
 Все живут по старине.
 К облакам из каждой хаты
 Вьется змейкой свой дымок.
 Печь своя, свои ухваты,
 Свой чуланчик, свой горшок,
 Спины над своим обедом
 Целый день хозяйки гнут.

Теме антиколхозных настроений крестьянки отводится почетное место в «колхозных» очерках 1930 г. «Женщина в деревне последний козырь темноты и реакции», — писал С. Третьяков в очерке с символическим названием «Баба пошла» (Социалистическое земледелие. 1930. 8 марта). Именно на работу ОДН (Общество Долой неграмотность) была возложена массовая политико-просветительская работа среди колхозниц (контуры этих реальных идеологических событий первых месяцев 1930 г. точно воссозданы в «Котловане» в эпизоде приобщения баб к политграмоте через изучение русского алфавита).

¹² См. выше прим. 4 (в тетради запись № 2). Запись использована в были о товарище Чумовом, «который сокрушал бога в умах и сердцах отсталых верующих масс»; 2 листа машинописи были вошли как «Вставка» в рукопись повести «Впрок»; Чумовой был переименован в «воинствующего безбожника» Шекотулова («Впрок», рукопись, л. 93). Символом «отсталых масс» в данном сюжете выступали деревенские женщины: «— Чего ж тебе караулить: бога нет, — с хитростью сообщили бабы. — Ага! — сказал [Чумовой] Шекотулов. — Я так и знал, что убедил вас. Теперь я поеду дальше. И тов. [Чумовой] Шекотулов, довольный своей победой над отсталостью, ехал проповедывать отсутствие бога дальше. А женщины и все верующие оставались в деревне и начинали верить в бога против тов. [Чумового] Шекотулова» (цит. по:

«Впрок», рукопись). Этот эпизод, написанный в первые месяцы 1930 г. по материалам жизни Церкви в ЦЧО в «год великого перелома», приобрел в год публикации хроники «Впрок» (1931) особую сатирическую остроту: венцом перевоспитания, преодоления «культурной отсталости» русской женщины стало проведение 22—27 декабря 1930 г. в Москве 1-ой Всесоюзной конференции антирелигиозниц и культармеек, отрапортовавшей, что «безбожные кадры» трудящихся женщин подготовлены (см.: Безбожник. 1930. № 1. С. 8; № 2. С. 11).

¹³ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 7). Одна из первых записей к наброскам рассказа о возвращении демобилизованных красноармейцев в деревню Мчалово. Данный сюжет сохранился в нескольких вариантах экспозиции. Первые три варианта сделаны для очерка (рассказа) под названием «Ветер-пахарь» и находятся в уже отмеченной тетради с записями (см. прим. 4); один вариант (без названия) разрабатывался для либретто киносценария, в описи РГАЛИ он ошибочно отнесен к «черновым наброскам Великой Отечественной войны» (ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 65, лл. 1—7). Запись в книжке относится к следующему фрагменту либретто сценария:

«Утро. Силайлов идет за водой к колодцу. Колодец против кирпичной избы. Крышка колодца заперта на замок. Силайлов поддевает колом крышку, срывает замок и достает воду. Из кирпичной избы выбегает тощий яростный мужик — в чулках, в жилетке и с кнутом в руке.

«Мой колодец, босота! Не смей напиваться — сами копайте!»

Силайлов уже вытащил ведро с водой и пошел. Едкий мужик бежит за Силайловым и, догнав, бьет ногой по ведру — так что вода выливается.

Силайлов спокойно останавливается.

«Зачем? Я же у тебя десять весен батрачил!»

Мужик в жилетке выхватывает ведро и выливает остатки воды на землю.

«Чужой жидкости захотел, беспортошный класс? Пойди у Сталина напейся!»

Силайлов в мгновенном ожесточении дает мужику удар — и тот опрокидывается на голову, потом хватается руками за землю и идет некоторое время на руках, вниз головой» (Там же, лл. 2 об.—3).

¹⁴ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 3).

¹⁵ Вычеркнутая запись использована в неизвестном тексте.

¹⁶ Запись использована в очерке «Факт» в диалоге Пугачева и его жены, «пассивной матери», о жизни в коммуне: «Вон вам фабрика грубого сукна стоит. Там сделали дом-коммуну и столовую общую дали, а бабы холодными примусами дерутся! Вот тебе и новая жизнь! — Ты, мать, еще девушкой была дурой, когда за меня вышла, — сказал Пугачев. — Конечно, бабы будут драться потухшими примусами — куда ж их девать? А как поломают, то перестанут!» (См. «Приложение», с. 291 наст. изд.).

¹⁷ Запись к образу-портрету сытой дочки Абморова в очерке «Факт» (см. «Приложение», с. 288 наст. изд.).

¹⁸ Запись к образу Чиклина («Котлован»).

¹⁹ Запись была использована в очерке «Факт» в диалоге рабочих Пугачева и Абморова: «Заметив что-то на небе, Пугачев поднял свое лицо и понаблюдал; на самом же деле он глядел на церковную колокольню, с которой колокол был изъят вниз.— Абморов! — удивился Пугачев.— А где же ваши колокола? — Поснимали, праличи,— сказал Абморов. Пугачев остановился от своей серьезной мысли. Абморов дошел до него и стал ожидать изо рта товарища неизвестного слова.— Ну, приходи ко мне,— произнес Пугачев,— теперь я тебя буду причащать.— Эх! — размахнулся Абморов.— Убью, пралич! Пугачев неподвижно обождал пока Абморов успокоится, и дополнительно сообщил: — Я умею. Я буду тебе ложечкой в ротик класть! Так тихо положу, что ты никогда и не подавишься!» (см. раздел «Приложение», с. 285—286 наст. изд.). Национальный акцент записи сохранила рукопись очерка: «Известные всему колесному цеху своей дружбой еврей *<нрзб.>* и русский Абморов...». Однако этот акцент убирается практически сразу, вымарываются «еврей» и «русский» и вписывается другая оппозиция героев: «слабосильный Пугачев и могучий Абморов...» (Архив М. А. Платоновой. «Факт», автограф, л. 1). Данная запись и очерк «Факт» восстанавливают в мелких подробностях и микросюжетах мозаику событий кампании антирелигиозной борьбы в ЦЧО осени 1929 — зимы 1930 гг. Наиболее активный этап борьбы за снятие колоколов приходится на январь-февраль 1930 г. Уже в марте 1930 г. журнал «Безбожник» дал фотохронику под общим названием «Колокола на индустриализацию»: «Самый большой колокол в СССР, б. Троицко-Сергиевой лавры, в 67 тонн весом, будет перелит на необходимые стране сельскохозяйственные орудия»; «Колокола, снятые с Покровской церкви в г. Кременчуге и переданные в переплавку»; «Крестьяне Покровского сельского совета Карачаевского района сдали в фонд имущества индустриализации 4 колокола»; «Трудящиеся закрывают очаги дурмана» (Безбожник. 1930. № 4. С. 10—13). Однако у записи есть сугубо воронежский контекст. 24 декабря 1929 г. на страницах газеты «Коммуна» публикуется сообщение о том, что «многие рабочие собрания на предприятиях Воронежа вынесли требование о сдаче колоколов Рудметаллоторгу» и потребовали от горсовета провести это требование в жизнь по 25 воронежским церквям. 4 января газета сообщала, что «Воронеж принял вызов Самары о снятии церковных колоколов». Борьба с религией и Церковью сопровождается в январе-феврале 1930 г. еще двумя кампаниями в воронежской печати, на которые отзывается очерк «Факт». Во-первых, это «Дело антисемитов», сообщения о развертывании беспощадной борьбы с «классово чуждыми» тенденциями антисемитизма, «антисемитскими вылазками» на заводах, в школах области (Коммуна. 1929. 29 ноября; 1930. 8 января, 16 февраля). Во-вторых, показательное «Дело Турбина» (декабрь 1929). В декабре 1929 г. на заводах ЦЧО прошли профсоюзные совещания по «разоблачению кулацких подпевал в рабочей среде» (Коммуна. 1929. 11 декабря). Рабочий типографии Турбин был исключен из рядов рабочей профорганизации за свои «антипролетарские выступления»: сомневался в правильном ходе хлебозаготовительной кампании и коллективизации, не вышел на работу в «день индустриализации», сочувствовал «лишенцам», высказывал

классово чуждые идеи рабочей оппозиции: «Вы хотите заковать рабочих в цепи, говорить не даете» (Коммуна. 1929, 11, 12, 13 декабря). «Уроки турбиновщины» еще долго будут обсуждаться на страницах воронежских газет. Сам Турбин «понял свои ошибки. В нем заговорило классовое сознание. Он обещает впредь шагать в ногу со своим рабочим классом»,— сообщала уже 13 декабря газета «Коммуна», призывая «продолжить борьбу с отсталыми настроениями отдельных прослоек рабочего класса». «Отсталый» рабочий Абморов повторяет судьбу Турбина и умирает «без болезни»; подобный же финал жизни и у Макара Ганушкина в рассказе «Отмежавшийся Макар»; (работу над финалом рассказа датируем январем—февралем 1930 г.); экспозиция «Котлована» также сохраняет память о рабоче-профсоюзном контексте осени 1929 г.

²⁰ С Острогожским округом связаны основные мелиоративные работы Платонова 1925—1929 гг. (см. выше прим. 1). В повести «Впрок» Острогожскому округу посвящены несколько страниц, излагающих «богатые факты на этой бедной долине», а по сути дела, хронику работ 1924—1926 гг. Платонова-губмелиоратора по преодолению «великого народнохозяйственного бедствия» этой территории ЦЧО; это один из немногих эпизодов повести, который не вписан в события весны 1930 г. Для читателя 1931 г., а особенно 1930 г. (данные страницы повести не менялись от первой ко второй редакции), в этом была заложена подчеркнутая символичность данного эпизода и пространства: после публикации в марте 1930 г. статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» Острогожский округ не раз упоминался на страницах центральной периодики как один из ярких примеров «головокружения от успехов» (Головокружение в ЦЧО // Социалистическое земледелие. 1930. 9 апреля). Хронику «богатых фактов» бедствия в Острогожском районе в «год великого перелома» можно восстановить даже по местной периодике. Уже 15 февраля 1930 г. газета «Коммуна» сообщала в заметке «Острогожский округ — сплошной колхоз» следующие данные по коллективизации: «...на 1 октября 1929 г. коллективизировано 19%, на 10 января 1930 г.— 75%, а сейчас уже закончена сплошная коллективизация округа». К 20 февраля, сообщал воронежский журнал «Колхоз», в ЦЧО «в колхозы вступило 1 миллион 698 с половиной тысяч крестьянских хозяйств или 82% от их числа. Впереди идет Острогожский округ, где колхозы занимают 99% земельной площади» (Колхоз. 1930. № 6. С. 28). По широте и остроте крестьянских волнений Острогожский округ относился к «сильно пораженным районам» (терминология ГПУ): в этом округе, как сообщал в центр первый секретарь крайкома партии И. Н. Варейкис, выступления крестьян были подавлены лишь войсками (См.: *Ивницкий Н. А.* Указ. соч. С. 151—152). Подопытный характер Острогожского района ЦЧО, с которым связана мелиоративная работа Платонова, запечатлется в топонимике событий сценария «Машинист».

²¹ Запись использована в неизвестном очерке.

²² См. выше прим. 6.

²³ Тема социального расслоения деревни остается одной из ключевых в очерках и рассказах Платонова 1929 г. Сюжетобразующей она является в

наброске «Ветер-пахарь»: «На другой день Силайлов узнал в сельсовете, что земля безошадной бедноты стоит почти вся несаянная, потому что живой тяги нету, а брать лошадей из кулацкого класса, так у бедноты бюджета не хватает,— тем более, что кулачество берет за пахоту наличными и без рассрочки» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 54, л. 19). Эта тема широко разворачивается и в очерке 1930 г. «По заволжским МТС» (см. раздел «Приложение», с. 302—303 наст. изд.).

²⁴ Запись частично использована в кульминационном эпизоде сценария «Машинист»: «По берегу к остановившемуся экскаватору идет колхоз. Впереди шествия флаг. Близ флага — Кузьма. Под флагом два колхозника несут на носилках рупор громкоговорителя и принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по береговой воде провод заземления. <...> Кузьма пускает музыку. Радио играет музыку. Все члены колхоза дирижируют руками в такт музыке. Экскаватор дает гудок» (Воспоминания современников. С. 241). Возможно, запись полностью использована в неизвестном киносценарии.

²⁵ Герой под этим именем появляется в повести «Впрок»: «Один средний крестьянин, по уличному прозвищу Пупс...».

²⁶ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 5).

²⁷ Запись использована в первом — «производственном» — эпизоде сценария «Машинист».

²⁸ Промышленно-финансовый план (промфинплан) был главным экономическим документом 1-ой пятилетки и плана индустриализации; тема промфинплана развивается в сценариях «Машинист» и «Турбинщики»; в «Котловане» она доверена буржую-функционеру Пашкину.

²⁹ Текст очерка неизвестен. Тема борьбы с «правым уклоном» с 1928 г. становится одной из актуальных политических тем, закреплена в выступлениях И. В. Сталина на пленумах ВКП(б): «О правой опасности в ВКП(б)» (октябрь 1928 г.), «О правом уклоне в ВКП(б)» (апрель 1929 г.). Диалектика взаимосвязи «правых уклонистов» с «левыми загибщиками» («троцкистами») весной 1930 г. будет изложена в тексте постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» и в статьях И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам-колхозникам». Формулировка прямого вопроса и точного ответа дана 3 апреля в «Ответе товарищам-колхозникам»: «**Пятый вопрос.** Какая у нас главная опасность, правая или левая? **Ответ.** Главная опасность у нас сейчас правая. Правая опасность была у нас и остается главной опасностью. <...> Поэтому, чтобы бороться с успехом с правым оппортунизмом, надо преодолеть «левых» оппортунистов. «Левые» загибщики являются объективными союзниками правых уклонистов» (Цит. по: *Сталин И. В. Сочинения.* Т. 12. М., 1952. С. 217—218). Запись на данную тему в книжке Платонова мы соотносим именно с этим «Ответом»-выступлением И. Сталина и можем датировать ее апрелем 1930 г. Запись первоначально использована Платоновым в разработке эпизода о «борце с неглавной опасностью» в хронике «Впрок», который так определит смысл сталинской диалектики взаимоотношений «левой» и «правой опаснос-

ти: «— А какая опасность неглавная? — спросил я того, с кем шел.— Ты бы лучше с главной боролся! — Неглавная кормит главную,— ответил мне дорожный друг». В 1929 г., готовя новое издание повести «Сокровенный человек», Платонов заменяет Троцкого, фигуру, политически актуальную для времени написания повести (1927), на одного из представителей «правого уклона» партии — Томского (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 7426, л. 48); в «Котловане» двойная контаминация «партийных» аллюзий 1927—1930 гг. закреплена в имени и образе «буржуя-функционера» Льва Ильича Пашкина (см.: *Золотоносов М.* «Ложное солнце». («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 20-х годов // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 246—283).

³⁰ Тексты очерков на тему «солнца» неизвестны. Обилие записей в книжке с пометой «Для очерка» вписывается в общий очерковый бум 1929—1930 гг., когда в советской литературе пронеслась, по меткому выражению Л. Леонова, «очерковая буря». Платонов активно использовал жанр очерка с 1925 г. («Огни Волховстроя», 1925; «Че-Че-О (Организационно-философские очерки)», 1928; «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)», 1929; «Первый Иван (Заметки о техническом творчестве трудящихся масс)», 1930). В 1929 г. Платонов активно разрабатывает повествовательные возможности были и сказки, возвращая были первоначальное жанровое значение сказки, затем исторически отошедшее к прозаической были: «...объявление, весть, оглашение, сказанное или писанное слово, имеющее силу документа» (Цит. по: *Пронн В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 34). На метаморфозах «взаимопереходимости» и «взаимоперетекаемости» жанровых черт были и сказки рождается стилевая и сюжетная гротесковость, характерная для «Усомнившегося Макара» (жанровое обозначение «Быль» было опущено при публикации), «Впрок» и «Котлована». Чевенгурская тема «нового солнца» разрабатывается в нескольких былях 1929 г., ставших основой первого эпизода повести «Впрок», где достаточно разветвленно представлены мотивы «колхозного солнца», «электросолнца», «нашего электросолнца».

³¹ Запись к частушке Пупса в повести «Впрок»:

Эх, в колхозе вольно жить,
Вольно жить, не тужить...
Выпьешь бутылку-другую кваску
И побежишь погулять по леску!

³² Запись использована, текст очерка неизвестен. Запись отзовется в определении Жачева: «...там ликуют одни бывшие участники империализма, не считая Насти и прочего детства».

³³ Запись использована, текст очерка неизвестен.

³⁴ Ироническая вариация одного из ключевых лозунгов второй половины 20-х гг., прозвучавшего в апреле 1929 г. в обращении XVI конференции ВКП(б) «Ко всем рабочим и трудящимся красноармейцам»: «Мы должны в относительно короткий исторический срок догнать и перегнать в техниче-

ко-экономическом отношении передовые капиталистические страны, осуществляя социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства. Мы должны обеспечить быстрый рост индустрии...» (КПСС в резолюциях и решениях. М., 1973. Т. 4. С. 248). Запись из книжки использована в первой редакции «Впрок» в размышлениях Ефима Нечаева, идеолога «рева гудков индустриализации» над всем миром.

³⁵ Фрагменты очерков под названием «Человек нашего времени» хранятся в архиве М. А. Платоновой.

^{35а} Запись к эпизоду о «С.-х. Коммуне Общества Старых Большевиков» в повести «Впрок» («Впрок», рукопись, л. 105). В окончательной редакции («С.-х. артель имени Награжденных Героев») снят открытый намек на «Общество старых большевиков», которое возглавлял один из идеологов партии Е. Ярославский, редактор журнала «Безбожник».

³⁶ См. выше прим. 30.

³⁷ Запись к «Предисловию» первой редакции хроники «Впрок»: «...составитель считает, что хроника обязана иметь своим содержанием не запавшее чувство или запечатленное сознание одного субъекта, а те же свойства коллектива» (опубл.: Новый мир. 1993. № 1. С. 113).

³⁸ Платонову-инженеру были близки фордовские идеи организации национального производства, механизации тяжелого труда, автомобилестроения; в 20-е гг. в СССР издавались книги Генри Форда, популяризацией и разработкой его идей технологии и механизации производства занимался Центральный институт труда (ЦИТ), который возглавлял пролетарский поэт А. Гастев. Фордовские идеи активно используются Платоновым-прозаиком как в иронических, так и серьезных контекстах: «Антисексус», «Фабрика литературы», «Сокровенный человек», «Первый Иван», «Че-Че-О», «Впрок» (См.: *Лангерак Т.* Андрей Платонов. Материалы для биографии 1899—1929 гг. Амстердам, 1995. С. 132—134; *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова. Указ. соч. С. 91—92). Идеи «социального Форда» для конструктивного периода разрабатываются Платоновым летом 1930 г. для очерка «По заволжским МТС» (см. раздел «Приложение»). *Г. Форд* — создатель первого автомобиля с 4-тактным двигателем (марка «Форд»); закупка автомобилей компании «Форд мотор» входила в импортный план советского государства.

³⁹ См. выше прим. 30. Запись использована в повести «Впрок» в комментарии «душевному бедняком» Устава для действия электросолнца в колхозе «Доброе начало»: «Все это было совершенно правильно и хорошо, и я обрадовался этому действительно строительству новой жизни. Правда, было в таком явлении что-то трогательное и смешное, но это была трогательная неуверенность детства...» («Впрок»).

⁴⁰ Запись к очерку «По заволжским МТС» (см. раздел «Приложение»).

⁴¹ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 15).

⁴² Эпизод продажи демобилизованным красноармейцем Силайловым плетня разрабатывается в рассказе-очерке «Ветер-пахарь» и в либретто сценария (см. выше прим. 13). В рассказе Силайлов продает плетень угольщику,

продающему уголь за «чартак», в сценарии — хозяину ветряной мельницы; не меняются лишь реальные причины этого события: вернувшийся из Красной Армии Силайлов застаёт дома в пустой избе голодную мать, у которой в хозяйстве уцелел лишь плетень.

43 Запись использована в неизвестном тексте; ср. с идеями Пашки о необходимости «окончательного счета звезд» («Впрок»).

44 Запись использована в повести «Впрок».

45 Запись к «Котловану».

46 Точный источник этих статистических данных неизвестен; возможно, это данные из воронежской периодики осени 1929 г. В декабре 1929 г. исполнялось 10 лет принятия декрета о ликвидации неграмотности; с октября 1929 г. в ЦЧО регулярно проводятся месячники культпоходов под лозунгом «Через три года — ни одного неграмотного в ЦЧО»; планировалось ликвидировать неграмотность в течение 1929—30 гг. (Коммуна. 1929. 1 октября). В докладе «О всеобщем обучении и ликвидации неграмотности» на 6 пленуме Обкома партии ЦЧО приводились следующие данные: «На 12 миллионов населения ЦЧО имеем 37% грамотных, грамотных мужчин — 52%, грамотных женщин — 24%» (Коммуна. 1929. 12 декабря). См. выше прим. 11—12; с. 320 наст. изд.

47 Запись использована в сценарии «Машинист»: «Общий скотный двор. Беспризорными стоят десять—двадцать лошадей. Они ржут без пищи и питья и оглядываются в мучении. Затем идут всем табуном на водопой. Возвращаясь с водопоя, выдирают зубами солому из крыш, рвут траву по дороге, собирают отдельные пучки сена — и все это несут в зубах на общий скотный двор. Здесь они сваливают весь самовольно собранный корм в кучу и только теперь начинают коллективно есть» (Воспоминания современников. С. 235). В «Котловане» данный сюжет трансформируется в знаменитый эпизод о «спокойных лошадях», лишаясь «мученической» интонации; дается через восприятие «мучающегося» Вощева.

48 Запись использована в «Котловане»: «...и подкулачник выражался через него.— У нас одной обуви на десять годов хватит, а они куда лезут?»

49 См. выше прим. 4 (в тетради запись № 9). Запись использована в неизвестном тексте.

50 Запись частично вошла в одну из «счастливых» колхозных сцен жизни, пересказанных в «Котловане» крестьянкой: «...Разве же можно молча лежать — власть будет пугаться. Я-то нарочно, вот правда истинная — вы люди, видать, хорошие,— я-то как выйду на улицу, так и зальюсь вся слезами. А товарищ активист видит меня — ведь он всюду глядит, все шепки сосчитал,— как увидит меня, так и приказывает: плачь, баба, плачь сильнее — это солнце новой жизни взошло, и свет режет ваши темные глаза. А голос-то у него ровный, и я вижу, что мне ничего не будет, и плачу со всем желанием...».

51 Poleмический по отношению к директивным постановлениям 1929 г. о деревне тезис Платонова-производственника, активно разрабатываемый им в очерках 1926—1927 гг. («Почему мы нищаем», «Очерки бедной области» //

РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 34, лл. 1—2) и «Первом Иване» (опубликован в 1930 г.). Эту полемичность можно прочитать по рукописи рассказа «Первый Иван», который критика восприняла как «бесспорный симптом выздоровления» автора «Усомнившегося Макара» через «обращение к фактическому материалу наших дней» (М. Майзель). Однако строительный материал очерка был в основном воронежский, времени работы Платонова губмелиоратором, о чем свидетельствует рукопись: Платонов вклеивал в рукопись фрагменты своих статей 1920—25 гг., посвященных культуре земледелия, «ремонту земли», ликвидациям «катастроф сельского хозяйства», гидротехническим работам в деревне.

⁵² См. выше прим. 4 (в тетради запись № 7), использована в тексте либретто о демобилизованном красноармейце (см. прим. 13, с. 321 наст. изд.).

⁵³ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 10).

⁵⁴ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 8).

⁵⁵ Запись использована в «Котловане»: «Я был поп, а теперь отмежевался от своей души и острижен под фокстрот».

⁵⁶ Запись частично использована в «Котловане» в описании избы-читальни, где указано, что крестьяне едят на «досках».

⁵⁷ Политическая установка 1929 г. на «сплошную коллективизацию» была реализована как метафора в сценарии «Машинист», где в список действующих «лиц» включены «лошади, петухи, тараканы» и «второстепенные персонажи», покидающие колхоз грачи и воробьи.

⁵⁸ Запись использована в совете «урода» Жачева интеллигенту Прушевскому: «Живи храбрее — жми друг дружку, а деньги в кружку» («Котлован»).

⁵⁹ О контаминации социально-этнографических материалов с славянскими языческими сюжетами, связанными с образом медведя, см.: *Золотоносов М.* Указ. соч.; *Касаткина Е.* «Прекращение вечности времени» или Страшный суд в котловане // «Страна философов», 1995. С. 181—190). По воспоминаниям брата писателя Семена Платоновича Климентова, в одной из кузниц Ямской слободы работал молотобойцем медведь (см.: *Ласунский О.* Житель родного города. Воронеж, 1999. С. 26).

⁶⁰ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 11).

⁶¹ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 12).

⁶² См. выше прим. 4 (в тетради запись № 13). Тема радиомузыки также использована в «Котловане» в эпизоде «звездного похода колхозных пешеходов». Начиная с «Че-Че-О» (1928), где появляется образ радио — «всесоюзного дьячка» и «дьявола» одновременно; в разных модификациях «московский» мотив радио используется в «Машинисте», «Котловане», «Впрок»; в «14 Красных Избушках» (1932—1933) радио выступает как реальное действующее лицо (в посмертных изданиях эти страницы произвольно переведены в драматургические ремарки). Одной из задач радиофикации деревни была борьба с «религиозным дурманом» крестьянства. Так всю весну 1930 г. «Журнал крестьянской молодежи» призывал кадры безбожников использовать радио и громкоговорители в деревне для бойкота религиозных праздни-

ков, чтобы «попы не сорвали посевкампанию» (Долой религиозную сивуху // Журнал крестьянской молодежи. 1929. № 8 (апрель). С. 8—9.)

^{62a} См. «Указатель имен».

⁶³ Запись к очерку «За большевистского счетовода в колхозе!» (см. раздел «Приложение»). Летом 1930 г. проводится большая кампания по мобилизации и подготовке кадров счетных работников для отправки их из городов в колхозы. Начиная с 6 июля газета «Социалистическое земледелие» открывает рубрику, посвященную вопросам правильного распределения урожая в колхозах: «Доход колхозника» (6 июля), «Расчетный план — ключ к распределению доходов», «Учет и люди» (18 июля), «Опыт распределения дохода в коммуне» (20 июля), «Колхозы обмениваются опытом распределения дохода в коммуне» (20 июля). Тема счетоводства разрабатывается Платоновым в июле 1930 г. для газеты «Социалистическое земледелие» по материалам его поездки в районы Нижней Волги (см. ниже прим. 95, с. 334 наст. изд.).

⁶⁴ См. выше прим. 4 (в тетради запись № 14).

⁶⁵ Практически все записи этой книжки относятся к поиску формул героев, системы персонажей, а также основных сценических «площадок» («город», «овраг», «кафельный завод», «организационный двор») повести «Котлован». В основном мы относим записи данной книжки к лету 1930 года. Далее отмечаются и комментируются лишь некоторые записи.

⁶⁶ Запись использована в повести «Котлован»: «Это не животное, а прямо человек! — отозвался тот же Сафронов <о Жачеве.— Н. К.>».

⁶⁷ Формула расчета электрического сопротивления.

⁶⁸ Запись к «Котловану», связывающая «сельскую часть» повести с финалом сценария «Машинист». В рукописи сценария тщательно прописывалась идея «души-имущества»: «А мы думали — отчего у нас душа пропала!.. А это у нас товарищ Активист имущество взял да испортил, и мы испортились»; «А то товарищ Активист забрал все сквозь и душу испортил, и нам стало пусто жить» (Воспоминания современников. С. 243).

⁶⁹ Запись частично использована в парижском эпизоде первой редакции «Впрок» (см.: Новый мир. 1993. № 4. С. 115—117). Мотив «красоты» развивается в данном эпизоде не без игры со словом солитер: солитер (франц. *colitaire*, букв.— одинокий) в значении «крупный бриллиант, вправленный в перстень, отдельно, без других камней»; солитеры — то же, что цепни, отряд ленточных червей, паразитирующих в органах и тканях птиц, млекопитающих и человека.

⁷⁰ Сюжет семейно-любовной жизни Вошева сохранился в наброске «Малолетний»: «Служба кончилась, раздался сигнал особого автоматического колокола, привезенного администратором из Америки в результате командировки. Вошев мыл руки и волновался. У него были развиты чувства, от этого он имел свежий естественный ум и служил отлично, но после звона американского колокола Вошев начинал бояться и шел домой весь замирая. Домой он приходил незаметно и сначала посещал чулан, где переодевался в новый костюм, повязывал мрачный галстук, такой же, что носил в юности, и тер лицо, чтобы внести в него больше жизни и жизнерадостности. Затем в

этом виде показывался жене, он боялся, что его разлюбит единственная женщина и берег свое тело, свой лучший характер и новый костюм для нее. Жена его встречала, как девушка юношу, наряженная в тесное платье, с вымытыми руками, в убранной квартире. Они обедали. Вошев ел мало, не желая показать любимой женщине жадность своего желудка, его достоинство было напряжено, он чувствовал скуку жизни за окном освещенной квартиры и боялся, что жена упразднит его из своего сердца и тогда он останется среди чужих людей, с которыми связан профсоюзом — это будут наиболее близкие ему» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 49, л. 71). Уже в рукописи повести «Котлован» Платонов отказывается от «семейной» экспозиции Вошева, перенося конфликтологию экспозиции героя в сферу социальных и бытийственных вопросов «тридцатилетия личной жизни» (см.: Харитонов А. Способы выражения авторской позиции в повести А. П. Платонова «Котлован». Автореф. канд. дисс. СПб., 1993).

⁷¹ Запись к сокращенным в рукописи страницам «Котлована»: «Вошев стоял вблизи ночного мира и чувствовал его сиротство: в земле есть истина, раз она произошла и существует, но нет сознания, а в человеке есть сознание, но в нем нет смысла жизни. <...> А чтобы жить в своем одиноком теле, нужно мыслью заменить честность. От мысли Вошев стал надеяться, а от совести медленно затосковал» (ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 7; фрагменты рукописи опубл., см.: Творчество Андрея Платонова. С. 98).

⁷² Записи использованы в работе над монологом Вошева: «— Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? — не решался верить Вошев» (первая редакция). Окончательная редакция этого монолога может свидетельствовать о том, что Платонов обращался к записной книжке на всех этапах работы над повестью: «Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — задумчиво сомневался Вошев на своем ходу» (эти две редакции были произвольно соединены в посмертных изданиях повести 70—80-х гг.).

⁷³ Инженер Прушевский, «производитель работ общепролетарского дома», по профессии «родственник» другим героям Платонова — «производителю работ» («Че-Че-О») и «электротехнику», «душевному бедняку» («Впрок»). В системе образов «Котлована» Прушевский остается подчеркнуто «чужим» всем героям повести; значимо и то, что в одной из следующих записей о Прушевском Платонов вычеркнет насыщенный литературными аллюзиями возраст «осени» героя (см.: Харитонов А. Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов», 1995. С. 163—164; развернутая мотивировка имени и формулы героя дана в канд. дисс. А. А. Харитонova «Способы выражения авторской позиции в повести Андрея Платонова “Котлован”». СПб., 1993. С. 182—184).

⁷⁴ Цифра «42» может читаться и как страница рукописи; именно на 42 странице находится эпизод о «законе для усталых элементов» (наблюдение И. И. Долгова, Пушкинский дом). Запись также подтверждает более позднюю датировку работы Платонова над повестью «Котлован».

⁷⁵ Климентов — родовая фамилия Платонова; использована в рукописной редакции повести «Котлован»; затем заменена на Чиклина (РГАЛИ, ф. 780, ед. хр. 7; см.: Харитонов А. А. Указ соч.; Вахитова Т. М., Филиппов Г. В. К творческой истории повести Андрея Платонова «Котлован». Фрагменты чернового автографа // Творчество Платонова. С. 104.)

⁷⁶ В повести образ сестры Прушевского символизирует разрушение темы «дома» в его классическом для «золотого века» русской культуры содержании. В омраченном сознании Прушевского сестра предстает то «многодетной и изможденной», то «она родит ребенка»; возникает и мотив смерти сестры.

⁷⁷ Запись использована в диалоге Жачева и Сафронова о «девочке-сиротке»: «— А какие, товарищ Жачев, заслуги или поучения в твоей девочке? Чем она мучается для возведения всего строительства? — Она сейчас сахару не ест для твоего строительства, вот чем она служит, единоголосная душа из тебя вон! — ответил Жачев».

⁷⁸ Запись использована в вопросе Насти Чиклину: «А что лучше — ледокол Красин или Кремль?»; по модели этого вопроса будут созданы и последующие странные Настины антитезы лучшего/хорошего (Ленин/Сталин/Буденный). Ледокол «Красин» и Кремль в советской пропаганде 1927—1928 г. находились в одном семантическом поле: по решению советского правительства (Кремля) ледокол «Красин» участвовал в июле 1928 г. в спасении итальянской экспедиции, отправившейся на дирижабле к Северному полюсу. Платонов достаточно саркастически отреагировал на это мировое событие в рассказе «Че-Че-О»: «Выехал я из ЦЧО вечерней зарей. На севере, как горы, находились мощные пути. Там тысяча человек спасала десятерых спутников Нобилия, а у нас сотни тысяч, миллионы пролетариев спасаются от сотен бюрократов» (см.: Лангерак Т. Указ соч. С. 195).

⁷⁹ Новообразование использовано в ответе Пашкина на просьбу его жены «организовать» Жачева, продвинув его на какую-нибудь должность: «Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чуешь массы! Дай я к тебе за это приорганнизуюсь!»

⁸⁰ Частушка, которую поют красноармейцы в повести «Котлован».

⁸¹ Возможно, запись относится к ненаписанному — позитивному — финалу повести «Котлован». В либретто сценария «Машинист» именно машинист спасает колхоз от безумия раскулачивания (ликвидирует активиста) и для спасения реки дарит крестьянам экскаватор.

^{81a} ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, организован в декабре 1917 г.

⁸² Запись использована в диалоге Насти и Чиклина у карты СССР: «Девочка <...> спросила у Чиклина про черты меридианов: — Дядя, что это такое — загородки от буржуев? — Загородки, дочка, чтоб они к нам не перелезали,— объяснил Чиклин, желая дать ей революционный ум».

⁸³ Запись к одной из центральных тем «Котлована», эмблематически обозначенной в «христовом» возрасте смерти матери Насти: «Женщина осталась лежать в том вечном возрасте, в котором умерла: 32-х лет и 3-х месяцев»

(при посмертных изданиях повести 70—80-х годов последняя часть предложения была опущена).

84 Запись использована в повести «Котлован» в диалоге Чиклина и Вошева: «— Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете — скучно и босой.— Они потому и идут, что босые,— сказал Чиклин.— А радоваться им нечего: колхоз ведь житейское дело.— Исус Христос тоже, наверно, ходил скучно, и в природе был ничтожный дождь.— В тебе ум, бедняк,— ответил Чиклин.— Христос ходил один неизвестно из-за чего, а тут двигаются целые кучи ради существования».

85 Запись использована в развитии темы детей-сирот в «Котловане», идеологом которой выступает «урод империализма» Жачев: «Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио,— возразил Жачев <Сафронову.— Н. К.>».

86 Запись использована во внутреннем монологе Прушевского: «Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недостижимо, и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду».

87 Запись использована в качестве «слова» радио в «Котловане».

88 Запись к финалу повести: активист не умирает сам, его убивают дважды, сначала Чиклин, затем Вошев.

89 Лозунг «Даешь крапиву» использован в повести «Впрок» как лозунг газеты, в «Котловане» как сообщение радио.

90 Запись связывает события революции (романа) и «года великого перелома»; полностью использована в «Котловане»: «Во время революции по всей России день и ночь брехали собаки, но теперь они умолкли: настал труд, и трудящиеся спали в тишине».

91 Запись к развитию темы «утильсырья» в повести «Котлован»; ее контуры изложены в письме Прушевского о жизни Насти на стройке общепролетарского дома: «Под фонарем, освещавшим вывеску Организационного двора, Чиклин прочитал, что Настя жива и Жачев начал возить ее ежедневно в детский сад, где она полюбила советское государство и собирает для него утильсырье...». У данного эпизода жизни Насти достаточно реальные основания: 13 февраля 1930 г. было принято постановление ЦИК и СНК «О выпуске займа содействия тракторизации сельского хозяйства», которое послужило развертыванию широкой кампании по сбору и сдаче утильсырья (см.: Социалистическое земледелие. 1930. 15 февраля); к этой кампании широко привлекались детские пионерские отряды, организующие специальные культпоходы по сбору утильсырья (Коммуна. 1930. 21 февраля). В повести тему «утильсырья» вслед за Настей развивают Вошев и активист; к финалу повести эта тема собирает вокруг себя ключевые оппозиции отношения к прошлому («утиль», «игрушки», «сырье», «прах», «вечная память о забытом человеке»).

92 Вторая и третья записи представляют контуры кульминационного эпизода возвышения Козлова: «Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство свою любовь к одной средней даме. Она тщетно писала ему письма о своем обожании <....> И он написал грустящей даме последнюю итоговую открытку, складывая с себя ответственность любви:

«Где раньше стол был яств
Теперь там гроб стоит!
Козлов».

Этот стих он только что прочитал и спешил его не забыть. Каждый день, просыпаясь, он вообще читал в постели книги, и, запомнив формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие слова мудрости, тезисы различных актов, резолюций, строфы песней и прочее, он шел в обход органов и организаций...». Включение в текст цитаты из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» входит в контекст этих страниц возвышения Козлова, предвещаая печальный конец героя, путь которого на страницах повести дан как наиболее динамичный (со дна жизни — к «авангарду» и гибели). В интерпретации линии Козлова важное место отводится фамилии персонажа, этимология которой включает подкрепленное сюжетом аргогическое («половой извращенец», «онанист») и жаргонное («доносчик», «осведомитель») значение слова «козел» (см.: Харитонов А. А. Способы выражения авторской позиции в повести А. П. Платонова «Котлован». Дисс. канд. наук. СПб., 1993. С. 174—176). В линии Козлова, думается, запечатлелась и судьба партийного руководства Козловского округа ЦЧО. Здесь в январе—феврале 1930 г. был один из самых высоких показателей сплошной коллективизации (94%). Именно этот «гигантский масштаб деятельности» предопределил крах руководителей округа: 9 апреля 1930 г. газета «Социалистическое земледелие» сообщала о снятии с работы всех руководителей козловского Окрбюро.

⁹³ Запись к страницам повести, посвященным изображению верующих и Церкви в год великого перелома. См. выше прим. 8, 12, с. 318—321 наст. изд. Об успехах в борьбе с Православной Церковью в 1930 г. постоянно информировала местная и центральная периодика: закрывались церкви, «все-народно, торжественно» сжигались иконы на кострах, шли «суды над богом», на храмах вывешивались красные флаги (Сельскохозяйственная газета. 1930. 21 января). Размах и масштаб борьбы с «религиозными предрассудками» в период коллективизации высвечивает 7 пункт обращения ЦК ВКП(б) от 15 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»: «Решительно *прекратить* практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения» (КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 397).

⁹⁴ Запись использована в финальном эпизоде приготовления Насти к смерти, когда девочка, которой по ее просьбе Чиклин принес кости матери, начинает возвращаться к языку и жестам матери, жестам благодарения-прощения и любви: «Ослабевшая Настя вдруг приподнялась и поцеловала склонившегося Чиклина в усы — как и ее мать, она умела первая, не предупреждая, целовать людей».

^{94a} См. «Указатель имен».

⁹⁵ Под названием «Социалистическое земледелие» с 29 января 1930 г. стала выходить газета «Сельскохозяйственная жизнь»; орган Наркомата земледелия РСФСР. А. А. Горин — заведующий совхозным сектором газеты.

Возможно, именно с работой в газете связаны поездки Платонова весной и летом 1930 г. в районы Нижней и Средней Волги. По крайней мере, можно обозначить две возможные линии связи Платонова с «Социалистическим земледелием». С февраля 1930 г. в газете печаталась литературно-художественная страница, выходящая при участии Всероссийского общества крестьянских писателей. С очерками, посвященными отражению социалистического строительства в сельском хозяйстве, ломке старой и рождению новой деревни, на страницах «Социалистического земледелия» выступали Н. Замойский, Л. Карпов, С. Третьяков и др.; очерки Платонова на страницах газеты не публиковались (возможно, какие-то материалы находятся в архивах газеты). Платонов мог быть связан в 1930 г. с газетой не только писательскими, но и сугубо производственными отношениями. В феврале-марте 1930 г. при НКЗ был создан штаб по мобилизации сельскохозяйственных специалистов Москвы для направления их в области сплошной коллективизации. Подготовка к весеннему севу, строительство МТС, планы производства запчастей, организация передвижных тракторных баз, нехватка стройматериалов, взаимоотношения Трактороцентра и Колхозцентра, принятое 16 июля 1930 г. постановление ЦК ВКП(б) «О ликвидации округов» — записи Платонова по этим реальным вопросам лета 1930 г. носят в данной книжке сугубо производственный характер. Они отзовутся и в маршруте Николая Вермо в повести «Ювенильное море». Наибольшее количество московских специалистов (12%) было направлено в три области — ЦЧО, Уральскую область и районы Средней Волги (см.: Социалистическое земледелие. 1930. 2 марта). В этих трех областях были перевыполнены контрольные цифры коллективизации (в ЦЧО этот процент уже в феврале достиг 84%, а в отдельных районах — 94%); к началу посевных работ 1930 г. в этих основных зерновых районах России сложилось крайне бедственное положение, отчасти и продиктованное партийные постановления марта 1930 г. Эту реальную хронику России декабря 1929 — марта 1930 г. запечатлели повести «Котлован» и «Впрок»: «Котлован» заканчивается гибелью старой русской деревни (февраль-март 1930 г.), «Впрок» представляет уже «весеннюю» ситуацию этого же года в ЦЧО; в уральские степи отправляется «душевный бедняк» в финале «Впрок», прокладывая путь к новой хронике (очеркам) и повести («Ювенильное море»).

4-ая книжка представляет материалы поездки Платонова лета 1930 г. по Поволжью, районам Уральской (Ульяновской) области: Выры — Чердаклы — Якушка — Мелекесс. Это была уже вторая поездка Платонова в эти районы России, очевидно, не последняя в 1930—31 гг. В 1932 г. на вечере во Всероссийском союзе писателей Платонов трижды повторил, что на Среднюю Волгу он поехал летом 1930 г. (См: Воспоминания современников. С. 295, 297, 301). В архиве М. А. Платоновой сохранились автографы двух очерков «По заволжским МТС» и «За большевистского счетовода в колхозе!» (см. раздел «Приложение»). Очерки датированы 20 числами июля, год не указан.

⁹⁶ Запись использована в очерке «По заволжским МТС» (см. раздел «Приложение», с. 304—305 наст. изд.). Остальные записи, использованные в данном очерке, не комментируются.

⁹⁷ Запись использована в очерке «По заволжским МТС»; соответствует реальной статистике. Укрепление базы МТС в СССР приходится на 1927—1929 гг., что стало одной из реальных предпосылок коллективизации, ставки государства на усиление поддержки прежде всего крупных сельскохозяйственных объединений, которые позволят решить зерновую и хлебозаготовительную проблемы. В период НЭПа тракторные отряды, созданные декретом СНК «О едином тракторном хозяйстве» (2 ноября 1920), были практически ликвидированы, так как не находили применения при доминировании индивидуального мелкого хозяйства. Первые машинно-тракторные станции (МТС) были созданы в 1928 г.; массовое создание МТС как государственных предприятий, призванных осуществить техническую и политическую помощь колхозам приходится на 1930 г. (См.: Тракторизация сельского хозяйства. М., 1930; Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 288—295). В июне 1930 г. в политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б) Сталин подтвердил, что основным для развития сельского хозяйства «остается один путь, путь укрупнения сельского хозяйства, путь насаждения крупных хозяйств, вооруженных современной техникой» (Цит. по: Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 279). Тезис «МТС, как центры сплошной коллективизации» (Социалистическое земледелие. 1930. 11 февраля) — становится весной 1930 г. одним из ключевых «лозунгов»; на МТС возлагается основная подготовка к весеннему севу в РСХ (районах сплошной коллективизации); разделы «В области МТС» входят во все директивные постановления СНК 1930—31 гг. Основным препятствием в организации передвижных тракторных баз и развертывании новых МТС весной 1930 г. стала нехватка запчастей и оборудования (эта тема не сходит со страниц газет). Для Платонова тема технического перевооружения сельского хозяйства была родной, давней и близкой. «Как же и за кого, в конце концов, выйдет замуж с.х. ЦЧ области,— писал губмилиоратор Платонов в 1926 г.— Нам думается, с.х. должно выйти замуж за промышленность» (опубл.: Тамбовская правда. 1927. 12 января). К программам технического перевооружения деревни, предложенным государством в 1930 г., Платонов относился внимательно и сочувственно, что найдет отражение в очерках 1930 г. и в повестях 1931—1932 гг. («Хлеб и чтение», «Ювенильное море»).

^{97a} *ОКРИК* — Окружной исполнительный комитет.

^{97b} *СТАЗРА* — станция защиты растений.

⁹⁸ Запись использована в очерке «За большевистского счетовода в колхозе!».

⁹⁹ Летом 1930 г. разворачивается новая волна борьбы с кулачеством; лозунг осени 1929 г. «ликвидации кулака, как класса» не ослабевает; начинается кампания разоблачения «нового в тактике классового врага» — «загримированного кулака», «раскулаченного кулака». Остроту борьбе с кулачеством придадут в 1930 г. летние разоблачения «кондратьевщины» и «чаяновщины»,

а также осенний процесс «Промпартии», как «черносотенно-помещичьей» партии и партии идеологов кулачества.

¹⁰⁰ Запись использована в очерке «За большевистского счетовода в колхозе!».

¹⁰¹ Запись использована в «Ювенильном море» в философских размышлениях Умришева: «А теперь слушай меня дальше,— говорил Умришев.— Есть еще разные неопределенные вопросы, изученные мною по старинной и по советской печати. У грабарей дети рождаются весной, у вальщиков — среди лета, у гуртоправов — к осени, у шоферов — зимой...».

¹⁰² Вопросы распределения урожая занимают одно из центральных мест в июньских-июльских номерах газеты «Социалистическое земледелие»; вот лишь некоторые заголовки статей-«лозунгов»: «Правильное распределение урожая — мощный фактор закрепления и дальнейшего роста колхозного движения», «Доход колхозника» (6 июля); «Расчетный план — ключ к распределению урожая», «Учет и люди» (18 июля); «Опыт распределения дохода в коммуне», «Колхозы обмениваются опытом распределения урожая», «Подсчеты колхозных доходов бьют кулака, бодрят колхозника, убеждают единоличника»; «Колхозная цифра в прах разбивает кулацкие сплетни», «Классовая борьба вокруг распределения урожая» (23 июля) и т.д. Платонов был знаком с этими материалами, когда писал очерк «За большевистского счетовода в колхозе!» (см. «Приложение»). Думается, весенне-летние страницы «Социалистического земледелия» отозвались и в «Котловане», в диалоге активиста и крестьянина-бедняка о Зое/сое и в мистическом крестьянском переименовании soi в Зою: «— Бедняку нигде не страшно; я б давно записался, только Зою сеять боюсь.— Какую Зою? Если сою, то она ведь официальный знак! — Ее стерву.— Ну, не сей, я учту твою психологию.— Учти, пожалуйста». Именно посевная кампания 1930 г. проходила под лозунгом «Не забыть про соевый клин»; соевая кампания являлась одной из попыток решить хлебно-зерновую проблему СССР; семена soi закупились правительством в Америке. Лето 1930 г. было объявлено «победным шествием soi»: прошел ряд все-союзных «соевых совещаний», пищевые институты, которым было поручено задание по научной проработке рецептов соевого хлеба, рапортовали, что соевая мука «далеко превосходит по вкусовым качествам хлеб из чистой пшеничной муки» (Социалистическое земледелие. 1930. 16 августа). Не без иронии по отношению к темному крестьянину журналист Б. Орловский в статье «Соя идет!» писал: «Зоевые чертяки — так окрестил казак-колхозник этих вездесущих энтузиастов-агрономов, присланных сюда Наркомземом для внедрения soi» (Там же. 21 мая).

¹⁰³ Постоянное возвращение Платонова к вопросам взаимоотношений районных и окружных организаций отражает чересполосицу в принятии государственных решений о деревне. В политическом отчете XVI съезду 27 июня 1930 г. И. В. Сталин, подчеркнув, что «сейчас центр тяжести колхозного строительства перемещен в районные организации» и поддержав (под аплодисменты) упразднение округов, как «ненужного средостения между областью и районами», в то же время утверждал, «что было бы ошибочно прояв-

лять чрезмерную торопливость в деле упразднения округов» (Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 336—337). 16 июля публикуется постановление ЦК ВКП(б) «О ликвидации округов» (Правда. 1930. 16 июля). Платонов едет в совхозы Поволжья через десять дней после принятия данного постановления.

¹⁰⁴ На репрессивную политику коллективизации ноября—декабря 1929 г. районы Средневолжского края ответили массовым выходом из колхозов в январе—феврале 1930 г., а так же антиколхозными выступлениями по всем районам края (см.: *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. Указ. соч. С. 151).

¹⁰⁵ Запись использована в очерках 1930 г. (см. раздел «Приложение», с. 299 наст. изд.). Антирелигиозная кампания была лишь слегка приглушена в марте 1930 г. (см. выше прим. 8, 12, 93, с. 318—321, 333 наст. изд.), а затем снова набрала свои обороты уже летом 1930 г.

^{105a} ЦРК — Центральный рабочий кооператив.

¹⁰⁶ Запись использована в очерке «По заволжским МТС» (см. раздел «Приложение»; см. также выше прим. 38, с. 326 наст. изд.).

¹⁰⁷ 4 марта был опубликован «Примерный устав сельскохозяйственной артели»; весь 1930 г. продолжается внутривластная борьба вокруг государственных структур по управлению и дальнейшему реформированию крестьянско-колхозной жизни. *Урочное положение* — отсылка к русской крестьянской жизни рубежа XVI—XVII вв.: *урочные лета* — срок, в течение которого владельцы крестьян могли возбудить иск о возвращении им беглых крестьян; введен в 90-е годы XVI в. после приостановления действия Юрьева дня (сначала это был 5-летний срок, затем — 15-летний); после Крестьянской войны начала XVII в. по *Соборному уложению* 1649 г. вводился бессрочный сыск беглых крестьян, т.е. крепостное право.

¹⁰⁸ ТОЗ — Товарищество по совместной обработке земли.

¹⁰⁹ Идеи национальной политики реконструктивного периода были изложены в письме И. В. Сталина от 18 марта 1929 г. «Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим» (впервые опубликовано в 1952 г., том 11). Основа идеологии новой «социалистической нации», «советской нации», что приходит на смену «буржуазным нациям», Сталиным определялась в четырех тезисах: 1) «...нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма»; 2) «...судьбы национального движения, в сущности своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии»; 3) «...окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии»; 4) «...только в царстве социализма может быть установлен полный мир» (Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. С. 838). Тактика реконструктивного периода, по Сталину, не отменяет общей стратегии марксизма, однако для подъема промышленности, сельского хозяйства, обороноспособности страны — главные задачи реконструктивного периода — необходимо широкое образование всех наций, которое при 80—90% неграмотных в целом ряде наций, можно осуществить лишь на родном языке: «...партия сочла необходимым помочь возрожденным нациям нашей страны —

встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру <...> сделать национальным по составу партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственные аппараты, выращивать свои национальные партийные и советские кадры...» (Там же). В политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б) в июне 1930 г. И. В. Сталин подтвердил тезисы 1929 г. об «опасности великорусского шовинизма, как главной опасности в партии в области национального вопроса» и о «помощи и поддержке развития национальных культур народов СССР», дав определение смысла национальной культуры при диктатуре пролетариата: «Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитывать массы в духе социализма и интернационализма» (*Сталин И. В.* Там же. Т. 12. С. 371, 369, 367). Смысл тактики и стратегии национальной политики рубежа 20—30-х гг. сформулирует герой в очерке «Первый Иван»: «— Ты кто? — спросил я.— Я электрик Гюли, а был киргиз». В первой редакции очерк имел подзаголовок: «Первый Иван — создатель советской природы»; затем эта двусмысленность была снята («Заметки о техническом творчестве»). Проведению коллективизации в нерусских районах СССР было посвящено специальное постановление ЦК ВКП(б); именно в национальные районы в первую очередь отправлялись тракторные бригады, широко обеспечивалась и установка на формирование национальных кадров, «коренизацию» партийно-хозяйственных кадров коллективизации. Однако репрессивная волна раскулачивания в районах Средней Волги равно прошла по русским и «национальным» районам и была не менее жестокой чем в среднерусских областях. Уже 31 января 1930 г. первый секретарь Средневолжского крайкома партии М. М. Хатаевич телеграфировал в Москву: «Арест кулацко-белогвардейского актива приостановить не можем, ибо он почти закончен» (*Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание. Указ. соч. С. 106—151). Расширение маршрутов поездок Платонова 1930 г. за пределы родных Воронежа и ЦЧО, думается, отразилось и в художественной топонимике «Котлована», где, пожалуй, впервые у Платонова отсутствуют реальные топонимы (в сравнении с «Машинистом», «Впрок», не говоря уже о «чевенгурских» повестях и самом романе «Чевенгур»).

¹¹⁰ См. «Указатель имен».

5-ая, 6-ая, 7-ая, 8-ая книжки, 1930 — 1932 гг.

Ленинград — Московская область — Северокавказский край — Средневолжский край — Фрунзе

¹ «Турбинная» проблематика данной книжки свидетельствует о реальном контексте записей; источник установлен Е. В. Антоновой по фрагменту многотиражной газеты завода, хранящейся в архиве Платонова (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 109). Судя по имеющимся документам, Платонов жил

в Ленинграде и работал в турбинной мастерской на Ленинградском металлическом заводе им. И. В. Сталина с конца 1929 по март-апрель 1930 г.; Мария Александровна с сыном оставались в Москве. Обстоятельства, приведшие Платонова в Ленинград, нам не известны. В Москве семья Платонова не имела постоянной квартиры до конца 1931 г.; о переезде в Ленинград речь шла уже осенью 1926 г. (см.: Творчество Андрея Платонова. С. 165). Можно предположить, что в ленинградских месяцах жизни Платонова начала 1930 г. есть и «технический» след. В 1924—1925 гг. Платонов работал над конструкцией паровой турбины внутреннего сгорания. С 1930 г. Платонов связан с гостехконторой по рационализации промышленности (РГАЛИ, оп. 1, ед. хр. 8) и возвращается к активной изобретательской деятельности. Более точных данных мы пока не имеем. Металлический завод крупного машиностроения им. Сталина (Ленинград, Полюстровская наб., 19) один из старейших заводов, основан в 1857 г.; производство турбин было начато в 1904 г.; за предреволюционный период выпущено 25 мелких турбин общей мощностью 9000 кВт. После гражданской войны выпуск турбин был возобновлен лишь в 1923 г. В апреле 1930 г. завод досрочно выпустил первую в СССР мощную турбину; в связи с этим событием И. В. Сталиным было направлено приветствие рабочим завода (опубл.: Ленинградская правда. 1930. 23 апреля).

² Организационно-производственные записи данной книжки, очевидно, были использованы в пока не обнаруженных очерках и киносценарии о Ленинградском заводе им. Сталина, о котором Платонов упоминал в июне 1931 г. в ответе на анкету журнала «На литературном посту» (см.: Воспоминания. С. 285). Сохранился черновик заявки А. Платонова: «План полнометражной кинокартины «Гигант советского турбостроения» (условное название), предлагаемой к постановке на основе матерьялов Турбинной мастерской металлич<еского> зав<ода> им. т. Сталина в Л<енин>граде» (Архив М. А. Платоновой, лл. 1—2); в заявке подчеркивалось, что «Тема картины соответствует ходу фактов на Турбозаводе» (л. 1 об.). Название картины Платоновым будет уточняться. На сегодняшний день известен текст киносценария «Турбинщики (Кинематографический очерк)», рукопись которого находится на оборотах листов одной из машинописей повести «Эфирный тракт» (Архив М. А. Платоновой. «Турбинщики (Кинематографический очерк)», карандаш, лл. 1—38, нумерация автора; на л. 38 указано: «Продолжение см. отдельные листы со стр. 39»; эти листы пока не обнаружены). Возможно, сценарий не был завершен, а написанная часть была использована в конфликтологии пьесы 1931—32 гг. «Высокое напряжение». Имя одного из героев сценария — Шекотулова появляется во второй редакции повести «Впрок». В июне 1931 г., отвечая на анкету журнала «На литературном посту», Платонов сначала вписывает название сценария, а затем вымарывает его. Сохранившаяся часть сценария позволяет откомментировать «турбинные» записи 5-ой и 6-ой книжек, направление переплавки в художественный текст реально-производственного и политико-производственного материала 1930 г. Конфликтология 6 написанных частей «Турбинщиков» отражает общие модели производственного жанра советской литературы 1929—30 гг.

Первая и вторая части представляют своеобразный пролог действия — дореволюционную Россию («В древнее время, в чужой стране жила бабушка советской турбины», л. 1) со всем набором обязательных элементов: кулак-эксплуататор Чаев на мельнице, где используется турбина; социальный конфликт Чаева и батрака Череватова; уход Череватова в Санкт-Петербург на Металлический завод, где производятся турбины. С 3 части действие развивается по законам антитезы: «Прошло великое время, но наступило еще большее. Завод, вооружавший машинами кулака, исчез. На его месте создан новый завод — завод крупного турбостроения им. т. Сталина — родина социалистической электрификации, рождающая стальную мускулатуру для индустриализации» (Там же, л. 11). По законам индустриального жанра именно производство и усовершенствование турбины, звенья производственно-технологического процесса (они даны в записях), становятся сюжетной коллизией, вокруг которой группируется система персонажей — турбинщиков завода. Старым инженерам-консерваторам Стрешневу и Боровщикову, жестоко не принимающим «рачью чуму изобретательства» (л. 14) и потому выступающим идеологами вредительства (они наделены «двусмысленной улыбкой», л. 12), противостоят в сценарии несколько сил: во-первых, инженер-изобретатель Витман и рабочий-рационализатор и изобретатель Николаев, давший тысячи рублей экономии заводу; во-вторых, «полуголая» (л. 20) от перенапряжения комсомольская бригада Старосельцева, работающая без перерыва по 49 часов и перевыполняющая план; в-третьих, партколлектив завода. Эмблематическим для производственного жанра смыслом наделены и другие персонажи киноочерка: инженер-англичанин Анис, вредители-исполнители, среди которых находится и бывший кулак Чаев. Сценарий обрывается на эпизоде спасения технологического процесса от срыва, который подготовили вредители: «старый мастеровой» Череватов, сделавший свой социальный выбор в пользу новаторов производства, идет под «высокое напряжение» и предотвращает аварию.

³ Цели и задачи программы подготовки новых кадров промышленности были определены XIV съездом партии, принявшим в декабре 1925 г. курс на индустриализацию, и XV партконференцией (1926 г.): «...в относительно минимальный срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» (КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 365). Однако реальные очертания эта программа приобретает именно в «реконструктивный период», когда будут форсированы темпы индустриализации страны. В резолюциях апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства» и ноябрьского Пленума 1929 г. «О кадрах народного хозяйства» отмечался «недостаток притока красных специалистов на работу в предприятиях», слабость контроля над промышленностью ВСХН; формулировалась задача увеличения «рабочего ядра» во ВТУЗах и техникумах, доведение его до 70%; «борьба со спецееством» (Там же. Т. 4. С. 85—91, 335—338). В знаменитом выступлении И. В. Сталина на 1-ой Всесоюзной конференции работников социалистической промышлен-

ности 4 февраля 1931 г. в качестве одной из генеральных задач «реконструктивного периода» предлагались точные контрольные цифры технической реконструкции промышленности СССР: «Максимум в десять лет мы должны пробегать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. <...> Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство» (*Сталин И.* Сочинения. Т. 13. С. 41).

⁴ Тема вредительства и саботажа социалистической реконструкции промышленности занимает с конца 1930 г. особое место на страницах периодики в связи с процессом Промпартии. Особо подчеркивалось, что «среди привлеченных по делу ЦК Промпартии нет ни одного инженера или техника, начавшего свою работу при советской власти» (Социалистическое земледелие. 1930. 25 ноября). Масштаб обвинений, предъявленных технической интеллигенции в 1930 г., был подчеркнут в выступлении государственного обвинителя, наркома юстиции СССР Н. К. Крыленко: «Шахтинский процесс был процессом о вредительстве в одной лишь угольной промышленности, здесь же перед судом развернулась картина вредительства почти во всех наиболее важных отраслях промышленности и в других областях народного хозяйства» (Там же. 5 декабря).

^{4а} ВТУЗ — Высшее техническое учебное заведение.

⁵ Постановление СНК «О мероприятиях по содействию изобретательству» было принято 26 апреля 1928 г.; 16 марта 1929 г. решением ВСНХ СССР был создан спецфонд для помощи изобретателям; в 1930—32 гг. правительством принимается ряд резолюций и постановлений о поддержке изобретательства среди рабочих; 10 декабря 1931 г. в Москве в помещении Политехнического музея открывается постоянная Всесоюзная выставка изобретательства. Изобретательским и техническим предложениям рабочих отводилось большое место на страницах газеты «Техника», выходившей с октября 1931 г. (газета являлась органом ВСНХ СССР, с 1932 г. — орган Народного комиссариата тяжелой промышленности). Возможно, в архиве этой газеты сохранились «платоновские» материалы. В семейном архиве Платонова хранится очерк «Вольтова дуга», рассказывающий об ударниках и изобретателях, один из которых слесарь и электросварщик К. предложил применять вольтову дугу на торфоразработках (это изобретение А. П. Платонова и его брата П. П. Климентова доверено сначала слесарю К., затем — Николаю Вермо в повести «Ювенильное море»).

⁶ *Мастер Тимофеев* — реальное лицо, прототип старейшего мастерского изобретателя Николаева в «Турбинщиках». 17 апреля 1930 г. заводская газета «Полюстровский гигант» сообщала о постановлении общего собрания рабочих 1 отделения турбинного цеха ходатайствовать о награждении мастера цеха С. Н. Тимофеева «за самоотверженную работу орденом Красного Знамени» (Полюстровский гигант. 1930. 17 апреля).

^{6а} В 1924 г. на Металлическом заводе были изготовлены две небольшие гидротурбины (мощностью в 3 тыс. кВт), в 1925 г. впервые изготовлена гидравлическая турбина, положившая начало отечественному гидротурбостро-

нию. Турбины завода поставлялись для Шербаковской, Днепровской и Свирской гидроэлектростанций. (Путеводитель по Ленинграду. Л., 1957. С. 98).

⁷ В. И. Андреев — инженер 9 отделения турбинного цеха; входил в комиссию по содействию инженерно-заводскому изобретательству (Полюстровский гигант. 1929. 14 августа). Прототип начальника турбинной мастерской инженера Боровшикова в «Турбинщиках», так определяющего сложившуюся на заводе ситуацию: «Что у вас — производство или сумашедший дом?» (л. 15).

⁸ Далее в книжке также приводятся реальные фамилии рабочих, бригадиров, инженеров турбинного цеха завода. О «результатах ударных темпов» цеха 17 апреля подробно информировала газета «Полюстровский гигант»: «Некоторые бригады по 34 часа не уходили с завода, но особым упорством отличалась бригада Трифонова (от 12—15 чел.), работавшая по общей сборке, бригада Тимофеева (сост. из 5 чел.), работавшая над сборкой коробок и клапанов <...>, бригада Хинейко по сборке турбин. <...> Вся работа велась по английскому способу при участии англичанина-консультанта Аниса» (статья «Результаты ударных темпов»); «Как акты героизма и упорной настойчивой работы можно подчеркнуть ночные дежурства инженеров: Шестаковича, Умникова, Бень и др., не отходивших с поста и с честью выпустивших оба ротора к сроку» (заметка «Экзамен выдержан», подп.: инж. Кравченко, 1 отд.). В этом же номере газеты печатается заметка «Наши успехи и задачи», подписанная рабочим 1 отд. Хинейко: «Героическими усилиями рабочих турбинного цеха выпущена на 2 месяца раньше срока 1-ая турбина мощностью 22 000 квт. <...> Таковую турбину выпускаем первую, под наблюдением консультантов англичан, а потому хотелось показать, что мы можем работать не хуже их. <...> Инженеры Бень и Тимофеев ночами без отдыха работали вместе с нами. Таких темпов работы не было никогда. Мне хочется упомянуть об одном случае, когда мы на роторе низкого давления засадили диск № 5 и все же в течение 6 часов его сумели снять. Англичане в подобных случаях диски срезают и на мой вопрос, как лучше снять диск англичанин-консультант ответил: я ничего не могу сказать, т.к. учить вас этому нет необходимости» (Там же).

⁹ Анис — см. выше прим. 8. В «Турбинщиках» дается несколькими смысловыми штрихами: «Анис вежливо осматривает картину работ, скрывая крайнее удивление» и задает лишь один вопрос и получает не менее конкретный для эпохи темпов ответ: «— Какая сила заставляет вас так спешить — страх перед властью?» — Нам ждать некогда — мы большевики: мы сами себя заставляем спешить» (л. 30). Инженеры-иностранцы широко привлекались для работы на советских заводах с 1926 г. по 1931 г., что было закреплено в директивных постановлениях партии и правительства этого времени. Эта практика была свернута к середине 30-х гг. логикой идеей реконструктивного периода. Иностранец инженер, не понимающий темпов соцстроительства, — один из героев советского производственного романа 30-х г. («Время, вперед!» В. Катаева; «Волга впадает в Каспийское море»

Б. Пильняка, «День второй» И. Эренбурга, «Энергия» Ф. Гладкова, «Скутаревский» Л. Леонова, «Похищение Европы» К. Федина и др.).

¹⁰ См. выше прим. 19 ко 2-ой книжке, с. 322 наст. изд. Возможно, запись к ненаписанным страницам «Турбинщиков».

¹¹ Практически во всех постановлениях 1930—31 гг., касающихся выполнения 5-летнего плана промышленности, указывалось на необходимость расширения школ ФЗУ и укрепления связи школы и ВТУЗов с производством. В постановлении XVI съезда ВКП(б) указывалось, что ФЗУ должны стать «основной формой подготовки квалифицированных рабочих из подростков» (КПСС в резолюциях и решениях. Т. 4. С. 442). В 1925 г. рабочие Металлического завода выступили с предложением превратить одно из предприятий Ленинграда в завод-школу; в марте 1930 г. было принято решение о превращении Ленинградского металлического завода в школу-предприятие, завод-втуз. Школа-предприятие являлось «новой формой подготовки кадров специалистов и ставило своей задачей в возможно короткий срок без отрыва от производства подготовить высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров котло- и турбостроения. Третьей ступенью этой школы являлся ВТУЗ, со 140 учащимися-рабочими» (Ленинград. Путеводитель. М.—Л., 1931. С. 110). 15 апреля 1930 г. об открытии ВТУЗа сообщала газета «Полюстровский гигант».

¹² Практика отправки за границу специалистов, особенно молодых выпускников ВТУЗов, широко практиковалась в 1926—1931 гг. За границу — «для усвоения достижений новейшей техники» (а именно так формулировались задачи этих мероприятий в партийно-государственных постановлениях) — герои Платонова отправляются, начиная с повести «Эфирный тракт» (1926—1927); в начале 30-х гг. этот маршрут продолжают Николай Вермо и Надежда Босталоева в «Ювенильном море».

¹³ *Старосельцев, Корсаков* — входили в бригаду по сборке «комсомольской турбины в 3000 квт» (Полюстровский гигант. 1930. 28 мая). Далее имена рабочих, инженеров, бригадиров завода см. в «Указателе имен».

¹⁴ Запись о реальных событиях на заводе. Тема аварий на производстве одна из постоянных в конфликтологии новаторов и консерваторов производственных жанров 1930 г.; составила драматургический сюжет «Турбинщиков» и пьесы «Высокое напряжение».

¹⁵ См. выше прим. 8—9. Запись использована в «Турбинщиках».

¹⁶ 15 и 22 мая заводская газета публикует заявления о приеме в члены ВКП(б) следующих старейших рабочих завода: *А. А. Лухинберга* (стаж 24 г.), *В. С. Сахорусова* (стаж 25 лет), *Тугорева* (стаж 20 лет), *Н. Ковалева* (стаж 21 г.).

¹⁷ Эти записи свидетельствуют о посещении Платоновым Ленинградской писчебумажной фабрики им. тов. Зиновьева. Фабрика подчинялась главку Всембумпрома. *Всембумпром* — «Управление союзбумаги», Всесоюзное объединение бумажной, целлюлозной и древесно-массной промышленности; находилось в Ленинграде (пр. 25 Октября, 44). Адрес журнала «*Наши достижения*» в книжке позволяет предположить, что по материалам данной книж-

ки А. Платонов готовил ряд очерков. С Всембумпромом, возможно связана и история создания очерка «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)».

¹⁸ Запись к неизвестному киносценарию.

¹⁹ Запись отразила несколько явлений эпохи ударничества. Прежде всего, соцсоревнование ударных бригад по выполнению контрольных цифр плана 1930 г. Борьба за выполнение плана и ударничество в 1930 г. становятся главными темами советской литературы.

29 сентября 1930 г. РАПП принимается постановление о призыве ударников производства в литературу и показе героев труда как «генеральной теме пролетарской литературы»: «Лицом к предприятию — к социалистическому предприятию, к ударничеству, к борьбе за промфинплан. Лицом к деревне — к коллективизирующейся деревне, к классовой борьбе <...> лицом к великой переделке человеческого материала для целей строительства и построения социализма» (*Авербах Л.* Предрассудки барства // На литературном посту. 1930. № 7. С. 4). Летом и осенью 1931 г. отмечалась годовщина принятия этого «исторического решения», на сентябрьском пленуме РАПП были подведены итоги: «Действительного героя труда может показать лишь пролетарская литература, ибо такой герой есть в нашей действительности и этот герой куда выше всех “героев” прошлых классов» (*Макарьев И.* Показ героев труда — генеральная тема пролетарской литературы // На литературном посту, № 31—32. С. 33; см. там же: *Либединский Ю.* О показе героев и призыве ударников // 1931, № 28; *Юков К.* Герои пятилетки в кино. № 31; *Троицкий А.* За Магнитострой литературы, № 35—36; *Михайлов А.* О показе ударничества в изо-искусстве, № 31 и т.д.).

Такой герой действительно появился и не только в пролетарской литературе. В романе В. Катаева «Время, вперед!» (1932) была создана одна из грандиозных метафор эпохи ударничества: «И разве бетономешалка системы Егера, на которой ударные бригады пролетарской молодежи ставили мировые рекорды, менее достойна сохраниться в памяти потомков, чем ржавый плуг гильотины, который видел я в одном из сумрачных казематов Консьержери? И разве футболка ударника, платочек и тапочки комсомолки, переходящее знамя ударной бригады, детский плакат с черепахой или с паровозом и рваные брезентовые штаны не дороже для нас в тысячи и тысячи раз опрокинутого стула Демулена, ордера на арест, подписанного голубой рукой Робеспьера, предсмертного письма королевы и полинявшей цветной кокарды, ветхой и легкой, как сухой цветок?» // *Катаев В.* Время, вперед! М., 1932. С. 425.

В незавершенной статье «Великая Глухая» (1931) с позиций человека производителя Платонов подверг жесткой критике художественные результаты разработки темы ударников в пролетарской литературе, обвинив ее в «ложно-профессиональном» подходе (Воспоминания современников. С. 289—292). В очерке «Вольтова дуга», который мы датируем 1930 г., Платонов даст свой портрет ударника: «Тов. Р. и новые двое людей были ударниками. И я заметил в них то особое состояние, которое в более смутном виде наблюдал

и в других ударниках. Это состояние можно назвать задумчивостью, терпением мысли над задачами социализма. Объяснить же задумчивость ударников следует скоростью и усердием их труда,— это накапливает в них быстрый и глубокий опыт производства, а опыт возбуждает творческую мысль. Таким образом, ударничество становится причиной технического творчества, поскольку ударничество дает человеку ускоренное восприятие, ускоренное переживание сопротивляющейся природы. <...> Наблюдая ударников, слушая их слова, чувствуя тревогу их мысли о будущем производства, можно не понять той вольтовой дуги, которая должна дешево, быстро и сухо добывать нам торф для электрификации, но можно ощутить в этих людях то, что важнее торфа и способа его добычи,— «вольтову дугу» их творческого напряжения, которое создает в них партия пролетариата и электричества» (Архив М. А. Платоновой. «Вольтова дуга». Рукопись, лл. 7, 12).

²⁰ *Котов* — реальное лицо; очевидно, входил в инженерно-технический круг общения Платонова начала 1930 г. См. телефоны данной книжки, где фамилия *Котова* связана с рабочим телефоном младшего брата Платонова *Петра Платоновича Климентова*. К началу 30-х годов относится ряд технических чертежей и записок, выполненных Платоновым вместе с братом. Возможно, запись о Котове была использована в неизвестном нам тексте Платонова.

²¹ Денежные расчеты; *ВССП* — Всероссийский союз советских писателей.

²² Запись к «Турбинщикам» (см. выше прим. 2).

^{22а} Телефоны и адреса данной книжки отмечают ленинградско-московскую веку в жизни Платонова: телефоны сослуживцев по Ленинградскому заводу, адрес Ленинградской писчебумажной фабрики им. Зиновьева корреспондируют с записями на данные темы в книжке. Телефон *3-й Кинофабрики* также не случаен. В материалах архива Кинофабрики концом 1929 г. датируется прохождение трех киносценариев А. П. Платонова («Епифанские шлюзы», «Лампочка Ильича», «Песчаная учительница»); сценарий «Песчаной учительницы» был включен в производство на 1929—1930 гг. (РГАЛИ, ф. 2936, оп. 1, ед. хр. 26, лл. 41, 43; ед. хр. 30, л. 103). Остальные адресаты см. в «Указателе имен».

²³ Записи к неизвестному тексту; возможно, это наброски к продолжению сценария «Турбинщиков». Сюжет Череватова из «Турбинщиков» появляется в разных текстах Платонова 1930—1932 гг.: в экспозиции неизвестного прозаического произведения (см. раздел «Записи», л. 9, с. 259—260 наст. изд.); в наброске сюжета пьесы. Последний находится в рабочей тетради, о которой шла речь в комментарии ко 2-ой и 3-ей книжкам (см. с. 317—318 наст. изд.).

«Пьеса

Действ<ующие> лица:

[Шеватый]

1. Череватов лет тридцати
2. Его товарищ — Люднов
3. Девушка
4. Супоев

Время — индустриализация

Место — большой новый советский город типа Сталинграда, Комбайна и т.п.

1-й акт

(Камера советского домзака)

Четыре кровати заняты заключенными. Пятая свободна. Впускают Череватова.

1-й заключенный.— И ты попал в бочку социализма?

2-й заключенный.— Ты кто — троцкист что ль?

3-й заключенный.— [Наверно] Едва ли. У него на лице сомненья нет, он другой какой-то.

[4-й заключ^{енный}>]

1-й заключенный.— Наверно, пролетариат обидел, стервец!

[4-й заключ^{енный}>]

(РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 54, лл. 24, 23)

²⁴ Станция *Якушка* находится в Средневожском крае. См. 4-ую книжку, с. 53, 55, 57 наст. изд. Летом 1931 г. Платонов вновь едет в районы Средней Волги, о чем свидетельствует выданное ему 15 августа Всесоюзным государственным объединением «Скотовод» командировочное удостоверение, в котором указывается, что «тов. Платонов, занимающий должность члена о-ва писателей-краеведов, командировается в Средневожский край по совхозам» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 16, л. 6).

²⁵ Запись, комментирующая одно из ключевых положений идеологии реконструктивного периода, закреплённое как в эстетических положениях пролетарской литературы, отказавшейся от концепции изображения «живого человека» в литературе, так и в комплексе идей «смены культурной эпохи» попутничества, принявшего в сентябре 1931 г. на дискуссии во Всероссийском союзе писателей концепцию «господства общественных интересов над личными», подчинения «лирики уединенного сердца» пафосу общей борьбы (см.: *Полонский В.* Концы и начала // *Новый мир*, 1931, № 1; № 10. С. 129; Воспоминания современников. С. 210—212). Ср. запись Платонова со стихотворением Б. Пастернака «Другу», опубликованным в 4-ом номере журнала «Новый мир» за 1931 г. и ставшим своеобразной исповедью попутничества на рубеже 20—30-х гг.: «И разве я не мерюсь пятилеткой, // Не падаю, не поднимаюсь с ней? // Но как мне быть с моей грудною клеткой // И с тем, что всякой косности косней».

²⁶ Запись представляет первую разметку основных событий повести «Хлеб и чтение» (1931): гражданская война (1 часть), учеба после войны (2 часть), уход из города в избушку (3 часть), любовь к Лидии и женитьба (4 часть), возвращение в город и переоборудование тюрьмы (5 часть), поиск друга (6 часть) и т.д. Неизвестная редакция повести «Хлеб и чтение» обнаружена В. Шенталинским в архивах НКВД/КГБ, см.: *Платонов А.* Технический роман. М., 1991; машинопись повести хранится в архиве М. А. Платоновой. Мы датировем работу над повестью первой половиной 1931 г.

²⁷ Речь идет о втором после «Чевенгура» романе Платонова, замысел которого, по нашему мнению, возникает в конце 1929 г. (См. об этом: *Корниенко Н.* Повествование Платонова в свете текстологии // «Страна философов», 1995. С. 318—320).

²⁸ Данная и примыкающие к ней вычеркнутые записи использованы в неизвестном тексте.

²⁹ Запись к повести «Хлеб и чтение». Ср.: «В полное, сокрушительное покорение всемирного вещества Щеглов как настоящий инженер не верил.... Но где свобода? — Она далеко в будущем — за горами труда, за новыми могилами мертвых».

^{29а} См. выше прим. 20, с. 345 наст. изд.

³⁰ Данная и примыкающие к ней вычеркнутые записи использованы в неизвестном тексте.

³¹ Подобный эпизод изображен в киносценарии «Турбинщики».

³² Тема разоблачения «масок дурачка», «масок юродства» в современной жизни и литературе широко представлена в критике 1930—1931 гг. Записи Платонова об Иване-дураке по-своему представляют реакцию Платонова на статью А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» («Красная новь», 1931, № 5—6), где, пожалуй, впервые на материале «Усомнившегося Макара» и «Впрок» был широко развернут политический тезис разоблачения кулацкого агента в жизни и литературе как замаскировавшегося под дурака, юродивого, простачка: «Они норовят прикинуться безобидными чудачками, юродивыми, которые режут “правду-матку”, мучаясь и тревожась величайшей “заботой за всеобщую действительность”»; «Одним из кулацких агентов указанного типа является писатель Андрей Платонов, уже несколько лет разгуливающий по страницам советских журналов в маске “душевного бедняка”, простоватого, беззлобного, юродивого...»; «...облек ее (хронику.— *Н. К.*) в стилистическую одежку простячества и юродивости...»; «хитроватый “юродивый” — себе на уме, ведущий свою кулацкую линию»; «С этой целью всех строителей колхозов Платонов превращает в дураков и юродивых. Юродивые и дурачки, по указке Платонова, делают все для того, чтобы осрамиться перед крестьянством в угоду кулаку, а Платонов, тоже прикидываясь дурачком и юродивым, издевательски умиляется над их действиями» и т.д. (Воспоминания современников. С. 273—275).

³³ Данная и ряд других «именных» записей, возможно, были использованы в работе над романом, среди героев которого в 7—8 книжках названы Кузява, Жовов, Борисевкин, Череватов. Далее записи, относящиеся к героям романа и к «Турбинщикам», не комментируются.

³⁴ «Объявление о смерти» — одно из первых названий пьесы «Высокое напряжение»; под этим названием пьеса впервые фигурировала в выступлении К. Зелинского на вечере Платонова в ВССП 1 февраля 1932 г. (Воспоминания современников. С. 304).

³⁵ *Л. К. Рамзин* — инженер-теплотехник, участник разработки плана ГО-ЭЛРО, один из основателей Всесоюзного теплотехнического института (1921—1930); в 1930 г. осужден по процессу Промпартии. По фальсифициро-

ванным материалам группа научно-технической интеллигенции обвинялась во вредительстве в промышленности и на транспорте (процесс Промпартии проходил в Москве 25 ноября — 7 декабря 1930 г.).

³⁶ Учеба у *Л. Н. Толстого* — одна из установок пролетарской литературы 1926—27 гг.; на рубеже 20—30-х гг. наиболее последовательно разрабатывалась именно в статьях *А. Фадеева* о творческом методе пролетарской литературы («Столбовая дорога пролетарской литературы», 1928; «Долой Шиллера», 1929; «За художника материалиста-диалектика», 1930). В борьбе «за художника материалиста-диалектика» стратегической, по Фадееву, становится одновременная борьба с романтизмом как «идеалистическим художественным методом» и вульгарно-материалистическим направлением движения «по поверхности вещей». Важность обращения к *Л. Толстому*, мотивировалась тем, что он представляет «более или менее последовательную материалистическую ветвь» русской литературы: «...реалистическое направление в литературе прошлого способно дать толчок в работе пролетарского художника» (цит. по: *Фадеев А.* Собр. соч.: В 5 тт. Т. 5. М., 1960. С. 36). Платоновская запись об «идеализме» Фадеева относится к тезису Фадеева, что «художник пролетариата», «наиболее последовательный материалист-диалектик», знает, как сформулировать свое отношение к «противоречиям» Толстого: «Толстой, например, верил в “боженьку”, но в своем художественном творчестве был “стихийным материалистом” (Там же. С. 64).

³⁷ Оценка культурологических идей-концепций *А. В. Луначарского*. Проблематика связей раннего Платонова с богостроительным комплексом идей «Религии и социализма» *А. В. Луначарского* разработана в исследованиях о творчестве Платонова (см: *Гюнтер Х.* Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» *А. Платонова* // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 255—275; *Дебюзер Л.* Некоторые координаты фаустовской проблематики в повестях «Котлован» и «Джан» // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 324—328 и др.). В 20-е гг. Луначарский занимает высокую должность наркома просвещения и, «отмежевавшись» от базовых для идеологов Пролеткульта идей машины и новой пролетарской культуры, разрабатывает идеологию «культурной революции» и социалистического гуманизма. Осенью 1929 г., когда происходит ужесточение политики партии в области литературы («дело» Пильняка и Замятина), Луначарский публично выступает с осуждением рапповского лозунга «с нами ты или против нас»; в сентябре 1929 г. освобожден от обязанностей наркома просвещения (см.: *Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина» // Новое о Замятине. Сборник материалов под редакцией Леонида Геллера. М., 1997. С. 131). В литературных дискуссиях 1931 г. Луначарский выступил в поддержку РАППа, в частности, комплекса идей, высказанных в статье Фадеева «За ТРАМ и против “трамчества”» (1929) по поводу идеологии «индустриального спектакля»: «Мы индустриализируем страну, мы строим социализм не для машины, мы строим его в интересах человека, мы делаем культурную революцию для перевоспитания, перделки человеческого материала» (цит по: *Фадеев А.* Указ. соч. Т. 5. С. 70). Отвечая в июне 1931 г. на анкету «Какой нам нужен писатель» (анкету проводил жур-

нал РАППа «На литературном посту»), Луначарский выступит с поддержкой позиции РАППа: «За дискуссиями следил. С РАПП солидарен». По странному стечению обстоятельств лишь две заполненные анкеты — Луначарского и Платонова — не будут опубликованы на страницах журнала «На литературном посту» (см.: *Корниенко Н. В.* Историко-литературный комментарий к анкете 1931 г. «Какой нам нужен писатель» // *Дружба народов.* 1989. № 11. С. 251—252). К эволюции взглядов Луначарского Платонов не раз будет возвращаться в 30-е гг. (повесть «Хлеб и чтение», роман «Счастливая Москва», статья «Пушкин — наш товарищ»). См. телефон А. В. Луначарского в 8-ой книжке.

³⁸ Данная и примыкающие к ней вычеркнутые записи использованы в неизвестном произведении.

³⁹ В Мелекесе Платонов был в июне 1930 г. (см. 4-ую книжку), а также летом 1931 г. (см. выше прим. 24, с. 346 наст. изд.).

⁴⁰ Станция *Лиски* находится в Воронежской области.

⁴¹ См. выше прим. 32.

⁴² Наброски к неизвестному стихотворению, корреспондируют с «жалобной» песней, которую исполняет Мюд в пьесе «Шарманка». В рукописи пьесы сохранился черновик текста песни со следующими вычеркнутыми строками: «В земле неизвестной и дальней // Ветер поет над землей» (Архив М. А. Платоновой. «Шарманка», рукопись, л. 28). В нашей датировке данной книжки началом 1931 г. кроме уже обозначенных реалий учтены ленинградские записи, две поездки Платонова в Поволжье, а также тот факт, что среди оборотов рукописи «Шарманка» находятся машинописные листы второй редакции повести «Впрок», которая создавалась в конце 1930 г. Рукопись и машинопись «Шарманки» не датированы Платоновым; проставленная дата «1929 г.» на одной из машинописей пьесы не принадлежит Платонову. Таким образом, в контекст работы Платонова над «Котлованом» входят кроме «Впрок» пьеса «Шарманка» и повесть «Хлеб и чтение».

⁴³ Расчеты к компрессору — машине для сжатия и подачи газов или воздуха под давлением.

^{44—44а} Первые записи-воспоминания к одному из кульминационных событий повести «Хлеб и чтение». Восьмой Всероссийский съезд Советов (22—29 декабря 1920 г.) принял по докладу председателя комиссии ГОЭЛРО Г. М. Кржижановского 10-летний план электрификации России. 29 декабря 1920 г. газета «Воронежская коммуна» сообщила, что 27 декабря в клубе коммунистических журналистов (Комсожуре) с докладом об электрификации выступил Платонов: «Доклад вызвал к себе такой большой и жадный интерес, что прения по нему велись даже после того, как вечеринка из клуба газетно-журнальных работников «Красное перо» была перенесена в зал для заседаний съезда — в 1-й Дом Советов». Осенью 1920 г. Платонов не раз выступал на страницах газеты «Красная деревня» со статьями по вопросам электрификации с.х. («Что такое электрификация», 13 октября; «Электрификация нашего края», 5 декабря) и принимал участие в дискуссиях на эту тему; в начале 1921 г. в Воронеже публикуется его брошюра «Электрифика-

ция» (см.: *Иноземцева Э.* Платонов в Воронеже // Подъем. 1971. № 2. С. 91—103). Обращение к этим материалам в начале 1931 г. (10-летие принятия плана ГОЭЛРО широко отмечалось в СССР) может быть обозначено как начало работы над первой частью «Технического романа» (повесть «Хлеб и чтение»). Один из эпизодов повести точно восстанавливает биографические реалии жизни Платонова декабря 1920 г.: «бывший паровозный машинист», студент «электросилового факультета гор. Ольшанска», постоянный автор газеты «Красная губерния» (в газете «Красная деревня» Платонов в основном публиковался именно в 1920 г.), беспартийный Семен Душин, автор книги об электричестве, которая уже печатается, делает доклад об электроустройстве губернии в клубе города. Оппонентом Душина выступает «пожилой электрофизик Преображенский». Дискуссию прерывает сообщение из Москвы об открытии Всероссийского съезда Советов, выступлении на съезде Ленина и «инженера товарища Кржижановского».

⁴⁵ Журнал «Железный путь», орган Культпросветотдела Юго-восточной железной дороги, выходил в Воронеже. Платонов дебютировал на страницах журнала как прозаик («заводской» рассказ «Очередной», 1918, № 2), идеолог пролетарской культуры (статья «К начинающим пролетарским поэтам и прозаикам», 1919, № 9) и поэт (стихотворения «Поезд», «Вечер после труда», «Ночь», «У реки», «Гудок» и т.д.). В первой половине 1919 г. Платонов работал помощником секретаря редакции «Железного пути» (см.: *Ласунский О.* Житель родного города. С. 74).

⁴⁶ Записи относятся к неизвестной поездке Платонова 1931 г.

⁴⁷ Тема «вневойскового», очевидно, была воплощена в самостоятельном одноименном рассказе (возможно, это рассказ «Русский воин», текст которого пока не обнаружен, см.: Воспоминания современников. С. 318). Сюжет вневойскового войдет в 1933 г. в роман «Счастливая Москва».

^{48-48а} Летом 1931 г. Платонов был в нескольких командировках. Сохранились командировочные удостоверения, выданные Всесоюзным государственным объединением «Скотовод» для поездки в совхозы Средневолжского края (см. выше прим. 24, с. 346 наст. изд.) и районы Северокавказского края (Архив М. А. Платоновой).

⁴⁹ Запись использована в повести «Ювенильное море», в воспоминаниях Умрищева о «невыясненном» периоде его жизни. В этом эпизоде жизни Умрищева запечатлелась грандиозная чистка госаппарата в 1929—1930 гг., проводившаяся в соответствии с июньским постановлением ВЦИК и Совнаркома СССР.

⁵⁰ Текст пьесы «Дирижабль» в доступных архивах пока не обнаружен. В 1930—31 гг. тема дирижаблей широко обсуждалась на страницах печати в связи с сообщениями о новых западных и американских конструкциях дирижаблей. *Осоавиахим* — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству; массовая добровольная организация, создана в 1927 г. В декабре 1930 г. состоялся 2-й Всесоюзный съезд Осоавиахима. Съезд постановил широко развернуть — в условиях обострения классовой борьбы внутри страны и усиления империалистической агрессии против

СССР — массовую работу по военному обучению трудящихся, делу химизации страны и развитию авиапромышленности; ход съезда, его задачи и постановления широко освещались на страницах газет в 1930—31 гг. «Осоавиахимовский» сюжет начала 30-х гг. отзовется в «Шарманке», «Ювенильном море», «14 Красных Избушках», «Счастливой Москве», «Третьем сыне», «Среди животных и растений».

⁵¹ Начиная с фельетона «Душа человека — неприличное животное» (1921), тема бюрократизации народных идей революции занимает ключевое место в размышлениях Платонова. Наиболее лаконично ее смысл сформулирован в «Городе Градове»: «Мастеровой воевал, а чиновник победил» (Архив М. А. Платоновой. «Город Градов», машинопись с правкой автора, л. 30. Фраза была вычеркнута редактором повести Г. З. Литвиным-Молотовым, см. об этом: *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова. С. 71—74). В рукописи повести-хроники «Впрок» также сохранилась запись к этой теме: «Они в прежние годы двинули своих сынков в партию, а теперь эти сынки захотели больших должностей добиться, захотели кушать погуше — и начали угождать...» (Архив М. А. Платоновой. «Впрок», рукопись, л. 87).

⁵² Запись, очевидно, была использована в рассказе о вневойсковике (см. выше прим. 47). В трансформированном виде запись использована в романе «Счастливая Москва» в экспозиции четвертой главы: «Однажды в коридоре военкомата стоял худой и бледный вневойсковик с книжкой военного учета в руках».

⁵³ См. выше прим. 52. Запись затем будет использована в описании впечатлений Москвы Честновой от встречи с домом, где живет вневойсковик Комягин; при претворении записи в текст усиливается мотив оппозиции сознания/жизни, культуры/жизни, общего/частного, рационального/интуитивного, бытия/быта, вечного/временного, центра/периферии: «Москве Честновой было удивительно узнать это; она не могла понять, почему люди жались к жакту, к конторе, к справкам, к местным нуждам небольшого счастья, к самоистощению в пустыках, когда в городе были мировые театры, а в жизни еще не были разрешены вечные загадки мучения и даже у наружной двери играл прекрасную музыку скрипач, не внимаемый никем». *Жакт* — Жилищно-арендное кооперативное товарищество.

⁵⁴ В архиве писателя хранится черновой автограф и машинопись проекта «Полуметро (В порядке предложения о радикальном улучшении трамвайного сообщения в Москве и других городах с перегруженным движением)». На последней странице машинописи Платонов указывает авторов проекта («инж. П. Климентов и А. Платонов») и домашний адрес — «Москва, проезд Художественного театра, д. 2, кв. 14» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 6, л. 13). Судя по адресу, проект относится к 1931 г. Эта же подпись — «инж. П. Климентов и А. Платонов» и под статьей «Овладеем техникой вольтовой дуги» (Там же, л. 3).

^{55-55а} Записи относятся к неизвестной поездке Платонова по Московской области. Возможно, они связаны с командировкой от Всесоюзного объеди-

нения «Скотовод». *Е. М. Темкин* — зам. председателя Всесоюзного объединения «Скотовод», редактор журнала «Скотоводство». Одним из последствий сплошной коллективизации стал массовый убой скота, распродажа рабочих лошадей, гибель ценного скота при перегонах из одной области в другую. Об этом уже в январе 1930 г. сообщила «Сельскохозяйственная газета» (1930. 8 января, 24 января). «Прогонные тракты,— сообщила 25 февраля газета «Социалистическое земледелие»,— это скорбные пути гуртов». В первые месяцы 1930 г. рядом с зерновой проблемой вырисовывается животноводческая, которая определяется как главная для третьего года пятилетки, «года решающей победы социалистического животноводства» (Там же. 1930. 25 февраля). Реальные источники этой записи отзвучат в самых фантастических и подчеркнута производственных сюжетах повести «Ювенильное море», например, в эпизоде первого производственного совещания, которое проводит Надежда Босталоева: «Повестка дня состояла из вопросов переустройства всего мясного хозяйства, ради того чтобы произвести говядины в совхозе не тысячу тонн, как задано планом, а две тысячи; далее следовало задуматься над пастбищами для прокорма новых двух тысячи коров и сорока быков, о которых в дирекции получено письмо, что они гонятся пешим шагом из соседнего района — отсюда полтораста верст».

⁵⁶ *ОДР ЦС* — Общество друзей радио, Центральный совет.

⁵⁷ *РОКК*, *ОСО*, *ОДР* — массовые общественные движения в СССР: *РОКК* — Российское общество красного креста; *ОСО* — Общество содействия обороне; *ОДР* — Общество друзей радио. Возможно, в связи с этими записями необходимо изучить материалы газеты «Радио в деревне» и журнала «Радио-фронт», органов Всесоюзного общества друзей радио. А. Платонов мог сотрудничать с данными изданиями; зачеркнутые записи свидетельствуют, что они использовались в каком-то тексте.

^{57a} Фрагменты очерка «Человек великого времени» хранятся в архиве М. А. Платоновой.

⁵⁸ Данная и последующие записи сделаны Платоновым во время летних поездок по районам Нижней Волги и Северного Кавказа (см. выше прим. 24, 48). В 1930—31 гг. был принят ряд постановлений о развитии животноводства, ветеринарного дела и мясной промышленности: «О мерах к развитию животноводства» (постановление СНК СССР, 1930), «О подготовке кадров для животноводческих организаций» (постановление ЦК ВКП(б)), «О совхозном строительстве» (постановление VI съезда Советов СССР, 1931). «Вслед за разрешением зерновой проблемы, перед партией и страной встает проблема животноводства» — отмечалось в редакционной статье «На очереди — проблема животноводства» газеты «Социалистическое земледелие» (Социалистическое земледелие. 1930. 26 июня). Можно выделить несколько направлений записей Платонова, по которым «отрабатываются» самые разные актуальные вопросы правительственных и партийных постановлений по животноводству. Прежде всего это записи к контрольным цифрам плана по развитию животноводческих колхозов, заложенным постановлением 1931 г.: «...по «Скотоводу» в 1931 г. довести до 2,8 млн. голов рогатого скота; в

1932 г.— до 5 млн. голов, в 1933 — до 7 млн. голов. По «Свиноводу» в 1931 г. до 1,9 млн. свиней, в 1932 г.— до 4 млн. свиней и в 1933 г.— до 6,3 млн. свиней» (Цит. по: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. С. 282). Во-вторых, вопросы развития соцсоревнования и самокритики в животноводческом деле и «лозунг» — «Пятилетку — в четыре года». В-третьих, вопросы подготовки в 1930 г. животноводческих кадров — инженеров-зоотехников и специалистов по электрификации сельского хозяйства, что позволит осуществить «программу 1931 года» — «вступить в решение мясной проблемы» (Социалистическое, земледелие. 1930. 26 июня). В постановлении СНК Союза СССР от 13 февраля 1930 г. «О мерах по развитию животноводства» конкретным задачам социалистического животноводства был отведен раздел «Племенное животноводство и ветеринарное дело». Утрата и гибель в 1930 г. конской тягловой силы была колоссальной, в 1934 г. принимается специальное постановление СНК по коневодству. В-четвертых, проблема стройматериалов для сельского хозяйства. Записи по Союзсельстрою относятся к одному из больных вопросов соцстроительства конца 20-х — начала 30-х гг.: «кризис стройматериалов» был выделен отдельной графой в резолюции ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. «О контрольных цифрах народного хозяйства»; план удешевления в 1929 г. строительных работ на 15% не был выполнен и т.д. Тема стройматериалов, взаимоотношений районов сплошной коллективизации и контор «Совхоз-строя» остается одной из постоянных тем сельскохозяйственной периодики 1930—31 гг. Записи, относящиеся ко всему спектру вопросов социалистической реконструкции животноводства, были использованы Платоновым в записке о состоянии совхозов на Волге и Северном Кавказе, черновик которой сохранился в архиве писателя: «Емелевский совхоз (Средняя Волга). 1) Хозрасчета нет. Рабочим ничего не разъясняют о значении хозрасчета. Соцсоревнование и ударничество отсутствуют. Сдельщиков нет, исключая транспорт в момент уборочных кампаний (Харитонов). Холмогорский племсовхоз № 10 на 20/VIII, план строительства выполнен на 15%; невыполнение плана против намеченного свыше 30%. Соцсоревнование и ударничество на строительстве не существует. Работают по старинке артелью <...> По удою совхоз отстает от колхоза <...> Причины: слабый удои, непродойка, частичная обезличка, плохая организация труда, недостатки кадров (не хватает доярок) <...> После опубликования обращения ЦК и СНК о развитии социалистического животноводства <...> Северный Кавказский край. Совхоз Свиновод № 22. Социалистического строительства и ударничества тут нет. <...> Строительство выполнено на 25% плана. Нет гвоздей. Нет железа и леса. Рабочком плох. Имеются случаи, что рабочие, не получая зарплаты, уходят с работы. <...> доярки из гуртов убежали, их догоняли верхами и заставляли работать — имеются случаи самоубийства на этой почве. <...> По займу пятилетки рабочие подписались на 300% <...> Утрата поголовья 85—90%. Падеж прекратился до 1%» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 1—4; эта единица хранения была ошибочно внесена в опись под названием «Сведения

о состоянии совхозов на Волге и Северном Кавказе, составленные неустановленным лицом»). «Животноводческий» контекст записей этой книжки 1931 г. отзовется в повести «Ювенильное море»: во-первых, в фантазмагорических «мясных» проектах зоотехника Високовского и электрика Вермо; во-вторых, в животноводческих утопиях Високовского, запечатлевших животноводческо-ветеринарный бум периодики 1930—31 гг. (вот лишь некоторые названия статей газеты «Социалистическое земледелие»: «О свинье и свиноводстве», «Дорога кролику», «О коне» и т.д.); в-третьих, в плане технической реконструкции «Родительских Двориков», ориентированном на «Гиганты» — крупные животноводческие мясосовхозы-объединения. Записи строительной тематики (нехватка стройматериалов) реализованы в сюжете поездки Надежды Босталоевой в город. В 1932 г. Платонов предлагал опубликовать этот сюжет в качестве самостоятельного рассказа под актуальным для того времени названием «Стройматериалы и оборудование» (текст хранится в РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 44). Повесть «Ювенильное море», воссоздающая еще один срез народной жизни реконструктивного периода, была завершена уже к началу 1932 г. и сдана в издательство «Советский писатель». Хроникально-реальный пласт содержания повести был точно прочитан: «Отдельные недостатки и язвы нашего аппарата, отдельные отрицательные явления жизни столь выпячены, что в общем создают картину сплошной бракованности всей системы. Этот гиперболизм обращений и нанизываний отрицательного создает в итоге объективно пасквилянтский характер повести. Она выглядит злобной и неверной сатирой на действительность. Ясно, что об издании данной вещи не может быть речи», — писал критик О. Резник во внутренней рецензии на повесть (РГАЛИ, ф. 611, оп. 2, ед. хр. 246, л. 228).

⁵⁹ Записи и сам образ записной книжки с производственными записями использован в 1931 г. в повести «Хлеб и чтение»: Семен Душин вносит в записную книжку «записи имущества в натуре». Переделывая позже одну из глав повести в рассказ «Родина электричества», Платонов сохранит записную книжку у героя, однако, записи и их контекст будут уже иными: «Пришли из города старушке пшена». Старуха, только увидя, что я что-то записываю, сразу поверила мне и утешилась». В ироническом контексте представлен образ записной книжки в сюжете Умрищева-Божева в повести «Ювенильное море»: «Меж тем Умришев совершал свои замечания по гурту. Выйдя в пекарню, он опробовал хлеба и сказал ближним подчиненным: «Печь более вкусный хлеб». Все согласились. Выйдя наружу, он вдруг задумался и указал Високовскому и Божеву: «Серьезно продумать все формы и недостатки». Божев сейчас же записал эти слова в свою книжку. Увидя какого-то человека, тихо шедшего стороной, Умришев произнес: «Усилить трудовую дисциплину». Здесь что-то помешало Умрищеву идти дальше; он стал на месте и показал в землю: «Сорвать былинку на пешеходной тропинке, а то бьет по ногам и мешает сосредоточиться». <...> Божев спешно записал...». Социально-прагматическая функция божевской записной книжки затем будет передана функционеру Нур-Мухаммеду в повести «Джан»: «Умер толь-

ко мальчик у одной матери, и Мухаммед с удовлетворением сделал вычитание погибшей души в своей записной книжке».

^{59a} РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия.

⁶⁰ Телефоны в данной книжке — московские. Дружеские и издательские дела связывают Платонова с *Г. З. Литвиным-Молотовым*, редактором и другом Платонова (см.: *Шубин Л.* Поиски смысла общего и отдельного существования. М., 1987. С. 109—118, 157; *Шубина Е. Д.* Созерцатель и делатель // Воспоминания современников. С. 137; 215—218). *Д. В. Вержбловский* — журналист, знаком с Платоновым с Воронежа 20-х гг. *Рубановский* — редактор издательства «Молодая гвардия», вел подготовку в 1927 г. книги «Епифанские шлюзы» (см.: *Живя главной жизнью.* С. 166); в 30-е гг. — цензор Главлита. Издательские адреса: *В. И. Соловьев* — председатель правления Государственного издательства «Художественная литература» (ГИХЛ); *С. И. Канатчиков* — председатель редсовета издательства «Федерация» (в 1930 г. это издательство подготовило набор романа «Чевенгур»). Телефон «Нового мира» появляется, вероятно, в связи со встречей А. Платонова с редактором журнала В. Полонским (см.: *Шубина Е. Д.* Четыре внутренних рецензии на рукопись «Впрок» // Воспоминания современников. С. 281—282). Три телефона явно имеют отношение к драматургии А. Платонова начала 30-х гг.: *Д. Л. Тальников* — театровед, критик, зав. литературной частью Московского драматического театра (б. Корш); *Г. Г. Александров* — директор МХАТ-2; *А. М. Кожебаткин* — известный московский библиофил. К этому времени Платонов «испробовал себя в комедии» (совет М. Горького) и написал, по крайней мере, две пьесы — «Шарманку» и «Объявление о смерти». Возможно, писатель обращался к ним, пытаясь решить судьбу пьес. В книжке представлен и московский писательский круг общения Платонова: *П. А. Павленко* — прозаик, в это время руководитель ВССП; *С. Ф. Буданцев* — прозаик, *К. А. Большаков* — поэт и прозаик (жил на Тверском бульваре, 25); *Н. Н. Тришин* — прозаик, редакционный работник. Телефоны нелитературные связаны с производственными записями и событиями 1931 г. Остальные адресаты не прочитаны нами, даются в «Указателе имен».

⁶¹ Запись-воспоминание о детстве и ранней юности. С начала 30-х гг. воспоминания о детстве начнут оформляться в самостоятельные прозаические сюжеты, в которых Первая мировая война будет дана глазами ребенка: неоконченная повесть «Дар жизни», рассказы «На заре туманной юности», «Семен», «Алтеркэ».

⁶² Герои неизвестного романа о Стратилате, над которым Платонов работал с 1930 г.; как свидетельствуют записи этой книжки, роман был уничтожен писателем; самыми разными сюжетами он вошел в последующие произведения (см. выше прим. 27, 33, с. 347 наст. изд.).

⁶³ Запись к повести «Хлеб и чтение» (см. выше прим. 26, 29, с. 346—347 наст. изд.).

⁶⁴ Запись к рассказам «из старинного времени» (см. выше прим. 61).

⁶⁵ ТРАМ — театр рабочей молодежи.

⁶⁶ Запись имеет явный производственный характер; речь идет о московском заводе. Возможно, о Московском электрозаводе, с которым Платонов мог быть связан изобретательской работой. 1931 г. датируются его разработки по использованию техники вольтовой дуги (на эту тему он пишет статью «Овладеем техникой вольтовой дуги»; РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 6). Весной 1931 г. о Московском электрозаводе достаточно много писала центральная пресса, т.к. завод выполнил пятилетку в два с половиной года. 3 апреля на страницах газеты «Правда» было опубликовано приветствие И. В. Сталина рабочим и административно-техническому персоналу Электрозавода.

^{66a} Эта запись отмечает время знакомства Платонова с известным московским критиком И. С. Сацем.

⁶⁷ наброски к образу героя романа Полпашкина; позже будут использованы в сценарии «Аяз» (1935): Полпашкин, «сильный, свежий и веселый», любящий только себя («Нужно любить себя»), живущий «идеями мира — поест», надеется пережить советскую власть, работая в «Союзтильсырье» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 93, лл. 4—5). Часть записей о Полпашкине из книжки будет перенесена в наброски системы действующих лиц сценария.

⁶⁸ Август 1931 г.— поездка Платонова в Поволжье (см. выше прим. 24, с. 346 наст. изд.).

⁶⁹ Вопросы социальной мимикрии, «буржуазного спеца», замаскировавшегося врага, в 30-е гг. перейдут в советскую литературу из сферы политики, став одной из ее новых тем, преимущественно решенных сатирически («Величие и падение Андрея Полозова» Я. Рыкачева, «Соть» Л. Леонова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Волга впадает в Каспийское море» Б. Пильняка, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского). Комментарий Платонова к теме социальной мимикрии мы находим в набросках к неизвестной пьесе: «Герой пьесы, не имея в себе социалистического существа, имеет целью своего жизненного действия — перехитрить эпоху, путем угождения ей, приспособления. Герой пьесы — человек, потерявший свою сущность в дебрях собственных масок (формах приспособления к действительности). Он окончательно делается «неодушевленным» предметом, меж тем как благообретенные им ложные формы своего существа (маски) сценически объективируются в ролях и действуют самостоятельно. Герой пьесы, окруженный механическими подобиями, ищет среди них свою потерянную человеческую сущность. <...> Мы имеем здесь в сюжете <нрзб.> психическое окончательное «раскулачивание» буржуазного человека, хотевшего перехитрить социализм — последнюю завершающую форму классовой борьбы. Наша современность милосердна и целесообразна — первый персонаж комедии приобретает свое погибшее живое воодушевление от второго персонажа и избавляется от мира своих мертвых масок. Комедия, очень часто трансформируясь в трагедию, имеет господствующую линию лирическую» (Архив М. А. Платоновой).

^{69a} Р. И. Шурабура — инженер треста «Росметровес»; по отзывам коллег «злостный нарушитель трудовой дисциплины, вовсе непригодный специалист».

⁷⁰ «Экскаваторная» тема связана с работой Платонова-губмелиоратора в ЦЧО в 1924—1926 гг. См. также прим. 81 ко 2-ой книжке, с. 331 наст. изд.

⁷¹ «Химическая» тема входила в общую государственную программу реконструкции промышленности и сельского хозяйства СССР. Высокий статус этой темы как темы «второй природы» был обозначен в выступлении председателя Совнаркома А. И. Рыкова на 2-ом съезде Осовиахаима (1930): задача привлечения внимания к вопросам химизации страны сопоставлялась с «периодом приступа к осуществлению плана электрификации» (Социалистическое земледелие. 1930. 12 февраля). У Платонова был свой небольшой химический опыт: в мае 1930 г. он был зачислен на курсы химической промышленности при Наркомате тяжелой промышленности (справка 1930 г. Гостехконторы по рационализации химической промышленности СССР о зачислении Платонова на курсы химической промышленности хранится в архиве, см.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 8). «Химический» взгляд на человека запечатлется в повести «Ювенильное море» в размышлениях рационалиста Вермо («Вермо глядел ей <Босталоевой.— Н. К.> вслед и думал, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из тела Босталоевой. “Зачем строят крематории? — с грустью удивился инженер.— Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования”»), а также будет реализован при разработке образа Хоза, «химического человека», в пьесе «14 Красных Избушек».

⁷² Запись отсылает к одному из ключевых положений «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова о «регуляции природы» и христианизации науки, а также к работам В. И. Вернадского, А. К. Горского, Н. А. Сетницкого, мыслителей ноосферного, активно-эволюционного направления русской философской мысли XX в. (см.: Семенова С. Г. Тайны царствия небесного. М., 1994. С. 292—296). Уже ранний Платонов в статье «Культура пролетариата» (1920) назвал «мертвой точкой» попытку идеализации научного опытного знания, подмену духовного знания («истины») современными данными естествознания: «Недавно я прочитал старую книжку одного ученого физика, где он почти с уверенностью говорит, что сущность природы — электрическая природа. Я совсем неученый человек, но тоже думал, как умел, над природой, и такие абсолютные выводы ненавидел всегда. Я знаю, как они легко даются, и еще знаю, как природа невообразимо сложна, и верхом на истину человеку еще рано садиться, он этого не заработал, а скупа природа на оплату труда, нет хозяина». Тема соединения научного и духовного знания, «физики» и «религии» занимает большое место в статьях и очерках Платонова 20-х гг. («О любви», «Питомник нового человека», «Товарищ пролетариата»). В контексте доминирующих в 30-е гг. идей преобразования «первой» несовершенной природы, материалистического «смертобожества» (А. Горский) данная запись отзовется в «Ювенильном море» в мировоззренческих прожектах Умрищева, любителя чтения новых и старых книг: «Он там мужикам какую-то слабость организовал и говорит, чтоб никто не горевал, потому что все на свете есть электрон, который никуда не денется, хотя

вся диктатура или против него». У записи есть и массовый контекст 1931 г., связанный с широкой пропагандой на страницах печати идеи советских академиков-физиков о связи разработок фундаментальной науки с «сознательным управлением» природой. В качестве примера приведем фрагмент из статьи академика А. Иоффе «Проникнуть в тайну материи, помочь производству, открыть пути техники будущего — таковы задачи советской физики»: «Мы еще не знаем самой существенной части атома — его ядра. Все, что получали и чем научились до некоторой степени пользоваться, это — окружающими его электронами. Их расположение и число, и вместе с тем и все химико-физические свойства атома и вещества определяются ядром. Только радиоактивность и некоторые тонкости в свечении тел дают отдаленные намеки о том, что происходит в ядре. А там сосредоточена почти вся энергия, почти вся масса атома. Эта внутриатомная энергия пока служила только благодарным материалом для фантастических романов. Сейчас мы подходим вплотную к ее изучению, а это — уже первый шаг к ее использованию. Гамов создал первые очертания теории ядра, а настойчивые поиски экспериментаторов дают уже и новое действительное орудие для проникновения в ядро. Это — потоки положительных частиц, электронов и рентгеновских лучей, создаваемых напряжениями во много миллионов вольт. Эти потоки и лучи сами по себе достойны изучения — они вскрывают связь между материей и светом. Здесь материя движется со скоростью света, а свет обладает массой почти достигающей массы атома водорода и в сто раз превышающей массу электрона» (Техника. 1931. 11 ноября).

^{72а} *Осодмил* — Общество содействия милиции.

⁷³ Запись к историческому роману «Македонский офицер», работа над которым начинается в 1932 г. после поездки Платонова в Среднюю Азию (именно здесь развивается действие романа. См. ниже прим. 76). Роман «Македонский офицер» остался незавершенным (см.: Творчество Андрея Платонова. С. 245—264).

⁷⁴ Рассказ «Китайская слава» в доступных архивах не обнаружен.

⁷⁵ См. выше прим. 47, с. 350 наст. изд. *Таранка* — простореч. от *тарань*, рыба, которую вялят с просолом.

⁷⁶ Поездку Платонова во Фрунзе подтверждает удостоверение с печатью «Гипровода»: с 12 сентября по 27 октября 1932 г. «инженер Платонов А. <...> командирован в г. Фрунзе в бассейн р. Чу и г. Илийск в бассейн реки Или» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 2, л. 4).

⁷⁷ *В. Б. Келлер* — автор первой воронежской статьи о творчестве А. Платонова (1922); друг с Платоновым с Воронежа 20-х гг. Запись о «моем коммунизме» и «мире Келлера» частично комментирует посвящение 1923 г. на книге стихов «Голубая глубина»: «Владимир Борисович. Я думаю всегда об одном и том же. Вы тоже об одном думаете и одним живете. Нас сблизило и сроднило лучше и выше любви общее нам чувство: ощущение жизни как опасности, тревоги, катастрофы и страсти разметать ее такую. Человек призван закончить мир, найти место всему и дойти и довести с собою все, что видимо и что скрыто, не до блаженства, а до чего-то, что я предвижу и не

могу высказать. Я клянусь вам, что я буду делать это дело, как бы велико, темно и безнадежно оно ни было. Я никому этого не говорил и не скажу. Вам говорю, потому что вы были мне другом ближе, чем для вас друзья во плоти. 1/Х. 1923. Андрей» (Об отношении А. Платонова и В. Келлера см.: *Шубина Е.* «Я помню их, ты запомни меня...» // Воспоминания современников. С. 9—10).

⁷⁸ *Тарасов* — сотрудник треста «Росметровес», руководитель Отдела технического контроля (ОТК). Платонов зачислен на работу в Росметровес с 29 мая 1932 г.

^{78a} *С. Кацаф* — деятель весоизмерительной промышленности.

⁷⁹ *Задонск* — родина родителей Платонова — Платона Фирсовича Климентова (1870—1952) и Марии Васильевны Климентовой (1875—1929); через Ямскую слободу, где родился Платонов, проходил знаменитый Задонский тракт. Задонск как один из символов его детства, старорусской культуры и русской литературы XIX в. появляется в творчестве Платонова в 20-е гг.: «древнерусский монастырский центр» («Записи потомка»); «В раннем же детстве я жил в Задонске и слышал от деда, через мать, что некогда в Задонск приезжал Достоевский — посмотреть на знаменитый монастырь, где жил Тихон Задонский, сокровище души Достоевского, как он сам об этом писал. Дед был золотых дел мастером, работал на монастырскую ризницу, издавна был связан с монастырем и, наверно, слух о посещении Задонска Достоевским имеет некоторые основания» («Че-Че-О»).

⁸⁰ Один из первых набросков к пьесе «14 Красных Избушек». Первоначально пьеса писалась как комедия (см. черновики пьесы: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 90, л. 79). *И. Н. Сердцев* — заместитель управляющего Росметровеса, инженер. *Тарасов* — см. выше прим. 78.

⁸¹ Образ будет использован в экспозиции романа «Счастливая Москва» («Темный человек с горящим факелом бежал по улице в скучную ночь поздней осени») и станет лейтмотивом-загадкой для всех героев романа.

⁸² Запись соотносится с черновиками пьесы «14 Красных Избушек»: «Разум определяет, умервщляет, не понимая ничего (Келлер и Федоров). Дело же в сердце, в чувстве — без определения, без интеллектуальной специфики»; «Разум противоположен истине: он не усидит на ней, он съерзнет» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 90, лл. 198—200). В книжку запись, очевидно, была перенесена из черновиков.

^{82a} Вероятно, описание реальной ситуации.

⁸³ *А. Г. Божко-Божинский* — член Воронежского губернского комитета партии, член редколлегии газеты «Воронежская коммуна» (1921), зампредела Губэкономсовещания Воронежского Губисполкома. В 1921—22 гг. Платонов, председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой, не раз обращался к А. Г. Божко: подпись зампредакосо Воронежского Губисполкома Божко стоит на выданном Платонову удостоверении (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1), в семейном архиве хранится докладная записка Платонова, адресованная «тов. Божко» (архив М. А. Платоновой). В 1923 г. А. Г. Божко-Божинский возглавлял парторганизацию электрической стан-

ции г. Воронеж (Воронежская коммуна. 1923. 1 апреля). 15 марта 1923 г. на страницах «Воронежской коммуны» в рубрике «Автобиографии старых партийцев» был напечатан автобиографический очерк о тов. Божко-Божинском — «Страничка моей жизни» (разыскание Е. В. Антоновой). Назовем (по данному документу) вехи биографии А. Г. Божинского: сын народовольца, член РСДРП(б) с 1904 г.; активный участник декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Петербурге (участвовал во взрыве штаба «Союза русского народа»); профессиональный агитатор (входил в «коллегию митинговых ораторов»); в эмиграции жил в Цюрихе, встречался с В. И. Лениным; участник Лондонского съезда РСДРП(б); в годы Первой мировой войны агитировал в войсках «против войны» и «патриотически-погромной литературы» и т.д. Жена Божко-Божинского также была профессиональной революционеркой-агитатором, прошла ссылку, в начале 20-х гг. курировала работу женотделов на предприятиях Воронежа. Очевидно, в середине 20-х гг. А. Г. Божко-Божинский, как старый «партиец», переезжает в Москву и занимает руководящие должности; с мая 1932 г.— управляющий Росметровеса. Божко-Божинский послужил прототипом двух персонажей романа «Счастливая Москва»: мечтателя о коммунистическом братстве пролетариев всего мира Виктора Васильевича Божко и управляющего трестом «Мерило труда»: «Вдруг Сарториус услышал мучительный и грозный голос невидимого человека, произносящего какую-то конкретную речь. Сарториус огляделся по зале и заметил в одном конце ее проем, заделанный фанерной перегородкой и в той перегородке была дверь с надписью: «Управляющий». Невдалеке от кабинета управляющего сидел Божко и радостно поглядывал на прибывшего инженера. Затем Божко осторожно подошел к Сарториусу и сказал ему: — Пойдем к нашему орущему? — А кто такой орущий? — спросил Сарториус.— Это наш управляющий. Он человек добрый, но у него есть лишний темперамент...» (Страницы об управляющем были вычеркнуты в рукописи; см.: «Страна философов», 1999. С. 51).

⁸⁴ Запись использована в романе «Счастливая Москва», в первом варианте сочинения Москвы Честновой: «Рассказ девочки без отца и матери о корове.— Коров бывает мало, их ведь едят. У коровы по четырем углам стоят ноги. Из коров делают котлеты, всем дают по одной, а картофель растет отдельно. Корова сама дает молоко, другие животные стараются, не могут. Жалко, что не могут, лучше бы могли. Девчонки наелись котлет, сами лежат спят и пахнут. Мне скучно» («Страна философов», 1999. С. 10).

⁸⁵ Источник записи неизвестен. Запись передает одну из ведущих международных новостей 1932 г., когда со страниц периодики не сходили сообщения о враждебной по отношению к СССР позиции Англии и о положении в Германии. Экономическая блокада СССР со стороны Англии началась в феврале 1931 г. созданием «Союза защиты торговли». Результатом этого стало расторжение торгового соглашения с СССР и объявление эмбарго на ввоз советских товаров. Фашистская диктатура в Германии была установлена 30 января 1933 г., в результате прихода к власти А. Гитлера и руководимой им Национал-социалистической партии.

⁸⁶ Основные телефоны отчасти подтверждают нашу датировку книжки второй пол. 1931—1932 гг.: *П. Павленко* — руководитель ВССП, председательствовал на вечере Платонова в феврале 1932 г.; *Л. Авербах* — генеральный секретарь РАПП; к нему с письмом обращался Платонов в конце 1931 г. по поводу жилья (в книжке указан домашний телефон Л. Авербаха). Телефон *М. Булгакова*, очевидно, появляется в связи с обсуждением пьесы Платонова «Высокое напряжение» в Союзе писателей в марте 1932 г. Платонов обращался за поддержкой к отсутствовавшим на обсуждении М. Горькому, Л. Леонову и М. Булгакову (Горький и Леонов поддержали публикацию пьесы); отзыв Булгакова был отрицательным; машинопись отзыва М. Булгакова хранится в архиве М. А. Платоновой; о других связях Булгакова и Платонова ничего не известно. *П. Васильев* — поэт, появление телефона П. Васильева в книжке Платонова отчасти комментируют следственные материалы «Дела Сибирской бригады», по которому проходил в 1932 г. П. Васильев. Писатели-сибиряки в Москве группировались вокруг заведующего редакцией журнала «Красная новь», прозаика Н. И. Анова. Имя Платонова среди писателей-сибиряков было одним из авторитетных: «Анов устраивал, как зав. редакцией «Красная новь», внеочередные авансы членам группы, и действительно, для таких людей как Андрей Платонов («Впрок»), Анов аванс из земли выскребывал. Кстати, Платонова он среди сибиряков всячески популяризировал, называл новым Гоголем» (См.: Огонь под пеплом. Дело «Сибирской бригады» // Наш современник. 1992. № 7. С. 155). Пояснения к остальным адресатам книжки даются в «Указателе имен».

9-ая книжка, 1933 г.

Москва

¹ 1933 год — год полной изоляции Платонова в литературной жизни: после скандальных разоблачений 1931—1932 гг. имя Платонова практически исчезает со страниц московских литературных газет и журналов. На рабочем столе Платонова в 1933 г.— технические записки, чертежи, он — на инженерно-конструкторской работе в Росметровесе, в Москве и внимательно следит за литературной жизнью 1933 г., отмеченной подготовкой к первому съезду советских писателей. Датируем книжку летом—осенью 1933 г. по времени первых записей и набросков к роману «Счастливая Москва»: летом 1933 г. к глобальным инициативам и акциям в литературной жизни Москвы добавляется новая — «Пролетарская Москва ждет своего художника»; обоснование и программа этой акции была изложена 23 июня на страницах «Литературной газеты» ее редактором и председателем правления Московского товарищества писателей С. Динамовым; обсуждение «московской» темы в советской литературе шло на страницах газеты до конца года (см.: *Корниенко Н.* «...Москва во времени». Об одной литературной акции 1933 го-

да // Октябрь. 1997. № 9. С. 147—157). Мы предполагаем, что шесть первых глав московского романа были написаны Платоновым в 1933 г.; по срокам в издательских договорах Платонов должен был представить роман к январю 1933 г. Колоссальное количество отсылок в первых главах романа к газетной периодике 1933 г. подтверждается комментарием В. Турбина к рассказу Платонова 1933 г. «Мусорный ветер» (см.: *Турбин В.* 16 июля 1933 года // Апокриф. Культурологический журнал. <1990>. № 1).

² В *Покровском-Стрешнево* семья А. Платонова жила в 1930 г.; именно там была написана повесть «Впрок». Данный адрес вписан А. Платоновым для машинистки на форзаце общей тетради с рукописью повести: «Напечатать в течение 3-х дней. Адрес: Москва, Покровское-Стрешнево, Центральная ул., д. № 40, Платонов. Трамвай 13 — до конца».

³ Три записи в книжке, помеченные Платоновым как важнейшие, относятся к поиску формулы героини московского романа; эта формула дважды прописывается Платоновым в небольшой по объему третьей главе романа: «Даже будучи сама собой, Москва Честнова могла глядеть на себя, как на постороннюю, и любоваться своим туловищем во время его мытья. Она знала, конечно, что здесь нет ее заслуг, но здесь есть точная работа прошлых времен и природы,— и позже, жуя завтрак, Москва мечтала что-то о природе — текущей водою, дующей ветром, непрерывно ворочающей, как в болезненном бреду, своим громадным терпеливым веществом...»; «Освобожденная от воздухофлота, Москва проводила свои вечера одна <...>. Она ложилась животом на подоконник, волосы ее свисали вниз, и слушала, как шумит всемирный город в своей торжествующей энергии и раздается иногда голос человека из гулкой тесноты бегущих механизмов; подняв голову, Москва видела, как восходит пустая неимушая луна на погасшее небо, и чувствовала в себе согревающее течение жизни...».

⁴ Запись была использована в неизвестном тексте; один из набросков к рассказам о детстве. *Петя* — младший брат Платонова.

⁵ Рисунок для 2-ой и 3-ей глав романа, повествующих о жизни и подвиге Москвы Честновой, младшего инструктора «школы воздухоплавания».

⁶ *Бихевиоризм* (от англ. *behavior* — поведение) — ведущее направление американской психологии первой половины XX в., утверждавшее, что предметом психологии является не сознание, а поведение, понимаемое как совокупность двигательных и сводимых к ним словесных и эмоциональных ответов (реакций) на воздействие внешней среды. В советской философской науке квалифицировалось как буржуазное направление. Одна из первых записей Платонова к рассказу «Мусорный ветер», где гибель европейской цивилизации дается как поражение культуры сознания и памяти перед властью «мускульной», «технической» цивилизации, исключившей европейские традиции рефлексии из жизни человека. Шпенглеровская тема «заката Европы», вошедшая в культурно-философский контекст поиска Платонова с 1922 г. (статья «Симфония сознания»), в 1933 г. получила развитие. 17 ноября на страницах «Литературной газеты» была опубликована пространная ста-

тья М. Дынника «Апология варварства», посвященная выходу в 1933 г. в Мюнхене новой книги О. Шпенглера «Год решения. Первая часть. Германия и развитие всемирной истории» («Jahre der Entscheidung. Erster Teil. Deutschland und die weltgeschichte Entwicklung»). Платонов, работая над романом, в 1933 г. часто пролистывал «Литературную газету». В статье М. Дынника подробно излагались направления критики О. Шпенглером рационализма как губительного пути культуры и жизни. Не исключено, что Платонов, чей интерес к Шпенглеру был давним, не прошел мимо этой статьи, рассказывающей об эволюции автора «Заката Европы».

⁷ В 1933 г. рейхсканцлером Германии стал вождь Национал-социалистической партии Адольф Гитлер; об установлении в Германии фашистского режима писали все советские центральные газеты.

⁸ Выписка, источник неизвестен. В личной библиотеке писателя находятся следующие книги о Первой мировой войне: *А. Рифлинг*. Новая мировая война (б.д.); Клаузевиц о войне (М.—Л.: Госвоениздат, 1932).

⁹ *Семен* — младший брат писателя.

¹⁰ Рассказ «Подметка» неизвестен. Зарисовка войдет в рассказ «Алтеркэ» (1935): «— А с кем я буду теперь играть? — спросил Алтеркэ.— А ты думай, что у тебя есть много товарищей,— сказал отец и показал молотком во все углы кухни.— Вон Мойша, вон Соломончик, здесь Ривка, там Абрам Рыженький... Сиди и думай, что они тут с тобою, играй с ними в гвозди и подметки.— А кто они? — спросил Алтеркэ.— Тоже люди,— объяснил отец.— Ты выдумай их, каких хочешь, они всегда будут с тобою, когда тебе нужно, и они не выколуют тебе глаза. Они все добрые и бедные, как мы».

¹¹ К уже известным ранее телефонам и адресам (см. «Указатель имен») в данной книжке добавляются новые. *В. К. Белоконь* — отв. секретарь редакции журналов «Новый мир» и «Красная нива». *Е. В. Червяков* — режиссер кинофабрики «Союзкино». *В. О. Перцов* — советский критик, дружеские отношения с В. О. Перцовым сохранились у писателя до конца жизни (см.: Творчество Андрея Платонова. С. 169, 181). *Г. Е. Чернявшук* — инженер, начальник административно-хозяйственной части Росметровеса. *Г. Н. Мунблит* — известный советский критик. О связях Платонова в 1933 г. с журналами «Красная новь», «Новый мир» и «Красная нива» ничего не известно. По письму Платонова к Горькому от 23 сентября 1933 г. можно судить, что писатель не раз обращался в журналы и получал отказ («Но мои рукописи отклонялись и отклоняются...»), а также предлагал издательствам переиздать его книжку рассказов и повестей, «произведений идеологически опробированных» (см.: *Аннинский Л.* Откровение и сокровение. Указ. соч. С. 11). Издательские договора, подписанные Платоновым в 1933 г., в архивах не обнаружены; неизвестен и текст договора с издательством «Художественная литература», в издательские планы которого на 1934 г. был включен роман «Счастливая Москва» (РГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 410, лл. 113, 117, 118).

10-ая, 11-ая, 12-ая, 13-ая книжки, 1934—1935 гг.

Москва — Туркмения — Москва — Туркмения — Москва

¹ 10-ая книжка открывает «туркменский» сюжет в жизни и творчестве А. П. Платонова, связанный с первым опытом участия Платонова в коллективной поездке советских писателей на стройки социализма. Летом 1933 г., когда создавался коллектив писателей для поездки на Беломорканал, Платонов обращался к Л. Авербаху и М. Горькому с просьбой включить его в писательскую бригаду: «...чтобы мне была дана возможность изучить Беломорстрой или Москву-Волгу и написать об этом книгу» (*Аннинский Л.* Откровение и сокровение. Указ. соч. С. 10—11). Однако автора «Епифанских шлюзов», «Города Градова», первых в русской литературе произведений, посвященных художественно-философскому осмыслению строительства каналов в европейской и русской истории, в состав писательской бригады не включают. В сентябре 1933 г. Платонов вновь просит Горького о помощи, и это обращение было услышано. Осенью 1933 г. разворачивается широкая кампания по подготовке первого съезда советских писателей, председателем оргкомитета которого был Горький: создаются новые альманахи и коллективные издания, формируются региональные писательские бригады. Имя Платонова сначала появляется в списках писательского коллектива, который должен был отправиться в Сибирь (с писателями-сибиряками Платонов был знаком через Н. И. Анова и П. Васильева), затем — в туркменской комиссии при правлении ССП (ее возглавлял пролетарский поэт Г. Санников, с которым Платонов был связан дружескими отношениями еще со времен «Кузницы»). 24 марта 1934 г. «Литературная газета» сообщала о том, что в ближайшее время группа советских писателей выезжает в Туркмению, в ее составе назван и А. Платонов. Газета сообщала и о цели поездки: «...на основе своей поездки в Туркменистан и изучения жизни на месте, дать ряд художественных произведений и выпустить специальный сборник, приуроченный к юбилею десятилетия ТССР <...> Сборник этот по своему характеру должен явиться одним из первых опытов художественного изображения истории социалистического строительства республики» (Писатели едут в Туркменистан // Литературная газета. 1934. 24 марта).

² В заявке об участии в работе над коллективной книгой о советском востоке Платонов писал: «Я хочу написать повесть о лучших людях Туркмении, расходующих свою жизнь на превращение пустынной родины, где некогда лишь убогие босые ноги ходили по нищему праху отцов,— в коммунистическое общество, снаряженное мировой техникой» (Цит. по: Литературная газета. 1989. 8 ноября). Писательская бригада встречалась в Ашхабаде на самом высоком правительственном уровне. *К. С. Атабаев* — председатель СНК Туркестанской ССР; клан Атабаевых занимал высокое положение в государственных структурах Туркмении 20—30-х гг. Фамилия Атабаевых встречается в документах, связанных со второй поездкой Платонова в Туркмению: в декабре 1934 г. Атабаев отправил правительственную теле-

грамму из Ашхабада в Туркменпредство в Москве на имя Атабаева о заключении договора с «писателем Платоновым» на его двухмесячную поездку в Туркмению (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, л. 41).

³ Басмачество — вооруженное движение 10-х — начала 30-х гг. в Средней Азии, направленное против советской власти; поддерживалось Англией, Турцией, Ираном и Афганистаном. Наиболее крупные группировки басмачей под руководством Джунаида-хана (джунаиды) держали под своим контролем Каракумы в 1924—1927 гг.; последняя волна выступлений приходится на 1929—31 гг., апогеем стал контроль в 1931 г. над всеми Каракумами; последние басмаческие группировки были ликвидированы в песках Каракумов лишь в первой половине 1933 г. (См.: Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М., 1976. С. 159—164). Ожесточенная борьба за Каракумы была связана с началом разработки богатейших по своим запасам месторождений серной руды, обнаруженных в 1927 г. в песках пустыни экспедицией под руководством академика А. Е. Ферсмана. О поисках новых методов плавки каракумской серы, о пробных плавках серной руды в доставленном из Ленинграда автоклаве, о строительстве Каракумского серного завода, первенца тяжелой индустрии в Туркменистане, много писала центральная партийно-правительственная газета «Туркменская искра». Добыча свинца из каракумской руды была освоена лишь во второй половине 30-х гг. (см.: История Туркменской СССР. Том 2. Ашхабад, 1957. С. 282—283). Платонов путешествует по Туркмении в первый год окончания гражданской войны; все волны басмачества запечатлеются в его туркменской прозе: 1917—1921 гг. — в «Такыр», 1931—1933 гг. — в «Джан».

⁴ Из коллектива советских писателей, поехавших в конце марта 1934 г. в Туркмению, Платонов единственный кто вошел в туркменскую комплексную экспедицию АН СССР по изучению промышленного развития страны (См.: Литературная газета. 1934. 24 марта). В письме к жене Платонов указывал маршруты своих поездок по Туркмении именно в составе этой экспедиции: «Только три неполных дня пробыл в Ашхабаде... Я еду в Красноводск... Все остальные писатели остались в Ашхабаде, сидят в ваннах и пьют прохладительные напитки. Я уже оторвался ото всех. Из Красноводска мы уедем на Нефтедаг...» (Живя главной жизнью. С. 168—171. Далее письма из Туркмении цитируются по данному изданию без указания страниц.). Первым пунктом маршрута экспедиции стал город Небит-Даг (*Нефтедаг*) — один из крупнейших центров нефтяных месторождений Туркмении, открытый советскими учеными и геологами; промышленная эксплуатация нефти в этом районе началась в 1932 г.

⁵ В письме от 4 апреля Платонов сообщал жене: «В Красноводск приехал академик Губкин; с ним состоится встреча на нефтяных промыслах». *И. М. Губкин* — геолог, один из основателей отечественной нефтяной геологии, академик АН СССР, руководил исследованием Курской магнитной аномалии (1920—1925); председатель Совета по изучению производительных сил АН СССР (1930—1936). Платонов мог познакомиться с работами И. М. Губкина по Курской магнитной аномалии уже в 20-е гг. Не исключено, что они

были и лично знакомы в те годы: Курская губерния соседствовала с Воронежской, а в середине 20-х гг. вошла в состав ЦЧО. И. М. Губкин возглавлял научно-исследовательские экспедиции АН СССР по разработке природных богатств Туркмении, в частности, Небит-Дага; автор труда «Ископаемые энергоресурсы и другие полезные ископаемые Туркмении» (Л., 1934). К работам И. М. Губкина Платонов обращался при написании очерка «Горячая Арктика», однако в самом тексте очерка, написанном по материалам реальных встреч Платонова с промышленными коллективами Туркмении, имя И. М. Губкина отсутствует.

⁶ См. выше прим. 2, 5.

⁷ Бакинская коммуна была разгромлена англо-турецкими войсками в июле 1918 г.; 26 деятелей коммуны были арестованы в Красноводске, расстреляны 20 сентября 1918 г. в Закаспии, недалеко от современного Небит-Дага.

⁸ Одна из первых записей к постройке Платоновым своего азиатского мифа, где разновременные исторические и культурные реалии сочетаются в особую философско-художественную мозаику. *Парфяне* — название от иранского племени. Парфянское царство — государство в 250 до н.э.— 240 н.э.; возникло после распада монархии Александра Великого. В парфянском царстве широкое распространение получает зороастризм; в искусстве очень сильным было греческое влияние (см.: *И. В. Рак*. Зороастрийская мифология. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СПб., 1998. С. 404—405). Парфянское царство — это древняя история современной Туркмении. В истории туркменского народа практически все исследователи отмечали культурное влияние древнего иранского населения Средней Азии, не исчезнувшее и после принятия в X в. ислама (см. ниже прим. 11).

⁹ Персидское имя. Проблема имени как глубинной «внутренней формы» жизни человека и в целом культуры всегда оставалась важной для Платонова-прозаика (см.: *Харитонов А.* Система имен персонажей в поэтике повести «Котлован» // «Страна философов», 1995. С. 152—172). Пробыв в Туркмении всего неделю, Платонов писал жене: «Выучился несколькими словам по-туркменски: Ты моя хелей муххабат! любимая жена. Ты моя курбаша! — жаба. А Тотик — мой хелей бала, жигат, т.е. любимый ребенок, юноша. Моя шан, дпрэк (душа и сердце) тоскуют по вас». Как свидетельствует один из черновых набросков к повести «Джан», Платонов тщательно прописывал именную ряд туркменской прозы. Источник, к которому обращался Платонов, неизвестен. Возможно, он использовал классические памятники персидской литературы и именные приложения к ним, в частности, юбилейные издания классика таджико-персидской поэзии Фирдоуси, вобравшего в свое творчество национальный эпос таджиков и персов. На этот источник впервые указала П. А. Бороздина (см.: *Бороздина П. А.* Зороастрийская легенда в повести А. П. Платонова «Джан» // Андрей Платонов. Исследования и материалы. Воронеж, 1993. С. 161). Проблематика восточной антропоники еще не разработана в исследованиях творчества Платонова. Как свидетельст-

вуют и последующие списки имен в туркменских книжках, имя персонажа служит не индивидуализации героя, что характерно для европейской христианской традиции и имени персонажа в европейской литературе, а подчинено восточной типологии представлений о земной жизни, где человек выступает лишь как объект воздействия божеств. В типологии имен восточной прозы Платонов фиксирует принадлежность имени к более крупным и общим национальным культурным моделям — туркменской, узбекской, казахской, татарской, каракалпакской, русской, отказываясь от реалистической мотивации имени в самом тексте. На подобную тенденцию художественной антропоники Платонова впервые указала Вишня Ристер в статье «Имя персонажа у Платонова»: «...имена лишь на первый взгляд делают персонажей дискретными, так как разименованные персонажи сводятся к общему персонажу/модели, и поэтому разные имена/обозначающие соотносятся с некоторым общим обозначаемым, совместным для модели и группы, придерживающейся определенного мировоззрения» (*Rister V. Имя персонажа у Платонова // Russian Literature. Amsterdam, 1988. № XXIII. С. 139*). Далее в примечаниях значение имен не комментируется, даются лишь отсылки к текстам.

¹⁰ Имя директора Ашхабадского дождевого института *В. А. Федосеева* встречается в очерке «Горячая Арктика» в рассказе о работе ученых Туркменистана, занимающихся вопросами водоснабжения, «челюскинцев пустыни»: «Работы т. Федосеева по искусственному дождю также должно отнести к самым ближайшим перспективам».

¹¹ См. выше прим. 8. Классическое для иранского Востока учение зороастризма, с очень сильными «пастбишными корнями», антикочевническими по своему смыслу и пафосу, Платонов смыкает с греческой культурой, обращая к историческим событиям походов Александра Македонского, «примирителя Востока и Запада» (см.: *Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 3. С. 548*). Александр Македонский, завоевав территорию персидской державы, образовал огромную монархию, которая распалась после его смерти. Эпоха завоеваний Туркмении в новом времени, когда эта территория подвергалась нашествиям арабов, тимуридов, монголо-татар, входила в Хивинское и Бухарское царство, а с конца XIX в.— в Российскую империю, Платоновым практически опускается. Эти исторические события затем отзвучат в значимых фабульных элементах, мотивах, именах его восточной прозы, однако на них будет лежать отсвет его греко-зороастрийского мифа. Среди источников, к которым Платонов обращался, назовем несколько самых разных. Из академических работ — книгу академика В. П. Бузескула «Античность и современность» (Л., 1924, 3-е изд.), из массовых и популярных изданий — «Краткий учебник истории средних веков» проф. Р. Ю. Виппера (обе книги хранятся в архиве М. А. Платоновой). Парфяне, «народ полукочевой, наездники и стрелки, подобно персам», — пишет Р. Ю. Виппер, — завладели землями в районе Амударьи; а на территории Азии «сто лет спустя после похода Александра в бывших западных сатрапиях персидского государства, Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Вавилонии, Египте, греков жило больше, чем в Европе» (Цит. по: *Виппер Р. Ю. История древнего мира. М., 1997. С. 121*). Другой

не менее популярный источник, к которому Платонов не раз обращался в размышлениях о происхождении туркменской цивилизации,— знаменитые «Жизнеописания» Плутарха, где парфяне сравниваются с воинствующими скифами, ибо именно парфяне сумели остановить экспансию римского владычества в Азии. (В архиве Платонова сохранился изданный в «дешевой библиотеке» Суворина 6-ой том «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, посвященный Александру Великому и Гаю Цезарю.) Из работ русских востоковедов, к которым обращался Платонов, очевидно, можно назвать материалы русских экспедиций XVIII—XIX вв. А. Бековича-Черкасского и Н. Н. Муравьева, «Очерки истории туркменского народа» В. В. Бартольда, фрагменты которых вошли в сборник «Туркмения» (Л., 1929), и книгу И. Севастьянова «Странички прошлого Туркмении и сопредельных с нею стран» (Ашхабад, 1929). Особое место среди работ русских востоковедов занимают материалы работы Туркестанского кружка любителей археологии, созданного в Ашхабаде в 1895 г. последователями и учениками Н. Ф. Федорова (См.: *Федоров Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 656—659. Комментарии А. Г. Гачевой). Закрепление Платоновым за современными туркменами черт двух великих мировых цивилизаций Востока (зороастризм) и Европы (греческая культура), чьи основы и устои в мировой истории смогли противостоять власти идеологии кочевничества и Рима, философии и практике римского цезаризма, безусловно, связано с напряженным поиском писателем идеи выхода из состояния «исторической безысходности» европейской культуры, «прекрасный девятнадцатый век» которой «родил Гитлера» (рассказ «Мусорный ветер»). Рассказ «Мусорный ветер» был завершен в преддверии поездки Платонова в Туркмению и освещает страницы восточной прозы Платонова, герои которой исторически являются представителями арийской культуры и не имеют «чистой туркменской породы» («Такыр»).

¹² Судя по письмам к жене, в район Центральных Каракумов, занимающих большую часть Туркмении, Платонов ездил уже в 20-е гг. как губернский мелиоратор (значимая топонимика границы России и Азии в рассказе 1926 г. «Песчаная учительница»). Тема пустыни, «песчаных рек Азии» — давняя для Платонова, к ней он обращался в очерках-статьях начала 20-х гг.: «О ликвидации катастроф сельского хозяйства» (1923), «Борьба с пустыней» (1924), «Человек и пустыня» (1924), «Мелиоративная война против засухи» (1925), «Как единственно возможно ликвидировать засуху» (1925), «Организация победы над засухой» (1925) и т.д. Профессиональный взгляд мелиоратора на причины образования пустынь сказался и в полемике Платонова с концепцией философии истории О. Шпенглера: «В занесенных песком сухих пустынях Средней Азии ученые находят остатки прочных, разумно распланированных городов, большие инженерные устройства, снабжавшие водой из глубоких подземных водоносных пластов эти города. <...> Когда-то в этих местах, где теперь мертвая пустыня, были живые, культурные, трудолюбивые народы, имевшие высокую науку, умевшие строить большие здания и хорошо борющиеся за пищу, богатство и покой. Спрашивается, почему же эти народы погибли. <...> Пустыни? Почему ниву и прохладу сменили песок и

жара? Один немецкий буржуазный мудрец, Шпенглер по фамилии, пишет, что народы и культуры гибнут потому, что исчерпывается, стихает и блекнет их душа и дальше им нечего делать в жизни. Это, конечно, неправда. Народы <...> погибли от того, что хозяйство их все меньше и меньше давало толку, от полного безводия и чрезвычайной трудности добыть воду — хозяйство стало меньше приносить доходов, чем было на него израсходовано. Тогда народы побежали в более благодатные девственные места (нашествие татар на Русь), часть же народов осталась на старом месте и погибла с годами, еще большая часть погибла в пути и битвах. Отчего же нашла пустыня на цветущую, благодатную страну, где этой пустыни никогда не было? Многие думают, что сам по себе климат изменился. Это неверно. Коренное состояние климата больших стран если и изменяется, то на протяжении сотен тысяч лет. Потом, чтобы климату измениться, надо нанести природе где-нибудь рану, чтобы пошла от нее зараза. Главное дело тут — человек и его хозяйство. Он своим хозяйством наносит природе ущерб и ухудшает ее. <...> Мы не должны плодить за собой пустыни и обречать свои поколения на бегство, смерть и войны» (статья «Человек и пустыня», 1924). Мы предполагаем, что еще в 20-е гг. мелиоратор Платонов, решающий первейшую проблему землепользования в ЦЧО, проблему засухи и недородов, познакомился с работой русских мелиораторов Ашхабада — «Материалами по землепользованию в Закаспийской области (Ашхабад, 1903), а также с работами о Каракумах проф. В. А. Дубянского, одного из организаторов Репетекской песчано-пустынной станции. Тема преодоления пустынь, порожденных кочевническим образом жизни, найдет воплощение в рассказе 1926 г. «Песчаная учительница» и одноименном киносценарии 1928 г. В статье «Горячая Арктика» тема образования пустынь будет включена в исторический контекст взаимоотношений Европы и Азии: «...лишь южный и восточные “берега” Туркмении заняты людьми. На остальном пространстве великой страны, за редкими исключениями, лежит взволнованное ветром море безлюдных песков. Блуждающие русла рек Памира, Парапамиза и Копет-Дага, их беспокойные дельты, оставившие перемытые минеральные остатки от некогда девственных плодородных земель, плюс смертельное влияние походов Тимура и Александра Македонского, — все это помогло образоваться Каракумам <...>. Поэтому нынешняя Туркмения представляет собой кладбище дотуркменских народов. Эти кладбища городов напоминают не только о поражении, но и о героизме, о торжестве культур теперь поникших в глиняных развалинах» (Живя главной жизнью. С. 170).

Записи также обозначают полемическую установку Платонова по отношению к поэзии и прозе, созданной советскими писателями после первой поездки в Туркмению 1930 г. — «Путешествию в Туркменистан» П. Павленко, «Кочевникам» Н. Тихонова, «Большевикам пустыни и весны» В. Луговского и др. «Цивилизованному» взгляду на пустынную Азию — «исторический паноптикум» (П. Павленко) — Платонов противопоставит одухотворенный образ пустыни (см.: *Корниенко Н. В.* Образ Туркмении в советской и русской литературе 30-х годов // *Нация. Личность. Литература.* Вып. 1. М., 1996.

С. 98—122). Платоновские замыслы безусловно шире полемики с советскими писателями, и его образ пустыни включает в себя в целом оппозицию Европы/Азии, цивилизации/жизни, интеллигенции/народа, города/деревни: «Человечество думает, что в пустыне ничего нет, одно неинтересное дикое место, где дремлет во тьме грустный пастух и у ног его лежит грязная впадина Сары-Камыша, в котором совершилось некогда человеческое бедствие,— но и оно прошло, и мученики исчезли. А на самом деле и здесь, и на Аму-Дарье, и в Сары-Камыше тоже был целый трудный мир, занятый своей судьбой» («Джан»).

¹³ *Бахши* — народные музыканты, сказители, певцы, поэты в Туркмении, Узбекистане, Каракалпакии; сопровождают себе на дутаре.

¹⁴ Источник этой информации не известен.

¹⁵ Речь идет о бригаде писателей.

¹⁶ См. выше прим. 11, 12. *Тимур* (Тамерлан) — основатель династии тимуридов, правивших в Средней Азии в 1370—1507 гг.; полководец, совершивший завоевательные походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию, сопровождавшиеся разорением городов, уничтожением и уводом населения в плен.

¹⁷ Автор поэтической строфы неизвестен. Возможно, это текст А. Платонова, запечатлевший линию «пораженцев», «агентов басмачества», «классовых врагов» в туркменской литературе начала 30-х гг. Разгром басмаческих группировок сопровождался в литературной жизни Туркмении 1931—32 гг. ожесточенной борьбой с «реакционными» пантюристскими тенденциями; хроника этой борьбы широко представлена на страницах литературного журнала «Туркменоведение» (с 1932 г. — «За советскую Туркмению»).

¹⁸ Запись дважды использована в рассказе «Такыр». См. воспоминания рабыни Заррин-Тадж о ее родине Персии (Иране): «Ей было четырнадцать лет, она чувствовала тоску, удушающую ей горло, и глядела в темную сторону Хоросана, откуда ее увели. Иногда ей слышались издали звуки, помимо шума потока,— она думала тогда, что это, наверное, из Ирана в Туран уезжает поезд, который Заррин-Тадж видела однажды в детстве и запомнила, как гудит его бегущий дым». Для поэтики этой записи и фрагмента, в контекст которого она включена, «архетипический» интерес представляют некоторые очевидные источники. Прежде всего, зороастрийская мифология, в которой оппозиция Иран/Туран была одной из ключевых: Иран — символ царства Ормазда (божества добра, света, мира), покровителя оседлого скотоводства (дома-семьи, растений); Туран — символ царства Ахримана (божества зла, войны, тьмы), покровителя кочевников. Это противопоставление было воспринято и таджико-персидской поэзией, см. песни-сказания народного поэта-сказителя Махтумкули. Так в стихотворении «Сердцу» мы находим прообраз драмы персиянки Заррин-Тадж: «Закрыв глаза держал я путь в Иран; // Судьбой влекомый я попал в Туран» (*Махтумкули. Избранное*. Ашхабад, 1960. С. 34). Кстати, оппозиция Иран/Туран является одной из базовых историософских концепций в русской философии начала XX в., в частности, в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова: «Россия есть прямая

продолжательница дела Ирана, который и сам теперь стал Тураном. <...> Несущие службу на здешней окраине, под жгучими лучами Туркестанского солнца, по справедливости могут считать себя продолжателями великого дела умиротворения, великого дела обращения кочевников в оседлых, что и избавит мир от таких нашествий, как нашествия Атиллы, Ченгисов, Тимуров...» (Федоров Н. Ф. Сочинения. Т. 3. С. 206).

¹⁹ Запись использована в финале рассказа «Такыр» в особенно важном для платоновских текстов эпизоде возвращения на могилу родителей: «Она вспомнила слова, которые жалобно говорила про кого-то ее покойная мать: “И что за плохое горе мое! Тот, кто ушел, назад никогда не вернется”».

^{19a} *Маркиз де Сад* — французский писатель XVIII в., особая популярность в России приходится на начало XX в.

²⁰ *Христофор Колумб* — великий мореплаватель; предполагая, что Земля имеет шарообразную форму, пересек Атлантический океан в поисках кратчайшего пути в Индию. Первооткрыватель Америки. Эта запись использована в повести «Джан»; см. описание картины, висящей над кроватью Веры: «Картина изображала мечту, когда земля считалась плоской, а небо — близким».

²¹ *Такыры* (тюрк. *такыр* — ровный, голый) — плоские глинистые поверхности пустыни, почти лишенные растительности; весной обычно заливаются дождем. Такыр, данный через восприятие персиянки (рассказ «Такыр»), — богооставленное место: «Но часто нужно было проходить длинные такыры, самую нищую глинистую землю, где жара солнца хранится не остывая, как печаль в сердце раба, где бог держал когда-то своих мучеников, но и мученики умерли, высохли в легкие ветви, и ветер взял их с собою». Весенний такыр предстает в рассказе как символ двойной смерти (мертвый такыр). В зороастрийской мифологии возникновение пустыни относится ко второму периоду мировой истории — эре смещения добра и зла, до прихода в мир пророка (см.: *Рак И. В.* Зороастрийская мифология. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. Указ. соч. С. 100). Указание на зороастрийскую традицию дается в повести «Джан»: «Здесь, персы говорили, был ад для всей земли», «всемирный ад».

²² Запись использована в диалоге матери и дочери в рассказе «Такыр»: «— Кто они? — спросила Джумаль.— Они счастливые,— сказала мать,— они могут улететь на дальние реки, за горы, где растут листья на деревьях и солнце прохладно, как луна».

²³ Запись, отражающая своей образной системой, прежде всего, образом «пустыни — матери скудной и худой», ключевым образом в поэтике «русской» прозы Платонова 20-х гг. («Эфирный тракт», «Чевенгур», «Котлован»), достаточно непростое отношение Платонова к преобразованию пустыни 30-х гг. Очевидно, что он был знаком или слышал в поездках по Туркмени о русских ученых Ашхабада, выступавших в начале 30-х гг. против экстенсивной программы индустриализации пустыни и предупреждавших о возможных экологических последствиях жестокого обращения с пустыней. О борьбе с ретроградско-консервативной, «вредительской» позицией ученых

постоянно сообщала турменская печать (см.: Туркменоведение. 1931. № 2, 4; За советскую Туркмению. 1932. № 1).

²⁴ Туркменский круг общения Платонова неизвестен. Фамилия *Катузроб* использована в рассказе «Такыр».

²⁵ Запись отражает очень важное для поэтики платоновского текста психологическое восприятие времени; см.: «Долго шло ее детство. Каждый день горело солнце на небе, начинался и кончался ветер, играли и плакали дети в затишье песчаных холмов, потом солнце делалось красным, огромным и тяжелым, оно тонуло вдали, и легкая луна, как серебряная тень солнца, светила в измученное лицо стареющей матери, всегда занятой работой» («Такыр»).

²⁶ Имена к рассказу «Такыр».

²⁷ С 1927 г. в Туркмении активно проводилась земельно-водная реформа. Главной ее целью было разрушение старого экономического уклада, базирующегося на крупном байском землевладении, родовом владении земель. Значительные, но не лучшие излишки земли сдавались зажиточными баями беднейшей части дайханства. В ходе реформы преобладавший ранее родовой принцип распределения земли и воды, выгодный для родовой байской верхушки, был заменен подворным и уравнительным принципом землепользования. Огромная государственная помощь была оказана в 20—30-е гг. Туркмении в строительстве оросительных каналов (см.: Средняя Азия в цифрах. Ташкент, 1931).

²⁸ Запись использована в рассказе «Такыр».

²⁹ Данная запись отзовется в рассказе «Такыр»: «Была зима, с такыра текла в колодцы дождевая вода, осел кричал с такой грустью, что будто он остался на свете круглой сиротой и теперь заболел печалью».

³⁰ Станция *Репетек* находится в районе Восточных Каракумов, в 70 километрах от Чарджоу; здесь в 1928 г. был основан Репетекский заповедник, проводивший большие экспериментальные работы по закреплению песков и разведению различных лесных пород в районах ирригационных сооружений; при заповеднике находилась песчаная станция хлопководов из института в Байрам-Али. О встрече в Репетек с учеными Туркмении, работающими над вопросами добычи пресной воды, строительства колодцев, современного растениеводства и закрепления песков, Платонов писал в очерке «Горячая Арктика». Репетек — прообраз «заповедника диких растений», куда возвращается Джумаль (рассказ «Такыр»). В 1978 г. созданный в 20-е гг. Репетекский заповедник получил статус первого пустынного биосферного заповедника.

^{30а} См. выше прим. 3, с. 365 наст. изд.

³¹ Запись использована в неизвестном тексте. *Титаник* — крупнейшее пассажирское судно (Англия, 1912 г.). Корабль считался практически непотопляемым; затонул в первом же рейсе (Великобритания — США) в результате столкновения с айсбергом. Гибель Титаника была воспринята как символ катастрофичности нового века.

³² Тема *Амударьи*, другое название реки *Джейхун* (Бурная, Необузданная) — одна из вечных тем таджико-персидской литературы и мифологии. Образ «реки человечества» связан с учением о эпохе творения, когда благой бог создал на месте пустоты материальный мир: небо, воду, землю, растения, человека. Практически во всех сказаниях о том, как закончилась эра творения, и наступила эра смешения добра и зла, рассказывается, что дух зла уничтожал создания благого бога — портил воду, растения, сражался с небом, насылал засуху и неурожаи, опустошительные набеги кочевников (см.: *Бойс М.* Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1988; *Брагинский И. С.* Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972; *Рак И. В.* Зороастрийская мифология. Указ. соч.).

^{33–34} Записи к очерку «Горячая Арктика».

³⁵ См. выше прим. 12. Тема диалектики природы Каракумов отзовется в статье 1934 г. «О первой социалистической трагедии»: «Диалектика, наверно, есть выражение скупости, трудно обозримой жесткости конструкции природы, и лишь благодаря этому стало возможно историческое воспитание человечества. А то бы все давно кончилось на земле, как игра ребенка с конфетами, которые растаяли в его руках, и он не успел их даже съесть» (Воспоминания современников. С. 320).

³⁶ Возможно, это был, услышанная Платоновым в поездках по Туркмении; тема австрийца-военнопленного войдет одной из сюжетных линий в рассказ «Такыр». В связи с этим сюжетом на страницах записных книжек появляются многочисленные записи, посвященные образу гостя. Эти записи отражают двойственность восприятия гостя в народном сознании: «Незванный гость легок, а званный тяжел», «Принес Бог гостя, дал хозяину пир», «Гость на двор — и беда на двор», «Принесло в дверь, вынесет в трубу», «Незванный гость — хуже татарина» (*Даль В.* Пословицы русского народа. Т. 3. М., 1996. С. 277–300). Ср. с темой гостя в туркменской поэзии: «Гостю: “Кто ты?” — не говорят» (*Махтумкули.* Указ. соч. С. 238); «Иди ты впереди, ведь говорят, что гость превыше отца» (Хурлугка и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос. М., 1975. С. 42). В мировых мифологиях гость — представитель чужого мира, у домашнего очага гостю покровительствует сам бог, требующий гостеприимства: славянское *гость* родственно лат. *hostis* (чужеземец, враг); *Госнодь* (т.е. Бог) восходит к **gostьpodь*, образованному путем основосложения *gostь* (гость) и **podь*, восходящего к **potis*, **podis* (хозяин, господин) — т.е. «хозяин, предоставляющий гостеприимство».

³⁷ Записи использованы в рассказе «Такыр»: «Наутро кочевье было пусто. Атах-баба еще ночью велел гнать стадо и бросил на месте все предметы и имущество ежедневной жизни. Род убежал от чумы, которой заболела персиянка в ветхой башне, и теперь на сто лет это место останется безлюдным, потому что народ в песках живет слухом и долгой памятью».

³⁸ *Каракурт* — ядовитый паук; если его не потревожат, на животных и людей не нападает. У Платонова — один из символов Туркмении.

³⁹ Запись будет использована в финале рассказа «Такыр»: «Проехав несколько верст, она увидела в стороне, в песках, изгородь из колючей проволоки и направилась к ней. За изгородью росли редкие травинки, вдалеке стоял домик сторожа, а среди огороженного участка находились три русских креста над чьими-то могилами и один обычный самородный камень, поставленный вертикально. На камне имелась высеченная надпись латинскими буквами “Старая Джумаль”».

⁴⁰ Тема Азии — «прародины человечества» развивается у Платонова в общем русле поисков истоков и родины цивилизации, «спорных вопросов об арийцах» в европейской и русской исторической и философской мысли XIX — начала XX вв. Образ Средней Азии — «единственной колыбели рода человеческого», «кладбища общих всем народам предков», «кровли мира», «общей прародины народов арийского корня» занимает одно из ключевых мест в историософской концепции Н. Ф. Федорова: «Но в Средней Азии забыть этот вопрос нельзя, ибо это вопрос о самой пустыне, о существовании пустыни, о пустыне, существующей не по воле благого Бога, а по бессилию и бездеятельности знания человеческого, освящаемых фаталистической религией Ислама. <...> исследование Памира и других мест предполагаемой общей прародины народов арийского корня примиряет славянофильство с западничеством в высшем единстве, в *ариофильстве*, вынужденном враждовать, конечно, лишь временно, против семитизма, как и против Ислама, против фатализма и фанатизма, но против семитизма как одного сословия, не имеющего отечества и считающего ключом к всемирному господству *деньги*, подобно Исламу, считающему ключом к раю *меч*, т.е. оружие» (Федоров Н. Ф. Сочинения. Т. 3. С. 208—210, 657).

⁴¹ Миражи занимают особое место в поэтике Платонова (см.: Греков В. Необычное в прозе Гоголя и Платонова («Фигура фикции» и «миражная интрига» в повести «Котлован») // «Страна философов», 1994. С. 218—229). Данная запись будет реализована сюжетом Катигроба, венского оптика, бежавшего из Европы времени Первой мировой войны и научившегося видеть в пустыне «одни миражи, исчезающие эфемеры света и жизни». В логике платоновского текста — это знаки духовного зрения, которыми он наделяет героев, когда они уходят из внешнего мира «далеко в пространство и одиночество» («Котлован»). Этому герою Платонов отдает и особую функцию записной книжки как книжки памяти: «Он не хотел, чтобы человек, даже мертвый, был забыт. Съемку он записал в памятную книжку». Именно возвращаясь на родину, постигая жизнь пустыни, подобное духовное зрение приобретает в повести «Джан» Назар Чагатаев.

⁴² Советский пароход «Челюскин» построен в 1933 г., назван в честь российского полярного исследователя XVIII в. С. И. Челюскина; в этом же году была предпринята попытка проплыть за одну навигацию по Северному морскому пути (руководитель экспедиции — О. Ю. Шмидт, капитан — В. И. Воронин); пароход был раздавлен льдами в Чукотском море 13 февраля 1934 г.; один член экспедиции погиб. Участники рейса — «челюскинцы» — были спасены советскими летчиками; история спасения челюскинцев широко ос-

вешалась на страницах всех газет. В статье «Горячая Арктика» Платонов сопоставляет завоевание пустыни Каракумы с освоением Арктики: «...сейчас Каракумы нуждаются в своих челюскинцах, и среди туркмен найдутся свои Шмидты и Воронины, способные подготовить пустыню для счастливого существования новых поколений».

⁴³ См. выше прим. 36.

⁴⁴ Один из нереализованных вариантов финала романа «Счастливая Москва»; войдет в трансформированном виде в текст 8 главы романа как одно из видений Сарториуса: «...лето, высокая рожь, голоса миллионов людей, впервые устраивающихся на земле без тяготения и печали, и Москва Честнова, идущая к нему в жены издалека...».

⁴⁵ Очень характерный для Платонова 20—30-х гг. тезис об исчерпанности и тупиковости европоцентризма во взглядах на мировую историю и культуру. Восходит к консервативной линии в русской литературе и философии. В повести «Джан» этот тезис будет доверен Назару Чагатаеву в его пути с «горы своего ума» к жизни, от центра (Москвы) к провинции, от культуры/цивилизации к «маленькому человеку»: «Неужели и его народ джан ляжет вскоре где-нибудь вблизи и ветер покроет его землей, а память забудет, потому что народ не успел ничего воздвигнуть из камня или железа, не выдумал вечной красоты,— он лишь копал землю в каналах, но течение воды вновь их заносило...». Народоведческий пласт восточной прозы отзовется в статьях Платонова о Пушкине. Во-первых, в идее антирационалистического характера искусства Пушкина: «Пушкин — природа, действующая самым редким своим способом: стихами. Поэтому правда, истина, прекрасное, глубина и тревога у него совпадают автоматически» (статья «Пушкин — наш товарищ», 1936). Во-вторых, в определении природы универсальности и единственности явления Пушкина: «Он, Пушкин, явился ведь не от избытка, не от избытка сил народа, а от его нужды, из крайней необходимости, почти как самозащита или как жертва» (статья «Пушкин и Горький», 1937). Знание о пути к счастью у народа джан глубоко традиционно, главное богатство — джан-душа — принадлежит ему: «способность чувствовать и мучиться», «своя способность чувствовать, мучиться, мыслить и бороться». Как отмечает автор переводов и комментатор зороастрийских молитвенных формул И. М. Стеблин-Каменский, русскому «убогий» (у Бога) в персидском соответствует «дарвиш», набожный и смиренный человек, верный последователь религии (См.: Зороастрийская мифология. Указ. соч. С. 82).

⁴⁶ Запись важная в контексте идей консерватизма, развиваемых Платоновым именно в эти годы, исполненные пафоса создания нового человека. *Старобрядчество* — совокупность религиозных церквей и групп в России, не принявших в XVII в. церковной реформы; сохранилось, несмотря на гонения со стороны официальной власти в царской России и СССР. Являются хранителями дониконовской традиции, создали свою литературу и письменную культуру, противостоящую тенденциям секуляризации в русской культуре XVIII—XX вв.

⁴⁷ *Н. Н. Тришин* — воронежский писатель, в середине 20-х годов переехал в Москву, редактор «Журнала крестьянской молодежи»; автор очерков и рассказов о деревне («Тракторная быль», 1926; «Разорванная паутина», 1927 и т.д.). См. телефоны Н. Тришина в 5-ой и 7-ой книжках.

⁴⁸ *К. А. Большаков* — прозаик-очеркист, в Москве жил на Тверском бульваре, 25 — в одном подъезде с семьей А. Платонова; участник туркменской бригады писателей. См. телефон К. Большакова в 7-ой книжке.

⁴⁹ Над восточным историческим романом «Македонский офицер» Платонов начал работать в 1932 г. (см. выше прим. 73 к 8-ой книжке, с. 358 наст. изд.). Возможно, именно поездка в современную Туркмению и работа над «Джан» привели к тому, что восточный роман оказался незавершенным.

⁵⁰ *Фирюза* — название населенного пункта южнее Ашхабада, на границе Туркмении и Ирана. Как свидетельствуют дальнейшие записи в книжке, Платонов был здесь. Возможно, именно о впечатлениях от посещения Фирюзы он писал жене: «Мы были до первых звезд. Пустыня под звездами произвела на меня огромное впечатление. Я кое-что понял, чего раньше не понимал. <...> Напиши, мне трудно решить, оставаться мне еще или нет. Правда, мы очень бедные, но у нас кроме бедности есть еще и сердце, которое может сильно тосковать... Я нашел, правда, в еле уловимой форме фольклорную тему. Так же, как когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи. Не знаю, что у меня выйдет, — это сказка о Джальме». Впечатления от Фирюзы послужили толчком к оформлению экспозиции рассказа «Такыр» и формулы героини-персиянки: «Персиянка поглядела на старинную чинару — семь больших стволов разрасталось из нее и еще одна слабая ветвь: семь братьев и одна сестра. Нужно было целое племя людей, чтобы обнять это дерево вокруг, и кора его, изболевшая, изъеденная зверями, обхватанная руками умирающих, но сберегшая под собой все соки, была тепла и добра на вид, как земляная почва. Заррин-Тадж села на один из корней чинары, который уходил вглубь, точно хищная рука, и заметила еще, что на высоте ствола росли камни. Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями, но дерево въело себе в тело те огромные камни, окружило их терпеливой корой, обжило и освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно его погубить. “Она тоже рабыня, как я! — подумала персиянка про чинару. Она держит камень, как я свое сердце и своего ребенка. Пусть горе мое вращет в меня, чтобы я его не чувствовала”».

⁵¹ *Аламан* — конный набег туркмен на территорию Персии, совершенный с целью грабежа; аламанством как главным промыслом занимались некоторые кочевые туркменские племена (см.: Аламан // Туркменоведение. 1931. № 5—6). В таджико-персидской поэзии фигура аламанщика постоянно соотносится с «бичом арийских земель», «злым туранцем», созданным самым Ахриманом. «Рассказы об аламанах» встречаются во всех воспоминаниях о путешествиях в Туркмению и Хиву XVIII—XIX вв. (см.: *Севастьянов И.* Странички прошлого Туркмении. Указ. соч. С. 87—90; *Штейнберг Е.* Очерки истории Туркмении. М.—Л., 1934. С. 9).

⁵² См. выше прим. 50. Реально-историческая запись трансформирована в рассказе «Такыр» в образ-символ иранской дороги: «Древняя иранская дорога уже тысячу лет несла на себе либо торжествующее, либо плачущее, либо мертвое человеческое сердце».

⁵³ Освобождение женщины Востока — одна из главных задач советской власти в 20—30-е гг. В 1924 г. в Туркмении были приняты меры, обеспечивающие практическое осуществление решений органов советской власти об отмене калыма; в 1925 г. состоялся 1-й Всетуркменский съезд дайханок; были увеличены государственные ассигнования на медицинскую и санитарную помощь аулам и т.д. Однако традиции и обычаи были так сильны, что при принятии в 1936 г. новой Конституции СССР, в Конституцию Туркменской ССР были введены добавления, касающиеся именно принципа равноправия женщин и мужчин и раскрепощения туркменской женщины: «Сопrotивление фактическому раскрепощению женщин (выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное производство, в государственную и общественно-политическую жизнь) карается законом» (История Туркменской ССР. Т. 2. Ташкент, 1957. С. 439). Положению женщины на Востоке Платонов посвятил очерк о туркменке Карагез, идущей по дороге свободы (опубл., см.: Русская литература. 1990. № 4. С. 184—187).

^{53a} Вероятно, описание реальной ситуации. См. выше прим. 50. *Атабаев* — см. выше прим. 2, с. 364—365 наст. изд.

⁵⁴ Поиск имени для героини восточного рассказа «Такыр» отразится в надписи на памятнике матери Джумаль — Заррин-Тадж: «Старая Джумаль». В очерке о Карагез Платонов особо подчеркивал феномен культа предков на Востоке: «Карагез сильно любила свою мать, уже умершую, и особенно бабушку Фатьму, прожившую около ста лет, которую Карагез в живых вовсе не видела, но она хорошо знала ее по рассказам матери и стариков».

⁵⁵ См. выше прим. 50. Запись использована в экспозиции «Такыр»: «Давно в ночное время сорок или больше всадников ехали мирным шагом в долине Фирюзы по краю речного потока. Горы Копет-Дага оберегающе и неясно стояли по сторонам прохладного ущелья — меж Персией и равниной вольных туркменов».

⁵⁶ Запись будет использована в возвышенном описании девочки Джумаль: «И пища ее, как она ни была бедна и однообразна по виду, была создана светом солнца, весенним ветром, водой дождя и росы, теплотою песков, и поэтому тело Джумаль было нежно, а глаза смотрели привлекательно, как будто внутри ее постоянно горел свет».

^{56a} Имена использованы в повести «Джан».

⁵⁷ Своеобразное продолжение одной из последних записей предшествующей книжки (см. выше прим. 56); запись использована в том же фрагменте текста рассказа «Такыр»: «Мыться ей было негде, — воды еле хватало только овцам, — и когда Джумаль становилось тяжело от сала на коже, она выходила туда, где дует ветер, чтобы ветер и песок освежали и очищали ее своим движением».

58 Запись для романа «Счастливая Москва». Работа над романом была отложена в связи с поездкой в Туркмению. Возвратившись в Москву в мае 1934 г., Платонов работает прежде всего над рассказом «Такыр» для коллективной книги, в которой он и будет опубликован (альманах «Айдинг-Гюнтер». М., 1934).

59 *И. Г. Грабский* — театровед, см. телефон в 9-ой книжке. *Н. Н. Тришин* — см. выше прим. 47. *В. Р. Козин* — прозаик, широко публиковался в 30-е годы, автор рассказов и очерков об Азии («Солнце Лебаба», 1930, 1934; «Цвет пустыни», 1932); участник туркменской писательской бригады.

60 Это ощущение отдано матери Джумаль — Заррин-Тадж; родиной Джумаль является Туркмения, которую она и вспоминает, возвращаясь в пески, к могиле матери.

61 В рукописи рассказа «Такыр» списка имен не обнаружено, сохранился список имен в черновой рукописи восточной повести «Джан» (см.: *Корниенко Н. В.* История текста и биография А. П. Платонова. С. 227).

62 В туркменском эпосе образ «Высокой горы», «горы мольбы», где живет «чудесная птица», «дивная птица», «птица счастья», связан с образом «райского сада» Эрема, сказочной страны (Хурлукга и Хемра. Указ. соч. С. 216—218, 327). Эта восточная общемусульманская легенда о райском саде войдет в сказочный сюжет «московского» рассказа «Любовь к родине, или Путешествие воробья (Сказочное путешествие)» (1936).

63 *Аннау* — один из древних городов Туркмении.

63а—63б Первая запись использована в неизвестном тексте; вторая, описание обрядового действия, — в рассказе «Такыр».

64 *Сарториус* — герой романа «Счастливая Москва»; очень важная запись, намечающая вектор движения героя из московского «технического» пространства в мир путешествия и искусства.

65 *Ф. И. Шаляпин* — певец, режиссер, художник, с 1922 г. в эмиграции; упоминается как символ русского реалистического исполнительного искусства XX в., художник, создавший галерею разнохарактерных героев со сложным внутренним миром.

66 См. выше прим. 64.

67 Дата окончания первой поездки Платонова в Туркмению. *Эолова пещаль*. — *Эол*, в греческой мифологии — повелитель ветров.

68 См. выше прим. 32, с. 373 наст. изд.

69 Запись, осмысляющая понятие свободы в культуре кочевничества. Платонов записывает поговорку из предания туркменского кочевого племени салор из города Чарак. Салоры прославились тем, что не платили никогда дани и никому не повиновались: «Туркмен не любит ни тени дерева, ни сени власти» (цит по: *Севастьянов И.* Странички прошлого Туркмении. Указ. соч. С. 88).

70 В рассказе «Такыр» страной лесов и озер названа Россия: «Он воевал с русскими далеко, в том краю, где леса и озера».

71 *Самарканд* — один из древнейших городов Средней Азии (известен с 329 до н.э), в XIV—XV вв. столица государства Тимуридов; в XVIII в. попал

под власть Кокандского ханства, с 1868 г. в Российской империи; с 1924 г. городу возвращен статус столицы Узбекской ССР. Источники приведенной записи неизвестны.

⁷² См. выше прим. 47, 48, с. 376 наст. изд.

⁷³ В 1936 г. Платонов пишет сценарий «Отец-мать» (при жизни писателя не публиковался). Тема ребенка, который ищет отца-мать, становится сюжетообразующей в рассказах 1936—1937 гг. («Глиняный дом в уездном саду», «На заре туманной юности», «Семен», «Алтеркэ»).

⁷⁴ Это замечание по поводу трагикомических отношений жизни и литературы войдет антитезой природы/истории, сокровенного/рационального, ничтожного/сильного в микросюжет смерти-воскрешения героини в рассказе «Такыр»: «Персиянке представлялось в жарком больном уме, что растет одинокое дерево где-то, а на его ветке сидит мелкая, ничтожная птичка и надменно, медленно напеваает свою песню. Мимо той птички идут караваны верблюдов, скачут всадники вдаль и гудит поезд в Туран. Но птичка поет все более умно и тихо, почти про себя: еще неизвестно, чья сила победит в жизни — птички или караванов и гудящих поездов. Заррин-Тадж проснулась и решила жить, как эта птица, пропавшая в сновидении».

⁷⁵ См. выше прим. 12, с. 368—369 наст. изд.

⁷⁶ См. ключевой тезис статьи «О первой социалистической трагедии»: «Она <природа.— Н. К.> не велика и не обильна. Или так жестоко устроена, что свое обилие и величие не отдавала еще никому. Это и хорошо, иначе — в историческом времени — всю природу давно бы разворовали, растратили, проели, упились бы ею до самых ее костей: аппетита всегда хватило бы». Статья «О первой социалистической трагедии» была написана по возвращении Платонова в Москву и передана для горьковского издания «Записные книжки» (См. об этом: *Аннинский Л.* Откровение и сокровение. С. 14—16)

⁷⁷ К. А — Климентов Андрей, настоящая фамилия Платонова; *Нов<и>ков* — Андрей Новиков, советский писатель, знаком с Платоновым с Воронежа (см.: Воспоминания современников. С. 315—316; Т. А. Никонова. А. Платонов и А. Новиков: К истории творческих взаимоотношений // Андрей Платонов. Исследования и материалы. С. 137—151); *Сердцев* — см. выше прим. 80 к 8-ой книжке, с. 359 наст. изд.

⁷⁸ Запись к ненаписанной части романа «Македонский офицер», которая должна была, по логике записи, показать крах империи Александра Македонского. См. выше прим. 73 к 8-ой книжке, с. 358 наст. изд.

⁷⁹ Образ использован в 12 главе романа «Счастливая Москва» в определении Москвой Честновой бесполезной жизни вневойсковика Комягина: «Ты слепой в крапиве,— сказала Москва за дверью».

⁸⁰ Рассказ неизвестен; мотив «мер борьбы с безуспешной жизнью» станет сюжетообразующим в рассказе «Глиняный дом в уездном саду» (под названием «Нужная родина» опубликован в первом номере журнала «Красная новь» за 1936 г.).

⁸¹ Эта и две следующие записи относятся к философскому обоснованию перелома в жизни героя романа «Счастливая Москва» Сарториуса: «Сердце

его стало как темное, но он утешил его обыкновенным понятием, пришедшим ему на ум, что нужно исследовать весь объем текущей жизни посредством превращения себя в прочих людей. Сарториус погладил свое тело по сторонам, обрекая его перемучиться на другое существование, которое запрещено законом природы и привычкой человека к самому себе. Он был исследователем и не берег себя для тайного счастья, а сопротивление своей личности предполагал уничтожить событиями и обстоятельствами, чтобы по очереди в него могли войти неизвестные чувства других людей. Раз появился жить, нельзя упустить этой возможности, необходимо вникнуть во все посторонние души — иначе ведь некуда деться; с самим собою жить нечем, и кто так живет, тот погибает задолго до гроба».

⁸² Эпизод из жизни Матрены Филипповны Чебурковой, не использованный в романе «Счастливая Москва». Биографию этой героини в романе Платонов будет дописывать по возвращении из Туркмении. Так, в жизнь Матрены Филипповны войдет Катя Бессонэ-Фавор, чья фамилия прежде всего напоминает о достижениях «мировой техники» — создании водоподъемника «Бессонэ-Фавор» (см. очерк «Горячая Арктика»).

⁸³ Это наблюдение в разнообразных модификациях будет использовано в прозе Платонова 1935—36 гг. в сюжете «возвращения» героя к миру — в снах-видениях Сарториуса («Счастливая Москва»), Чагатаева («Джан»), Якова Саввича («Глиняный дом в уездном саду») и т.д. В романе «Счастливая Москва» резкий поворот в жизни Груняхина мотивируется «вдруг» обретенным подобным зрением: «Но при выходе хозяйка внезапно обернулась в пустоту своей комнаты. Груняхин внезапно оглянулся туда же, и ему показалось, что все предметы стали вдруг подобиями, искажениями какого-то знакомого, общего человека, может быть — его самого, все они, значит, обратили внимание на присутствующих людей и угрюмо усмехнулись на всех своим неясным лицом и положением».

⁸⁴ См. выше прим. 78.

⁸⁵ Тема «затейника» динамично развивается в драматургии и прозе Платонова 30-х гг. («Шарманка», «Воодушевление», «Фро»). Материалы к развитию темы писатель мог черпать из самых разных и богатых источников «затейнической культуры» (ее официальное название) 20—30-х гг.: сборника «Красная рубаха», предлагавшего стихи, игры, куплеты для «затейнических коллективов» деревни (издание «Красной газеты»), «Журнала крестьянской молодежи», журналов «Безбожник», «Изба-читальня», «Массовик», «Красная эстрада», «Затейник», «Молодой колхозник» и др. См. ниже прим. 99.

^{85a} См. выше прим. 76.

⁸⁶ Источник выписки не установлен.

⁸⁷ Тема Стратилата разрабатывается в творчестве Платонова с середины 20-х гг. Возможно, был написан и текст под названием «Никодим Стратилат»; см. раздел «Записи» (лл. 11, 17—19), с. 260, 263—265 наст. изд.

⁸⁸ Запись использована в работе над финальной главой романа «Счастливая Москва» — сюжетом опрощения Сарториуса-Груняхина «в тишине семейства».

⁸⁹ Характеристики двух двигателей; расчетные формулы мощности и напряжения.

⁹⁰ Судя по характеру записи (изменение строфики, собственные знаки препинания и т.д.), стихотворение Н. Гумилева «Скрипка» (книга «Жемчуга», 1909—1910, посвящено В. Брюсову) воспроизведено Платоновым по памяти. К стихотворению Гумилева Платонов применил собственный принцип работы с рукописью — «редукцию формы» (определение В. Ю. Вьюгина): из стихотворения изъяты 4 центральные строфы, своеобразный символистский центр стихотворения, воссоздающий ступени восхождения к высшему, теургическому смыслу творчества; ср. у Н. Гумилева:

Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.

Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть,—
Тотчас бешеные волки в кровожадном иступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

Ты поймешь тогда, как злобно насмеялось все, что пело,
В очи глянет запоздалый, но властительный испуг.
И тоскливый смертный холод обовьет, как тканью, тело,
И невеста зарыдает, и задумается друг.

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

⁹¹ Запись использована в рассказе «Глиняный дом в уездном саду».

⁹² Запись использована в рассказе «Глиняный дом в уездном саду» в философских размышлениях Якова Саввича о свободе: «...ведь даже соловьи живут в клетках и орлов приручают, а воробей все равно ютится почти под ногами, почему же он сразу кончается в клетке... Зачем ему свобода, когда он летает в длину на один аршин и проживает свою жизнь на двух соседних дворах? А кто может перелететь через море, тот оказывается и в клетке поет!» В мире «животных и растений» Платонова воробей занимает необыкновенно высокое место. В романе «Чевенгур» с воробьем сравнивается русский мужик: «На земле могут погибнуть от долгих унылых невзгод все нежные создания, но такие живородные существа, как мужик и воробей, останутся и дотерпят до теплого дня». В рассказах 1936 г. Платонов создает печально-смешную притчу о воробье («Глиняный дом в уездном саду», «Алтеркэ», «Любовь к родине, или Путешествие воробья»).

⁹³ Запись к финалу романа «Счастливая Москва»; в самых разных вариантах тема «конца человека», «пустого сердца» присутствует в рукописи романа: «...теперь все для него происходило как нарочно, он забылся от злости лишь нечаянно, потому что теперь он не будучи сам собой <...> что своя

жизнь теперь для него была лишь посторонним явлением, почти не чувствующей боли и огорчения»; «Он относился к себе как к мертвой материи, которой не жалко и ее можно сменить на другое вещество. Он удивлялся характеру некоего Груняхина и, вынося его судьбу, сам по себе жил втайне и вдалеке, плача, улыбаясь, но не действуя» («Страна философов», 1999. С. 104—105).

^{93а} Примечания к адресам и телефонам данной книжки см. ниже, прим. 109^а, с. 384—385 наст. изд.

⁹⁴ Тема узника разрабатывается Платоновым параллельно с работой над восточной прозой и романом «Счастливая Москва»; в ее развитии Платонов контаминирует самые разные учения древнего мира и новейшей философии: от египетских представлений о том, что бог может принимать вид животного и душа его может вселяться в зверя и птицу, учения киников с их умалением собственных желаний и потребностей — до учения Платона о двойственной природе мира и человека, о людях-узниках, чья душа, единственная частица занесенная из светлого небесного мира, скована тюрьмой-пещерой, телесной оболочкой человека. Тема освобождения души из плена решается Платоновым в общем русле русской религиозно-философской мысли, русского платонизма и «оправдания добра» В. С. Соловьева: «...истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе, или находить в другом положительное и безусловное восполнение своего существа» (В. С. Соловьев. Смысл любви // Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 73).

⁹⁵ См. выше прим. 36, с. 373 наст. изд.

⁹⁶ Первоначально восточный сюжет будущей повести «Джан» разрабатывался в драматургической форме; сохранился черновой автограф списка действующих лиц «восточной» пьесы, центром которой должна была стать история отца Назара Чагатаева, солдата русского экспедиционного корпуса 80-х гг. XIX в. (ИРЛИ, ф. 780, ед. хр. 3).

⁹⁷ Запись к предыстории несчастной москвички Веры в повести «Джан»; в повести предыстория героини дается в обобщенном виде.

⁹⁸ Брат Господень Иаков (Яков) — действующее лицо неоконченной пьесы Платонова 40-х гг. «Ноев Ковчег (Каиново отродье)» (опубл. см.: Новый мир. 1993. № 9).

⁹⁹ См. выше прим. 85. Кульмассовики-затейники — одна из реалий масовой советской культуры 30-х гг.; затейник — один из популярных героев советской комедии. Запись использована в описании вечера отдыха в провинциальном городке (рассказ «Фро») и включена в тончайший рисунок странных взаимоотношений искусства, социализма, в его идеальных и реальных формах, и самой жизни: «Накормив отца, Фрося ушла из дому. В клубе шло ликование. Там играла музыка, потом слышно было, как пел хор затейников из кондукторского резерва: “Ах, ель, что за ель! Ну что за шишечки на ней!”, “Ту-ту-ту-ту: паровоз, ру-ру-ру-ру: самолет, пыр-пыр-пыр-пыр: ледокол... Вместе с нами нагибайся, вместе с нами подымайся, говори ту-ту-ру-ру, шевелися каждый гроб, больше пластики, культуры, производство — наша цель!”

Публика в клубе шевелилась, робко бормотала и мучилась, ради радости, вслед за затейниками». Эта же картина в драматургическом воплощении представлена в киносценарии «Воодушевление» (см.: *Платонов А.* Воодушевление // Здесь и Теперь. 1992. № 1. С. 189).

¹⁰⁰ Запись использована в неизвестном тексте.

¹⁰¹ Древнегреческое предание об *Атлантиде*, сохранившееся у Платона, именно в первые десятилетия XX в. становится одним из универсальных мифов в русской и европейской культуре; в творчестве Платонова тема исчезнувшей цивилизации развивается с начала 20-х гг. (рассказы-фантазии, «Эфирный тракт», «Чевенгур», «Котлован»). Образ «спрятавшейся Атлантиды» мы находим и в черновых записях 30-х гг. (опубл.: Творчество Платонова. С. 152).

¹⁰² Текст под названием «Узник» неизвестен. См. выше прим. 94.

¹⁰³ Запись к статье «О первой социалистической трагедии».

¹⁰⁴ Образ Сталина — отца и старшего брата, появляется в повести «Джан» в размышлениях Назара Чагатаева: «Сталину еще труднее, чем мне, — думал в утешение себе Назар Чагатаев. — Он собрал к себе всех вместе: русских, татар, узбеков, туркменов, белорусов — целые народы, он соберет скоро целое человечество и потратит на него всю свою душу, чтобы людям было чем жить в будущем и знать что надо думать и делать»; «Чагатаев давно уже жил чувством и воображением Сталина, сначала он любил его нечаянно и по-детски за то, что он стал есть пищу в детском доме <...>. Без него, как без отца, как без доброй силы, берегущей и просветляющей его жизнь, Чагатаев бы не мог ни спастись тогда, ни вырасти, ни жить теперь...» (Архив М. А. Платоновой. «Джан», рукопись, лл. 147, 153).

¹⁰⁵ *Евклид* — древнегреческий математик. Евклидова аксиома составляет основу классического понимания пространства, опирается на наглядные представления об окружающем нас мире и теорию пределов. Новейшие теории пространства в XX в. исходят из предложенной еще в XIX в. геометрии Н. И. Лобачевского, создателя неевклидовой геометрии, отрицающей постулат-аксиому Евклида о параллельных и исходящей из чистой математической мысли. Не получившая признания в XIX в. геометрия Лобачевского в XX в. оказала огромное влияние на развитие и создание теории вероятностей, теории относительности, а также философской и эстетической мысли. Вопросам математики, философии и физики Платонов посвятил статью «Слышные шаги. Математика и революция» (1921); в семейном архиве хранятся книги 20-х гг., посвященные вопросам теории относительности: *Шарль Нордман.* Эйнштейн и вселенная. Луч света и царство тьмы. 2-е изд. М.—П., 1923; *В. Г. Богораз (Тан).* Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. М.—П., 1923.

¹⁰⁶ Договор об образовании СССР был подписан в декабре 1922 г.; 7 апреля 1935 г. принято постановление ЦИК и СНК СССР об уголовной ответственности детей начиная с 12-летнего возраста.

¹⁰⁷ Текст под названием «Другой человек» неизвестен.

¹⁰⁸ Тема выдумывания, «ненужного дела», «мечты в голове» наиболее динамично развивается в рассказах 1935—1936 гг. «Глиняный дом в уездном саду», «Фро», «Алтеркэ». «Выдумывание жизни» оказывается спасительным не только для отдельных героев Платонова, но и для целого народа джан: «Он сам себе выдумает жизнь, какая ему нужна,— сказал Суфьян.— Счастья у него не отыметь...»

¹⁰⁹ Запись использована в неизвестном тексте.

^{109a} Адреса в книжках московские и ленинградские. Из ленинградских в книжке 3 адреса: *А. А. Ахматова* — указан адрес служебной квартиры Н. Н. Пунина, где Ахматова жила с марта 1925 г.; никакими материалами о встрече Платонова с Ахматовой мы не располагаем. *А. С. Кашинцев* — отец жены писателя, жил в Ленинграде; по воспоминаниям Марии Александровны, Платонов был дружен с ее отцом со времени жизни в Воронеже и во время поездок в Ленинград останавливался в его квартире (А. С. Кашинцев умер в блокадном Ленинграде в 1942 г.). *В. М. Мухин* — инженер-изобретатель, соавтор А. П. Платонова по изобретательско-техническим проектам. В семейном архиве А. П. Платонова хранится техническая записка «Электричество на водном транспорте», посвященная вопросам эксплуатации «завершенного Беломорского канала», «освоения его техникой», с предложением о внедрении системы троллейной электротяги и термоэлектрической ледоразработки. Записка подписана рукой А. П. Платонова: «Инженеры: А. Платонов, В. Мухин», нами датируется 1935 г.; к сожалению, никакими сведениями о судьбе В. М. Мухина мы не располагаем. Отметим московские адреса: телефон *треста* «Росметровес», где в это время служит писатель (Москва, Рыбный пер., 2, комн. 31); домашние телефоны сослуживцев по тресту: *А. Г. Божинский* — см. выше прим. 83, с. 359—360 наст. изд.; *Г. Е. Чернявщук* — см. выше прим. 11 к 9-ой книжке, с. 363 наст. изд. Адреса и телефоны кинофабрик — ведут к абсолютно неисследованной странице биографии Платонова, связанной с работой с конца 1928 г. над киносценариями: *Л. А. Инденбом* — директор 4-й студии художественных фильмов киностудии «Мосфильм» (у Платонова записан телефон директора 2-й студии *З. Ю. Даревского*); *А. Н. Андриевский* — сценарист и режиссер, зав. литературно-производственным отделом акционерного общества «Межрабпомфильм». Перед отъездом в Туркмению Платонов заключает договор с издательством «Художественная литература» на издание пьесы «Высокое напряжение» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 15, л. 9). Некоторые адреса, возможно, как-то связаны с драматургией писателя: снова появляется телефон *Д. Л. Тальникова*, здесь же адрес и телефоны драматурга *С. Л. Лунина* (в личной библиотеке А. Платонова сохранилась книга С. Лунина «Распутин. Пьеса в 4 действиях» (Л., 1927) с дарственной надписью: «А. П. Платонову. Автор») и известных советских драматургов *братьев Тур* (*Л. Д. Тубельский, П. Л. Рыжей*). Большая часть адресов и телефонов так или иначе связаны с туркменской ветхой в жизни и творчестве А. П. Платонова и представляет организаторов и участников коллективных трудов советской литературы 1934—1935 гг.— альманахов «Две пятилетки», «Год Девятнадцатый», пятитомника «Люди пятилетки»:

Г. А. Санников — поэт, руководитель туркменской секции СП (см. выше прим. 1—2, с. 364 наст. изд.); Я. С. Рыкачев — прозаик (см. воспоминания Ю. Нагибина в кн.: Воспоминания современников. С. 74—78); К. Л. Зелинский — критик; П. А. Ширяев — прозаик; Б. М. Зубавин — прозаик; А. П. Дроздов — прозаик; П. С. Сухотин — прозаик и драматург; Ф. Сафонов — прозаик (под псевдонимом Ф. Человеков в 1941 г. Платонов опубликовал в 4-ом номере журнала «Детская литература» рецензию на книгу Ф. Сафонова «Власть над землей»); Я. М. Металлов — журналист, историк литературы; знаком с Платоновым со времен участия в заседаниях воронежского кафе-клуба «Железное перо». В журнале «Красная новь» проходило обсуждение «туркменской» прозы А. Платонова, которую горячо поддерживает главный редактор журнала, критик В. В. Ермилов (см.: Аннинский Л. Откровение и сокровение. С. 13; Воспоминания современников. С. 425); при поддержке главного редактора журнала в 1936 г. на страницах «Красной нови» печатаются рассказы А. Платонова «Третий сын», «Нужная родина» (№ 1), во втором номере — дается анонс новых публикаций рассказов писателя (см. письмо В. Ермилова Платонову 1935 г.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 24). Кратко поясним и адрес «Жоржа», так звали в семье писателя *Георгия Степановича Малюченко*. Г. С. Малюченко — в начале 20-х годов работал в Воронеже, вел широкую культурно-просветительскую работу, о чем сообщали воронежские газеты. По воспоминаниям В. А. Трошкиной именно Г. Малюченко познакомил А. Платонова с его будущей женой (см.: Судьба, изломанная росчерком «самодержца». Из неопубликованных воспоминаний друзей и коллег об А. Платонове (В. А. Трошкина, З. С. Маркина, Д. И. Ортенберг, Е. А. Таратута, Ф. Ф. Сучков, М. П. Шевченко) // Советский музей. 1991. № 1. С. 41—45). Можно предположить, что книги Г. С. Малюченко, изданные в краснодарском и ростовском издательстве «Буревестник», были хорошо известны Платонову и вошли в «круг чтения» его героев (см.: *Малюченко Г. Парижская коммуна*. Сб. материалов для чтения и проработки в рабочих и комсомольских клубах, избах-читальнях, нардомах, школах, политкружках и т.п. Сост. Г. С. Малюченко. Ростов-на-Дону, 1925; *Малюченко Г., Жданович Л. Первое Мая*. Сб. материалов политпросветработы. Там же. 1925; *Малюченко Г.* 9-е января 1905 г. Ростов-на-Дону—Краснодар, 1925; *Малюченко Г., Лихницкий Н.* Атлас наглядных пособий по истории классовой борьбы на Западе. М.—Л., 1930 и т.д.). Остальные адресаты данных книжек см. в «Указателе имен».

¹¹⁰ Быль использована в неизвестном тексте.

¹¹¹ См. выше прим. 83 к 8-ой книжке, с. 359—360 наст. изд.

¹¹² *Купырь* — род трав семейства зонтичных, в Евразии около 20 видов.

¹¹³ Запись к финалу романа «Счастливая Москва». На пути к новому воплощению Сарториус проходит этап открытия антииндивидуалистического смысла Москвы в советской культуре 30-х гг., архетипически связанного с народным восприятием оппозиции Петербурга/Москвы в русской культуре: «Сарториус прислонился лицом к оконному стеклу, наблюдая любимый город, растущий в будущее время, взволнованный работой, отрекающийся от

себя, бредущий вперед с неузнаваемым молодым лицом: — Что я один?! Стану как город Москва».

¹¹⁴ *Куня-Ургенч* — город в Туркмении, недалеко от Хивы. Именно по этим местам идет Назар Чагатаев в поисках ушедшего народа.

¹¹⁵ Новая поездка Платонова в Туркмению в январе 1935 г.; см. выше прим. 2, с. 364—365 наст. изд. Во время этой поездки в Туркмению была написана повесть «Джан», первая редакция которой уже в марте 1935 г. обсуждается в редакциях журнала «Красная новь» и альманаха «Две пятилетки» (см.: *Аннинский Л. А.* Откровение и сокровение. Указ. соч. С. 13—14).

¹¹⁶ Запись будет использована в повести «Джан» для акцентирования оппозиции жизни провинции и «мирового города»: «Внутри почтового помещения висели плакаты с изображением дальних авиационных сообщений, на наклонных столах под стеклом лежали образцы правильных почтовых адресов — в Москву, в Ленинград, в Тифлис, как будто все местные люди пишут письма только в эти пункты и тоскуют только по этим прекрасным городам».

¹¹⁷ Источник записи не установлен.

¹¹⁸ Никаких данных о пьесе, посвященной восточному базару, мы пока не имеем. Сюжет восточного базара занимает ключевое место в путешествии Назара Чагатаева по пустыне в поисках ушедшего народа; запись развернута в повести «Джан» в достаточно подробную картину описания жизни базара и его смысла в народной жизни (глава 17). В редуцированном виде тема базара войдет в рассказ «Река Потудань» (Платонов писал рассказ, когда уже было ясно, что повесть «Джан» не будет опубликована).

¹¹⁹ *А. Г. Божинский* — управляющий трестом Росметровес, см. выше прим. 83 к 8-ой книжке, с. 359—360 наст. изд. Речь идет о внуке Божинского — Павле, воспитанием которого, по воспоминаниям Марии Александровны Платоновой, занималась жена Божинского.

¹²⁰ См. выше прим. 54 к 7-ой книжке, с. 351 наст. изд.

¹²¹ *А. Бекович-Черкасский*, князь, возглавлял первую русскую экспедицию в Туркмению (1715—1817); вероломно убит хивинским князем. *Н. Н. Муравьев*, руководитель второй русской экспедиции в Туркмению (1819—1821); автор книги «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах» (СПб., 1822). Платонов неоднократно обращался к свидетельствам Н. Н. Муравьева о Туркмении (см. об этом: *Корниенко Н. В.* «Записки» Андрея Платонова // Русская литература. 1990. № 3. С. 184—187). Экспедиция Муравьева тайно занималась в Туркмении раскопками развалин городов и крепостей. Эпизод раскопок «Серебряного бугра», описанный в «Путешествии в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах», вошел во многие туркменские антологии 20—30-х гг., из которых Платонов и мог сделать данную выписку, см.: «По рассказам жителей, здесь (на «Серебряном бугре». — *Н. К.*) откапывались древние монеты, однако Муравьев, оказавшийся случайным археологом, ничего «кроме множества битой стеклянной и каменной посуды, не нашел» (Цит. по: *Севастьянов И.* Странички прошлого Туркмении. С. 40—41).

¹²² Н. Н. Никитин — известный советский прозаик и драматург; в это время работал над «азиатским» романом «Это было в Коканде» и пьесой «Баку».

¹²³ Присказка использована в повести «Джан», в монологе «русского старика, по имени Старый Ванька», излагающего философию терпения: «Терпи: поживем, побьемся, да и меду в кадушках дождемся, — с толстым ломтем подойдем да макнем».

¹²⁴ Запись использована в рассказе «Третий сын».

¹²⁵ Запись к философско-поэтическому пейзажу пустыни, духовный смысл которого к финалу повести открывается Назару Чагатаеву: «Чагатаев тоже посмотрел в ту сторону — и увидел на краю пустыни, низко от земли, череду белых облаков, или то были снежные вершины Копет-Дага и Парапамиза, или это было ничто, игра света в воздухе, кажущееся воображение далекого мира» («Джан»).

¹²⁶ Запись к финалу романа «Счастливая Москва».

14-ая, 15-ая, 16-ая книжки, 1935—1937 гг.

Москва — Красный Лиман — Медвежья Гора — Ленинград — Москва

¹ Тема железной дороги, «великого пути» одна из символически-насыщенных тем советского романа 30-х гг. («Дорога на океан» Л. Леонова, «Как закалялась сталь» Н. Островского). Большой государственный заказ на художественное освещение темы железной дороги советская литература получила в 1935 г., когда народным комиссаром путей сообщения СССР был назначен видный партийный деятель, первый секретарь МГК Л. М. Каганович. В октябре 1935 г. прошли последние крупные судебные процессы о крушениях на станциях железной дороги; эту политическую тему сменяет на страницах газеты «Гудок» новая — о стахановцах транспорта, рекордах железнодорожников, о развертывании массового движения стахановцев и об открытии самых разных «обществ» на железнодорожных станциях СССР. 5 августа 1935 г. постановлением ЦИК СССР большая группа железнодорожников была награждена высокими правительственными наградами, орденосцам была посвящена книга их биографий «Люди великой части» (М., 1935). В сентябре-октябре 1935 г. по инициативе Л. М. Кагановича, газеты «Гудок» и Союза писателей был сформирован большой авторский коллектив из драматургов, сценаристов, прозаиков, критиков, поэтов для работы над книгой о героях железнодорожного транспорта. Платонов был включен в авторский коллектив; в январе и марте 1936 г. он посетил железнодорожные станции Красный Лиман и Медвежья Гора и встретился с закрепленными за ним героями. По материалам этих командировок в 1936 г. написаны рассказы «Бес-смертие», «Фро», «Среди животных и растений», киносценарий «Воодушев-

ление» (подробно об опыте участия Платонова в работе над коллективной книгой о героях железнодорожного транспорта см.: Воспоминания современников. С. 327—347).

² Запись, комментирующая последние главы романа «Счастливая Москва».

³ Запись к роману «Счастливая Москва».

^{3a} Возможно, речь идет о реальном лице.

⁴ Запись использована в неизвестном тексте.

⁵ Рассказ под таким названием неизвестен.

⁶ *Надя и Вера* — младшие сестры писателя; Надя умерла в 1920 г.

^{7–8} Записи, комментирующие «перестройку» Сарториуса в последней главе романа «Счастливая Москва».

⁹ Чертежи конвейерных весов и техническая записка к ним хранятся в архиве М. А. Платоновой. В феврале 1936 г. А. П. Платонов оставляет работу в Росметровесе, но конструкторскую работу продолжает. 3 июня 1935 г. датировано заявление Платонова на имя управляющего трестом «Росметровес»: «Прошу освободить меня от работы в тресте, ввиду того, что невозможно иметь условия для выполнения того объема работ, который был намечен. Продолжать работу по некоторым темам, которые возможно выполнить в кустарных условиях, я буду в качестве конструктора, не работающего в тресте, т.к. я не могу оставить без продолжения и окончания работу, на которую я истратил 1¹/₂ года труда. Кроме того, усилия, которые по ряду обстоятельств не дают еще результатов, делают мое положение в тресте ложным и — больше того — доводят до болезненного состояния, при котором работать чрезвычайно трудно» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 9). «Болезненное состояние» выбора, правда, с иной, чем в заявлении, мотивацией, передается Платоновым герою романа «Счастливая Москва» инженеру Сарториусу, покидавшему «Республиканский трест весов, гирь и мер длины — “Мерило труда”».

¹⁰ Запись по-своему комментирует итог финальной 13 главы романа «Счастливая Москва», где разворачивается сюжет опрощения Сарториуса, нисхождения технического героя эпохи в «низшую действительность»: «Сейчас я скроюсь и пропаду среди всех!» — неопределенно и легко думал он о своем намерении» (см.: *Абашева М.* «Пропаду среди всех!» (А. Платонов и сюжет «ухода» в русской литературе XX века) // «Страна философов» А. Платонова, 1999. С. 350—357). Запись важна в контексте связи финала московского романа с рассказами о «низшей действительности» 1936 г., где тема выдумывания человеком жизни из любого «ничтожества» становится лейтмотивной.

¹¹ Тема животных и растений получает самостоятельное сюжетное решение в рассказах 1936 г. («Семен», «Глиняный дом в уездном саду», «Среди животных и растений»).

^{12–13} Записи использованы в неизвестном тексте.

¹⁴ Пьеса под таким названием неизвестна. *У Склифосовского* — имеется в виду Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Склифосовского.

¹⁵ Запись, комментирующая главы романа «Счастливая Москва», посвященные хирургу Самбикину и новому «медицинскому» объяснению феномена жизни и души.

^{15a} *Каланчевская площадь* — площадь трех вокзалов в Москве, любимое место героев Платонова — «душевных бедняков», покидающих «верховный руководящий город» («Впрок»); запись к 13 главе романа «Счастливая Москва».

^{15b} О Г. С. Малюченко см. выше прим. 109^a, с. 385 наст. изд.

¹⁶ Новые адреса и телефоны в данной книжке немногочисленны: И. М. Зусманович — писательница, редакционный работник. Журнал «Общественница» — орган Наркомата тяжелой промышленности (Цветной бульвар, 30, комн. 424); возможно, в это издание Платонов предлагал очерки о туркменской женщине Карагез, идущей путями свободы; в журнале «Общественница» широко печатались советские писатели Д. Хаит, Н. Вирта, С. Маршак, И. Ильф и Е. Петров и др. Неизвестна история публикации туркменского очерка «Горячая Арктика»; возможно, Платонов предлагал очерк в газету «За индустриализацию». Остальные адреса и телефоны см. по «Указателю имен».

¹⁷ См. выше прим. 1. В данной записи речь, очевидно, идет о встрече писателей со стахановцами железнодорожного транспорта в редакции газеты «Гудок» в ноябре 1935 г. (точных сообщений на страницах газеты нам не удалось обнаружить). 14—17 ноября 1935 г. в Москве проходило первое совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта, в рамках которого могла пройти встреча писателей с будущими героями их произведений. В частности, газета «Гудок» в ноябре 1935 г. не раз писала о делегате съезда стахановцев стрелочнице станции Омск Александре Неудахиной. На наш взгляд, именно о ней идет речь в записи Платонова. В рассказе «Среди животных и растений» явно отзовется история жизни Александры Неудахиной, рассказанная ею на съезде: «Отчего у нас крушения? Оттого, что стрелки грязные. Если стрелки будут чистые, то никогда не будет крушения. Стой, как часовой на посту, и зорко смотри по сторонам. <...> Я вычистила стрелки, привела их в порядок, и они стали работать гораздо лучше, чем раньше. <...> Страна наша стала культурной. Я на своем маленьком участке решила показать, как важно привести в порядок не только стрелку, но и стрелочную будку. Моя будка блестит и внутри и снаружи. Она меблирована, как жилая комната. В ней стоят два венских стула, тумбочка, две табуретки, круглый столик, умывальник с чистым полотенцем и мылом, зеркалом и аптечка с медикаментами. Моему примеру последовали все стрелочники станции Омск. К Октябрьской годовщине мы почистили и убрали все 25 станционных стрелок» (Гудок. 1935. 14 ноября).

^{18—18a} *Лиман* — станция Донецкой железной дороги; станция Красный Лиман находится в Харьковской области. 27 января 1936 г. на творческом совещании в Союзе писателей, посвященном будущей книге о «людях железнодорожной державы», за Платоновым были «закреплены» в качестве героев его будущего рассказа два орденоносца станции Красный Лиман — главный кондуктор станции А. П. Ворона и начальник станции Э. К. Цейт-

лин (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 78, л. 4). Героем рассказа Платонова «Бессмертие» («Красный Лиман») стал лишь один орденоседец — начальник станции Э. К. Цейтлин. 29 января 1936 г. газета «Гудок» опубликовала статью-рапорт «Станция Красный Лиман добилась первых успехов», подписанную стахановцами станции во главе с ее начальником Э. Цейтлиным (имя А. П. Вороны отсутствует). *Рева* — кондуктор станции Красный Лиман, см. ниже прим. 20.

¹⁹ Запись использована в рассказе «Фро»: «Над потолком комнаты Фроси, на третьем этаже, все время раздавались короткие звуки губной гармонии <...>. Там, наверху, жил маленький мальчик, сын токаря из депо. Отец, наверно, ушел на работу, мать стирает белье,— скучно, скучно ему».

Образ мальчика с губной гармошкой, играющего «свою обыкновенную младенческую песнь», появляется в рассказе «Фро» и киносценарии «Воодушевление»; в киносценарии «мальчик с губной гармонией, лет 5—6» включен в список главных действующих лиц (опубл., см.: Здесь и Теперь. 1992. № 1. С. 174—219).

²⁰ *Астольф де Кюстин* — маркиз, французский литератор, монархист; автор известной книги воспоминаний о России «Россия в 1839 году» (1849); в сокращении впервые была издана на русском языке в 1930 г. Платонов дает свободное изложение идей Кюстина о России как стране антиевропейской, стране «рабов», «варваров» и «тиранов». *Рева* — стахановец станции Красный Лиман, добился снижения простоев поездов, формировал поезд за 15 минут при норме один час (Гудок. 1936. 29 января). Чисто платоновское противопоставление (маркиз-рабочий), в котором в целом изложена государственно-партийная концепция развития промышленности первой и второй пятилетки. Ср.: «...партия была вынуждена подхлестывать страну, чтобы не упустить времени, использовать до дна передышку и успеть создать в СССР основы индустриализации, представляющие базу его могущества. Партия не имела возможности ждать и маневрировать, и она должна проводить политику наиболее ускоренных темпов» (*Сталин И.* Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. С. 183—184).

²¹ Запись использована в рассказе «рабочей подруги» Фроси-Фро Натальи Буковой о своей жизни («Фро»).

²² Неустановленное лицо.

²³ Записи к портрету Фро-Фроси («Фро»).

²⁴ Запись использована в рассказе «Среди животных и растений»: «Мать Ивана Алексеевича приложила правую руку к щеке, пригорюнилась, а потом стала улыбаться. Она желала бы быть доброй постоянно, но ей нельзя было,— ведь все поедят, попьют, износят, а мужики перестанут работать, и тогда семейство помрет от нужды, двор зарастет лесом, выйдет заяц из кустов и будет гадить, где жил человеческий род».

²⁵ Запись, комментирующая «путь» Сарториуса за пределами романа «Счастливая Москва».

²⁶ Запись использована в монологе Наташи Буковой («Фро»).

²⁷ *Корчебоков* — один из героев сценария «Воодушевление».

^{28—29} Рассказы под такими заглавиями неизвестны; второй половиной 1936 г. мы датируем замысел романа «Путешествие из Ленинграда в Москву» и первые наброски к освоению петроградско-ленинградской темы (сохранились в архиве М. А. Платоновой и фонде А. П. Платонова в РО ИРЛИ).

³⁰ Рассказ под таким заглавием неизвестен.

³¹ Запись представляет отклик Платонова на публикацию 26 января 1936 г. в газете «Правда» редакционной статьи «Сумбур вместо музыки» (об опере Д. Шостаковича «Катерина Измайлова»).

^{31а} Большой эпизод о «негорящих спичках» в родительском доме Саши Дванова, отмеченный 1919 годом, имеется в рукописи повести «Строители страны». Рукопись повести вошла одной из частей в рукопись романа «Чевенгур». При переработке повести в роман данный, во многом автобиографический эпизод был опущен. Думается, что в 1936 г. Платонов не раз обращался именно к рукописи романа, в частности, в работе над рассказом «Река Потудань».

^{31б} Запись к неизвестному тексту.

³² Запись к ненаписанным сюжетам романа «Счастливая Москва».

³³ Наброски к технической записке.

³⁴ Запись к рассказам 1936 г. «Фро» и «Река Потудань».

³⁵ Запись к рассказам 1936 г., см.: «Это счастье происходит не от добра и не от других людей, а от силы растущего сердца, из глубины тела, согревающегося своим теплом и своим смыслом. Там, в человеке, иногда зарождается что-то самостоятельно, независимо от бедствия его судьбы и против страдания, — это бессознательное настроение радости...» («Семен»).

³⁶ Запись к ненаписанным сюжетам романа «Счастливая Москва». Далее в книжке также присутствуют подобные — неиспользованные — записи. Возможно, заглавием романа Платонов обозначал дальнейшее развитие «московской» темы за пределами романа, в частности, в новом московском рассказе — «Скрипка» («Московская скрипка»).

³⁷ Резюме Платонова к истории публикации рассказа «Среди животных и растений» в журнале «Новый мир» (см. телефон журнала в 14-ой книжке). *И. М. Гронский* — главный редактор журнала «Новый мир». В мае 1936 г. рассказ «Среди животных и растений» был принят журналом к публикации с условием необходимых поправок. *И. М. Гронский* писал автору рассказа: «Дорогой товарищ Платонов! Рассказ Ваш — “Среди животных и растений” — написан прекрасно. Сдаю для очередной книги журнала и Вас поздравляю с успехом. <...> Поправки, о которых я говорил, не мешают основной идее рассказа и не ослабляют рассказа. Если хотите, давайте я внесу эти поправки, и Вы увидите, что Ваши опасения ни на чем не основаны» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 21—22). Новомировская машинопись сохранила направление предлагаемой редактором правки, заметки на полях и подчеркивания (обозначены курсивом): «Ему было злбно, что он не знает науки, не ездит в поездах с электричеством, не видел мавзолея Ленина»; «Ого, Каганович вас здорово шурует... вот это драматургия»; «...и играть повсюду

в красных уголках новый репертуар, кроме *сумбура, осужденного в центральных газетах*; «...ты станешь знаменитой *странной женщиной*» и т.д. (Архив М. А. Платоновой). Рассказ «Среди животных и растений» в редакции 1936 г. впервые опубликован в журнале «Россия» (1998, № 1).

³⁸ Запись к рассказу «Любовь к родине, или Путешествие воробья (Сказочное путешествие)». Первое название — «Тверской бульвар» — сохранила рукопись рассказа (архив М. А. Платоновой).

³⁹ Запись к незавершенному восточному роману Платонова (см. выше прим. 73 к 8-ой книжке, с. 358 наст. изд.).

⁴⁰ Источник записи неизвестен.

^{40а} *К. А. Большаков* — поэт и прозаик, жил на Тверском бульваре, 25. См. в книжках записи, посвященные ему, — с. 146, 188 наст. изд.

^{40б} Очевидно, описание реальной ситуации из жизни треста «Росметровес»; *Г. Е. Чернявщук* — инженер треста, см. выше прим. 11 к 9-ой книжке, с. 363 наст. изд.; *З. Д. Крейман* — старший экономист треста.

⁴¹ Очевидно, зарисовка реальной ситуации в журнале «Литературный критик». *Е. Ф. Усиевич* — советский критик, член редколлегии журнала «Литературный критик»; с ее предисловием на страницах журнала в 1936 г. были опубликованы рассказы Платонова «Фро» и «Бессмертие». *И. В. Евдокимов* — советский прозаик, редакционный работник; *А. В. Перегудов* — советский прозаик. В 1937 г. статьи Е. Усиевич, а так же ее публичные выступления о кризисе в современной советской литературе стали предметом обсуждения на совещании актива коммунистов-критиков Союза писателей (см.: РГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 55, лл. 15—34). Запись фиксирует высказанное Е. Усиевич положение о кризисе в современной литературе (*Усиевич Е. К спорам о политической поэзии // Литературный критик. 1937. № 4*).

⁴² *Б. А. Тураев* — востоковед, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока; автор работ по древнему Египту, Двуречью, истории религии. *Кенематоухель* — вероятно, искаженное *Кецалькоатль*, одно из трех главных божеств в мифологии индейцев Центральной Америки (бог творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихий).

⁴³ Очевидно, запись также имеет реальный «трестовский» источник: *Тарасов* — инженер треста (его телефон сохранился в записной книжке жены А. П. Платонова), см. прим. 78 к 8-ой книжке, с. 359 наст. изд. *М. А. Иванов* — инспектор инспекторской группы по весоизмерительным базам; *спиридоновец* — последователь идей лидера партии эсеров М. А. Спиридоновой. *Г. Е. Чернявщук* — см. выше прим. 40б. Дружеские отношения с Георгием (Жоржем) Чернявщуким сохранились и после ухода Платонова из Росметровеса.

⁴⁴ Записи в книжке представляют собой материалы поездки А. П. Платонова из Ленинграда в Москву в феврале 1937 г. Эта поездка входила в план работы над романом «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году». Договор на роман был подписан в 1937 г. с журналом «Знамя» и издательством «Советский писатель» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 161, лл. 24—25).

Поездка Платонова проходила в пушкинские дни 1937 г.: 23 февраля, в день отъезда Платонова из Ленинграда в Москву, в Москве открылся Пленум СП СССР, посвященный 100-летию со дня смерти А. П. Пушкина (о связях материалов данной книжки с рассказами конца 30-х гг. см: «Страна философов», 1994. С. 323—333). Записи этой книжки использованы в «смиренной» прозе А. П. Платонова («Юшка», «Великий человек», «Уля», «Корова») и пьесе «Избушка бабушки» (рукопись хранится в архиве М. А. Платоновой). Конкретное соотношение записей книжки и текстов рассказов нами не комментируется.

^{44a} *Фербенкс и Libra* — типы весов.

⁴⁵ Под заглавием «Черноногая девчонка» известны наброски о туркменской девочке Карагез (архив М. А. Платоновой; фонд А. П. Платонова в ИРЛИ); два варианта начала рассказа «Черноногая девчонка» сохранила рукопись рассказа «Путешествие воробья» (обороты рукописи).

⁴⁶ Известен немецкий живописец и график второй половины XIX в. *Адольф Менцель*, автор жанровых реалистических картин.

⁴⁷ Жена Ярослава Мудрого шведская принцесса *Ингигерда* (в крещении — Ирина) похоронена в Софийском соборе в Киеве. Утверждение Платонова опирается на новгородскую традицию, которая существовала с 30—40 гг. XV в. Согласно ей, мать сына Ярослава — Владимира Ярославовича похоронена в Новгородском Софийском соборе.

17-ая и 18-ая книжки, 1938—1939 гг.

Москва

¹ В 1938 г. Платонов пишет серию статей, посвященных современной западной и американской литературе: «Навстречу людям (По поводу романа Эрнеста Хэмингуэя “Прощай, оружие” и “Иметь и не иметь”); «Суший рай (По поводу романа Р. Олдингтона “Суший рай”); «О “ликвидации человечества” (По поводу романа К. Чапека “Война с саламандрами”); «“Гордубал” Чапека»; статья об Уэллсе в архиве пока не обнаружена.

² Тема «возвращения» героя романа «Счастливая Москва» Сарториуса к самому себе решается в 1938 г. на страницах рассказа «Московская скрипка».

³ Запись читается в контексте нарастающей с конца 1937 г. критики на страницах литературной периодики статей А. Платонова. Платонов не признавал руководящей роли советской критики в литературном процессе. Эта его позиция была неизменной, см.: «Фабрика литературы», 1926; «Великая Глухая», 1931; «Пушкин — наш товарищ», 1936; «Возражение без самозащиты. По поводу статьи А. Гурвича “Андрей Платонов”», 1937.

⁴ Запись к неизвестному рассказу.

⁵ Пояснения к списку адресатов книжки см. ниже прим. 13, а также в «Указателе имен».

^{6–7} Источник и цель записей неизвестны.

⁸ См. раздел «Записи» (л. 22), с. 266 наст. изд.

^{8a} Текст «Проходящий человек» неизвестен. В архивах Платонова сохранились фрагменты самых разных сюжетов конца 30-х гг., где главным персонажем вновь становится идущий по миру «душевный бедняк»; формула «проходящего человека» использована в набросках к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году»; см. также раздел «Записи» (л. 22).

⁹ См. раздел «Записи» (л. 22).

¹⁰ Речь идет об одноактной пьесе «Голос отца» (об истории создания пьесы см.: *Харитонов А. А.* Пьеса А. П. Платонова «Голос отца» («Молчание»). История текста — история замысла // Из творческого наследия русских писателей XX века. СПб., 1995. С. 391—425).

¹¹ Мать жены писателя *Мария Емельяновна Кашинцева* жила в семье А. П. Платонова. Похоронена на Армянском кладбище.

¹² Сын А. П. Платонова *Платон Платонов* (1922—1943) был арестован в мае 1938 г. и 23 сентября 1938 г. осужден приговором военной коллегии Верховного суда СССР по политическим статьям, как один из «руководителей антисоветской молодежной террористической и шпионско-вредительской организации, действовавшей в г. Москве»; отбывал срок в Норильлаге, приговор был отменен в декабре 1939; освобожден из лагеря в ноябре 1940 г. (см. опубликованные В. Шенталинским материалы дела Платона Платонова из архивов НКВД/КГБ: *Платонов А.* Технический роман. М., 1991. С. 35—45).

¹³ В данных книжках адреса и телефоны занимают основное место и связаны с активным участием Платонова в литературной жизни, а также с арестом сына. Все доступные нам пояснения к именованным адресам даются в «Указателе имен». Отметим лишь некоторые адреса. Издательские: в 1938—1939 гг. основные публикации Платонова связаны с *Детиздатом* и его журналами; наиболее напряженные переговоры, в том числе и денежные, идут с издательством «Советский писатель», где в 1938 г. готовятся книги «Размышления читателя» и «Николай Островский» (см.: Воспоминания современников. С. 421—424), а также с редакцией ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия», по договору с которой Платонов должен был к 1 ноября 1939 г. представить рукопись книги «Н. Е. Жуковский» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 24, лл. 23—24). Мы предполагаем, что книгу «вела» редактор авиационного журнала «Самолет» (телефон в книжке соответствует номеру редакции журнала). Журнал «Самолет» являлся органом Центрального совета союза Осоавиахим СССР; возможно, архивы этого журнала хранят платоновские материалы второй половины 30-х гг., связанные не только с книгой о Н. Е. Жуковском, но и с историей текста романа «Счастливая Москва». Телефон «Гудка» и помета (о деньгах) связана с публикацией рассказа «Бессмертие» в книге «Железнодорожный транспорт в советской литературе» (М., 1939). Появление в книжках нескольких телефонов «Литературной газеты» объясняется усиле-

нием новой волны ожесточенной критики творчества А. П. Платонова и публикацией на страницах «ЛГ» статьи *В. Ермилова* «О вредных взглядах “Литературного критика”» (Литературная газета. 1939. 10 сентября) (см.: Воспоминания современников. С. 425—429). Предположительно, переделкинский адрес имеет отношение к выдающейся пианистке *Марии Вениаминовне Юдиной*; никакой информацией о знакомстве А. П. Платонова с М. В. Юдиной не располагаем; единственным источником является развитие бетховенской темы на страницах романа «Счастливая Москва» и рассказа «Московская скрипка» и воспоминания современников об одухотворенной игре и «огромной силе духа» М. В. Юдиной (см.: Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996. С. 255—267). Телефоны книжки, начинающиеся с К 6, очевидно, принадлежат работникам Прокуратуры, которые вели дело сына писателя Платона Платонова (*Чмякин, Березовский, Я. Генкин, Б. Болтянский, Г. Смелюк*).

19-ая и 20-ая книжки, 1941—1942 гг.

Москва — Уфа — Москва

¹ Ср. запись с текстом письма Л. И. Гумилевского Платонову 1941 г.: «...за все почти время нашего знакомства Вы находились в каких-то ненормальных условиях, созданных как бы роком, странным, нисколько не зависящим от Вас стечением обстоятельств, и законно, хотя бы и бессознательно (тем более справедливо), относились к себе как к почти человеку, пораженному случайным заболеванием, что ли...» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 128, л. 15).

² В июле 1941 г. по направлению Политуправления НКПС Платонов находился на Ленинградском фронте (станции *Дымы, Тихвин*). Командировочное удостоверение данной поездки хранится в семейном архиве. Записи книжки легли в основу замысла сценария «Сестра красноармейца» о подвиге машинистов в первые дни войны. Главным героем сценария должна была стать Мария Готовцева, которая «останавливает несущую часть поезда, у которого разбомблен паровоз» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 98). В архиве Госфильмофонда сохранились материалы переписки А. Платонова лета 1941 г. о двух сценариях. Прежде всего, речь шла о переработке довоенного сценария «Июльская гроза» и его представлении в Сценарную студию к 15 августа; характер переработки текста «Июльской грозы» подробно изложен в письме В. Шкловского от 25 августа 1941 г. (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 123). Очевидно, авторская переработка «Июльской грозы» не устроила редакторов, и Платонов предложил Студии поддержать его работу над текстом сценария на военную ленинградскую тему. 31 августа датируется письмо главного редактора Сценарной студии Комитета по делам кинематографии при СНК СССР: «Глубокоуважаемый Андрей Платонович! Прежде всего я дол-

жен исправить некоторые фактические неточности Вашего письма. Насколько мне известно, второй вариант Вашего сценария должен был исправляться не только в плане введения в него специальных мотивов, но потому, что он требовал дальнейшей работы над сюжетом и характерами. Предлагаю сейчас поэтому студиям к постановке второй вариант Вашего сценария я не имею возможности и по соображениям художественного порядка. Нас вполне устраивает Ваше предложение написать сценарий об обороне Ленинграда. Договор будет нами переписан, а полученные Вами авансы переведены на новый договор после Вашего возвращения из Ленинграда, когда мы сможем подробно договориться о наметках будущего сценария. Главный редактор Сценарной студии Коварский» (Архив Госфильмофонда. Разыскание М. Немцова и Д. Кудри). Когда писалось данное письмо, Платонов был в районе станции *Дымы*. Материалами о судьбе сценария об обороне Ленинграда мы не располагаем. (Ленинград оказался в блокаде осенью 1941 г.).

³ Город *Кирсанов* находится в Тамбовской области.

⁴ Дальнейшие записи относятся ко времени эвакуации Платонова и его семьи из Москвы в Уфу осенью 1941 г. В апреле 1942 г. Платонов получает разрешение на возвращение в Москву (см.: Воспоминания современников. С. 445—448); последние письма из Уфы датированы концом мая 1942 г.

⁵ Текст рассказа «Генерал Ефим» неизвестен.

⁶ Текст пьесы на данную тему неизвестен.

⁷ Очевидно, одно из первых названий рассказа «Крестьянин Ягафар» (написан в Уфе).

^{7а–7б} Тексты рассказов «Будущий мир» и «Зимовка в Уфе» неизвестны.

⁸ Запись использована, текст неизвестен.

^{8а} Станция *Кочезовка* в атласе железных дорог СССР отсутствует (недалеко от Уфы есть ст. Косяковка). По воспоминаниям Ф. Ф. Сучкова он встретился с эвакуируемой семьей Платонова на станции *Кочетовка* (см.: Воспоминания современников. С. 91). Адресаты см. в «Указателе имен».

⁹ Текст рассказа «Пувак» неизвестен.

¹⁰ См. раздел «Записи» (л. 22), с. 266 наст. изд.

^{10а} Источник выписки неизвестен. В рассказе «Крестьянин Ягафар» подобное философское понимание войны будет доверено старому «башкирину»: «Всемирной войны бабай тоже не испугался: он давно чувствовал, что где-то посредине земли зреет смертное зло; и теперь оно вышло наружу, в войну, как и должно быть. Бабай чувствовал нарастающее всемирное зло по людям, по содроганию их тихих сердец, все более берегущих свое счастье, свое семейство и свою родную землю — все, что будет вскоре удалено от них и страдать отдельно в бедности».

¹¹ Текст рассказа «Марксистка» неизвестен. См. набросок экспозиции рассказа в разделе «Записи» (л. 31), с. 269 наст. изд.

¹² Текст рассказа «То» неизвестен, сохранился лишь фрагмент: «Он прошел почти всю землю, и теперь ему уже немного осталось пройти земли и немного прожить времени. Он был стариком, семидесяти лет от роду. Он родился некогда в Южной Америке, в Чили, на берегу Тихого океана. Отец его

занимался сбором винограда в океане для химической фабрики, и старик играл в своем детстве на берегу океана и смотрел в даль — в ту даль, которая затем увлекла его к себе и не возвратила его никогда.

Он забыл теперь и берег Тихого океана, и отца, и место своего рождения: он все забыл, потому что старался не помнить. То, что минуло, прожито, что пройдено и почувствовано однажды. Он ничего не хотел видеть или иметь в повторении, потому что все увиденное и пережитое им не было тем, что ему нужно было в жизни — единственным, необходимым и заранее любимым — тем, о чем он постоянно томился, на что он надеялся, и что ему обещало радость в будущем.

Что же это было, столь нужное, столь достоверное, как неизбежность, и все же неизвестное; настолько неизвестное, что и, увидя его, можно миновать мимо, не узнав в лицо то самое прекрасное, самое милое, грустное, счастливое, героическое и кроткое, ради чего человек существует на свете — то, что он ищет и должен найти и находит.

Старый чилиец Христофор Арчадо не знал, что ему было нужнее и дороже на свете; он ничего не знал, а что знал, в том не был уверен. И потому он прожил жизнь в странствии, чтобы удостовериться в смысле и ценности своего существования, увидя, он желал бы увидеть вблизи, в самое лицо того человека, женщину, либо ребенка, или незнакомое растение, или прочее явление, в котором была бы заключена сияющая жизнь, убежденная своим счастьем в своем достоинстве.

Время и страны медленно миновали перед Христофором Арчадо; он шел по земле тихо и внимательно, с открытым сердцем, с разумом, исполненным внимания, всматривался во все встречаемые существа и предметы, вступал с ними в знакомство и родство и беспокоился о единственном — то ли это, что ему нужно, без чего он не может жить или совсем чуждое ему и ненужное. И пока он жил и двигался вперед, даль перед ним не сокращалась — все так же» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 49, лл. 73—75).

¹³ Запись использована в неизвестном тексте «Божье дерево». Под этим же названием «Божье дерево» («Дерево родины») осенью 1941 г. Платоновым написан рассказ о солдате, который уносит с собой на фронт как утешение, защиту и великую силу лист с «божьего дерева родины».

^{13a} В годы Великой Отечественной войны Платонов постоянно возвращался к «чевенгурским» последствиям Первой мировой войны — разрушению дома и мировой катастрофе сиротства. Ср.: «Если дитя — владыка мира, то женщина — мать этого владыки, и смысл ее существования — в сыне, в своей радостной надежде, творимой сыном. Т.е., смысл ее жизни такой же, как и у всего человечества — в будущем, в приближении родного и желаемого. <...> Последний ребенок женщины — ее Великий Сын искупит мир и себя» (статья «Душа мира», 1920).

^{13b} *Вечный жид* — персонаж христианской легенды *Агасфер*, наказанный вечным скитанием за то, что на пути Иисуса Христа на Голгофу отказал Ему в кратком отдыхе. К легенде об Агасфере Платонов обращался в статьях начала 20-х гг. («Невозможное»), в романе «Чевенгур» (1927—1928). Агасфер

появляется в списке действующих лиц пьесы «Ноев ковчег (Каиново отрождение)» (1949—1950), посвященной последствиям Второй мировой войны.

¹⁴ Текст рассказа «Блаженство в Мелекесе» неизвестен.

^{14a} Круг общения Платонова в Уфе неизвестен.

¹⁵ *Магеллан* — великий мореплаватель XVI в., экспедиция которого совершила первое кругосветное плавание и доказала наличие единого Мирового океана. С конца 30-х гг. образ Магеллана появляется в статьях Платонова в связи с темой литературного новаторства: «...поэт возмещает отсутствие реальной возможности видеть мир океана своим воображением» («Размышления о Маяковском»); «Магеллану было трудно, но земной шар один, и он его объехал, он завершил открытие мира; дело же поэзии не окончено, и за поэтом всегда остается, всегда возможен подвиг» («О Маяковском» В. Шкловского). «Магеллановская» тема, очевидно, входила в замысел романа «Путешествие в человечество».

¹⁶ Младшие брат и сестра Платонова, отравились грибами в детском лагере в 1920 г.

¹⁷ Текст «После войны» неизвестен; тема воскрешения мертвых в рассказах войны станет одной из ключевых («Броня», «Взыскание погибших», «Смерти нет», «Присяга», «Сампо» и др.).

¹⁸ Пример словообразования, очевидно, от слова Анхра-Майню, в зороастризме — злое божество. Наука о пауках — *арахнология*.

¹⁹ Тексты под заглавиями «Бегущий народ»/«Бегущие народы» неизвестны.

^{19a} Источник выписки неизвестен. Возможно, «автор» в данной записи сам А. Платонов.

²⁰ Текст рассказа «Научная сессия» неизвестен.

^{20a} Запись к неизвестному рассказу. В 1918 г., спасаясь от голода, семья Кашинцевых переехала из Петрограда в Воронеж; проживала по адресу: *Средне-Московская, 53* (см.: *Ласунский О. Житель родного города. Указ. соч. С. 94*).

²¹ Текст рассказа «Таранка» неизвестен. Мать писателя — Мария Васильевна Климентова (1876—1929). Замысел данного рассказа о матери появляется в 8-ой книжке (см. с. 109 наст. изд.).

²² Текст «Путешествия в человечество» неизвестен. Далее записи к «Путешествию...» не комментируются.

²³ *Меньшиков* — очевидно, реальное лицо.

²⁴ Новые адреса и телефоны в данной книжке связаны с историей публикаций Платонова этого времени. *В. В. Ермилов, С. С. Виноградская* — критики и редакторы; находились в эвакуации в Куйбышеве; в архиве сохранилось доброжелательное письмо В. Ермилова Платонову; об отношениях критика и писателя см.: Воспоминания современников. С. 425—433. *А. И. Эрлих* — прозаик, редактор журнала «Огонек». *Н. В. Ильина* — редактор журнала «Пионер», вела публикации рассказов Платонова в журнале (см. переписку Н. Ильиной и А. Платонова: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 24, л. 27; ед. хр. 37, л. 18). *Ю. Нейман* — сотрудник журнала «Смена», на страницах которого

опубликованы очерки и стихи *Льва Длигача* о подвиге сева­сто­польцев (см.: *Л. Длигач. Песня о бушлате // Смена. 1942. № 11 (июнь). С. 10*). *Глебов* и *Выборнова* — сотрудники секретариата Союза писателей СССР. Три рабочих телефона Сценарной студии Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (*М. В. Большинцов, М. М. Ковтунов, В. Б. Шкловский*) связаны с судьбой сценариев А. П. Платонова 1941 г. (см. выше прим. 2, а также «Указатель имен»). Остальные адресаты книжки см. в «Указателе имен».

21-ая, 22-ая, 23-я, 24-ая книжки, 1942—1944 гг.

Москва — Калинин — Воронеж — Орел — Киев —
Могилев — Минск

¹ 21—24 книжки — это книжки, с которыми А. П. Платонов прошел по дорогам Великой Отечественной войны. По ходатайству Президиума и Военной комиссии при Союзе писателей СССР от 28 апреля 1942 г. Платонов возвращается из эвакуации в Москву; летом этого же года в Военной комиссии завершается оформление его личного дела и начинается путь Платонова по фронтам Великой Отечественной войны — военного корреспондента «Красной звезды», капитана административной службы (см. воспоминания Д. Ортенберга и А. Кривицкого в кн.: *Воспоминания современников. С. 105—110*). Записные книжки этого времени нуждаются в специальном военном комментарии, прежде всего, к реальным событиям Великой Отечественной войны.

^{1а} Запись представляет список рассказов, отданных Платоновым в сентябре 1942 г. в московские газеты и журналы. В «Красной звезде» были опубликованы из трех указанных рассказов — «Броня» (5 сентября) и «Старик» (20 сентября); рассказ «Божье дерево» печатался при жизни писателя под вторым названием «Дерево Родины» (книга «Под небесами родины», Уфа, 1942; «Новый мир», 1943, № 2—3); рассказ «Крестьянин Ягафар» был опубликован в журнале «Октябрь» (№ 10); «Дед-солдат» — в журнале «Красноармеец» (№ 18, сентябрь); из двух рассказов для журнала «Знамя» в 1942 г. публикуется один — «Одушевленные люди» (№ 11), в 1943 г. — «Железная старуха» (№ 4). В журналах «Молодая гвардия» и «Дружные ребята» в 1942 г. не было публикаций Платонова; для «Нового мира» Платонов присылал в мае 1942 г. из Уфы очерк, возможно, речь шла о рассказе «Броня» (см. письмо Платонова от 23 мая 1942 г. в архиве журнала: РГАЛИ, ф. 1702, оп. 1, ед. хр. 63, л. 6).

² Материалами об изобретательской работе Платонова в Уфе мы не располагаем. Возможно, речь идет о разработке электрического сверхъёмкостного аккумулятора на принципе сверхпроводимости при низких температурах. Записка о нем была послана в Комитет по изобретательству в 1947 г.; на заключение заявка Платонова была передана академику А. Ф. Иоффе (см.: РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 4, л. 7).

³ *Торжок* — город в Тверской (Калининской) области; в Торжке в эти месяцы находился штаб Калининского фронта.

⁴ Запись использована в рассказе «Два дня Никодима Максимова»: «В избу постепенно набирались красноармейцы разных подразделений, хотя на постое в этой избе стоял всего один человек — Никодим Максимов. Они здоровались с хозяином и молча сидели некоторое время, поглядывая на старого крестьянина, на ясный свет неба в окне, медленно осматривая внутренность избы. Видимо, тут им было хорошо, в них оживало здесь тихое чувство своего оставленного дома, отца и матери, всего прошлого. Эта изба, пропахшая хлебом и семейством, воскрешала в них ощущение родного жилища, и они внимательно разглядывали старика, может быть угадывая в нем схожесть с отцом, и тем утешали себя. Потом, вздохнув и погасив цыгарки, они прошались и уходили, но приходили другие, придумывая иногда ложные пустяки, чтобы видно было, что они явились не зря, а с причиной. Старый крестьянин хорошо понимал душевное расположение красноармейцев...» (С пометой «Орловское направление. Июль» // Красная звезда. 1943. 29 июля).

⁵ Очевидно, реальное лицо; запись будет использована в рассказе «Добрый Кузя» (впервые опубл.: Юность. 1988. № 11).

⁶ Записи к рассказу «Оборона Семидворья» (Красная звезда. 1943. 26 мая).

⁷ «Жизнь Бенвенуто Челлини» — известные мемуары, написанные итальянским скульптором и ювелиром Бенвенуто Челлини (1500—1571).

⁸ Среди адресов и телефонов книжки отметим прежде всего те, которые связаны с газетой «Красная звезда»; на страницах газеты в 1942—1943 гг. было опубликовано 10 рассказов и очерков писателя. С началом работы в газете (сентябрь 1942 г.) появляются в книжке телефоны редактора литературного отдела газеты А. Ю. Кривицкого и прозаика, а также спецкора газеты В. С. Гроссмана, с чьей «запиской» (рекомендацией) и появился А. П. Платонов в редакции «Красной звезды». Встреча в годы войны стала началом дружбы Платонова, А. Кривицкого и В. Гроссмана (см. об этом: Воспоминания современников. С. 105, 113). Очевидно, через газету Платонов познакомился с прозаиком и военным корреспондентом А. Беком, автором известного романа о подвиге защитников Москвы «Волоколамское шоссе» (печатался в 1943 г. в журнале «Знамя» под названием «Панфиловцы на первом рубеже»). В 1942—1943 гг. Платонов публикуется в следующих журналах: «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружные ребята», «Краснофлотец» (рядом с названием журнала в большинстве случаев указана фамилия редактора, ведущего публикацию). Адреса и телефоны издательств — Гослитиздат, Детизат, Воениздат, Военмориздат, «Молодая гвардия» — связаны с судьбой книг Платонова 1942—1943 гг.: «Одухотворенные люди» (М.: «Молодая гвардия», 1942), «Рассказы о Родине» (М.: Гослитиздат, 1943), «Бессмертный подвиг моряков. Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин» (М.: Военмориздат, 1943), «Броня» (М., Военмориздат, 1943). Отметим именные адреса: М. А. Лифшиц — литературовед, критик, коллега Платонова по работе в журнале «Литературный критик» (1937—1940); Д. М. Соловьев — кинорежиссер; В. Г. Лидин — прозаик, редакционный работник; Б. С. Евгенийев — про-

заик, редакционный работник; *С. И. Ващенко* — прозаик, редакционный работник; *Н. Н. Шпанов* — прозаик, редакционный работник; *А. В. Кожевников* — прозаик; *Л. Н. Улин* — прозаик; *С. А. Бородин* — прозаик, вместе с Л. Леоновым и В. Шкловским в 1942 г. дал положительную рекомендацию Платонову (см. материалы личного дела А. П. Платонова 1942 г.: Воспоминания современников. С. 446—448); в 1942 г. — главный редактор издательства «Советский писатель». Остальные адресаты книжки даются в «Указателе имен».

⁹ Родной город писателя Воронеж был освобожден от фашистских захватчиков 25 января 1943 г.

¹⁰ Большинство записей книжки имеет отношение к летчикам 16-й воздушной армии. С мая 1943 г. эта армия прикрывала железнодорожный узел Курск. Генерал *И. Д. Антошкин* — командир 6-го смешанного авиакорпуса 16-й воздушной армии, погиб в 1944 г. *Н. В. Архангельский* — командир эскадрильи, звание Героя Советского Союза присвоено в 1944 г.; погиб в 1945 г. В письме жене (от 6 июня 1943 г.) Платонов писал: «Дорогая моя жена Маша! Я под Курском. Наблюдаю и переживаю сильнейшие воздушные бои. Однажды я попал в плен. На одну станцию немцы совершили налет. Все вышли из эшелона. Я тоже. Почти все легли. Я не успел и смотрел стоя на осветительные ракеты. Потом я лечь не успел, меня ударило головой о дерево, но голова уцелела... Два дня болела голова, которая у меня никогда не болит, и шла сильно кровь из носа. Теперь все прошло; взрывная волна была слаба для моей гибели...» (Живя главной жизнью. С. 174—175).

¹¹ В начале июня 1943 г. Платонов был свидетелем воздушных боев под Курском. Записи сделаны в это время и использованы в очерке «Земля и небо Курска» (Красная звезда. 1943. 12 июня). Приводим текст данного очерка полностью:

ЗЕМЛЯ И НЕБО КУРСКА

(От специального корреспондента «Красной звезды»)

Навстречу врагу, воюющему в небе, с земли поднялся огненный еж наших зенитных батарей. Густая чаша вертикального огня огораживала Курск и его район. Ужаленный противник время от времени свертался вниз, блестя пламенем гибнущей машины, освещая себе путь на погребение в земле.

Июньская ночь коротка для затяжного, мощного воздушного боя. Сражение вышло в утренний рассвет, и теперь битву можно было уже наблюдать глазами. Вот с большой высоты одни за другим падают три немецких самолета. Позже нам сообщают, что их сбил всего один человек — капитан Романов, истребитель. Он сперва сшиб последовательно в воздухе пулеметными очередями две машины врага, потом у него истощился боезапас, и тогда капитан протаранил живым ударом своей машины третий самолет противника. Два наших самолета «Лавочкин-5» взяли в клещи одного

«Мессера» и повели его между собой. «Мессер» выжимал из себя всю максимальную скорость, перегревая мотор на предельных оборотах, наши же «ЛА-5» шли без напряжения, имея в моторах запас мощности и, стало быть, скорости. Это настолько радовало наших летчиков, что они на некоторое время отсрочили гибель врага, желая, видимо, посоревноваться с ним ходом машин, но командир, который увидел с земли столь странное соревнование, это не понравилось, и он запросил по радио:

— Чего медлишь, «Береза»?

— А пусть он пропотеет, товарищ командир,— ответил с неба «Береза».— Мы его дойдем.

— Запрещаю этот пот,— приказал командир.— Одного пота — это мало ему.

— Сейчас добавлю, товарищ майор,— сказал летчик с высоты и во мгновенном маневре расстрелял «Мессера». Позже нашли в овсах легкие детали самолета, а тяжелые его части ушли глубоко в грунт, и земля затянулась за ними, хороня навсегда.

В те же сутки великого воздушного сражения в одной деревне, вблизи города Обояни, все жители стояли поутру на улице. Люди то вскрикивали от радости, то затихали в безмолвии. Они смотрели битву в воздухе наших истребителей с машинами неприятеля. «Мессершмитты» охраняли завывающие, тяжело нагруженные бомбами «Юнкерсы», идущие потоком над нашей землей. Один наш истребитель пробился к двум «Юнкерсам», шедшим рядом один к другому, тело к телу, обогнал их, как стоячих, сделал фигуру и дал долгую одинокую очередь. Оба «Юнкерса» задымились и пали к земле, сраженные одной очередью одного самолета. Это был редкий удар — может быть, почти случайность, однако несомненно, что тут случай попал на мастера и мастер сумел им воспользоваться. Жители обояньской деревушки закричали на земле от радости, что гибнет враг, пугающий смертью наш народ.

Небо над Курском и его ближними и дальними окрестностями утихло, наступил новый день. На базарной площади в Ямской слободе, что находится на окраине Курска, началась обычная торговля молоком, махоркой, зеленью, лепешками — обиходными вещами. Жизнь есть первая необходимость, и с утра она вновь началась в Ямской слободе, в Курске, на железнодорожной станции — всюду, где ей угрожала гибель.

На краю того же Курска есть тихая улица, и в одном дворе там стоит покалеченная гулявшей здесь взрывной волной забытая машинная установка. По виду — это небольшая металлическая ветросиловая башня. Ветряная мельница приводила когда-то в движение массивный маховик, вращающийся на специальных подшипниках. В безвоздушном резервуаре — ради уменьшения трения воздуха — маховик запасал живую силу от мельницы и затем равномерно от-

давал ее полезным рабочим механизмам — насосам, станкам, мельничному жернову, чему было потребно. Это — конструкция русского изобретателя Уфимцева, друга Максима Горького, человека с замечательной судьбой и редкой биографией. Близкое будущее воспользуется замыслом Уфимцева, и наш народ возьмет себе на помощь машину Уфимцева, чтобы скорее оправиться от немецкого разорения. Злодеи из срединной Европы пытаются смести с лица земли и нашу жизнь, и нашу мысль. Однако сила народа, обращенная из созидательного мастерства в воинское искусство, несокрушима. В этом немец убедился над городом Курском.

А. ПЛАТОНОВ.

г. КУРСК. (По телеграфу).

(Печатается по: Красная звезда. 1943. 12 июня)

¹² Записи к рассказу «Семейный очаг» (Красная звезда. 1943. 8 сентября). См. также раздел «Записи» (л. 26), с. 267 наст. изд.

¹³ История узников лагеря и тюрьмы в г. Рославле нашла отражение в рассказе «Девушка Роза» (под названием «Роза» опубликован в журнале «Иностранная литература», 1944, № 4, на испанском языке). Рославль был освобожден 25 сентября 1943 г.

¹⁴ Образ-понятие «пустодушие» один из ключевых в рассказах военных лет; в 1943 г. был написан рассказ «Пустодушие» (при жизни писателя не публиковался).

^{14а} *Г. А. Бровман* — критик, редактор рассказов Платонова в «Новом мире»; *А. М. Еголин* — литературовед, один из партийных кураторов литературы (о роли Еголина в литературной жизни 40-х гг. см.: *Чуковский К. И. Дневник (1930—1969)*. М., 1995. С. 164). Появление телефона последнего, очевидно, связано с разгромной критикой на страницах газеты «Правда» очерка Платонова «Оборона Семидворья». О том, чем газете и писателю грозила эта ситуация вспоминал главный редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг: «Признаюсь, я встревожился. Подумал: начинается. Каждую минуту ждал звонка Сталина: кто, мол, разрешил вам взять на работу в «Красную звезду» этого «агента классового врага»? <...> Как раз в тот день, когда появилась статья в «Правде», вернулся с фронта Платонов. Зашел ко мне. Вид у него был, пожалуй, не веселее, чем у меня. Усадил я его в кресло. Сидит и молчит. Оказалось, что принес рукопись нового очерка. <...> Я взял очерк, прочитал и сделал надпись: «В завтрашний номер». <...> Звонка все не было. Пронесло» (Воспоминания современников. С. 109—110). Остальные адресаты книжки см. в «Указателе имен».

¹⁵ Основная часть записей данной книжки делалась во время зимне-весенней кампании 1944 г., в ходе которой на Украине была разгромлена группа немецких армий «Юг». Платонов, как свидетельствует характер записей, двигался вместе с частями 1-го Украинского фронта, принимавшими участие в Ровно-Луцкой (27 января — 11 февраля) и Проскуровско-Черновицкой

(4 марта — 17 апреля) наступательных операциях. *Новоград-Волынский, Староконстантинов, Шепетовка, Радулино, Тернополь, Черный Остров, Проскуров* — станции и города Украины, через которые проходил вместе с армией писатель.

¹⁶ 4 января 1944 г.— годовщина смерти сына Платона.

^{16а} Запись будет использована в рассказе «Иван Великий»; в рассказе «серую русскую лошадь», «мученицу работы и войны» спасает красноармеец Иван Владыко.

¹⁷ Наброски к очерку «Борьба за дорогу». *Гвардейская* тема развивается в «киевских» очерках 1943 г. как тема русской военной традиции: «Гвардеец! — подумал о Музаферове капитан Еремеев, наблюдая его. <...> — Спасибо, гвардеец! — Генерал поцеловал капитана» («Апрельские будни»). *Гардия* как отборная часть войск была создана Петром I; упразднена в 1918 г.; возвращена в годы Великой Отечественной войны; части и соединения, отличившиеся в боях, удостоивались звания гвардейских. *П. С. Рыбалко* — генерал, с мая 1943 г. командир 3-ей гвардейской танковой армии, Герой Советского Союза. *А. Л. Гетман* — генерал, командир 11-го гвардейского танкового корпуса. *И. Н. Бойко* — полковник, Герой Советского Союза, командир 64-ой гвардейской танковой бригады (1-ая гвардейская танковая армия). *М. Е. Катукон* — командир 1-ой гвардейской танковой армии. *В. О. Коноваленко* — командир стрелкового полка, Герой Советского Союза (погиб 19 марта 1944 г.).

¹⁸ Записи использованы в рассказе «Апрельские будни» (Красная звезда. 1944. 19 апреля). Под названием «На Горынь-реке» опубликован в книге «Солдатское сердце» (М.—Л., 1946).

¹⁹ *Кашинцева Валерия Александровна* — сестра жены писателя, жила в Ленинграде. О других адресатах книжки ничего не известно, даются в «Указателе имен».

²⁰ С июня 1944 г. Платонов принимает участие в Могилевской (23—28 июня) и Минской (29 июня — 4 июля) наступательных операциях. С пометой «С Могилевского направления» в «Красной звезде» печатаются очерки «Прорыв на запад» (25 июня), «Дорога на Могилев» (28 июня); с пометой «Могилев, 28 июня» — очерк «В Могилеве» (29 июня). Завершает белорусскую дорогу войны очерк «Падение немца» (4 июля 1944), в котором ключевым является образ дороги войны: «Фронтальная дорога является материальной летописью войны. Правда, эта летопись недолговечна, но кто сумеет прочитать ее вовремя и правильно, тот сможет восстановить картину минувших битв и понять смысл текущих военных событий. Дорога от Могилева на Минск — дорога битв, происходящих в эти дни, и на ней чрезвычайно явственно начертан образ войны. Более того, всматриваясь в этот образ, можно угадать тайну близкого будущего и, может быть, скорую судьбу нашего противника. <...> Дорога продолжается на запад».

²¹ Записи с могилевского направления боев использованы в экспозиции очерка «Прорыв на запад»: «Во время великого солнцестояния, в июне, ночи почти не бывает. Заря обходит землю с запада на север, с севера на восток,

и вскоре снова восходит недавно зашедшее солнце. В те сутки, которые мы описываем, когда стоит самый долгий день в году, сияние света на небе не угасло и в полночь. Как только синий сумрак вечера коснулся сосновых лесов Белоруссии и стихло пение жаворонков над хлебными полями, так тотчас же немецкие рубежи осветились павшими сверху светильниками — ракетами. Это началась авиационная подготовка нашего наступления. На освещенную сторону врага, на всю глубину его обороны стали ложиться наши бомбы. Тысячи красно-черных языков пламени возникали из земли навстречу магниевому свету медленно снижавшихся ракет. Красно-черное пламя взрывов рвало в прах землю и выносило вон таящегося врага, рассеивая его кости. Небо гремело, как медное, от непрерывного потока наших самолетов; из тылов с ними безмолвно разговаривали прожекторы и сигнальные ракеты, из траншей за ними радостно следили наши бойцы. Весь рубеж войны стоял в эти часы убранный с земли до небес разноцветным светом, и над ним звучала мощная музыка оружия и техники. Смысл происходящего не противоречил этому торжественному зрелищу. Здесь снова началась битва добра со злом. И добро было вооружено сильнее. Смерть злу» (Красная звезда. 1944. 26 июня).

²² Записи использованы в очерке «Дорога на Могилев». Имена героев Белорусской операции, вошедшей в историю как операция «Багратион», герои, с которыми А. П. Платонов встретился в эти месяцы 1944 г., даются в «Указателе имен».

ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В данный раздел издания входят 56 листов записей. Листы эти разные по форме, содержанию и композиции: это крохотные с неровными краями фрагменты листа с одной записью (лл. 1, 2, 4, 7, 19, 30, 50), страницы с обрывающимися порой на полуслове экспозициями произведений (лл. 6, 7, 8, 9, 15, 17, 18, 21, 31, 43, 45), листы из фронтовых блокнотов (л. 41) и школьных тетрадей (лл. 27—29), большие листы с черновыми записями-заготовками (лл. 42, 46, 47, 49, 52, 55). Последние могут быть разными: запись к конкретному произведению (л. 10), философские размышления и наблюдения для записной книжки (лл. 14, 22), записи к произведению или его замыслу, над которым писатель в это время работает (лл. 10, 11, 12, 18, 25, 45, 47, 49). Эти листы имеют свою специфическую композицию, запечатлевшую своеобразные пути, направления и тезисы рефлексии писателя по самым разным аспектам содержания темы — от философских, нравственных, эстетических до определения названия произведения и мотивации выбора «слова» героя или системы персонажей. Возникающие ходы мысли и ее результаты обводятся, образуя на странице веер кругов — практически такова всегда композиция листа черновых записей Платонова. Перед нами своеобразная лаборатория добывания смысла того или иного героя, ситуации или даже экспозиции еще не написанного произведения.

Все материалы, помещенные в данном разделе, не датированы. В кратких пояснениях к записям указывается их адресат, если возможно его определить; там же, где это пока невозможно, дается лишь вероятностный вариант. Записи на одном листе отделяются пропуском.

¹ Запись к одной из ключевых историософских тем статей Платонова первой половины 20-х гг., посвященных вопросам «истины» и «блага» в мировой культуре («Христос и мы», «Культура пролетариата», «О нашей религии», «О религии», «О любви», «Невозможное»). Тема бескомпромиссного отношения к «истине», самозабвенной «любви к дальнему», спасения всего человечества, входит в философско-прагматический комплекс идей «нищсеанских» героев рассказов-фантазий «Маркун», «Сатана мысли», «Потомки солнца», «Лунная бомба».

² Записи на лл. 2—3 представляют своеобразное обоснование Платоновым собственного философского видения доктрины всеединства, занимающей одно из центральных мест в исканиях русской философской мысли начала века. Платонов резюмирует основные составляющие философии всеединства, наиболее фундаментально изложенной в работах Вл. Соловьева: 1) онтологический смысл всеединства (свободное единение в Абсолюте всех элементов бытия как Божественных первообразов и искомого состояния мира); 2) свободно-творческий принцип Абсолюта (Бога, Сверхсущего), который своим творческим актом утверждает существование «реальной множественности вещей и одновременно их разделенности и разобщенности» (Вл. Соловьев); 3) концепция подлинного соединения Бога и человека на путях воплощения идеи богочеловечества. Силой, что собирает разрозненную жизнь, связывает и соединяет живые существа на их пути к Абсолюту, у Вл. Соловьева выступает «душа мира», «мировая душа». Платонов не полемизируя явно, во многом усложняет ситуацию обезбожения мира и сознания, практически опуская «проективную» часть философии прогресса В. Соловьева. Записи примыкают к философской притче «Вера, Знание и Сомнение» (см. 1-ую книжку, с. 21—22 наст. изд.).

³ набросок о «психотоке» примыкает к статье первой половины 20-х гг. «Свет и социализм».

⁴ Записи примыкают к статье 1926 г. «Питомник нового человека» и ее редакции 1927 г. «Человек, который будет» (статьи хранятся в архиве М. А. Платоновой; статья «Питомник нового человека» опубликована: Октябрь, 1999. № 2. С. 147—150). Записи отмечены пристальным вниманием Платонова к концепции «живого человека», выдвинутой в 1926 г. идеологами и практиками пролетарской литературы. Эта концепция манифестировала отход от «схем», «романтизма» и «натурализма» к новому качеству «реализма» в пролетарской литературе. Его доктрина определялась решением «проблемы “ножниц” между психикой и идеологией», обретением концепции «гармонического человека», «счастливого равновесия между областью сознания и подсознания», т.е. решением глубинного онтологического и психологического вопроса новой пролетарской культуры: «Что же в конце концов

скрепляет пролетариат, что является «цементом» для его партии: общность идеологии или родство психологическое, основанное на тождестве рефлексов» (цит. по кн.: *Ермилов В.* За живого человека в литературе. М., 1928. С. 83).

^{4а} Летом и осенью 1924 г. в *Валу́йском уезде* под руководством А. Платонова проводились общественно-мелиоративные работы (см.: «Страна философов», 1999. С. 489—490).

⁵ Одна из экспозиций неизвестного произведения; в 1930 г. этот персонаж становится одним из центральных в киносценарии «Турбиншики» (см. прим. 1—2 к 5-ой книжке, с. 339—340 наст. изд.), затем появляется в новых замыслах 1931 г. (см. 6-ую книжку, с. 68, 259—260 наст. изд.).

⁶ Запись к финалу пьесы «Высокое напряжение» (1931—1932).

⁷ Лист записей относится к работе над экспозицией повести «Джан».

⁸ Записи на листе использованы в работе над последней главой романа «Счастливая Москва» и рассказом «Среди животных и растений».

⁹ Фрагмент экспозиции неизвестной статьи; по стилистике примыкает к статьям «Пушкин и Горький» (1937), «Павел Корчагин» (1938).

¹⁰ Данный лист записей относится к рассказам Платонова второй половины 30-х гг. («Июльская гроза», «Корова», «Уля», «Великий человек», «Еще мама»). Ко второй половине 30-х гг. (1938—1939 гг.) относится замысел книги Платонова о великом русском ученом XX в., основоположнике современной аэродинамики, создателе ЦАГИ Н. Е. Жуковском; в архиве Платонова сохранились документы, свидетельствующие о собирании писателем материалов для данной книги (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 25, лл. 23—24, 29).

¹¹ Записи на лл. 17—19 представляют три варианта экспозиции «Предисловия»; относятся к работе над романом «Путешествие из Ленинграда в Москву».

¹² Фрагмент экспозиции неизвестного рассказа о слепом старике представляет собой художественную разработку материалов 16-ой книжки (см. с. 199—200 наст. изд.).

¹³ Записи для 18-ой книжки (см. с. 212 наст. изд.). Вычеркнутая запись использована в рассказе «Великий человек»: «Иные же, более молодые и нововыпавшие, отправились учиться: кто хотел быть летчиком, кто писателем, кто артистом, кто думал о музыкальной части. И все они ушли, и каждый из них найдет, конечно, себе забаву и судьбу, которую пожелает». Этой философии «великих людей» и «великих дел», которую излагает конюх Василий Ефремович, живущий страстной идеей «путешествия во вселенную», в рассказе противопоставлен подросток Григорий Храмов. Он остался в деревне рядом с больной матерью и занят делом спасения родной деревни Минушкино — строительством колодца и школы. В рассказе использованы записи поездки Платонова 1937 г. из Ленинграда в Москву.

¹⁴ Записи к развитию сюжета об Иване Гвоздареве. Иван Гвоздарев — герой неоконченной повести о детстве «Дар жизни» (опубл.: журн. «Домовой», 1994, № 4). Записи относятся ко второй половине 30-х гг. и развивают

комплекс идей дома, малой родины: «...чувству родины и любви к ней, патриотизму, человек первоначально обучается через ощущение матери и отца, то есть в семье. <...> Именно в любви ребенка к своей матери и к своему отцу заложено его будущее чувство общественного человека; именно здесь он превращается силою привязанности к источникам жизни — матери и отцу — в общественное существо, потому что мать и отец в конце концов умрут, а потомок их останется — и воспитанная в нем любовь, возжженное, но уже не утоляемое чувство обратится, должно обратиться, на других людей, на более широкий круг их, чем одно семейство. Сиротства человек не терпит, и оно — величайшее горе» (статья «Детские годы Багрова-внука», 1941). Сохранилась следующая запись к образу данного героя: «Важное. Утрата матери Иваном Гвоздаревым — утрата души; и поиски души всю остальную жизнь» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 98, л. 6). Этим «поиском души» отмечены появление Гвоздарева в записях к роману «Путешествие в человечество» (см. л. 25) и образ вернувшегося с фронта солдата Антона Гвоздарева в рассказе «Житейское дело».

¹⁵ Записи на лл. 27—29 представляют собой наброски к рассказу «Крестьянин Ягафар», сделаны в Уфе.

¹⁶ Фрагмент экспозиции рассказа «Марксистка» (см. 20-ую книжку, с. 225 наст. изд.).

¹⁷ Записи на лл. 32—34 являются набросками к рассказам 1942 г.

¹⁸ Записи на лл. 35—38 относятся к лету 1944 г., времени участия А. П. Платонова в Белорусской операции (см. 24-ую книжку); после освобождения Минска (3 июля 1944 г.) писатель находился в частях 2-го Белорусского фронта, которые вели наступление на *Новогрудок*, Гродно, Белосток (см.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 566).

^{18a} Лл. 39—40 — фрагменты разорванной страницы; листы деформированы. Записи относятся к лету 1944 г.

¹⁹ Записи на лл. 41—44 примыкают к 23—24 книжкам и относятся к разработке темы офицера и солдата в рассказах и сценариях военных лет. Ср. с кратким изложением темы сценария «Русское поле» (1943): «Офицер есть образ родины для солдата и как бы заместитель отечества для солдата на поле боя и жертвы, он, офицер, должен быть в глазах воинов “стоящим в праотца место”; и только через офицера,— ибо никого иного нет ближе для солдата в час битвы, в час его возможной смерти,— родина может требовать от своего сына-солдата исполнения долга; и одновременно беречь его, любить его вечной любовью и помнить по смерти вечной памятью» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 98, л. 8). Философии советского офицера посвящен рассказ 1943 г. «Присяга». «Молодой и застенчивый человек», командир роты лейтенант Константин Чепурный, чувствуя, что «кто же, как не он, лейтенант, командир роты, должен научить своих людей правильному пониманию жизни и смерти», ведет перед присягой молодых солдат на братскую красноармейскую могилу: «Военная присяга была лишь кратким обращением к родине, клятвой в верности ей насмерть, нужно же, чтобы обращение солдата к своей родине было повторным и постоянным, чтобы сердце его

постоянно укреплялось в своей вере и любви к ней. Но кто же должен заботиться о том, чтобы сердце солдата исполнилось духом верной любви к отечеству? — размышлял лейтенант Чепурный в ночное время <...> — ведь вера солдата всего лучше укрепляется делами и примером его командира. Отечество лежит за спиной солдата, а здесь вместо отца, перед лицом его стоит один командир» (Красная звезда. 1943. 25 июня).

²⁰ набросок к сценарию «Бессмертный солдат» (опубл.: Воспоминания современников. С. 451—454).

²¹ Записи на лл. 46—47 относятся к концу 1944 г. В записях намечаются некоторые линии развития «семейной темы» в рассказе «Афродита» и сценарии «Семья Иванова». После смерти сына 4 января 1943 г. в семье Платонова 11 октября 1944 г. родилась дочь Маша.

²² Фрагмент экспозиции неизвестного рассказа; возможно, Платонов перерабатывал сюжет довоенного рассказа о смиренном Юшке в новое повествование.

²³ Лист этих записей относится к работе над повестью «Молодой офицер» (РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 76).

²⁴ Записи на лл. 52—56 относятся к работе Платонова над сказками и рассказами для детей. Проблематике и путям развития детской литературы посвящены рецензии Платонова второй половины 40-х гг. (хранятся в РГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 107).

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.— Печатается по рукописи (РГАЛИ, ф. 634, оп. 3, ед. хр. 273, лл. 420—429). Датируется 1947 г.

Приложение

Факт (Очерк про двух отсталых рабочих).— Печатается по рукописи (Архив М. А. Платоновой. Беловой автограф, лл. 1—29). Датируется 1930 г. См. прим. 19 ко 2-ой книжке, с. 322—323 наст. издания.

За большевистского счетовода в колхозе! (Заметки разъездного корреспондента).— Печатается по рукописи (Архив М. А. Платоновой. Беловой автограф, лл. 1—11). Датируется 1930 г. См. прим. 102 к 4-ой книжке, с. 336 наст. издания.

По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента).— Печатается по рукописи (Архив М. А. Платоновой. Беловой автограф, лл. 1—5). Датируется 1930 г. См. прим. 97 к 4-ой книжке, с. 335 наст. издания.

Указатель имен

- Август*, см. Явич А. С.
Авербах Л. Л., критик, генеральный секретарь РАПП — 117, 344, 361, 364
Адалис А. Е., критик — 210
А. К., К. А., см. Платонов А. П.
Александр Македонский, полководец, создатель мировой монархии древности — 129, 366, 367, 368, 369, 379
Александров Г. Г., директор МХАТ-2 — 93, 355
Алексеев, дивизионный инженер — 254
Алпатов Л. М., краевед — 177
Андреев В. И., инженер — 60, 342
Андреев С. А., детский писатель, критик — 235
Андрей, см. Платонов А. П.
Андрианов, директор МТС — 53, 55, 296, 297, 300, 301
Андриевский А. Н., сценарист и режиссер, зав. литературным и производственным отделом акционерного общества «Межрабпомфильм» — 160, 384
Анис, инженер-иностранец — 61, 63, 340, 342
Антокольский П. А., поэт — 117
Антонов, инженер — 107
Антошкин И. Д., генерал авиации — 243, 245, 401
Ардов В. Е., писатель — 210
Архангельский Н. В., летчик — 247, 401
Аскеров, красноармеец — 254
Атабаев К. С., председатель правительства Туркмении — 127, 128, 364, 365, 377
Атаров, майор — 252
Ахматова А. А., поэт — 153, 384
Ахъямудинов, пулеметчик — 250.
- Балухин*, тракторист — 53
Бек А. А., прозаик — 242, 400
Бекович-Черкасский А., князь, руководитель первой русской экспедиции в Туркмению — 165, 368, 386
Белов, рабочий-двадцатипятилетний — 51
Белоков В. К., секретарь редакции журналов «Новый мир» и «Красная нива» — 125, 363
Бень М. Я., инженер — 61, 342
Березовский, сотрудник прокуратуры СССР — 214, 395
Бибик Я. И., ст. лейтенант — 250
Богданов А. А., политический деятель, философ — 35, 315

- Божинский А. Г.*, партийный работник, управляющий трестом «Росметро-вес» — 114, 115, 160, 161, 164, 177, 359, 360, 384, 386
- Божко*, см. Божинский
- Бойко И. Н.*, полковник — 252, 404
- Боков В. Ф.*, поэт — 211, 213, 235
- Болтянский Б.* — 214, 395
- Большаков К. А.*, поэт и прозаик — 93, 140, 146, 188, 355, 376, 392
- Большинцов М. В.*, кинодраматург и режиссер, директор сценарной студии Комитета по делам кинематографии при СНК СССР — 235, 399
- Бондарев К. А.*, инженер — 109
- Бондарчук*, инженер — 107
- Бородин С. П.*, прозаик, гл. редактор издательства «Советский писатель» — 242, 401
- Бровман Г. А.*, критик — 248, 403
- Будагова А.* — 210
- Буданцев С. Ф.*, прозаик — 93, 117, 125, 177, 355
- Булгаков М. А.*, прозаик и драматург — 117, 361
- Валя*, см. Трошкина В. А.
- Вандервельде Э.*, бельгийский социалист — 102
- Васильев И. В.*, машинист паровоза — 215, 216
- Васильев П. Н.*, поэт — 117, 361, 364
- Вашенцев С. И.*, прозаик, редакционный работник — 242, 401
- Великов Чары*, партийный деятель Туркмении — 131
- Вера*, *Верушка*, см. Климентова В. П.
- Вержбловский Д. В.*, журналист — 93, 213, 355
- Виноградская С. С.*, писательница — 235, 398
- Вознесенский А. И.*, врач, профессор — 242
- Воронин В. И.*, капитан парохода «Челюскин» — 138, 374—375
- Воробьев*, зав. производственным отделом Детиздата — 210
- Выборнова А.*, сотрудник секретариата Союза писателей — 235, 399
- Генкин Я.* — 211, 214, 395
- Герасимов Е. Н.*, прозаик, редакционный работник — 242
- Герцен А. И.*, русский прозаик XIX в. — 226
- Гетман А. Л.*, генерал — 252, 404
- Гиллер Э. А.*, прозаик, редакционный работник — 211
- Гитлер А.*, рейхсканцлер Германии — — 115, 360, 361, 368
- Глебо*, красноармеец — 254
- Глебов*, сотрудник секретариата Союза писателей — 235, 399
- Гоголь Н. В.*, русский прозаик XIX в. — 138, 374
- Голдовский А.*, красноармеец — 250
- Гончаров*, сотрудник секретариата Союза писателей — 210
- Горин А. А.*, зав. совхозным сектором газ. «Социалистическое земледелие» — 46, 333

- Городовиков*, полковник — 245
Грейнер И. В., член редколлегии газ. «За индустриализацию» — 160
Гронский И. М., гл. редактор журн. «Новый мир» — 187, 391
Гроссман В. С., прозаик — 241, 242, 400
Губарев, политрук — 125
Губер Б. А., прозаик — 160
Губкин И. М., геолог, академик — 127, 128, 129, 365—366
Гумилевский Л. И., прозаик — 210, 235, 395
Гусев, весовщик — 195
Гутман Н., врач — 245
- Дарья Николаевна* (Романова Д. Н.), машинистка А. П. Платонова — 235, 241
Деникин А. И., главнокомандующий Вооруженными силами Юга России — 94
Дергачев, красноармеец — 254
Державин Г. Р., русский писатель XVIII в.— 44, 333
Длигач Л. М., поэт, журналист — 235, 399
Дмитриенко, ст. лейтенант — 254
Докукин В. М., ответств. секретарь газ. «Беднота» — 117
Дроздов А. П., прозаик, редакционный работник — 153, 385
Долголенников, майор — 243
Достоевский Ф. М., русский прозаик XIX в. — 77, 359
- Евгения Соломоновна* — 210
Евгеньев Б. С., прозаик, редакционный работник — 242, 401
Евдокимов И. В., прозаик, редакционный работник — 188, 392
Евклид, древнегреческий математик — 158, 383
Евсеева О. В., редактор — 211
Еголин А. М., литературовед — 248, 403
Ендурев, колхозник — 51
Еременко, красноармеец — 254
Ермаков И. Д., психиатр, литературовед — 214
Ермилов В. В., критик — 211, 235, 385, 395, 398, 407
Есиков, профсоюзный работник — 81
Ешков И., красноармеец — 270
- Жабров А. А.*, прозаик — 248
Жорж, см. Малюченко Г. С., Чернявщук Г. Е.
- Забалуев*, рабочий — 63
Заварилин, председатель колхоза — 46
Захаров — 153
Захаров, стрелок-радист — 247
Збруев — 93
Зелинский К. Л., критик — 153, 177, 347, 385

- Зеленский — 153
 Зубавин Б. М., прозаик — 153, 385
 Зусманович И. М., прозаик, редакционный работник — 177, 389
 Иванов М. А., инженер — 189—190, 392
 Иванушкин А., инженер — 246
 Ивченко, красноармеец — 270
 Игорь, см. Сац И. С.
 Извеков В. Ф., летчик — 247
 Ильин, изобретатель — 67
 Ильина Н. В., прозаик, редакционный работник — 235, 398
 Ильский Х. А., редакционный работник — 222
 Ильяшенко А. С., военный — 241
 Инденбом Л. М., директор 4-ой студии художественных фильмов киностудии «Мосфильм» — 153, 384
 Каверин Д. И., бухгалтер МТС — 53
 Калинин, инженер — 61
 Канатчиков С. И., председатель редсовета изд-ва «Федерация» — 93, 355
 Капранов, рабочий — 180
 Касимов — 93
 Катигроб — 132, 372
 Катуков М. Е., генерал — 252, 404
 Кашинцева В. А. (Валерия), сводная сестра жены А. П. Платонова — 252, 404
 Кашицев А. С., отец жены А. П. Платонова — 160, 384
 Кацаф С., деятель весоизмерительной промышленности — 111, 112, 359
 Кедров В. С., драматург — 248
 Келлер В. Б., критик (Александров В.) — 110, 235, 358—359
 Клавдия Гавриловна — 210, 211
 Климентова В. П. (Вера), сестра А. П. Платонова — 112, 173, 388
 Климентова Н. П. (Надежда), сестра А. П. Платонова — 173, 229, 388
 Климентов Д. П. (Дмитрий), брат А. П. Платонова — 229
 Климентов П. П. (Петр), брат А. П. Платонова — 66, 119, 153, 160, 210, 341, 345, 351, 362
 Климентов С. П. (Семен), брат А. П. Платонова — 124, 210, 241, 328, 363
 Климентов С. П. (Сергей), брат А. П. Платонова — 210, 241
 Кобашев, лейтенант — 250
 Ковалев Н., рабочий — 63, 343
 Ковтунов М. М., директор кинофабрики оборонных фильмов, зам. директора Сценарной студии — 235, 399
 Коган — 114, 117
 Кожебаткин А. М., библиофил — 93, 125, 355
 Кожевников А. В., прозаик — 241, 401
 Козин В. Р., прозаик — 143, 378
 Колобутин, полковник — 245

- Колтунова Е.*, редактор-организатор изд-ва «Советский писатель» — 235
Колумб Хр., мореплаватель XV в.— 132, 371
Комратов, тракторист — 53
Коноваленко В. О., полковник — 252, 404
Кононов А. Т., детский писатель — 248
Корсаков, бригадир — 62, 343
Котов, инженер — 66, 71, 345
Кравченко Ф. Г., инженер — 61, 67, 342
Крейман З. Д., старший экономист треста «Росметровес» — 188, 392
Кривицкий А. Ю., прозаик, редакционный работник — 241, 400
Кривошекин, красноармеец — 247
Кривяков Н. С., военный историк, редакционный работник — 242
Куклина М. М., редакционный работник — 210, 211
Кутырин, инженер — 160
Кутьев, красноармеец — 250
Кюстин А., французский литератор XIX в. — 180, 390

Лебеда, майор — 270
Лев Иванович, см. Гумилевский Л. И.
Лермонтов М. Ю., русский писатель XIX в. — 159
Ленин В. И., основатель советского государства — 50, 72, 115, 331, 350, 360, 391
Лидин В. Г., прозаик — 242, 400
Лидия Ивановна — 211
Литвин-Молотов Г. З., редактор — 93, 177, 211, 351, 355
Лифшиц М. А., критик — 241, 400
Личкус М. Г., врач — 66
Лосев С. С. — 93
Лукашук, полковник — 248
Луначарский А. С., партийный и государственный деятель, критик — 74, 117, 348, 349
Лунин С. М., драматург — 160, 177, 384
Лурье Т. Н., критик, переводчик — 235
Лухинберг А. А., рабочий — 63, 343
Лысенко, командир полка — 272

Магеллан Ф., испанский мореплаватель XVI в., экспедиция которого совершила 1-е кругосветное плавание — 229, 398
Макаров А., критик, редакционный работник — 242
Малышев, кочегар паровоза — 215, 216
Малышев А. Е.— 210
Мальцев Л. Н., животновод — 88
Малюченко Г. С., культпросветработник — 153, 177, 385, 389
Манакова М. Ф.— 242
Манаков М. Т., лейтенант — 237

- Марков А.*, колхозник — 191
Маркс К., европейский общественный деятель XIX в., основоположник марксизма — 33
Маслов, рабочий — 63
Матросов А., красноармеец гв. стрелкового полка, закрыл телом амбразуру пулеметного дзота гитлеровцев (1943); Герой Советского Союза — 270
Махонин, кочегар паровоза — 215
Маша, см. Платонова М. А.
Меньшиков — 233, 398
Металлов Я. М., литературовед — 153, 385
Метанов — 153
Микульская Е. А. — 252
Миронов, красноармеец — 250
Митя, см. Климентов Д. П.
Михайлов А., редакционный работник — 242, 344
Мопассан Г., французский прозаик XIX в.— 212
Мороз, инструктор Окотрактора — 51
Мунблит Г. Н., критик — 125, 211, 363
Муравьев Н. Н., государственный деятель, русский дипломат XIX в.— 165, 368, 386
Муратов И. Е., летчик — 247, 248
Мухин В. М., инженер — 160, 384
- Надя*, см. Климентова Н. П.
Нарышкин — 176
Наталья Абрамовна — 160
Наталья Яковлевна — 211
Натан Абрамович — 222
Наумова Е. Е., редактор — 160
Нейман Ю., журналист, редакционный работник — 235, 398
Нестеров, ветврач — 88
Никитин Н. Н., прозаик — 166, 387
Ницше Ф., немецкий философ второй половины XIX в.— 17, 314
Новиков А. Н., прозаик — 148, 379
Ногаев М.— 222
- Оболенский Л. Л.*, член правления издательства «Земля и фабрика» — 177
Опарин А. И., красноармеец — 244
Остроградская, редакционный работник — 210
- Павленко П. А.*, прозаик — 93, 117, 211, 235, 355, 361, 369
Панферов Ф. И., прозаик — 117
Пасьянский А. В. — 93
Перегудов А. В., прозаик — 188, 392
Перцов В. О., критик, редакционный работник — 125, 363

- Песковский* — 67
Петр I, российский царь, первый российский император — 159
Петя, см. Климентов П. П.
Пирогова А. А., учительница — 246
Платонов А. П. — 22, 23, 36, 37, 148, 229, 246, 309—409
Платонова М. А. (Мария Александровна), жена писателя — 23, 66, 243, 310, 315—316, 339, 384, 386, 401
Платонов П. А. (Платон Андреевич), сын писателя — 106, 249, 366, 394, 395, 404
Плеснев — 160
Полина Николаевна — 210
Полуян-Верецкая Е. М., сотрудник издательства «Советский писатель» — 214
Померан, красноармеец — 254
Попов, сотрудник ВСНХ — 93
Поросочко А. С., красноармеец — 255
Потапов, сотрудник Сценарной студии — 235
Прозоровы-Перцовы — 222
Прут И. Л., драматург — 210
Пулькин — 67
Пупышев, капитан — 252
Пушкин А. С. — 74, 77, 138, 208, 375, 393, 407

Разумовская С. Д., редакционный работник — 210
Рамзин Л. К., инженер-теплотехник — 74, 347
Ржанов В. Т., прозаик — 210
Рева, кондуктор станции Красный Лиман — 180, 390
Ромашев, летчик — 243
Рубакин Н. А., книговед, библиограф — 35
Рубановский И. М., редактор, цензор Главлита — 93, 355
Рудман М. Я. — 93, 153
Румер З. Е., ответств. секретарь газ. «Сельскохозяйственный рабочий» — 117, 242
Рыбалко П. С., генерал — 252, 404
Рыжиков С. — 235
Рыкачев Я. С., прозаик — 153, 356, 385
Рябушкин, инженер — 67

Савостьянов — 66
Сад, маркиз, французский писатель XVIII в. — 131, 371
Санников Г. А., поэт, редакционный работник — 117, 153, 364, 385
Сафонов Ф., детский прозаик — 160, 385
Сахорусов В. С., рабочий — 63, 343
Сац И. С., переводчик, критик — 98, 160, 210, 211, 235, 356
Свержевский Л. И., врач, профессор — 93
Свирский Р. П. — 214

- Семен*, см. Климентов С. П.
Семенов В. И., учитель — 210
Сердцев И. Н., инженер треста «Росметрорес» — 113, 114, 116, 148, 359, 379
Серегин, рабочий московского завода «Электрод» — 97
Ситников, колхозник — 51
Смелюк Г. — 214, 395
Смеляков Я. В., поэт — 117
Снегов, разведчик — 247
Соколов М. Ф., красноармеец — 244
Соколов П. П., искусствовед — 242
Соловьев В. И., председатель правления ГИХЛ — 93, 355
Соловьев Д. М., кинорежиссер, член правления Союзкино — 242, 248, 400
Сорокин Г. Э., прозаик, редактор Военимориздата — 242
Сталин И. В., руководитель советского государства — 109, 135, 157, 323, 324, 331, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 356, 383, 390
Старосельцев, бригадир — 62, 340, 343
Студинский — 172
Сухотин П. С., прозаик, драматург — 153, 385
- Тальников Д. Л.*, критик, театровед, зав. литературной частью Московского драматического театра — 93, 117, 153, 355, 384
Тамерлан, см. Тимур
Тарасенкова-Белкина М. В. — 242
Тарасов, инженер треста «Росметрорес» — 110, 112, 113, 114, 115, 148, 189, 235, 359, 392
Татаренко, командир части — 253
Темкин Е. М., зам. председателя правления Всесоюзного объединения «Скотовод», редактор журнала «Скотоводство» — 83, 352
Тимофеев С. Н., мастер завода — 60, 61, 67, 341, 342
Тимур, основатель династии тимуридов, полководец XIV в. — 130, 146, 148, 369, 370, 371
Толстой Л. Н., русский писатель XIX в. — 74, 77, 348
Тоша, *Тотик*, см. Платонов П. А.
Трабский И. Г., театровед — 143, 153, 378
Трифонов, бригадир — 63, 342
Тришин Н. Н., писатель — 67, 93, 139, 143, 146, 355, 376, 378
Трофимов Д. П., рабочий — 213
Трошкина В. А., сестра жены А. П. Платонова — 160, 177, 211, 385
Трошкин П. А., муж В. А. Трошкиной — 235
Трошин И. И. — 235
Тур (Тубельский Л. Д., Рыжей П. Л.), драматурги — 153, 384
Тугорев, бригадир — 63, 343
Тураев Б. А., востоковед — 189, 392
- Улин Л. Н.*, прозаик — 242, 401

- Ульянов, бригадир — 62
 Умников, инженер — 61, 342
 Усиевич Е. Ф., критик, член редколлегии журн. «Литературный критик» — 188, 392
 Усов Н. А., механик МТС — 50
 Уэлс Г., английский писатель-фантаст XX в. — 209, 393
- Фадеев А. А., прозаик — 74, 347, 348
 Федосеев В. А., инженер — 129, 367
 Фельдман А. И. — 117, 125, 153, 160, 211
 Филимонов — 97
 Фирин Д. Л., редакционный работник — 117
 Форд Г., основатель автомобильной промышленности США — 31, 326
 Фролов, инженер — 160
 Фролов, красноармеец — 254
 Фукалова — 227
- Хаит Д. М., писатель, редакционный работник — 66, 389
 Хинейко, бригадир — 61, 342
 Хубларов Г. М. — 214
- Цейтлин М. А., отв. секретарь «Литературной газеты» — 210
 Цесарский — 67
- Челлини Б., итальянский скульптор XVI в., автор мемуаров — 241, 400
 Червяков Е. В., режиссер кинофабрики «Союзкино» — 125, 363
 Черепенько Ф. Х., красноармеец — 255
 Чернявшук Г. Е., инженер, начальник административно-хозяйственного сектора треста «Росметровес» — 125, 160, 188, 190, 210, 235, 363, 384, 392
 Чечановский — 211
 Чмякин, сотрудник прокуратуры — 211, 214, 395
- Шаляпин Ф. М., русский оперный певец — 145, 378
 Шекспир В., английский поэт и драматург XVI—XVII вв. — 229
 Шенфельд Н. И. — 163
 Шестакович, инженер — 61, 342
 Шехватов — 57
 Шилин, рабочий — 62
 Ширяев П. А., прозаик, редакционный работник — 153, 385
 Шкваркин В. В. — 214
 Шкловский В. Б., критик, сценарист, редакционный работник — 210, 235, 242, 395, 399, 401
 Шнеерман А., критик — 211
 Шпанов Н. Н., прозаик — 242, 401
 Шолохов М. А., прозаик — 139, 356

Шор — 45

Шубин Е. А. — 242

Шурабура Р. И., инженер треста «Росметрорес» — 101, 356

Щенков С. В., инженер — 246

Щепкин — 210

Эйхлер Г. Л., зам. главного редактора Детиздата — 214

Эрлих А. И., прозаик, редакционный работник — 235, 398

Юдина М. В., пианистка — 211, 395

Явич А. С., писатель — 210

Яковлев, машинист паровоза — 216

Ярослав Мудрый, великий князь киевский, XI в. — 198, 393

Ярцев Г. Л., гл. редактор издательства «Советский писатель» — 235

Ясный А. М. (Яновский), поэт, редакционный работник — 235

Яновский Я. М. — 210

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. В. Корниенко. Предисловие</i>	3
---	---

Записные книжки

1-ая книжка, 1921 г.	17
2-ая книжка, 1929—1930 гг.	24
3-я книжка, 1930 г.	36
4-ая книжка, 1930 г.	46
5-ая книжка, 1930 г.	58
6-ая книжка, 1931 г.	68
7-ая книжка, 1931 г.	81
8-ая книжка, 1931—1932 гг.	94
9-ая книжка, 1933 г.	118
10-ая книжка, 1934 г.	127
11-ая книжка, 1934 г.	143
12-ая книжка, 1935 г.	154
13-ая книжка, 1935 г.	161
14-ая книжка, 1935—1936 гг.	172
15-ая книжка, 1936 г.	179
16-ая книжка, 1937 г.	191
17-ая книжка, 1938 г.	209
18-ая книжка, 1939 г.	212
19-ая книжка, 1941—1942 гг.	215
20-ая книжка, 1942 г.	223
21-ая книжка, 1942—1943 гг.	236
22-ая книжка, 1943 г.	243
23-я книжка, 1944 г.	249
24-ая книжка, 1944 г.	253
Записи разных лет	257
Из записной книжки	279

Приложение

Факт (Очерк про двух отсталых рабочих)	285
За большевистского счетовода в колхозе! (Заметки разъездного корреспондента)	295
По заволжским МТС (Заметки разъездного корреспондента)	302
Примечания	309
Указатель имен	410

ПО ВОПРОСАМ
ПРИОБРЕТЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАТЬСЯ В ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАСЛЕДИЕ»
ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО
121069, МОСКВА, ПОВАРСКАЯ (б. ВОРОВСКОГО), 25-а,
тел. (095) 290-23-01, 291-19-23

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Материалы к биографии

Ответственный редактор
КОРНИЕНКО НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

Оригинал-макет изготовлен
в компьютерном центре ИМЛИ им. А. М. Горького РАН
Технический редактор Лавочкина А. В.

ЛР № 020961 от 17.02.95 г.
Подписано в печать 20.12.99. Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Гарнитура Таймс. Печ. л. 26,5. Тираж 1000 экз.
Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН, «Наследие»
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25-а
тел. (095) 291-23-01, 291-19-23

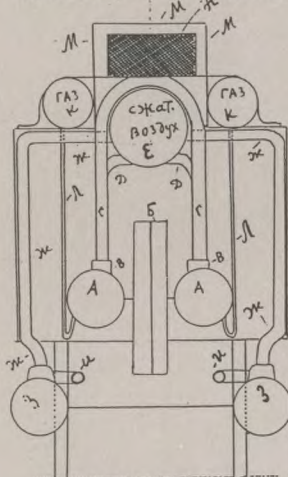
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ № 1621

СХЕМА

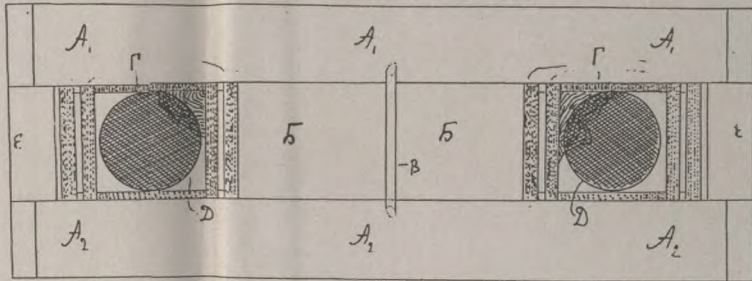
газового тепловоза

[БЕЗ 2-х газовых резервуаров, как нужно по 1-му варианту, и БЕЗ второго ягона с оборудованием для отвода тепла газа, как нужно по 2-му варианту].

В. Поперечный разрез.

Б. Вид сверху (кривоши).
 A₁ A₁ A₁ A₁
 Г Г Г Г
 Б Б Б Б
 A₂ A₂ A₂ A₂

- A₁, A₁, A₁, A₁, A₂ - два газовых резерв. и местный запас газа (на 20-30 мин. работы тепловоза)
 Б - поперечная кишка тепловоза, в которой изнутри тепловоза помещен воздушный барьер.
 В - трубка, соединяющая газовые резервуары A₁ и A₂.
 Г - радиаторы
 Д - воздушные фильтры
 Е - место для формирования

- А - цилиндры двигателей - насосов
 Б - маховик, общий для пары цилиндров
 В - клапанные коробки воздушн. насосов
 Г - всасывающ. трубы
 Д - нагнет. трубы
 Е - резервуар сжатого воздуха
 Ж - трубы, питающие сжатый воздух воздушно-цилиндр 3
 И - выхлопные трубы для отработки воздуха
 К - резервуар местного запаса газа; Л - трубки для питания 6-го и 11-го клап. резерв. К.
 М - радиаторы, окружающие воздушный фильтр Ж.

Умножение к старте

А. Платонов

кач. воздуха
 то из при-
 Н. В. Двигатели.